РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. **АВГУСТЪ.** 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Мой вѣкъ или исторія Сергѣя Ивановича Маевскаго. 1779—1848 гг. Гл. I—VII. Сообщ. **Н. С. и С. С. Маевскіе** . . 125

II. Смоленское кладбище въ С.-Петербургѣ. Историческій очеркъ от. **С. И. Опатовича** . . 168

III. Заплечные мастера. Историческій очеркъ **Г. И. Студенкина**. 201

IV. Статсъ-секретарь Карнѣевъ. †1873 г. Ст. **Н. А. Лебедева**. 225

V. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Дроздъ-Вонячевскій, мнимый государственный преступникъ въ 1799 г. Сообщ. **Н. Рудыновскій** (230). 2) Французы въ Могилевѣ, въ 1812 г. Разсказъ **К. К. Арнольди** (233). 3) Подполковникъ Гебель въ 1826 г. Замѣтка **Э. Гебель** (237). 4) Библіографамъ. Сообщ. **А. Н. Неустроевъ** и **П. Должиковъ** (241). 5) Замѣтки и поправки (243). 6) Сообщенія «Русской Родословной книгѣ» (243). 7) Поддѣлка подъ Гоголя г-на **Ястржембскаго** (247).

VI. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова**, 1738—1795 гг., **томъ четвертый и послѣдній.** Часть XXVII, письма 263—282: Бытъ русскаго дворянства.—Анекдоты о кн. Потемкинѣ.—Арестъ Новикова.—Мартинисты. 1791—1793 гг.

„Русскую Старину“ 1872 г. можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна 8 р. съ пересылкой *(Осталось немного экземпляровъ).*

Подписка на „Русскую Старину“ изд. 1873 г. продолжается. Цѣна 8 р. съ пересылкой и доставкой.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

49 Г
19393

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Филологическія розысканія академика Я. К. Грота. Спб., 1873, 8°, VIII и 668 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Большой томъ филологическихъ трудовъ академика Я. К. Грота напечатанъ по мысли Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Сюда, помимо статей, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, но пересмотрѣнныхъ и отчасти измѣненныхъ авторомъ, вошелъ совершенно новый трудъ Я. К. Грота (занимающій треть тома) — «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ», прочитывавшійся, по мѣрѣ составленія его, то въ Академіи, то въ Филологическомъ Обществѣ. Ученые и любители въ области русскаго слова найдутъ здѣсь богатый матеріалъ для русской лексикографіи (разборъ словаря Даля; областные словари; матеріалы для русскаго словаря; къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря) и грамматики. Къ тому приложено три рода указателей: именъ и предметовъ; русскихъ или заимствованныхъ словъ и именъ собственныхъ, разсматриваемыхъ въ книгѣ; иностранныхъ словъ и именъ, приводимыхъ въ книгѣ.

Появленіе «Филологическихъ розысканій Я. К. Грота» какъ нельзя болѣе благовременно. Всецѣло поглощенные заботами объ изученіи россійскимъ юношествомъ древнихъ языковъ, мы весьма мало обратили вниманія на изученіе языка своего, отечественнаго. Благодаря отсутствію какихъ-либо общихъ основаній, ничтожной исторической и сравнительной разработкѣ русскаго языка, — правописаніе наше на половину традиціонно (какъ отцы наши писали, такъ и мы), на половину произвольно, и потому окончательно неосновательно и неправильно и замѣчательно разношерстно. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ наши газеты и журналы: одни пишутъ по преданію, другіе хотя и руководствуются правилами своего изобрѣтенія, но никогда ихъ не выдерживаютъ, сбиваемые преданіемъ и страхомъ нововведенія. Не лучше идетъ дѣло правописанія и въ гимназіяхъ: каждый учитель держится своихъ правилъ, и можно судить—каково приходится ученикамъ, при происходящихъ перемѣнахъ учителей языка и словесности! Въ виду этого хаоса, за который первыми отвѣтчиками являются учащіеся юноши, было бы и справедливо, и гуманно, и вообще полезно — желать составленія и затѣмъ изданія «Уложенія о русскомъ правописаніи». Если гдѣ и нужна регламентація, то—именно здѣсь, въ этомъ больномъ мѣстѣ; но регламентація разумная, основанная на историческихъ и сравнительныхъ данныхъ языка. Конечно, починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежитъ по праву и даже составляетъ прямую обязанность академіи и министерства народнаго просвѣщенія. Составленный присяжными учеными и спеціалистами, проэктъ такого «Уложенія» долженъ быть отпечатанъ и повсюду разосланъ и даже пущенъ въ продажу, для всесторонней критики; а затѣмъ трудъ этотъ былъ бы обязательнымъ для всѣхъ безъ различія учебныхъ заведеній.

Исторія московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода (1721—1821). Сочин. Николая Розанова. 3 части, въ 5-ти книгахъ. М. 1869—1871.

Г. Розановъ, состоя не малое время на службѣ въ московской духовной консисторіи, воспріялъ благую мысль заняться изученіемъ консисторскаго архива. Хотя архивъ не сохранился въ цѣлости, благодаря московскому пожару 1812 года, однако, плодомъ изученія архива г. Розановымъ явились пять книжекъ, содержащихъ въ себѣ не исторію въ тѣсномъ смыслѣ, а матеріалы для исторіи московскаго епархіальнаго управленія (до времени вступленія на московскую каѳедру покойнаго Филарета), добросовѣстно собранные и размѣщенные хронологически и по системѣ, снабженные обширными и многими примѣчаніями, обличающими въ почтенномъ авторѣ большую начитанность и истинную любовь къ труду. Если бы и прочіе такого рода матеріалы были изданы въ такой же обстановкѣ, какъ у г. Розанова, тогда бы трудъ историка во многомъ былъ облегченъ, и поступательное движеніе исторической науки болѣе обезпечено.

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: „Конекъ-Горбунокъ". Біографическія воспоминанія А. К. Ярославцова. Спб., 1872. Ц. 1 р.

Воспоминанія г. Ярославцова объ его университетскомъ товарищѣ, извѣстномъ Ершовѣ, весьма живо написанныя, будутъ приняты съ благодарностью любителями русской словесности, потому что о Ершовѣ до сего времени не появлялось ничего сколько-нибудь цѣльнаго. Къ любопытной книгѣ своей г. Ярославцовъ приложилъ портретъ Ершова, снимокъ его почерка и рецензіи о «Конькѣ-Горбункѣ», который выдержалъ восемь изданій (1834—1871). Петръ Павловичъ Ершовъ родился въ Сибири 22-го февраля 1815 года и скон. въ Тобольскѣ 18-го августа 1869 года.

Меря и Ростовское княжество. Соч. Д. Корсакова. 8°, Казань, 1872, 4 нен., VIII, 246 и II стр. Ц. 1 р. 50 к.

Хотя мы не можемъ пожаловаться на отсутствіе «отдѣльныхъ исторій» (почти каждая губернія, епархія, учрежденіе, полкъ

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

1779—1848.

Подъ этимъ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ, въ 1831 году, въ селѣ Александровскомъ, генералъ-маіоръ Сергій Ивановичъ Маевскій написалъ предлагаемую здѣсь автобіографію. Занимаетъ она большую переплетенную книгу, въ листъ, 97 полулистовъ толстой синеватой бумаги, съ приложеніемъ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ. „Исторія“ писана неразборчивымъ, связнымъ почеркомъ; при этомъ авторъ, видимо, очень часто и много перечеркивалъ свой разсказъ, при чемъ значительно смягчалъ цѣлыя выраженія или и вовсе уничтожалъ нѣкоторыя строки и даже страницы, казавшіяся ему, нѣсколько лѣтъ спустя по написаніи записокъ, слишкомъ рѣзкими.

Записки Маевскаго обнимаютъ періодъ времени съ 1793 г., когда авторъ, на тринадцатомъ году жизни, поступилъ въ службу, и оканчиваются нѣсколькими отрывками, относящимися къ началу сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда Маевскій, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку. Изъ полувѣковаго періода—только двѣ эпохи въ жизни автора описаны подробно: участіе въ войнахъ 1812—1814 годовъ и служба въ военныхъ поселеніяхъ 1824—1826 гг. Какъ ни любопытны событія великой борьбы русско-германскаго союза съ Наполеономъ I, какъ ни интересенъ злосчастный бытъ военныхъ поселеній, но если бы записки Маевскаго состояли изъ повторенія общеизвѣстныхъ подробностей, онѣ бы не имѣли большаго значенія; но въ „Исторіи генерала Маевскаго“ авторъ тщательно обходитъ „отвлеченныя обстоятельства“ и „относительныя подробности“,—что на его языкѣ означаетъ изложеніе общаго хода политическихъ и военныхъ событій его времени, а вмѣсто того разсказываетъ „только то, что видѣлъ собственными глазами и дѣлалъ по собственному побужденію“. А видѣть и даже дѣлать Сергѣй Ивановичъ Маевскій

19393

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

могъ довольно много. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, развитымъ самообученіемъ,—воинъ, многократно доказавшій личное безстрашіе, энергію и находчивость въ самыя трудныя мгновенія битвъ 1812—1814 гг.,—Маевскій приобрѣлъ замѣтное положеніе въ средѣ дѣльцовъ, окружавшихъ славнѣйшихъ мужей того времени. Такимъ образомъ, въ началѣ войны 1812 г. мы его видимъ подлѣ кн. Багратіона; послѣ Бородина и сдачи Москвы онъ дѣлитъ труды фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова — завѣдуетъ его канцеляріею; отъ него поступаетъ, въ началѣ 1813 г., къ князю П. М. Волконскому—и при немъ изъ чиновниковъ гражданскихъ переименованъ, по волѣ Александра I, въ чинъ полковника; какъ старшій адъютантъ главнаго штаба, Маевскій управляетъ общею военно-походною канцеляріею императора Александра I, которому и дѣлается извѣстнымъ, какъ одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ. Послѣ Кульмскаго сраженія Маевскій назначенъ шефомъ 13-го Егерскаго полка и съ нимъ дѣлитъ всѣ опасности. Въ 1831 году онъ съ справедливою гордостью вспоминалъ объ участіи своемъ въ пятнадцати кампаніяхъ, въ ста полевыхъ и десяти генеральныхъ сраженіяхъ и въ трехъ штурмахъ. Всѣ чины и двѣнадцать орденовъ и медалей были даны ему за „отличія“ на ратномъ полѣ. Предоставимъ, однако, самому генералу повѣствовать о его „вѣкѣ“, т. е. разсказывать „свою исторію“, а здѣсь замѣтимъ, что разсказъ этотъ далеко не состоитъ изъ однихъ подробностей чисто личнаго интереса; напротивъ, въ запискахъ Маевскаго есть множество весьма характеристичныхъ чертъ, крайне любопытныхъ для знакомства и съ духомъ времени и съ людьми бурной эпохи отечественной войны: кн. Багратіонъ, Коновницынъ, Милорадовичъ, Ермоловъ, Толь, Барклай-де-Толли, гр. Воронцовъ, кн. П. М. Волконскій, въ особенности же М. И. Голенищевъ-Кутузовъ — являются на сцену не на тѣхъ ходуляхъ, на которыхъ они парадируютъ во множествѣ доморощенныхъ описаній, исторій, разсказовъ и біографій, но обыденными смертными, какъ съ избыткомъ достоинствъ, ихъ прославившихъ, такъ и съ недостатками. Мы не станемъ провѣрять, въ какой степени характеристическія черты сподвижниковъ Александра I, подмѣченныя Маевскимъ, а равно его выводы о нихъ, безошибочны: это дѣло изслѣдователей той эпохи, которые должны сопоставить эти данныя съ извѣстіями другихъ очевидцевъ и сдѣлать имъ критическую оцѣнку; но такъ какъ „Мой вѣкъ“ принадлежитъ человѣку наблюдательному и умному и, во всякомъ случаѣ, составляетъ живое свидѣтельство очевидца и участника историческихъ дѣяній, то онъ долженъ быть сохраненъ на страницахъ „Русской Старины“.

Въ началѣ 1824 г. императоръ Александръ лично назначилъ

Маевскаго на постъ начальника округа Старорусскаго военнаго поселенія. При увлеченіи Александра I этимъ злополучнымъ учрежденіемъ, новое назначеніе было знакомъ особаго довѣрія и благоволенія монарха къ генералу Маевскому; но это же назначеніе, съ радостью имъ принятое, ставило генерала въ непосредственную зависимость отъ Аракчеева. Между ними завязываются постоянныя и въ высшей степени любопытныя отношенія, въ которыхъ личность злобнаго временщика вырисовывается чрезвычайно ярко.

Разсказъ генерала Маевскаго объ этомъ времени составляетъ наиболѣе интересную часть его Записокъ, тѣмъ болѣе, что авторъ нерѣдко дословно приводитъ частыя и продолжительныя бесѣды свои, какъ съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, такъ въ особенности съ Аракчеевымъ. Въ этихъ бесѣдахъ весь складъ ума, характера, весь образъ мыслей и нравственныя убѣжденія Аракчеева выражаются до такой степени рельефно, что ничего подобнаго до сихъ поръ не было во множествѣ біографическихъ о немъ книгъ, статей, воспоминаній и замѣтокъ.

„Мой вѣкъ“ раздѣленъ нами на двѣ части и каждая изъ нихъ на главы. Нѣкоторыя страницы, заключающія только личныя, до автора относящіяся подробности, въ печати опущены; что касается слога Маевскаго, то онъ, будучи высокопарнымъ, съ претензіями на особую изысканность выраженій, напоминаетъ языкъ манифестовъ и приказовъ по арміи въ 1812—1814 гг.; во всякомъ случаѣ, языкъ автора довольно своеобразенъ и свидѣтельствуетъ, что Маевскій въ штабахъ главнокомандующихъ дѣйствительно могъ имѣть репутацію человѣка пишущаго. Къ своеобразности сочиненія „Мой вѣкъ“ принадлежитъ какая-то гасконская хвастливость, нерѣдко весьма неумѣренная тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подвигахъ самаго автора.

Сообщеніемъ настоящей рукописи, въ составѣ всего „дѣловаго архива генерала Маевскаго“, мы обязаны любви и сочувствію къ отечественной исторіи его сына,—Николая Сергѣевича Маевскаго. Въ сообщенныхъ Н. С. рукописяхъ его родителя, между прочимъ, находится обширное сочиненіе покойнаго Сергѣя Ивановича Маевскаго о турецкой войнѣ 1808—1812 гг.; въ немъ не только изложена исторія этой войны, но и приведены самыя разностороннія свѣдѣнія о театрѣ военныхъ дѣйствій, планы, предположенія и исчисленія на будущее время, на случай новой кампаніи на Дунаѣ и т. д. Словомъ, архивъ С. И. Маевскаго обличаетъ въ немъ далеко не фрунтоваго лишь генерала, но и стратега, изучавшаго свое дѣло и много потрудившагося для военной науки. Ред.

Вступленіе.

Изъ всѣхъ земнородныхъ существъ человѣкъ есть существо самое печальное. Природа не даромъ являетъ его на сцену свѣта плачущимъ. Но не слезы-ли и удѣлъ всей жизни его?.. Въ ребячествѣ поминутно видишь слезы его; въ юношествѣ — онъ стѣсняется зависимостью, болѣе или менѣе тягостною; въ зрѣлыхъ лѣтахъ—борется съ терніями жизни, и рѣдко, очень рѣдко паритъ въ міръ мечтательнаго воображенія; въ старости обуревается печалями, горестями, болѣзнями, или, ближе—живетъ, какъ живой между мертвыми. Его общество есть бремя для окружающихъ: всякій спѣшитъ скорѣй оставить его, чѣмъ бесѣдовать съ нимъ.

Если бы намъ показали Александра Великаго, Юлія Кесаря, Петра Великаго, Александра Россійскаго и Наполеона, когда имъ совершилось бы по 90 лѣтъ,—мы бы съ меньшимъ участіемъ смотрѣли на живые бюсты ихъ, чѣмъ на мраморные, передающіе намъ священныя черты этихъ полубоговъ шара нашего. Мраморные бюсты, сокрывая все человѣческое, говорятъ только о божественномъ; но живые, потерявъ эластикъ и прелести, часто заставляютъ насъ говорить: «Неужели и сей дряхлый старичишка былъ нѣкогда великъ и покрывалъ себя (переданными намъ исторіею) лаврами?.. Нѣтъ, это басня, выдуманная хвастливостью и невѣжествомъ вѣка ихъ».

Написавъ прежде болѣе 10 томовъ собственной моей исторіи, я думалъ тогда совсѣмъ иначе. Но къ счастію, исторію эту, по смѣшному случаю, бросилъ я въ каминъ и жегъ 5—6 дней. Впослѣдствіи мнѣ стало жаль ее и смѣшное самолюбіе шепнуло мнѣ написать другую, болѣе сокращенную.

С. Маевскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Война и миръ.

I.

Начало службы.

Мое происхожденіе.—Іезуитская школа.—Поступленіе въ службу.—Восшествіе на престолъ императора Павла.—Война 1799 г.—Беклешовъ.—Гудовичъ.—Розенбергъ.—Эссенъ 1.—Шефъ Пурпуръ.

1779—1807 гг.

Рожденіе, жизнь, заслуги, извѣстность въ свѣтѣ и все, человѣка сопровождающее, есть дѣло случая. Рожденіе можетъ относиться только къ случаю; случай есть симпатія сердецъ, которыя подъ названіемъ симпатіи Аристофановыхъ человѣческихъ половинъ на Платоновомъ пиру, въ обожаемомъ предметѣ обожаютъ самихъ себя или второго себя и невидимо сливаются съ нимъ въ одно цѣлое. Часто вѣкъ не дождешься этого случая и не почувствуешь симпатіи.

Отецъ мой былъ ротмистръ польской народовой кавалеріи, что равнялось чину россійскаго генералъ-маіора. Страсть сердца, пылкость ума, лѣтъ, характера и вѣка, заставили его украсть изъ монастыря мать мою,—и брачный союзъ ихъ былъ началомъ моего рожденія (7 октября 1779 г.). Преслѣдованіе родителей съ матерней стороны и общая непріязненность къ отцу заставили его перейти въ россійскую службу. И, мало уважаемый тогда, ротмистръ народовой кавалеріи едва принятъ маіоромъ. Лѣта и разсудокъ, этотъ грозный врагъ человѣка въ раскаяніи, раны, увѣчье и недостатки послѣ богатства, словомъ — все безвременно свело его во гробъ.

Мать моя, а слѣдственно и я, были брошены въ урну чужеземнаго благотворенія. Она переѣхала со мною изъ Риги въ Полоцкъ и посвятила себя исключительно попеченіямъ обо мнѣ. Родители моей матери, лишивъ ее наслѣдства, посвятили всю ея часть на монастырь. Въ 16 лѣтъ моей жизни я мало думалъ о наслѣдствѣ, и сжегъ права мои на него. Имѣніе отца осеквестровано и вошло въ общую сумму королевскихъ маетностей. Упо-

требивъ остатки своихъ денегъ, она купила маленькое помѣстье въ 30 душъ и жила ни бѣдно, ни богато.

По маломъ требованіи тогдашняго воспитанія, я выучился дома грамотѣ и пробылъ 2—3 года въ іезуитскомъ училищѣ. Глупая метода моихъ наставниковъ дѣлать всѣхъ баснословными богословами отвратила меня отъ бредней сего ученія, и признаюсь, хотя къ стыду, я въ 10 лѣтъ былъ уже маленькій философъ. Но набожность матери, непропускавшей по дорогѣ ни кирки, ни церкви, ни костела, куда бы она не зашла помолиться, утвердила меня еще болѣе въ понятіяхъ человѣка-философа. Я чувствовалъ всю душевную потребность благоговѣть предъ именемъ Творца; но не могъ быть ни фанатикомъ, ни изувѣромъ; однимъ словомъ, я сталъ выше всякаго предразсудка въ 10 лѣтъ. Нравственныя мои силы развились слишкомъ рано, но физическія были еще слабы и мало надежны.

Въ 10 лѣтъ я былъ записанъ въ конную гвардію и по гражданской службѣ. Въ послѣднюю я тотчасъ и вступилъ. Верхъ, который бралъ я въ 10 лѣтъ надъ тѣми, коимъ было отъ 40 до 50 лѣтъ, утѣшали гордость и самолюбіе мое. И смѣшно видѣть ребенка въ эти лѣта начальникомъ отдѣленія, за которымъ сидятъ 10—15 согбенныхъ стариковъ, готовыхъ творить все по его мановенію. Въ 13 лѣтъ я уже занималъ постъ протоколиста губернскаго правленія: принималъ челобитныя, докладывалъ членамъ и писалъ рѣшенія.

Когда была польская революція я желалъ участвовать въ войнѣ противъ бунтовщиковъ. Мое поле было тѣсно для меня и я искалъ обширнѣйшаго; но желаніе матери удержать меня возлѣ себя совершенно противорѣчило страсти моей къ военному поприщу. Страсть моя къ военной службѣ такъ была велика, что я на карманныя мои деньги нанималъ ребятишекъ. Изъ тростника дѣлалъ имъ каски, а вмѣсто ружей давалъ палки и меневрировалъ. Не однихъ стоило мнѣ слезъ, когда команда моя разбѣгалась прежде условленнаго времени. Я послалъ просьбу государынѣ и, по праву дворянина, опредѣленъ въ полки Украинскаго корпуса. Дядя мой, служившій въ Винницѣ совѣтникомъ, устроилъ меня при губернаторѣ Берхманѣ,—и я въ 15 лѣтъ былъ уже прапорщикъ и ординарецъ Берхмана.

Человѣкъ въ 15 лѣтъ, и при томъ въ офицерскомъ мундирѣ,

мало думаетъ о будущемъ и спѣшитъ только жить и жить. Если взять во вниманіе стихію прапорщика-ребенка и вѣкъ, въ которомъ я жилъ и въ которомъ не имѣли претензіи на высокое воспитаніе и умъ, то всякій согласится, что этотъ прапорщикъ былъ невѣжда—по образованію, и счастливецъ—по случаю. Какое-то особое притяженіе, свободный образъ обращенія и все то, чего я за собою не замѣчалъ, давало мнѣ перевѣсъ въ глазахъ старшихъ. Я пользовался довѣренностью, не употреблялъ ее во зло; итакъ, порученіе за порученіемъ примѣтно отдѣляло меня отъ толпы тунеядцевъ-прапорщиковъ и ставило меня выше всѣхъ моего круга. Я помню, какъ меня командировали учить стараго прокурора, какъ посылали курьеромъ и какъ часто давали писать такія дѣла, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Но имъ удивлялись, хвалили; а отчего? оттого, что и поручавшіе, повидимому, не сильнѣе меня были въ этомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1796 г. умерла Екатерина II; на престолъ взошелъ государь Павелъ. Всеобщая перебóрка лишила многихъ хлѣбнаго мѣста, отняла способъ обогащаться кровавыми трудами ближняго и поставила всѣхъ въ границы страха и чести. Посреди всеобщей сумятицы никто не зналъ, кому куда пріютиться. Многочисленные штабы простыхъ губернаторовъ рушились,—и я, прежде нежели успѣлъ о себѣ подумать, былъ уже обращенъ въ званіе юнкера за то, что меня пожаловалъ Суворовъ, а не царица.

Горестныя чувства, неразлучныя съ каждымъ переворотомъ царствованія, усилили мои несчастія. Я нечаянно попалъ въ исторію съ пьянымъ казакомъ Агаповымъ, котораго побили за то, что вмѣшался не въ свое дѣло; потомъ дядю моего отдали подъ судъ, а меня, по молодости и безпечности, обокрали до рубахи. Я уже готовъ былъ возвратиться на прежнее грязное мое поприще; но особый случай доставилъ мнѣ постъ при военномъ губернаторѣ Беклешовѣ. Грозный по виду, но благородный по сердцу, Беклешовъ былъ виною новаго моего счастія. Я пользовался полнымъ отеческимъ его вниманіемъ и разстался съ нимъ съ сердечною горестью; мѣсто Беклешова заступилъ Гудовичъ, а сего—Розенбергъ. Съ Гудовичемъ сдѣлалъ я кампанію 1799 г. до Устилуга; а Розенбергъ, желая доставить мнѣ случай быть его адъютантомъ, пригласилъ къ себѣ въ полкъ въ аудиторы,

ибо это одно доставляло возможность ввести меня въ службу армейскимъ офицеромъ.

Розенбергъ былъ старикъ 80-ти лѣтъ, глухой, слѣпой и по природѣ небойкій; это была уже числительная машина, управляемая другими.

Съ прибытіемъ генерала Эссена 1, я съ перваго дня вошелъ къ нему въ фаворъ. Не смотря на то, что я былъ штатскій, онъ назначилъ меня безсмѣннымъ ординарцемъ,—и я при пріемѣ просьбъ и при разводахъ отправлялъ должность его адъютанта, становился на поэндевю (point de vue), отдавалъ фронтовыя приказанія и, къ счастію, тѣ, кои принимали оныя, еще меньше моего смыслили фронтовое дѣло [1]).

Чрезъ мѣсяцъ, а много чрезъ два, мнѣ вышло разрѣшеніе быть аудиторомъ. Эссена это очень взбѣсило, а меня очень обрадовало. У насъ разныя были понятія: Эссена разсердило то, что я избралъ грязный путь службы; а меня радовали шпоры, хотя, признаюсь, во все время крѣпко меня тяготила вывѣска моего мундира! Эссенъ скоро успокоился и я сдѣлался съ нимъ неразлучнымъ. Но насъ поссорили два случая: 1) судъ надъ казачьимъ маіоромъ Сысоевымъ, и 2) что я, изъ дружбы къ товарищамъ, отказался быть у него на балу. Въ обоихъ случаяхъ я былъ виноватъ, и никогда не прощу ложному понятію о чести. Впрочемъ, по дѣлу Сысоева я показалъ характеръ выше лѣтъ и удостоился за то лестнаго монаршаго благоволенія. Къ благороднѣйшей чертѣ Эссена отнести должно, что онъ и сквозь призму гнѣва показывалъ ко мнѣ отеческое свое расположеніе.

У насъ былъ тогда шефомъ нѣкто Пурпуръ. Всѣ видѣли въ немъ чудака, потерявшаго разсудокъ. По тогдашней филантропіи, никто не думалъ ни смѣнить его, ни даже сдѣлать ему зло. Эпоха его командованія—эпоха всѣхъ сумасбродствъ. Онъ былъ жестокъ съ людьми, дерзокъ съ офицерами и трусливъ до неимовѣрности! Не было недѣли, чтобы онъ кого ни оскорбилъ и ни просилъ у него публично прощенія.

[1]) Въ одинъ разводъ Эссенъ посылаетъ меня сказать: «баталіону впередъ!» Я объявляю; но баталіонный командиръ спрашиваетъ у меня: «выходить-ли знамю впередъ?» Теперь этого не спросить и новобранецъ. Еще, на ученьи Эссенъ говоритъ: «Маевскій, прикажи двѣ очереди». Я поскакалъ, не зная и самъ, въ чемъ заключалось приказаніе. Но на запросъ, какъ будто вдохновенно, отвѣчалъ: «разумѣется, стрѣлять вмѣсто одного, два раза». С. М.

Кампанія аустерлицкая и двѣ прусскія познакомили меня съ огнемъ. Въ первой я сдѣлалъ то же, что Фридрихъ Великій сдѣлалъ въ день перваго своего боя, т. е. нѣсколько струхнулъ. Но впослѣдствіи я увидѣлъ, что и во мнѣ есть сила души и мужество. Я прилѣпился къ войнѣ и тотъ день считалъ счастливѣйшимъ, когда могъ къ имени Маевскаго присоединить имя храбраго. Обѣ кампаніи были для меня, какъ сонъ, по двумъ причинамъ: 1) потому, что я не обезпокоивалъ себя разсматриваніемъ ни началъ, ни цѣли, ни дѣйствія; 2) потому, что въ томъ вѣкѣ офицеры называли все то хорошимъ, что имъ приказывали. Умъ нашъ не восходилъ тогда къ началамъ, а дѣйствовалъ по привычкамъ и машинально.

II.

На Дунаѣ.

Генералъ Марковъ. — Въ Австріи. — Кн. Прозоровскій. — Кн. П. И. Багратіонъ. — «Дежурство арміи». — Служба при кн. Багратіонѣ. — Флигель-адъютантъ Аракчеевъ.

1808—1812.

Я сказалъ, что я всѣ подробности сжегъ въ огнѣ, и потому не повторяю уже глупостей ни своей, ни чужихъ, выключая двухъ, а именно:

Окончивши кампаніи въ Пруссіи, мы стали лагеремъ при Копысѣ, въ ожиданіи высочайшаго смотра. Генералъ Марковъ, сдѣлавшись дивизіоннымъ начальникомъ, взялъ меня къ себѣ. Я былъ и его оберъ-аудиторъ, и дежурный штабъ-офицеръ. По системѣ того вѣка, генералъ не заботился о дѣлахъ дивизіи; онъ пресмыкался при большихъ и маленькихъ дворахъ, чтобъ выиграть собственно къ себѣ уваженіе. Я всегда оставался дома и именемъ его командовалъ дивизіею, а въ войнѣ водилъ войска не только походомъ, но и въ бой. Съ Марковымъ отправился я въ Италію, на встрѣчу 15-й пѣхотной дивизіи, слѣдовавшей изъ Корфу. Здѣсь встрѣтился я съ А. И. Красовскимъ, и дружество наше сохранилось по сей день. (1831 г.). Я все-таки повторю, что Марковъ былъ здѣсь репрезентательное, а я—дѣйствующее лицо.

Италія и Венгрія доставили намъ разнообразныя пріятности, а венгерское вино и гостепріимство ихъ отзывалось въ душѣ обычаемъ патріаршества. Войдя въ Галицію, гдѣ принимаютъ

для тона, а не по душѣ, мы очень почувствовали разницу между прямодушіемъ и приличіемъ. Меня занимала здѣсь Фанни, и я мысль объ ней предпочиталъ всѣмъ праздникамъ и баламъ. Но безъ смѣха не могу вспомнить несчастный корпусъ австрійскихъ офицеровъ, которыхъ въ Галиціи принимаютъ презрительнѣе, чѣмъ у насъ пьяныхъ гарнизонныхъ. Ихъ точка—гауптвахта, а жизнь или дома, или на гауптвахтѣ. Я былъ свидѣтель, какъ одинъ разъ въ Лембергѣ, въ театрѣ, вытолкали ихъ десятка два за двери. Они привели гауптвахту и той участь не лучше была офицерской. Главное ихъ несчастіе — недостатокъ образованія и бѣдность до презрѣнія.

Изъ Лемберга, чрезъ Буковину, пошли мы въ Молдавію. Не найдя нигдѣ заготовленія, писали фельдмаршалу Прозоровскому. Отвѣтъ его скажетъ объ немъ. Вотъ что онъ писалъ: «Со всею моею памятью, которою Богъ меня одарилъ, я забылъ было указать вамъ точки продовольствія...»

Бросивъ писать относительныя подробности, я не скажу ничего ни о землѣ, ни о нравахъ жителей. Они изложены въ Турецкой моей кампаніи [1]). Въ Молдавіи я получилъ два чина за отличіе въ войнѣ и базарджикскій крестъ. Въ одномъ изъ жаркихъ сраженій подъ Шумлою, я вводилъ войска въ сраженіе, распоряжался, какъ главный командиръ, потому что настоящій потерялъ голову; и, по общему ходатайству и рекомендаціи 7-ми генераловъ, получилъ чинъ. Но чинъ этотъ дорого мнѣ стоилъ: во-первыхъ, я отъ истощенія силъ получилъ жестокую горячку и во время отступленія чуть-чуть было не попался въ руки непріятеля; а во-вторыхъ, генералъ мой, изъ зависти къ моей репутаціи и какъ-будто мстя мнѣ за то, что я сдѣлался имъ въ минуту его оцѣпененія, сдѣлался на всю жизнь врагомъ моимъ. Мы разошлись и около 8 мѣсяцевъ не были вмѣстѣ. Но генералъ мой сдѣлался новымъ героемъ, не по героизму и достоинствамъ, а просто по связи съ главнокомандующимъ, по духу того времени, и, если правду сказать, то больше по недостатку великихъ умовъ того вѣка. Онъ перешелъ чрезъ Дунай, завладѣлъ непріятельскими батареями и отрѣзалъ турокъ, сидѣвшихъ

[1]) Обширное, въ нѣсколькихъ томахъ, рукописное сочиненіе Маевскаго. Оно находится въ распоряженіи «Русской Старины». Ред.

въ укрѣпленіи на нашемъ берегу. Немного болѣе ума и рѣшительности—Рущукъ тогда же бъ еще былъ нашъ! Я засталъ генерала, потѣющаго надъ реляціею; его надо было вызволить—и это взяло у него верхъ надъ мщеніемъ. Генералъ ввелъ и меня въ реляцію; но, сдѣлавши уже представленіе, тайно перемѣнилъ его. Гармонія наша какъ-то разлаживалась, мы играли на фальшивый ладъ, и это было причиною, что мы вновь разошлись. Онъ принялъ корпусъ въ Малой Валахіи, а я поступилъ къ князю Багратіону, когда 2-я армія готовилась дѣйствовать противъ Наполеона.

Вотъ здѣсь устроилъ я первое дежурство арміи, которое въ духѣ Желтой книги—такъ мы называли «Полевое Уголовное Уложеніе»—сдѣлалось образцомъ дежурствъ всѣхъ армій и служило основаніемъ инспекторскому департаменту.

По странному противудѣйствію счастія съ несчастьемъ, къ Багратіону прислали генералъ-аудитора, чтобъ сжить меня, или ближе, чтобъ это мѣсто уступить присланному. Багратіонъ, безъ согласія моего, переуступилъ меня Тормасову. Но поступокъ сей славно былъ отомщенъ: дежурный генералъ Маринъ явился первый къ Багратіону, говоря ему: «ежели вы до сихъ поръ были довольны моимъ управленіемъ, такъ этимъ я обязанъ Маевскому. Теперь, съ отдаленіемъ его, я, по новости дѣла, не ручаюсь вамъ за полноту будущаго порядка».—«Чортъ возьми этого Маевскаго! мнѣ уже надоѣло все о немъ, да о немъ слышать!»—вотъ какой былъ отвѣтъ Багратіона. И не менѣе того, онъ по неволѣ оставилъ меня при себѣ. Князь счастливо наказанъ за поверхностное знаніе людей. Онъ былъ человѣкъ добрый, исполненъ чести. При немъ былъ оракулъ, который крѣпко поперечилъ моему плану: я у него былъ какъ бѣльмо на глазахъ!

Послѣ кабинетныхъ занятій наступили бурныя. Громъ пушекъ разогналъ оракуловъ, которые живутъ для поживы, а не для службы, и поубавилъ свиту Багратіона. Я заступилъ мѣсто и начальника штаба, и дежурнаго генерала, и ординарца, и вѣстоваго. И князь, не прежде Дорогобужа, увидѣлъ, что Маевскаго не должно уже посылать къ чорту. Князь прилѣпился ко мнѣ всею душевною признательностью, а я прилѣпился къ нему самою истинною преданностью, походившею на родъ сильной страсти и привязанности. Но въ Дорогобужѣ князь назначилъ, вмѣсто дежурнаго генерала, фли-

гель-адъютанта Аракчеева. Меня это оскорбило, — тѣмъ болѣе, что князь ввѣрилъ ему только званіе, а на меня возлагалъ отвѣтственность. Сколько ни умолялъ меня дѣйствовать подъ маскою суфлёра дежурный генералъ, но я рѣшительно отъ того отказался. Г. Аракчеевъ былъ человѣкъ вѣчно пьяный и страдалъ сильною падучею болѣзнію [1]). Не бывъ ни героемъ, ни Платономъ, ни Геркулесомъ, онъ, отъ перваго сраженія, потерялъ охоту быть близъ князя, тогда какъ я считалъ это время самымъ пріятнымъ для имени и дѣла славы. Здѣсь-то Багратіонъ примѣтилъ, что Маевскій, котораго прежде отсылалъ онъ къ чорту, есть существо, сопричисленное къ существу Багратіона. Трудясь по сердцу, дѣлая по привязанности и любя его, какъ лучшаго родственника, я не зналъ границъ ни трудамъ, ни опасностямъ. Идетъ-ли часть войскъ, тащится-ли повозка, остались-ли казачьи коши,—все это издали долженъ знать Маевскій и наизусть сказать князю. Образъ моей службы былъ таковъ: весь день ѣхать съ княземъ верхомъ, на привалѣ писать, вечеромъ начинать работать съ Сен-При, продолжая это до 12-ти часовъ ночи. Въ это время встаетъ князь и работаетъ со мной до-свѣту. Не забудьте, что мнѣ должно соснуть самому, а и того нужнѣе знать: гдѣ кто стоитъ и въ какомъ направленіи и когда выйдетъ на сборной пунктъ!

III.

Бородино.

Канунъ Бородинскаго боя. — Кн. Багратіонъ раненъ. — Раевскій. — Васильчиковъ.—Коновницынъ.—Тучковъ.—Армія Багратіона послѣ Бородинскаго боя. 24-е, 25-е и 26-е августа 1812 г.

До Бородина я и кн. Багратіонъ еще не знали себя взаимно. Князь требовалъ всего съ солдатскою холодностью; я исполнялъ все съ сыновнею подчиненностью. Въ Бородинѣ князь послалъ меня къ гусарамъ съ приказаніемъ, чтобы они переслали это приказаніе впередъ къ войскамъ, бывшимъ уже въ сильной перепалкѣ: я, вмѣсто первыхъ, пустился къ послѣднимъ. Пробывъ въ огнѣ, пока мнѣ было нужно, я встрѣтилъ Багратіона съ лицомъ друга и полубога. Храбрый любитъ храбраго: онъ меня обнялъ и обворожилъ новымъ своимъ обращеніемъ. За то въ дни 24-го

[1]) Братъ временщика. Ред.

и 26-го августа не было смерти, куда бы ни посылали Маевскаго: чѣмъ жарчѣе дѣло, чѣмъ больше опасность—туда лѣтитъ Маевскій. Бервицъ, кн. Гагаринъ и Маевскій — вотъ три человѣка, которые несли всю тяжесть посыльныхъ. Но первые двое не имѣли бремени — писанья, а потому не всегда посылались въ такія мѣста, гдѣ приказаніе соглашалось съ диспозиціею, случаемъ или общимъ распоряженіемъ.

24-го августа 1812 г. князь посылалъ меня въ самый жаркій огонь; а ночью велѣлъ сыскать Кн. Голицына, Васильчикова, кирасиръ и генерала Воронцова, и поставить ихъ на позицію. Подъѣхавъ къ огнямъ (это было ночью въ 12-ть часовъ), вижу, что огни дѣлятся; влѣво кричатъ: «слушай!» вправо — «вивать!» Подъѣхавъ къ солдату въ полной русской одеждѣ, который стоитъ надъ раненымъ и держитъ ружье отъ дождя, я принялъ его за русскаго аванпостнаго часоваго. Но едва я сказалъ слова два по-русски, какъ онъ схватилъ ружье и далъ по мнѣ выстрѣлъ. Я взялъ въ сторону, а выстрѣлъ попалъ въ свиту ген. Левенштерна, силившагося завладѣть своею батареею, когда на ней и подлѣ нея стоялъ цѣлый французскій корпусъ!

Этотъ день я очень помню. Изъ Семеновки, гдѣ было до 100 дворовъ, остались только два дома, т. е. князя и мой: ибо имя «дежурство» есть имя магика въ войнѣ и мирѣ. У меня собралось все, что было лучшаго послѣ первокласныхъ генераловъ; и остатокъ моего чая былъ небеснымъ для нихъ нектаромъ.

Кончивъ дѣла и отдавъ приказанія, я на другой день, 25-го августа, спалъ уже на дворѣ, какъ мертвый. Князь, проходя мимо меня со свитою, прошелъ такъ тихо, какъ мы входимъ въ кабинетъ любезной, во время сладкаго и тихаго сна ея. Такое вниманіе, предъ лицемъ арміи и подъ открытымъ небомъ, не можетъ не поселить возвышенной преданности къ начальнику; а особливо, когда онъ, проходя мимо, сказалъ всѣмъ: «гг., не будите его, онъ вчера очень усталъ; ему надобно отдохнуть и укрѣпиться».

26-го августа развернулся весь адъ! Бѣдный нашъ уголъ, или лѣвый флангъ, составивши треугольникъ позиціи, болѣе смѣшной, нежели ошибочной, сосредоточилъ на себя всѣ выстрѣлы французской арміи. Багратіонъ правду сказалъ, что «здѣсь и трусу мѣста бы не было».

Посреди этого ужаса и смертей, Багратіонъ послалъ меня

къ Раевскому посмотрѣть, что у него дѣлается? Раевскій взвелъ меня на высоту батареи, которая въ отношеніи къ полю была тоже, что бельведеръ въ отношеніи къ городу. Сто орудій засыпали ее. Раевскій съ торжествующею миною сказалъ мнѣ: «скажи князю—вотъ что у насъ дѣлается!» Пролетая пространство болѣе 2-хъ верстъ, я оглушенъ былъ налету бомбою до того, что болѣе двухъ часовъ не могъ просверлить ушей и сомкнуть мой ротъ: такъ ударъ былъ силенъ! Не прошло получаса, князь посылаетъ адъютанта Брежинскаго вести Малороссійскій гренадерскій полкъ въ штыки. Тяжесть корпуса помѣшала ему броситься туда стрѣлой и Маевскій получилъ самое лестное это порученіе. Ударивъ, сломивъ, опрокинувъ и сдѣлавъ все въ глазахъ того, кого любишь, живешь, кажется, не своею, но новою и лучшею жизнію.

Двѣ посылки къ Тучкову за секурсомъ остались безъ исполненія, по личностямъ Тучкова къ Багратіону, и наоборотъ. Третья возложена была на меня. Я ѣхалъ и плылъ до Тучкова, объявилъ рѣшительно волю князя,—и 3-я пѣхотная дивизія съ Коновницынымъ отправилась со мной. Не говорю о смѣшномъ педантизмѣ времени и понятій,—они были странны; и то, что хорошо за 100 верстъ, смѣшно требовать подъ носомъ у арміи. Но Коновницынъ, по Желтой книгѣ, допросилъ меня и съ трофеемъ велъ при дивизіи, боясь обмана или измѣны. Я поставилъ дивизію эту во рву треугольника, который составлялъ готовый брустверъ позиціи; но здѣсь, не смотря на защиту и выгоду, пала почти вся 3-я дивизія.

Едва я исполнялъ одно, какъ возлагалось на меня другое: князь послалъ меня за новымъ секурсомъ къ Тучкову; но Тучковъ самъ былъ слабъ и сильно атакованъ Понятовскимъ на старой московской дорогѣ, которая шла въ тылу всей нашей арміи. Возвратясь ни съ чѣмъ, я князя уже не засталъ: его ранили и мѣсто его, по постепенности, переходило отъ одного къ другому.

Коновницынъ, въ колпакѣ, мчался то взадъ, то впередъ; Докторовъ сидѣлъ у барабана, а демоны истребленія, какъ будто руками поражали жертвы свои. Нашъ уголъ показалъ твердость, мужество и благородное самоотверженіе. Все устремлено было противъ него и все опрокинулъ и выдержалъ одинъ онъ!

Въ 3—4 часа такъ все измѣнилось, что я почти не нашелъ

уже на мѣстѣ ни одного знакомаго лица. Князя отвезли назадъ, свита его отправилась вслѣдъ за нимъ. А въ бою все такъ было перепутано, что я не зналъ, къ кому и какъ пріютиться.

Около 5-ти часовъ замѣтилъ я большое разстройство лѣваго фланга. Имѣя еще вліяніе, какъ хозяинъ и дежурный генералъ, я началъ собирать свои войска и вводить ихъ въ огонь. Комендантъ главной квартиры, Оржанскій, первый принялъ надъ ними команду, а за нимъ послѣдовали и другіе. Генералъ Васильчиковъ былъ нашимъ предводителемъ, и по чувствамъ сердца, а не по разсчетамъ, посвящалъ послѣднія усилія отечеству.

Собравъ еще до 300 гренадеръ, я самъ сталъ съ ними на лѣвомъ флангѣ линіи и подкрѣпилъ ими два гвардейскіе полка, Егерскій и Финляндскій, съ которыми и простоялъ въ адскомъ огнѣ до 11-ти часовъ ночи.

Не имѣя ни связей съ арміею, ни свидѣтелей чистоты моего усердія, я мало занимался быть замѣченнымъ, и считалъ жертву мою — жертвою простаго приношенія.

Но у меня убили лошадь, а заводныя примкнули къ свитѣ князя, — и смерть моя казалась для всѣхъ вѣрною. Благородный князь, стоя у порога къ гробу, заботился только обо мнѣ, и заботы его исчезли только тогда, какъ я, въ видѣ тѣни, явился къ нему на третій день.

Не скрою ни радостей моихъ, ни восторговъ, ни внутренняго самодовольствія, когда я остался одинъ на поприщѣ осиротѣвшаго. Ко мнѣ примкнули камергеръ Давыдовъ, нѣкто Безобразовъ, бывшій послѣ въ Москвѣ губернаторомъ, и нѣкоторые другіе, — и съ гордостью говорили, что «они 26-го августа были въ огнѣ съ Маевскимъ». А чтобъ быть въ огнѣ съ Маевскимъ, это было свидѣтельство — болѣе всѣхъ свидѣтельствъ о храбрости.

Посреди бездѣйствія, мы объѣхали всю линію нашей позиціи; нашли вездѣ много пушекъ и солдатъ, но ни одного начальника. Замѣтивъ, по большой свитѣ, что тамъ должно быть главному начальнику, я, съ моею свитою, взлетѣлъ къ нимъ на гору. И въ самое то время, какъ я хотѣлъ предложить услуги наши Барклаю и принять на себя команду надъ оставленными, непріятельское ядро оторвало ногу Орлову и группа людей раз-

сѣялась изъ виду моего. Тогда-то я обратился къ роли невидимки и сталъ собирать разсѣянныхъ.

Смѣшны бываютъ случаи на сценѣ свѣта; но всего смѣшнѣе они въ войнѣ и особенно въ минуту боя.

24-го августа Бенигсенъ управлялъ линіею боя и обезпечивалъ лѣвый нашъ флангъ, выдавшійся впередъ отдѣльнымъ угломъ и батареею. Непріятель съ самаго начала началъ напирать на него. Это и естественно, ибо пунктъ сей для насъ былъ гибеленъ, а для непріятеля авантаженъ и безспоренъ. Я, проѣзжая чрезъ лѣсъ, замѣтилъ движеніе и сообщилъ князю. Но тогда кажется, не были еще въ модѣ Жомини; а понятія объ отдѣльныхъ и олическихъ дѣйствіяхъ не составляли науки истинныхъ полководцевъ того времени. Князь обратилъ вниманіе на отдѣльную батарею. Но увидя, что непріятель врѣзывается въ центръ линіи, снялъ съ нее войска и послалъ въ подкрѣпленіе дерущихся. Бенигсенъ спорилъ; но князь настоялъ. Военное искусство рѣшитъ, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ; но я скажу: командиръ дивизіи, Невѣровскій, слѣдуя по новому назначенію, спрашиваетъ меня: «брать-ли ему съ собой пушки?»

— «Брать и не брать есть непосредственный вашъ разсчетъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я знаю войну, я не слыхалъ и не видалъ, чтобы, идя для стрѣлковаго дѣла, вести съ собою и батареи».

Этимъ отвѣчалъ я Невѣровскому на двусмысленный вопросъ его, и это развязало ему истинное его назначеніе.

Другой, не меньше смѣшной запросъ имѣлъ я отъ г. Дука, которому приказывалось повести атаку противъ непріятеля 26-го августа.

— «А какъ же мнѣ идти — всею-ли линіею, или оставлять резервы позади?»

— Расположить атаку зависитъ отъ васъ; князь мнѣ ничего болѣе не приказывалъ. Но если вамъ угодно знать собственное мое мнѣніе, то войско безъ резерва — есть жертва, обреченная на пагубу.

Дука изъ сего отвѣта заключилъ, что герой и въ мундирѣ не солдата знаетъ свое ремесло и не дастъ приза надъ собою.

Невѣровскій и Дука, ознакомившись послѣ со мной, были мои друзья; и Дука я особенно полюбилъ за пламенную его при-

вязанность къ покойному Багратіону, котораго можно было назвать душою его подчиненныхъ.

Послѣ раны кн. Багратіона, 2-я его армія переходила изъ-подъ команды въ команду. Наконецъ, поручена была генералъ-лейтенанту Бороздину 1. Я остался при немъ въ званіи дежурнаго генерала.

IV.

Москва.

Положеніе русской арміи. — Рѣшимость уступить столицу. — Фигнеръ. — Военное искусство въ эпоху отечественной войны. — Мнѣніе Наполеона о русскихъ военачальникахъ. — Милорадовичъ. — Дѣло при Вороновѣ. — Граббе. — На рѣкѣ Пахрѣ. — Назначеніе мое въ главную квартиру М. И. Голенищева-Кутузова.

1812 г.

Для удержанія непріятеля сдѣлана была послѣдняя попытка предъ Москвою; но позиція избрана была въ такой трущобѣ, гдѣ армія была вся въ ямѣ, гдѣ она не имѣла ни простора, ни сообщеній для взаимныхъ подкрѣпленій, и гдѣ на флангахъ ея могъ утвердиться непріятель, завладѣть ея выходами и располагать Москвой по собственному произволу. Кутузову оставалось, какъ многіе хотѣли: или изъ ложнаго патріотическаго упрямства оставаться въ этой ямѣ и дать непріятелю владѣть всѣмъ плацдармомъ дѣйствій и Москвою; или, подобно Меласу, отдать безъ боя Москву, чтобы только купить свободу и выйти изъ этой ямы. Можетъ быть, послѣднее и исполнилось бы, ежели бы извѣстный Фигнеръ не открылъ направленія непріятеля, угрожавшаго уже стѣснить насъ и рѣшить всю судьбу всей кампаніи.

Послѣ извѣстныхъ споровъ, рѣшились, наконецъ, пожертвовать Москвою, чтобы окупить Россію. Итакъ, тотъ самый полководецъ, который наканунѣ сдачи Москвы клялся Ростопчину, что онъ скорѣе погребетъ себя подъ развалинами Москвы, чѣмъ сдастъ ее, былъ побѣжденъ обстоятельствами — и спасъ Россію.

Оставимъ на минуту Москву и послѣднія дѣйствія и скажемъ только о людяхъ тогдашняго времени.

Багратіонъ былъ не безъ ошибокъ; но онъ ошибки свои выкупилъ множествомъ успѣховъ и покореніемъ въ три мѣсяца того, надъ чѣмъ предмѣстники его трудились цѣлыми вѣками.

Мнѣ странно, что до несчастнаго 1812 г. умы наши, въ от-

Журнальный фонд
Московской об. библиотеки

ношеніи къ военному искусству, находились въ той же прогрессіи, въ какой находится умъ бакалавра въ приложеніи къ уму Архимеда, Эйлера и другихъ великихъ людей, раскрывшихъ намъ вполнѣ тайны и законы натуры. Великій Александръ сначала своего царствованія не былъ счастливъ геніальными умами полководцевъ и, не имѣя образцоваго, увлекался къ обыкновеннымъ. Достоинство ихъ равно было монетѣ, на которой главное качество составляла прошедшая цѣнность, потерявшая отъ времени и свой вѣсъ, и свой штемпель. Къ удивленію свѣта, онъ получилъ сильную довѣренность къ Прозоровскому; и сей избиралъ ему полководцевъ, а самъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, писалъ: «Я не перехожу за Дунай оттого, что я не встрѣтилъ бы тамъ теперь ни одного непріятеля, и слѣдственно мнѣ некого бы еще было поразить. Но пусть соберется вся ихъ армія— я перейду, и однимъ ударомъ разобью ее». По этому образчику мнѣній и дѣйствій заключитъ всякій, въ какомъ дикомъ состояніи была у насъ тогда наука; а эти образчики мнѣній и дѣйствій были у насъ тогда общею аксіомою войны.

Кордонная война и каре безъ различія довершали несовершенства и были причиною нашихъ пораженій до 1812 года.

Но обратимся къ Москвѣ.

Открытіе Фигнера, какъ я уже сказалъ, спасло Россію отъ гибели. Ложныя понятія о чести спасти Москву—исчезли; упрямство уступило мѣсто разсудку и изъ броженія его родилась мысль новая и высокая—стать на операціонной линіи непріятеля. Фланговый маршъ былъ слѣдствіемъ нашего пробужденія, или лучше, воскресеніемъ всей Россіи.

Но то, что̀ вводило насъ въ ошибки, вошло въ правило Наполеона. Привыкши побѣждать насъ и играть нами, какъ дѣтьми природы, онъ никакъ не хотѣлъ еще вѣрить, чтобы эти дѣти вдругъ, или почти волшебно, перенеслись отъ невѣжества къ совершенству. Не то-ли бываетъ съ отцами и учителями, когда они видятъ, что дѣти и ученики умнѣе ихъ самихъ? Они это почти чувствуютъ, но никакъ не соглашаются на очевидныя истины.

Тоже, что̀ устрашало насъ (оставить Москву), испугало и самаго Наполеона. Ложные разсчеты, ложное честолюбіе и не-

проницательная самонадѣянность были слѣдствіемъ погибели полмилліона людей и довершили собственное его несчастіе.

Я помню, когда адъютантъ мой Линдель привезъ приказъ о сдачѣ Москвы, всѣ умы пришли въ волненіе: бо́льшая часть плакала, многіе срывали съ себя мундиры и не хотѣли служить послѣ поноснаго отступленія, или лучше, уступленія Москвы. Мой генералъ Бороздинъ рѣшительно почелъ приказъ сей измѣннические́мъ и не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ на смѣну его генералъ Докторовъ.

Съ разсвѣтомъ мы были уже въ Москвѣ. Жители ея, не зная еще вполнѣ своего бѣдствія, встрѣчали насъ, какъ избавителей; но, узнавши, хлынули за нами цѣлою Москвою! Это уже былъ не ходъ арміи, а перемѣщеніе цѣлыхъ народовъ съ одного конца свѣта на другой. Чрезъ Москву шли мы подъ конвоемъ кавалеріи, которая, сгустивши цѣпь свою, сторожила цѣлость нашихъ рядовъ, и перваго, вышедшаго изъ нихъ, должна была изрубить въ куски, не смотря на чинъ и лицо,— такъ боялись слить родныхъ съ родными!

Кутузовъ, замѣтивши сей хаосъ и желая поправить сколько можно ошибку, уступилъ Милорадовичу вѣтвь вымысла спасти армію и жителей. Милорадовичъ былъ въ аріергардѣ, и видя, что непріятель съ противной стороны, но въ одно съ нимъ время входитъ въ Москву, рѣшился сказать Наполеону: если онъ не дастъ ему и жителямъ свободнаго выхода, то Милорадовичъ погребетъ себя подъ пепломъ Москвы. Богатая мысль, твердая рѣшительность и высокая душевная сила Милорадовича взвѣшена была съ благами Москвы, которыя ожидалъ найти Наполеонъ,— и все это вмѣстѣ спасло насъ и возстановило равновѣсіе.

Но войска Наполеона вошли въ Москву прежде, чѣмъ мы прошли. Польскіе уланы, наскакавъ на нашихъ, рубили на валтрапахъ ихъ вензеля А, говоря: «ту нима Александра, ту Наполеонъ». Едва узналъ о семъ Милорадовичъ, онъ безъ конвоя и безъ свиты ѣдетъ къ цѣпи непріятельской, которая устроилась противъ его и сквозь которыя тащились огромные кортежи войскъ и жителей. На запросъ его, гдѣ непріятельскій авангардный командиръ? явился къ нему Себастіани. Послѣ многихъ изъявленій дружбы, желаній и сожалѣнія, Себастіани рѣшительно приказалъ исполнить въ точности условія капитуляціи. Но когда

онъ сказалъ Милорадовичу: «ежели завтра генералъ вашъ не прекратитъ напраснаго кровопролитія и не будетъ просить мира, тогда мы съ вами сдѣлаемся опять непріятелями, и вы будьте готовы встрѣтить меня».

— «Генералъ!» отвѣчалъ Милорадовичъ, «мы можемъ начать дѣло хоть сейчасъ: вы прикажите вашимъ атаковать моихъ, а мы оба посмотримъ отсюда, какъ они будутъ драться».

Послѣ столь примѣрнаго или полубратскаго поступка, гдѣ съ обѣихъ сторонъ господствовали какъ будто родъ нѣкоторыхъ великодушныхъ уступокъ и самоотверженія, чему до Москвы не было еще примѣра, армія наша на другой день исчезла изъ общаго вида, и мы увидали ее не прежде 4—5-ти дней. Это маскированное движеніе, конечно, принадлежало къ числу мастерскихъ военныхъ дѣйствій.

Въ Подолѣ, что подлѣ Москвы, разбитая армія Багратіона поступила къ Милорадовичу. Милорадовичъ встрѣтилъ штабъ его длинною и несвязною рѣчью, дѣлалъ колкости памяти покойнаго Багратіона и настоятельно требовалъ указать ему того, къ кому князь всего болѣе имѣлъ любви и довѣренности, дабы именно въ лицѣ сего послѣдняго, могъ онъ доказать князю истинное свое великодушіе и любовь къ тому, кого любилъ и уважалъ— врагъ его. Генералъ Маринъ отвѣчалъ на сіе съ достоинствомъ человѣка, умѣющаго цѣнить себя, князя и представляемыхъ имъ чиновниковъ. И Милорадовичъ заключилъ рѣчь тѣмъ: «я люблю безпорядокъ, ибо одинъ только безпорядокъ ведетъ къ истинному порядку».

Въ Подолѣ мы устроили «дежурство». Милорадовичъ давалъ мнѣ знать подъ рукою, что онъ хочетъ ближе всѣхъ со мною сблизиться. Не желая оскорбить Марина, какъ друга и благороднѣйшаго начальника, я долго отклонялъ сіе сближеніе. Но въ одинъ день, когда я встрѣтился съ Милорадовичемъ, онъ меня остановилъ и началъ говорить:

— «Господинъ Маевскій! я знаю, что князь обязанъ вамъ совершеннымъ устройствомъ и порядкомъ его дежурства. Вы много трудились для него. Я увѣренъ, что вы труды ваши раздѣлите теперь со мною!»

Я благодарилъ его за лестное мнѣніе и остался при немъ въ званіи авангарднаго дежурнаго штабъ-офицера.

Подъ Вороновымъ авангардъ нашъ стоялъ въ боевой осторожности. Но къ намъ всякой день приводили плѣнныхъ, которые шли къ намъ въ сѣти, не ожидая встрѣчи съ нами на коммуникаціонной своей линіи. Милорадовичъ принималъ ихъ милостиво и щедро дарилъ на словахъ деньгами и всѣми потребностями. Въ одинъ день онъ приказалъ мнѣ напоить и накормить приведенную партію плѣнныхъ и дать имъ по червонцу на брата. Не зная еще манеры Милорадовича, я говорю его дворецкому: «отпустите имъ все назначенное». Но дворецкій, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— «Вы всякій день будете имѣть подобныя приказанія, и если по неосторожности употребите свое, то въ вѣкъ не получите назадъ. Нашъ генералъ (Милорадовичъ) не имѣетъ самъ ни гроша, и часто бываетъ, что онъ, послѣ сильныхъ трудовъ, спрашиваетъ поѣсть. Но какъ чаще всего у насъ нѣтъ ничего, то онъ ложится и засыпаетъ голодный безъ упрека и безъ ропота».

Я не разъ испыталъ это и самъ, и, изъ жалости къ его безпечности, заботился о бѣдномъ его столѣ.

Мюратъ командовалъ противуположною намъ линіею и мертвое наблюдалъ во всемъ молчаніе. Въ одинъ разъ вздумалось ему осматривать инкогнито нашу позицію. Но извѣстный Сысоевъ, замѣтя его, выстрѣлилъ по немъ и далъ промахъ. Мюрата оскорбило такое поведеніе среди перемирія, и на другой день онъ желалъ лично переговорить съ Милорадовичемъ. Они съѣхались; и Милорадовичъ, между прочимъ, заключилъ, что онъ за счастіе почитаетъ имѣть такого соперника, который сошелъ съ трона единственно для того, чтобы сдѣлать честь Милорадовичу, сопричисляя его къ числу своихъ сопротивниковъ. Но чтобы показать и съ своей стороны полное уваженіе, онъ запретилъ стрѣлять по ставкѣ короля.

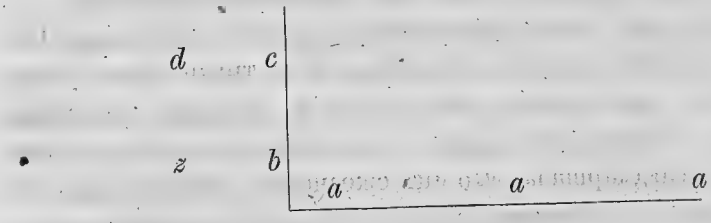
Не прошло трехъ дней, какъ вѣжливый Мюратъ атаковалъ насъ всею своею массою. Положеніе нашихъ позицій было самое неудобное. Это была просто демаркаціонная линія, обведенная глубокою и отложистою долиною. Мы стояли на оконечности высокаго возвышенія, къ которому, съ правой стороны, примыкалъ лѣсъ на необозримое пространство и густо тянулся чрезъ всю нашу позицію до главной нашей квартиры, имѣя въ срединѣ глубокіе овраги, скрывавшіе движеніе непріятеля. Непрія-

тель стоялъ на отлогомъ мѣстѣ. Но движеніе его и положеніе прикрывалось лѣсами и деревнею. Въ лощинѣ стояли наши драгуны и казаки. Генералъ Панчулидзевъ, которому слѣдовало занять противуположную сторону и открыть непріятеля, не смотря на множество приказаній, не трогался съ мѣста и не внималъ никакимъ повелѣніямъ. Генералъ Уваровъ, посланный разбудить Панчулидзева, прилетѣвъ назадъ, съ азартомъ жаловался, что его казаки не слушаютъ; что онъ раскрывалъ шинель, показывалъ ордена и увѣрялъ всѣхъ, что онъ генералъ-адъютантъ; но что все сіе ни мало не помогло, и что линія казаковъ осталась тамъ же, гдѣ она и была. Панчулидзевъ имѣлъ даръ не уйти съ сраженія; но сдѣлать что-либо отъ себя—это было свыше его дарованія. Милорадовичъ, видя, что Панчулидзевъ ни съ приказами, ни безъ приказовъ ничего не дѣлаетъ и не трогается, послалъ меня съ тѣмъ, что (бы) Панчулидзевъ въ присутствіи моемъ совершилъ это движеніе. Я объявилъ ему приказаніе; но оное на него не подѣйствовало. Онъ, указывая на оконечность линіи, говоритъ мнѣ: «Тамъ въ лѣсу пѣхота; она возьметъ меня во флангъ и всѣ движенія мои сдѣлаетъ тщетными». Понимая хорошо, что это простой звукъ словъ, я полетѣлъ къ опасному мѣсту и нашелъ, что на всемъ пространствѣ непріятельской линіи оставленъ былъ, между двухъ смежныхъ пролѣсковъ, одинъ или еще и менѣе баталіона, который на площадкѣ просто караулилъ неподвижныя наши движенія. Я сообщилъ это замѣчаніе Панчулидзеву; но на него и сіе ни мало не подѣйствовало. Онъ требовалъ пушекъ, тогда какъ онѣ висѣли надъ его головой, и пѣхоты.

Я донесъ Милорадовичу, и онъ сдѣлалъ мнѣ честь, приказавъ выбить изъ лѣсу непріятеля. Я взялъ конвойный баталіонъ и готовъ былъ со словомъ «ура!» броситься въ лѣсъ, какъ въ ту же минуту прискакалъ отъ Милорадовича извѣстный Потемкинъ и приказалъ, для острастки непріятеля, открыть по немъ огонь. Баталіонъ этотъ тотчасъ разстроился и не достигъ своей цѣли; а Панчулидзевъ и французскій баталіонъ остались неподвижно на своихъ мѣстахъ. Видя, что дѣло испорчено, я бросился на гору искать пособія въ Милорадовичѣ; но вижу издали, что прямо къ позиціи мчится стремглавъ артиллерійское вещество. Я принялъ его за пушку и полетѣлъ на встрѣчу прямо къ нему. Въ

жару усердія и энтузіазма, я не разобралъ формы этого вещества. Но видя, что лошади мчатъ съ ужасной горы, что готлангеръ не въ состояніи ихъ удержать и что пушка и человѣкъ, безъ особой помощи, разобьются въ дребезги, я бросился поперегъ лошадей. Лошадей я удержалъ, но дышло разшибло мнѣ ногу— и я упалъ замертво! Очувствовавшись, я увидѣлъ, что это была не пушка, но ящикъ, и лошади, отъ взрыва въ немъ, испугались и понесли готлангера съ дымящимися еще остатками.

Не могши ни сидѣть верхомъ, ни идти пѣшкомъ, я, съ помощію моего казака, взобрался на вершину горы. Тамъ меня оттерли, перевязали, и я съ больною ногою пустился опять на поле чести. Милорадовичъ благодарилъ меня за спасеніе человѣка; но самъ какъ-будто не принималъ ни въ чемъ участія. Для него все было хорошо, когда двигались и дрались. Онъ съ фанфаронскою миною рисовался на своемъ конѣ и съ такою же миною отдавалъ приказанія. Это былъ Ричардъ Львиное Сердце. Граббе управлялъ въ сей день позиціею боя, но поставилъ орудія такъ, что они стрѣляли вертикально, а въ 10-ти шагахъ отъ нихъ былъ густой лѣсъ, никѣмъ незанятый и неприкрытый. Непріятеля на его линіи не было, а наши не трогались съ мѣста. Я замѣтилъ это Граббе; но это было уже поздно. Непріятель, довольствуясь нашею оплошностью, потянулся весь на правый нашъ флангъ, войдя въ уголъ самой главной квартиры. Она встревожилась и выслала подъ ружье всю свою армію. Слѣдующая фигура изобразитъ тогдашнее положеніе:



aaa означаетъ нашу позицію, *d* лѣсъ.—Непріятель, бросивъ *aaa*, потянулся чрезъ *d* до *z*; положеніе мѣста способствовало ему столько же удобно уйти, какъ и придти, что и случилось въ этотъ день.

Странно было видѣть несмѣтливость Милорадовича и посреди важнаго, рѣшительнаго и опаснаго, самыя мелкія распоряженія,

впадающія въ игру дѣтей! Не подозрѣвая, что непріятель обгибаетъ весь правый нашъ флангъ, онъ приказываетъ:

— «Господинъ Маевскій! поѣзжайте вонъ—къ той кавалеріи; скажите, чтобы она пошла въ атаку: сначала рысью, потомъ въ галопъ и потомъ во весь карьеръ».

Съ симъ словомъ, давъ шпоры своей лошади, какъ вихръ умчался въ другую сторону. Авангардъ нашъ, по мѣрѣ выстрѣловъ непріятеля, постепенно перемѣнялъ дирекцію подъ прямымъ угломъ и изъ *aaa* перешолъ въ *b* до *c*. Слабый кавалерійскій отрядъ, ставъ на оконечности нашей линіи, опрокинулъ бы его до *c*, и завладѣлъ бы остаткомъ земли, раздѣлявшей насъ отъ арміи.

Въ этотъ день пуля сшибла эполетъ Милорадовичу. Онъ, не перемѣняя ни вида, ни тона, провозгласилъ только: «итакъ, наконецъ, первый разъ въ моей жизни, осмѣлилась пуля прикоснуться ко мнѣ», указывая на свой эполетъ.

Милорадовичъ, по возвышенности духа, былъ истинный Баярдъ; по недостатку приготовленія, безпечности и избалованному счастію не дорожилъ наукою. Онъ совершенно ея не зналъ; и у него всегда должно быть другому, которой бы управлялъ цѣлою пьесою. Его можно сравнить съ хозяиномъ, который даетъ волю прикащику — всѣмъ располагать, но который беретъ на себя только трудное и опасное. Первыя мысли Милорадовича—мысли возвышенныя, счастливыя и были бы даже и удачныя; но тутъ же измѣняются онѣ, по мѣрѣ мыслей другихъ, такъ что едва успѣетъ родиться хорошее, какъ оно замѣняется дурнымъ.

Неудачное, или больше безпокойное сраженіе наше подъ Вороновымъ нѣсколько огорчило Кутузова. И не трудно было Милорадовичу дать правильный видъ сраженію, которое, впрочемъ, было противъ всякаго вычисленія. Однако же, сраженіе сіе такъ обезпокоило фельдмаршала, что онъ ежедневно требовалъ къ себѣ Милорадовича для совѣщанія. И вскорѣ послѣ того рѣшили притянуть авангардъ къ арміи. Я получилъ, въ званіи генералъ-аудитора, самое лестное для меня порученіе: командовать заднею цѣпью аріергарда, защищать мостъ и, бывъ послѣднимъ, сжечь его въ самой уже крайности.

Кстати, положить и тѣнь, и цвѣтъ на картину Милорадовича. Его сердце равно было прочимъ благороднымъ его качествамъ;

но безпечность прикрывалась всегда любезностью его характера. До меня не было въ авангардѣ ни устройства, ни продовольствія: это не дѣло Милорадовича. Съ моимъ прибытіемъ все получило новый видъ. Генералъ Корфъ, командовавшій передовою цѣпью, обрадовавшись изобильному корму людей и лошадей, скачетъ къ Милорадовичу съ полною благодарностью. Но едва онъ высказалъ содержаніе рѣчи своей, или ближе, изліяніе чувствъ его, какъ Милорадовичъ, съ обыкновеннымъ и торжествующимъ своимъ тономъ, сказалъ ему: «благодарите не меня, но Маевскаго: (указывая на меня) онъ кормитъ и васъ, и меня». Одной этой черты достаточно уже для похвалы Милорадовича; онъ свое бралъ себѣ, а цѣлое уступалъ подчиненному.

Въ другой разъ, мы шли походомъ. Милорадовичъ ѣхалъ съ Остерманомъ, окруженный свитою. Я вижу брошеннаго раненаго, останавливаю повозку и кладу его на нее въ глазахъ Милорадовича. Милорадовичъ, увидя заботу о спасеніи раненаго, обращается къ Остерману и говоритъ: «то, что сдѣлалъ теперь Маевскій, можете сдѣлать только вы и я». Въ переносномъ смыслѣ, сочли бы это за мою дерзость; но въ душѣ Милорадовича выражалась этимъ сильнѣйшая похвала.

На Красной Пахрѣ мы остановились послѣ сильнаго преслѣдованія. Всѣмъ намъ казалось, что глубокая рѣка, раздѣляя насъ отъ непріятеля, дѣлаетъ насъ безопасными; но вышло напротивъ. Милорадовичъ, послѣ неутомимыхъ трудовъ и плохихъ обѣдовъ, покойно расположился въ господскомъ домѣ, и оживлялъ свой аппетитъ испарявшимся отъ кухни запахомъ. Я остался подъ открытымъ небомъ отдавать приказанія и подкрѣпить силы спартанскою похлебкою. Но едва я занесъ ложку въ супъ, какъ дали мнѣ знать, что французы, подобно индійскимъ бѣлымъ муравьямъ, оставили позади себя всѣ препятствія и убирали уже всѣ блюда на кухнѣ Милорадовича. Я бросился на готоваго коня, повелъ съ собой конвой и опрокинулъ нежданныхъ гостей. Но они усилились. Я ввелъ въ дѣло Васильчикова и Пассека, а Милорадовича спасъ адъютантъ его Деюнкеръ, ударивши на невѣждъ-гостей, имѣвшихъ одно только торжество въ истребленіи обѣда Милорадовича.

Вотъ хактеристическія черты Милорадовича, которыя, впрочемъ, имѣли всегда пріятность и посреди крайностей, и посреди

опасностей. Но главный за нимъ порокъ былъ тотъ, что онъ, въ минуту дѣла, восторженъ бывалъ услугою сотоварищей; но прошло дѣло—прошла и мысль о немъ! Однако, по чувству души и цѣны подчиненнаго, онъ, при всякой встрѣчѣ, спрашивалъ каждаго, служившаго съ нимъ: «все-ли вы получили по моимъ представленіямъ?» Отвѣтъ, натурально, никогда не былъ отрицательный, хотя никто ничего не получалъ. Это просто размѣнъ вѣжливостей. Но Милорадовичу и въ голову не приходило вспоминать, кого и какъ онъ представлялъ.

Теперь обращаюсь къ моему порученію. Будучи упоенъ восторгомѣ столь лестнаго порученія, я напередъ рисовалъ въ воображеніи моемъ или героическую защиту, или героическую смерть. Я именно положилъ этотъ выкупъ за предпочтеніе меня предъ достойнѣйшими авангардными генералами и штабъ-офицерами,—а особливо въ мундирѣ, который противурѣчилъ моему назначенію и возвышалъ славу мою въ глазахъ арміи. Но на зло мнѣ, непріятель не трогался и не хотѣлъ украсить чела моего лавровою вѣткою. Я горѣлъ нетерпѣніемъ: подставилъ смоляныя бочки, засыпалъ ихъ соломою, и фитиль мой ожидалъ только времени. Честь—зажечь мостъ на половинѣ французскаго движенія я предоставилъ лично себѣ, не ввѣряя этого ни казаку, ни товарищу. Тутъ было не дѣло зависти, но дѣло чести штатскаго—по мундиру и военнаго—по чувству.

Въ одинъ день, когда я всего ближе былъ къ исполненію моего желанія, летитъ ко мнѣ верхомъ Милорадовичъ. Обратясь ко мнѣ говоритъ:

— «Господинъ Маевскій, свѣтлѣйшему давно угодно, чтобъ вы были при немъ. Я приказанія его оставлялъ безъ исполненія, боясь за васъ, чтобъ вы не попали въ простую толпу пресмыкающихся. Теперь я объяснился съ свѣтлѣйшимъ и, слѣдуя непремѣнной его волѣ, скажу вамъ, что вы будете при немъ на другой ногѣ и сохраните уваженіе, которое вы у меня и у всѣхъ заслуживаете».

Я не успѣлъ растворить рта, какъ Милорадовичъ, по привычкѣ своей, далъ шпоры и понесся какъ вихрь.

Вѣсть сія, признаюсь, крайне огорчила меня: во-первыхъ, она лишала меня блистательнаго поприща, во-вторыхъ, я зналъ нетерпѣніе фельдмаршала. Я уже полагалъ, что на меня набро-

шена тригометрическая сѣть и что я никогда не свяжу узловъ въ мою пользу.

Дѣлать было нечего. Я повиновался силѣ и ту-же минуту отправился къ фельдмаршалу. Но по дорогѣ заѣхалъ я къ другу моему Марину, жившему вмѣстѣ съ Кикинымъ и Ермоловымъ. Они увеличили мои ужасы, и Ермолову крайне хотѣлось оставить меня при себѣ. Но хаосъ его «дежурства» еще болѣе испугалъ меня. Однако-жъ, Ермоловъ нашелъ предлогъ оставить меня при себѣ подъ видомъ сдачи дежурства Багратіона.

V.

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

Первый пріемъ. — Коновницынъ. — Докладъ «бумажекъ». — Достоинства и недостатки Кутузова.

1812 г.

Я явился къ Коновницыну; онъ представилъ меня фельдмаршалу. Пріемъ былъ обыкновенный и самый сухой. Я рѣшился отдѣлаться и показывалъ видъ, что я привожу въ порядокъ бывшія на рукахъ моихъ дѣла. Меня отпустили; но не прошло недѣли, какъ опять потребовали къ фельдмаршалу. Я явился къ Коновницыну; онъ встрѣтилъ меня съ новою, но лучшею уже миною. Вотъ нашъ разговоръ:

Коновницынъ: «Батюшка, батюшка! Я утопаю въ дѣлахъ. У меня нѣтъ ни одного помощника (хотя при немъ было свиты до 100 офицеровъ). Я и фельдмаршалъ надѣемся, что вы облегчите насъ и раздѣлите съ нами труды».

Я: «Я за особую почелъ бы честь оправдать ваши ожиданія; но малая опытность, а еще меньшая способность останавливаютъ меня приняться за порученіе, хотя и лестное, но свыше силъ и ума моего».

Коновницынъ: «Батюшка, батюшка! Такъ вы не хотите?»

Я: «Я хочу, но не могу; и вотъ, признаніе мое—самое лучшее оправданіе».

Коновницынъ (смягчая тонъ): «Батюшка! Мы лучше знаемъ васъ, чѣмъ вы себя; мы оцѣнили уже ваши способности и знаемъ, что вы все можете, ежели только захочете».

Я: «Ежели я за способности мои имѣю уже такую поруку, какъ ваша, то я съ охотою принимаю ваше приказаніе».

Это было въ 10-ть часовъ утра; а въ 7-мь вечера представили меня фельдмаршалу. Фельдмаршалъ, послѣ отвлеченныхъ вопросовъ, когда мы были наединѣ, сказалъ мнѣ:

— «Любезный Маевскій! въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь находимся, ни одинъ истинный сынъ отечества не долженъ отказаться отъ самаго труднаго и опаснаго порученія. Мой дежурный генералъ всякій часъ безпокоитъ меня о тебѣ, говоря, что онъ утонулъ въ дѣлахъ и что, къ стыду его, отказывается безъ помощника отъ своей должности. Я предоставилъ ему избрать достойнаго изъ всей моей арміи. Его выборъ палъ на тебя; но ты, по словамъ его, отказываешься отъ предложенія. Мы призвали тебя съ тою же самою цѣлью, и я надѣюсь, что ты раздѣлишь съ нами труды (и тутъ же, воздѣвъ руки къ небу, продолжалъ): за то Богъ, всемогущій Богъ тебѣ заплатитъ».

Бывъ увлеченъ почтеннымъ видомъ маститаго старца, чистотою его души и отеческимъ языкомъ, я принялъ должность,—и съ той минуты пріятно служилъ при немъ до конца его дней.

Чтобъ знать все и почему и мелкіе умы, какъ и мой, пускаются на большое поприще, я начну съ штата свѣтлѣйшаго.

Онъ привезъ съ собою Кайсарова и Фукса. Первый занялъ должность дежурнаго генерала; второй — директора канцеляріи. Неспособность ихъ обнажилась въ первые три мѣсяца, а интрига довершила разрушеніе славы ихъ.

Кутузовъ, уступая необходимости и голосу арміи, избралъ дежурнымъ генераломъ Коновницына, прославившагося сею должностью въ Финляндіи. При немъ былъ нѣкто Ахшарумовъ, владѣвшій перомъ Коновницына. Съ минуты вступленія въ сію должность, оба они увидѣли, что дѣла 1812 г. со всѣмъ не похожи на дѣла 1808 г.,—и новый трудъ, объявшій обоихъ ихъ, заставилъ искать третьяго.

Въ дежурствѣ свѣтлѣйшаго, которое называлось дежурствомъ всѣхъ дѣйствующихъ армій, не засталъ я ни лоскутка бумаги! Все это дѣлалось на полевую руку, а главныя распоряженія шли чрезъ Ермолова, который, не имѣя главнокомандующаго (Барклай тогда уѣхалъ, а Тормасовъ еще не пріѣхалъ),— дѣйствовалъ именемъ начальника штаба, какъ главнокомандующій. Этимъ средствомъ дежурство Кутузова не знало письменнаго труда и фельдмаршалъ былъ только мыслящее лицо.

Мнѣ должно было все сотворить, все устроить; но у меня было всего-на-всего два безграмотныхъ помощника въ офицерскихъ чинахъ. Коновницынъ, заложивъ гать неистощимой письменной рѣкѣ, наводнилъ меня запущенными бумагами, и я вдругъ получилъ ихъ до 10 т.! Не видя, что́ кому прежде приказывалось, и не имѣя ни въ комъ компаса, который бы руководилъ меня въ направленіи, я далъ свободу смѣлому моему характеру и въ недѣлю возстановилъ полный и должный ходъ. Но, на бѣду мою, меня помѣстили въ курной избѣ, неимѣвшей и трехъ аршинъ квадрата. Въ ней была больше съѣзжая, чѣмъ дежурство! Нѣкто Скобелевъ, занимавшій прежде мое мѣсто, по тѣснотѣ избы, помѣстилъ себя на печи и съ помощію пріятелей дѣлалъ мнѣ всѣ непріятности и затрудненія. Я его выжилъ, и съ бо́льшимъ просторомъ избы получилъ бо́льшій просторъ и въ дѣйствіяхъ.

Я помню, что первыя мои бумаги, сотворенныя небогатымъ умомъ моимъ, весьма понравились фельдмаршалу: это была похвала оружію и оборотъ набору съ Московской губерніи. Онъ слушалъ ихъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ; но когда дошло дѣло подписывать, онъ утомился на 10-ти подписяхъ, возвысилъ голосъ и хотѣлъ-было сдѣлать мнѣ обыкновенное привѣтствіе, т. е. разбранить; но́, очувствовавшись, перемѣнилъ тонъ и съ большимъ усиліемъ и кряхтѣніемъ подписалъ остальныя 10 бумагъ. Для Кутузова написать вмѣстѣ 10 словъ труднѣе, чѣмъ для другаго описать кругомъ 100 листовъ; сильная хирагра, старость и непривычка — вотъ враги пера его. Но за то природа и навыкъ одарили его прекраснымъ языкомъ, который восходилъ до высокаго краснорѣчія. Въ немъ были счастливые обороты въ мысляхъ и словахъ; и при томъ, онъ умѣлъ сохранять всегда чудную прелесть лаконизма и игривость отъ шуточнаго до величественнаго. Можно сказать, что Кутузовъ не говорилъ, но игралъ языкомъ: это былъ другой Моцартъ или Россини, обворожившій слухъ разговорнымъ своимъ смычкомъ. Но, при всемъ творческомъ его дарѣ, онъ уподоблялся импровизатору; и тогда только былъ какъ-будто вдохновенъ, когда попадалъ на мысль, или когда потрясаемъ былъ страстью, нуждою, или дипломатическою увертκою. Никто лучше его не умѣлъ одного заставить говорить, а другаго — чувствовать, и никто тоньше его не былъ

въ ласкательствѣ и въ проведеніи того, кого обмануть или обворожить принялъ онъ намѣреніе; вы увидите въ минуту: благоговѣйный восторгъ его и слезы умиленія или жалости; но прошелъ часъ—и онъ все позабылъ. Это былъ и тончайшій политикъ по уму, и самый добродѣтельный по сердцу. Ко вреду подвинуть его было трудно. У слабости бывалъ онъ иногда въ рукахъ; но тѣхъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ раздѣленіи славы его, невидимо подъѣдалъ такъ, какъ подъѣдаетъ червь любимое или ненавистное деревцо. Въ общемъ очеркѣ онъ былъ больше великодушный отецъ, исправлявшій кротко, тихо, поучительно и сильно своихъ дѣтей, нежели начальникъ, гордящійся своими жертвами. Его нетерпѣніе выводило его къ грубостямъ. Но, увидавъ того, кого сію еще минуту заочно и жестоко бранилъ, онъ бросается къ нему на шею и осыпаетъ его величайшею ласкою и вѣжливостью. Съ такимъ даромъ сердца, Кутузовъ много походилъ на азіатца, который, углубясь въ журчаніе фонтана, забываетъ цѣлый свѣтъ. Его сфера—нѣжить тѣло, чувство и воображеніе. Для него, по бо́льшей части, надобно было все придумывать и обработать; но и тутъ надобно было еще поймать минуту, чтобы заставить его выслушать себя и кое-что подписать. Такъ онъ былъ тяжелъ для слушанія дѣлъ и подписи своего имени въ обыкновенныхъ случаяхъ.

Съ другой стороны, Коновницынъ былъ суетливъ, заботливъ и вмѣстѣ недѣятеленъ и безпеченъ. Цѣлый день куритъ онъ трубку и говоритъ съ сотнями людей, которыми поперемѣнно наполняется его комната. А въ ночи онъ не спитъ и записываетъ, что́ исполнено и не исполнено. Но принеси къ нему бумаги—онъ ничего не подписываетъ, всего боится и все отсылаетъ къ фельдмаршалу; а фельдмаршалъ тяготится и при видѣ 10 бумагъ. Какъ же ему подписывать отъ 300 до 500 вдругъ?! Коновницынъ, дорожа своею репутаціею, хотѣлъ, кажется, выказывать себя вседѣйствующимъ; но, не имѣя силы въ объемѣ цѣлаго, онъ вѣрно разсчиталъ, что все хорошее отнесется къ нему, а все дурное припишется фельдмаршалу. Но Кутузовъ держался, кажется, и самъ этой же системы, въ обратномъ только смыслѣ. Въ критическомъ положеніи каждый особенно дорожитъ самимъ собою.

Въ постепенномъ ходѣ событій раскрываются ихъ характеры; они послужатъ эмблемою тогдашняго размышленія и скажутъ

свѣту: возможно-ли, чтобы при двухъ противудѣйствующихъ силахъ, слабая третья машинка могла дать имъ полное движеніе?

На другой день службы моей при Кутузовѣ, я принесъ къ нему въ 7-мь часовъ вечера (это было обыкновенное его время — послѣ обѣда и сна заниматься бумагами) нужнѣйшія бумаги; ихъ было не болѣе 10 и короткихъ, по 20—30 словъ. Онъ все выслушалъ, одобрилъ и сталъ уже подписывать. Но отъ утомленія или отъ каприза велѣлъ въ одной добавить два слова «заковать въ кандалы». Я счелъ неприличнымъ помѣщать сверху эти слова отъ фельдмаршала и хотѣлъ бумагу переписать. Но онъ, вырвавъ ее у меня изъ рукъ, сказалъ: «ты не хочешь — я самъ напишу». Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ костямъ и я несмѣлъ перевести дыханія, хотя, по волѣ его, и сидѣлъ прямо противъ него. Кутузовъ, нанеся на 10 бумагахъ 10 «Кутузовыхъ», откряхтѣлся, отдохнулъ, пришелъ въ себя и отпустилъ меня съ такою отеческою попечительностью, что я не зналъ цѣны его милостямъ. Съ сей минуты я не зналъ при немъ огорченія и не слыхалъ ни одного слова, которое бы оскорбило слухъ или чувство мое. Съ этого дня я всякій день подносилъ Кутузову важнѣйшія бумаги, а остальныя подносилъ Коновницыну. Ни тотъ, ни другой не трудились давать мнѣ мысли своей. Но свѣтлѣйшій смотрѣлъ на число бумагъ, а Коновницынъ увертывался значеніемъ словъ,—и я съ симъ послѣднимъ имѣлъ большіе хлопоты: то ему некогда, то пусть подписываетъ фельдмаршалъ, то вмѣсто «прошу», напиши «благоволите». Итакъ 500 бумагъ идутъ къ завтрему, а завтра дѣлаются 1,000. Я вышелъ изъ терпѣнія, сказавъ наотрѣзъ, что я, не умѣя угодить, не могу и служить. И Коновницынъ долженъ былъ подписывать все, что я ему ни подносилъ. Одинъ только Ермоловъ озадачивалъ его выисканными возраженіями, которыя до меня принимались, какъ заповѣди; но я принудилъ Коновницына положить конецъ этимъ дурачествамъ. И онъ, не смотря на то, что просказалъ: «Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ: онъ обижаетъ старика», подписалъ наконецъ отвѣтъ, стоившій Александрова меча. И Ермоловъ, какъ грозный Нилъ, вошелъ въ свои берега.

VI.

Тарутино.

Бой съ Мюратомъ. — Черты доблести. — «Рыжій трусъ». — Поцѣлуй фельдмаршала. — Размолвка съ Бенигсеномъ. — Барклай и Кутузовъ. — Достопамятная присяга.—Бой при Маломъ-Ярославцѣ. — Доблесть Коновницына. — Доклады у главнокомандующаго. — Черты характера Кутузова.

1812. г.

Мюратъ, помѣстившись на рѣчкѣ Черной, что у Тарутина, имѣлъ неосторожность отдѣлиться отъ своей арміи на 60 верстъ. Послѣ долгаго совѣщанія, положено было его атаковать. Мы выѣхали для дѣйствія; но 1-я армія, которою управлялъ Ермоловъ, по ошибкѣ, была вовсе не приготовлена. Свѣтлѣйшій, вмѣсто Ермолова, жестоко разругалъ генералъ-квартирмейстера и, переночевавъ въ крайней отъ позиціи деревнѣ, возвратился на другой день назадъ.

День еще прошелъ въ приготовленіи,—и все, по ошибочному предразсудку, думали, что не только люди, но и кусты измѣняютъ тайнамъ нашимъ. Но вышло совсѣмъ напротивъ: Мюратъ, не зная ничего о происходившемъ у насъ, застигнутъ былъ въ безпечномъ состояніи. Мы разбили его. И если бы въ общемъ было больше связи и дѣйствія, тогда бы изъ всего корпуса не ушло ни души. Въ этомъ дѣлѣ я отличался, сколько могъ. И Коновницынъ, представляя меня фельдмаршалу на полѣ сраженія, сказалъ:

— «Ваша свѣтлость! господинъ Маевскій отличился сегодня во всѣхъ дѣйствіяхъ. Онъ былъ вмѣстѣ со мною во всѣхъ казачьихъ атакахъ».

Свѣтлѣйшій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Любезный Маевскій, подъѣзжай ко мнѣ, обними меня и поцѣлуй». И, съ этимъ вмѣстѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ въ глазахъ всей арміи.

Въ этомъ дѣлѣ я видѣлъ смѣсь странностей и чудесъ. Кутузовъ, желая усилить преслѣдованіе непріятеля нашею кавалеріею, кричитъ: «Гдѣ этотъ дуракъ! рыжій! трусъ!» и т. д. Послѣ многихъ пріисканныхъ, или приблизительныхъ именъ, Кутузовъ съ сердцемъ повторялъ: «нѣтъ, нѣтъ» и усиливался напасть на имя этого труса рыжаго... Но когда сказали ему: «не Бениксона-ли?» тогда онъ повторилъ: «да, да!» А когда ему сказали: «да вотъ онъ

здѣсь», тогда Кутузовъ съ ласкою и отеческою миною обнялъ его и, вслѣдъ затѣмъ, отдалъ приказаніе.

Я видѣлъ тутъ же героизмъ и слабодушіе. Французскій эскадронъ, опоздавъ примкнуть къ своимъ, атакованъ былъ всѣми нашими казаками. Едва мы бросимся на него, какъ храбрый французъ повернетъ эскадронъ лицомъ къ намъ и, не стрѣляя, отражаетъ насъ одною своею неустрашимостью, строгимъ порядкомъ и присутствіемъ духа. Онъ спасся и мы утѣшились только предпріятіемъ.

Другое: посреди сотней нашихъ солдатъ идетъ гренадеръ-французъ: едва налетитъ на него казакъ съ пикою, французъ приложится ружьемъ — и казакъ летитъ отъ него прочь. Это правда, что единицы не занимали тогда насъ; но смѣлость и рѣшительность въ солдатѣ, даже и въ непріятелѣ, есть благороднѣйшая черта, достойная подражанія.

Тарутинское дѣло поссорило и разлучило Бениксона съ Кутузовымъ. Бениксонъ игралъ важное лицо во всѣхъ военныхъ операціяхъ. Кутузовъ не совсѣмъ еще не вѣрилъ звѣздѣ своей и отдѣлывался старинною методою — отраженіемъ, предоставляя остальное въ волю Божію. Но гибкій умъ его, гдѣ надобно, находилъ всегда пособіе [1]).

Въ дѣлѣ тарутинскомъ Кутузовъ главную часть арміи собралъ вокругъ себя, и вмѣсто того, чтобы въ назначенный часъ идти въ разрѣзъ Мюратова корпуса, утвердившагося между полянами въ лѣсахъ, кои болѣе походили на рощи, чѣмъ на лѣса, онъ опоздалъ и остался простымъ зрителемъ происшествія.

Бениксонъ, въ жару негодованія, а можетъ и хвастовства, хотѣлъ уколоть Кутузова, написавъ слѣдующее: «Войска его императорскаго величества совершили сію побѣду съ такою правильностью и порядкомъ, какую можно видѣть на однихъ только маневрахъ. Жаль, очень жаль, что ваша свѣтлость слишкомъ были далеко отъ мѣста дѣйствія и не могли видѣть вполнѣ прелестной картины пораженія!»

Этого довольно было для Кутузова, чтобы постигнуть истинный смыслъ иронизма и сбыть Бениксона.

[1]) Далѣе четыре строки тщательно вымараны Маевскимъ: подобныя помарки довольно часты въ его Запискахъ, именно въ характеристикахъ дѣятелей его времени. Ред.

Я не могу умолчать нѣкоторыхъ происшествій, тѣсно связанныхъ съ компаніею и Кутузовымъ.

Несчастная ретирада наша до Смоленска дѣлаетъ честь твердости и уму безсмертнаго Барклая. Собственное его оправданіе есть лучшая улика жестоко дѣйствовавшимъ противъ его особы. Остальныя дѣла его и смерть (послѣ которой хвалятъ даже и враговъ своихъ) есть лучшая поручительница его талантовъ; но въ современномъ понятіи смотрятъ на настоящее, не относясь въ будущее, и каждый указываетъ на Суворова, забывая, что Наполеонъ не Сераскиръ и не Костюшко.

Съ пріѣздомъ Кутузова въ Царево-Займище, всѣ умы воспрянули и полагали видѣть на другой день Наполеона совершенно разбитымъ, опрокинутымъ, уничтоженнымъ. Въ опасной болѣзни надежда на лекаря весьма спасительна. Кутузовъ имѣлъ всегда у себя вѣрное оружіе — ласкать общимъ надеждамъ. Между тѣмъ, посреди ожиданій къ упорной защитѣ, мы слышимъ, что армія трогается назадъ. Никто не ропчетъ, никто не упрекаетъ Кутузова, и пламенный Багратіонъ принимаетъ это, какъ необходимость, какъ благоразуміе, за которое Барклая назвалъ бы онъ измѣнникомъ. (Въ этомъ можетъ увѣрить переписка его съ Ермоловымъ). Успѣвъ въ умахъ арміи, ему нужно было успѣть въ умѣ публики и царя, ибо казалось неестественно—Кутузовъ ретируется безъ бою назадъ... Вотъ его оборотъ: «Когда Смоленскъ, ключъ Москвы, въ рукахъ непріятеля, то у насъ для отпора нѣтъ другаго мѣста, кромѣ Москвы». Такъ онъ писалъ въ своемъ донесеніи царю, прибавляя еще другое и болѣе сильное, что армія Барклая превратилась въ мародеровъ, и что онъ половину ее употребляетъ на то, чтобы караулить другую. Въ столь горестномъ положеніи и половины этой картины достаточно бы было поразить царя. Но безпорядокъ, неподчиненность и ненадежность арміи довершили его страданія. Въ несчастіи мы болѣе нежели подозрительны. Тогда казалось, что Россія до половины составлялась изъ наполеонистовъ; но эта ошибка въ мнѣніи открылась не раньше, какъ послѣ перехода черезъ Нѣманъ.

Въ одинъ день, уже въ Тарутинѣ, фельдъегерь привезъ намъ около 6-ти большихъ тюковъ. Ихъ приняли и просто положили на лавку. Смѣлый Скобелевъ беретъ ножъ, разрываетъ пакъ и къ ужасу—читаетъ вновь присланную для арміи присягу. Слова,

въ ней помѣщенныя, столь были сильны и поразительны, какія можно читать въ однихъ только клятвахъ народа еврейскаго. Скобелевъ успѣлъ сдѣлать ее гласною, и когда она до половины была извѣстна арміи, тогда только догадались прибрать ее, сохранить въ тайнѣ и съ тѣмъ же фельдьегеремъ обратить назадъ. Эта присяга—была улика клеветѣ и на армію, и на Барклая.

Послѣ оставленія Наполеономъ Москвы, мы славно расположились на Полотняныхъ заводахъ. Не беру на себя труда разбирать правильности ни своихъ, ни непріятельскихъ движеній. Но скажу, что Кутузовъ слалъ золотой мостъ ретирующимся. Вотъ какъ сильно еще было въ насъ предубѣжденіе о великости Наполеонова генія!

Къ Мало-Ярославцу пришли мы почти сутками прежде. Наполеона и всей его арміи. Ермоловъ уступилъ мѣсто Докторову, а я съ Коновницынымъ, по обыкновенію, испытывали силу нашего мужества. Изъ нашей свиты ранили почтмейстера Добровольскаго. Огонь постепенно усиливался; городъ переходилъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, къ ночи уже достался въ обладаніе непріятелю. Тутъ я видѣлъ довѣренность и любовь подчиненныхъ къ начальнику. Коновницынъ вводилъ войска въ огонь съ рѣчью, ихъ воспламенявшею. Они хватали фалды его, цѣловали ихъ и не отставали ни на шагъ отъ рысистой его лошади; перепрыгивали черезъ рвы, черезъ заборы и ничто ихъ не удерживало! Ежели бы къ Коновницыной охотѣ, храбрости и доброй волѣ жертвовать всегда и вездѣ собою прибавить бы Суворовскаго генія, тогда бы онъ много оказалъ пользы на своемъ мѣстѣ. Но онъ думалъ только рисоваться и удивлять своею храбростью, не помышляя ни мало, какъ выгоднѣе начать и кончить предпринятое дѣло. Любимая его была привычка—стремиться въ опасность съ своею свитою, погонять плетью лошадь и поминутно оглядываться назадъ къ окружающимъ, чтобъ читать на ихъ физіономіи чувства удивленія и признательности къ чудесной его смѣлости.

Прежде, нежели я возвратился къ Кутузову, собиравшемуся на другой день отступить въ Калугу, онъ спрашивалъ меня нѣсколько разъ, и когда Коновницынъ выхвалялъ опять храбрость мою, онъ сердито ему сказалъ:

— «Я прошу васъ не брать съ собою Маевскаго; я отдамъ

это и въ приказѣ по арміи. Вы и такъ лишили меня достойныхъ людей; а если я потеряю еще и Маевскаго, такъ я останусь, какъ безъ рукъ». (Это часто повторялъ онъ и при мнѣ, при каждой перемѣнѣ моего лица, говоря: «Любезный Маевскій, не болѣнъ-ли ты? Сохрани Богъ! Тогда я останусь, какъ безъ рукъ».)

Это легко могло и быть: я весь день просиживалъ у фельдмаршала: по-утру онъ откладывалъ до вечера, а вечеромъ — до утра; отъ него уходилъ ночью въ 12-ть часовъ, а къ свѣту заготовлялъ 500 — 600 №№.

Я долженъ правду сказать, что обворожительный тонъ, даръ и обращеніе Кутузова составили ему друзей въ арміи и даже во всей Россіи. Его слова и ласки происходили отъ души, и не было человѣка, даже и огорченнаго имъ, который бы при новой ласкѣ не забылъ старой обиды или грубости, ему сдѣланной. Его пріемъ всегда былъ отеческій; а въ бесѣдѣ съ нимъ забываешь всегда, что ему 70 лѣтъ. Онъ сохранилъ для насъ древній характеръ и россійской грубости, и русской доброты. Манера его пріемовъ въ отношеніи ко мнѣ на походѣ и на мѣстѣ, въ чертогахъ или курной избѣ: я чуть свѣтъ прихожу къ Коновницыну, а сей, послѣ долгихъ споровъ, отсылаетъ къ фельдмаршалу. Въ 7-мь часовъ иду къ сему послѣднему. Когда растворяются двери прямо къ нему, я, какъ свѣча, стою у этого отверстія. Фельдмаршалъ подзоветъ меня и всегда одно и тоже скажетъ мнѣ: «Любезный Маевскій, подожди, я сейчасъ подпишу бумажки твои». Но вдругъ—походъ, вдругъ некогда, вдругъ развлеченія, — и бумажки [1]) остаются на завтра, завтра и завтра! Когда пройдетъ много такихъ дней, тогда фельдмаршалъ говоритъ: «Не сердись, любезный Маевскій, я, право, завтра подпишу бумажки твои», и рѣдко когда не сдержитъ слова.

Когда бываетъ день доклада, докладчикъ всегда садится противъ него. Фельдмаршалъ всегда говоритъ: «Любезный N. N., садись; я не могу смотрѣть, когда кто стоитъ; у меня рябитъ въ глазахъ», которые тутъ же онъ протираетъ и разглаживаетъ свою руку, въ коей былъ 40-лѣтній фонтанель.

Въ игрѣ словъ онъ часто шутилъ: «Охти! какъ я не люблю этихъ бумагъ. Мнѣ счастливится отдѣлаться отъ всѣхъ, кромѣ

[1]) Кутузовъ имѣлъ привычку все выговаривать смягчительно, или въ уменьшенномъ видѣ: «бумажки» и т. д. С. М.

Маевскаго; но этотъ человѣкъ всегда возьметъ такую позицію, что я вижу его, какъ свѣчу. Мнѣ жаль его: я не могу отказать ему и долженъ иногда по неволѣ работать съ нимъ».

Отдавая приказанія, онъ всегда говаривалъ: «Напиши то, или то; я знаю, любезный Маевскій, что ты хорошо это обнимешь и хорошо, очень хорошо напишешь» [1]).

По тѣмъ же разсчетамъ, по коимъ палъ Бениксонъ, началъ упадать и Коновницынъ; ибо слишкомъ прославляемая въ Петербургѣ слава его начала рябить въ глазахъ Кутузова. Онъ вручилъ мнѣ всѣ дѣла, всѣ доклады и велѣлъ распечатывать и исполнять имянныя повелѣнія, прибавя: «Ты одинъ только будешь мнѣ за это отвѣтствовать». Съ этого времени Коновницынъ былъ какъ чужой и почти не имѣлъ ни на что вліянія, тѣмъ больше, что Кутузовъ принудилъ себя—занимался лично: со мною, съ Безроднымъ [2]) и Толемъ, который, послѣ отступленія непріятеля изъ Москвы, началъ играть большое лицо, независимо отъ Коновницына.

VII.

Бѣгство непріятеля.

Гвардія при Красномъ. – Кн. Кудашевъ. — Генералъ Марковъ.— Въ Вильнѣ.— Назначеніе Ермолова начальникомъ артиллеріи. — Опорманъ. — «Инструкція генералъ-полиціймейстера». — Первый докладъ императору Александру.

1812 г.

Къ Красному мы пришли днемъ раньше французовъ и остановились-было на большой дорогѣ. Но Кутузовъ разсчелъ, что эта ширма можетъ служить и западнею для Наполеона, и безславіемъ для Кутузова, ежели первый успѣетъ прорвать ширму и уйти въ глазахъ «спасителя отечества», ибо нельзя остановить цѣлую армію. Онъ выбралъ среднее: отошелъ въ сторону версты

---

[1]) Поздно, въ одинъ вечеръ, призываетъ онъ меня, говоря: «Теперь возвращаются прощенные поляки; имъ положенъ срокъ возвращенія. Но пока таможни получатъ разрѣшеніе, срокъ этотъ пройдетъ и они лишатся дарованной имъ милости. Какъ ты, думаешь, поправить это неудобство, которое, впрочемъ, зависитъ не отъ насъ?»—«Считать срокъ съ возвращенія ихъ въ таможню», отвѣтилъ я.—«Да, да! точно такъ думалъ и я: твоя мысль встрѣтилась съ моею». **С. М.**

[2]) Это тотъ самый Безродный, который играетъ роль въ запискахъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго: «Шемякинъ-судъ въ XIX вѣкѣ». См. «Русская Старина» изд. 1873 г., т. VII, стр. 735—785. **Ред.**

три и, оставляя дорогу въ виду у себя, чертилъ въ умѣ, какъ нанесть ему ударъ сильнѣе обыкновеннаго... Но пламенный кн. Кудашевъ, зять его и совѣтникъ, горя желаніемъ—однимъ ударомъ рѣшить судьбу Наполеона и Россіи, установился на самой дорогѣ, или, какъ говорится, лобъ въ лобъ Наполеону! Я, по привычкѣ, обскакалъ эту линію и Кудашевъ поручилъ мнѣ просить свѣтлѣйшаго придать ему войска, но что онъ ручается честью разбить все наголову и не выпустить ни души. Едва я сказалъ фельдмаршалу, какъ онъ закричалъ на меня:

— «Скачи ты къ этому..... скажи ему, чтобы онъ сію же минуту оставилъ свое предпріятіе и очистилъ дорогу. Онъ ребенокъ и думаетъ, что это идетъ дѣло съ обыкновеннымъ человѣкомъ; а не знаетъ того, что его ожидаетъ. Мы имѣемъ дѣло съ Наполеономъ! А такихъ воиновъ, какъ онъ, нельзя остановить безъ ужасной потери. Для насъ довольно и очень довольно выгнать его изъ Россіи и уничтожить посреди бѣгства».

На ночь подоспѣла къ намъ гвардія. Она, кромѣ избы фельдмаршала, уничтожила и сожгла всѣ другія. Фельдмаршалъ, выходя къ нимъ, одобрялъ ихъ попеченіе о себѣ, и просилъ поберечь только его избу, чтобы было гдѣ самому ему согрѣться. Это воспламенило воиновъ. И надо было видѣть, что въ эту ночь происходило!.. Къ этому своевольству, сумятицѣ и шуму присоединился ужасный холодъ. И посреди жалостной картины бивака, къ фельдмаршалу врывается въ полночь офицеръ французскаго войска и проситъ помилованія и спасенія. Это встревожило его и насъ, а кончилось смѣшнымъ, но жестокимъ. Къ Ермолову привели въ полночь плѣнныхъ, а онъ былъ утомленъ и сердитъ. Въ такомъ худомъ расположеніи онъ говоритъ приведшему ихъ казацкому офицеру: «Охота тебѣ возиться съ ними; ты бы ихъ тамъ же....» Для казака этого было довольно. Онъ вышелъ и тутъ же принялъ ихъ всѣхъ въ дротики. Одинъ изъ нихъ сорвался съ копья и полетѣлъ прямо къ фельдмаршалу, гдѣ онъ былъ принятъ и успокоенъ по-отечески.

Кутузовъ, не зная зла, сотворенъ былъ для добра. Но добро сіе такъ умно и значительно было соразмѣряемо, что оно не растроивало цѣлаго. Нѣкто генералъ Марковъ, 30-лѣтній товарищъ и фаворитъ Кутузова, въ надеждѣ на его милости, погубилъ себя языкомъ своимъ,—растроился съ Чичаговымъ и, будучи отрѣ-

шенъ отъ команды, явился къ Кутузову. Кутузовъ принялъ его, какъ стараго знакомаго, и какъ-будто онъ ничего не знаетъ прошедшаго. Марковъ вообразилъ, что тутъ-то наступаетъ время его и тутъ-то отличится онъ преимуществами. Ничего не бывало. Кутузовъ видѣлъ его у себя всякій день, говорилъ съ нимъ ласково, но болѣе ничего. Въ день Красненскаго сраженія, Марковъ подъѣзжаетъ къ Кутузову, говоря: «Позвольте, ваша свѣтлость, поѣхать туда (т. е. въ сраженіе)», полагая, что Кутузовъ дастъ ему команду. «Поѣзжай, мой милый, посмотри, что тамъ дѣлается, и скажи намъ». Вотъ чѣмъ отвѣтилъ Кутузовъ! Другой попытки Марковъ уже не дѣлалъ. Не прежде 3—4 мѣсяцевъ, и тогда уже, когда Чичагова не было, Марковъ получилъ корпусъ; но и симъ не долго командовалъ. Кутузовъ, говоря о вакантныхъ генералахъ, на счетъ Маркова говорилъ:

— «Я бы далъ корпусъ Е. И. (такъ звали Маркова); но П. В. (такъ звали Чичагова) подумаетъ, что я потворю тѣмъ, которыхъ онъ прогналъ изъ своей арміи».

Въ томъ вѣкѣ можно было найти возможность примириться съ сдѣланною глупостью и исправить ошибку по службѣ, не разстроивая себя на всю жизнь, не теряя даже лавра, прежнею службою пріобрѣтеннаго. Это много помогало усердію и средству сберечь достойныхъ. Кто же изъ людей вѣкъ проводилъ безъ ошибки?

Сравнивая характеры одного, надобно коснуться и другихъ Марковъ извѣстенъ былъ въ арміи остротою и интригами. Долго удавалось все его происканъ и ласкательству. Послѣ долгой моей разлуки съ нимъ, я первую встрѣчу имѣлъ съ нимъ въ Луцкѣ, гдѣ онъ, во вредъ себѣ, вредилъ мнѣ. Во второй разъ засталъ я его въ Красномъ, въ кабинетѣ фельдмаршала, гдѣ онъ игралъ роль домашняго человѣка. Я, по обыкновенію, усѣлся и началъ работать съ фельдмаршаломъ. Кутузовъ все одобрялъ и подписывалъ. Но является полиціймейстеръ высшей полиціи: я собираю бумаги и хочу дать имъ просторъ, зная, что тайна ихъ есть тайна лично двоихъ. Кутузовъ, останавливая меня, говоритъ:

— «Не уходи, любезный Маевскій, ты у меня не лишній человѣкъ,—ты можешь побыть здѣсь и погрѣться у камина, пока мы поговоримъ».

Марковъ догадался, что присутствіе его не у мѣста, вышелъ

вонъ, а за нимъ вышелъ и я. Тамъ Марковъ встрѣтилъ меня съ язвительною насмѣшкою, говоря:

— «Ты, Маевскій, нынче очень спѣсивъ».

— Столько, сколько мнѣ надобно, отвѣчалъ я.

— «Ты что-то много навѣсилъ крестовъ».

— Столько, сколько я заслужилъ.

До Вильны мы съ нимъ не видались. Тамъ замѣтилъ онъ, что ему многое не благопріятствуетъ, а мнѣ—напротивъ. Итакъ, онъ началъ ласкаться ко мнѣ и предлагать свои услуги до низости, разглашая, между тѣмъ, что онъ развилъ мои способности и что я до него не умѣлъ связать десять словъ.

Изъ Краснаго быстро дошли мы до Копыса; тамъ остановились заготовить продовольствіе. Но, по мнѣнію многихъ, здѣсь Березина играла туже роль, что и армія Наполеона подъ Краснымъ.

Изъ Копыса на почтовыхъ прискакали мы въ Вильну. Это мѣсто было какъ родное Кутузову: тамъ любили его всѣ и онъ любилъ безъ разбора всѣхъ. Тутъ было уже не до дѣла. Цѣлая недѣля прошла въ свиданіяхъ, въ разговорахъ, ласкахъ и нѣжностяхъ. Я и дѣла мои были позабыты. Но послѣ трудности эти еще болѣе увеличились: собрались 3—4 арміи, прибылъ дворъ и я ежедневно слышалъ, въ 12-ть часовъ утра: «приди вечеркомъ», а въ 12-ть часовъ ночи: «завтра, завтра подпишу бумажки твои». Наконецъ, все установилось и дѣла пошли своимъ порядкомъ.

Въ одинъ день я докладываю фельдмаршалу, что, по случаю соединенія всѣхъ армій, нужно назначить одного начальника артиллеріи.

— «Кого же лучше, какъ не Д. П. Рѣзваго?» отвѣчалъ князь, «онъ человѣкъ умный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ».

Вдругъ докладываютъ, что гр. Аракчеевъ пріѣхалъ къ свѣтлѣйшему. И представьте наше удивленіе: графъ говоритъ о томъ же, о чемъ говорили и мы за минуту до него; но разговоръ былъ въ другомъ уже тонѣ и духѣ.

Гр. Аракчеевъ: «Государю императору угодно соединить командованіе всею артиллерію въ лицѣ одного артиллерійскаго генерала; а выборъ послѣдняго представляетъ вашей свѣтлости. Его величество думаетъ, что всего ближе дать этотъ постъ А. П. Ермолову».

Кутузовъ: «Вотъ спросите у него (указывая на меня): мы сію минуту объ этомъ только говорили. И я самъ хотѣлъ просить государя императора, чтобы назначенъ былъ А. П. Ермоловъ. Да и можно-ли назначить лучше кого другаго?»

Надобно примѣтить, что Кутузовъ ненавидѣлъ съ нѣкотораго времени Ермолова, а Аракчеевъ — рѣзваго.

Когда я сказалъ Ермолову, бывшему въ залѣ, о его назначеніи, онъ отвѣчалъ:

— «Слава Богу! хоть разъ не помѣшали мнѣ».

Въ Вильнѣ все начало перемѣняться: Коновницынъ сталъ упадать, Толь — возвышаться; но роль моя ни мало отъ того не перемѣнилась. Скажу мимоходомъ о себѣ. Кутузовъ, получивъ антипатію къ Коновницыну, который сталъ уже проситься въ Петербургъ, чтобы опочить на лаврахъ побѣдъ, готовилъ въ умѣ на его мѣсто Опермана, извѣстнаго умомъ и тонкостью. Толю крайне не хотѣлось этого совмѣстничества, которое бы лишило его, ежели не всѣхъ, то, конечно, на половину лавровыхъ цвѣтовъ, которые начали уже тутъ слишкомъ сильно для него прозябать; мѣры были напрасны, а Оперманъ началъ получать силу.

Въ одинъ день призываетъ меня Кутузовъ, говоря:

— «Любезный Маевскій, я просилъ Опермана, Коновницына, Бороздина и Толя, чтобы они вмѣстѣ съ тобою потолковали и рѣшили запросъ Бороздина. Желанія его, какъ мнѣ кажется, прихотливы и довольно неудобно исполнительны».

А Толь мимоходомъ замѣтилъ мнѣ:

— «Отбить умствованія у Опермана, чтобы онъ впередъ не вмѣшивался въ наши дѣла и чтобы сдѣлать его ненужнымъ Кутузову».

Бороздину дано было порученіе собирать въ тылу арміи плѣнныхъ, непріятельскіе ящики, орудія и проч., и проч. Онъ требовалъ полновластія и денегъ. Оперманъ дѣлалъ двусмысленныя рѣшенія; Коновницынъ твердилъ: «нельзя, нельзя; онъ хочетъ королевской власти». Итакъ, все это родило одни толки и ничѣмъ не рѣшалось. Но дѣло шло о томъ, чтобы въ тотъ же вечеръ сказать Кутузову наше рѣшеніе. Я замѣтилъ больше неопытность, чѣмъ затрудненіе, и рѣшилъ Бороздину дать открытый листъ, съ предъявленіемъ котораго всѣ власти исполняли бы его требованія въ одной силѣ съ повелѣніями фельдмаршала.

Бороздинъ былъ обрадованъ, а прочіе согласились безъ прекословія. Но Оперманъ, увеличившій сіе дѣло въ глазахъ Кутузова, упалъ въ его мнѣніи. И точно, не мѣшался уже больше въ наши дѣла.

Коновницыну хотѣлось пристроить при арміи Эртеля, который также лишился команды въ арміи Чичагова. Сдѣлать его простымъ полиціймейстеромъ было мало; увеличить власть — было ново. Уравновѣсить это Коновницынъ возложилъ на меня. Я предоставилъ Эртелю изложить его мысль на бумагѣ; но, увидѣвши, что онъ желаетъ карать и вѣшать, отказался отъ повторенія уродливаго этого желанія. Коновницынъ, потерявъ терпѣніе, спрашиваетъ меня: «почему нѣтъ до сихъ поръ инструкціи военнаго генералъ-полиціймейстера?» Меня это взбѣсило и я сказалъ на отрѣзъ, что безъ собственной идеи Коновницына, я не знаю, что̀ писать. «Это пустяки», подхватилъ Коновницынъ. «Ежели бы я имѣлъ время, я бы самъ написалъ. Принесите мнѣ Желтую книгу, я вамъ покажу, что тамъ все написано». Книгу принесли; но тамъ ничего не нашли. Тогда Коновницынъ, смягчивъ тонъ, сказалъ: «пожалуйста, напишите какъ знаете; я увѣренъ, что вы хорошо напишите».

Инструкція родилась на другой день, и я имѣлъ два торжества: сотворить генералъ-полиціймейстера и военныя дороги, коихъ до меня не знали въ арміяхъ.

Въ Вильнѣ примѣтно обтирались лавры Коновницына до того, что онъ, кромѣ общихъ представленій, не бывалъ самъ по себѣ у фельдмаршала. Въ одинъ день даетъ онъ мнѣ запечатанный рапортъ Кутузову о награжденіи Безроднаго орденомъ св. Анны 1-й степени. Этотъ способъ списываться удивилъ столько же фельдмаршала, сколько и меня. Но значеніе Коновницына явно переходило на мою сторону и поминутно въ одномъ усиливало довѣренность, а въ другомъ—уваженіе; такъ всегда было и будетъ въ свѣтѣ.

Въ это же время Милорадовичъ присылаетъ за мною. Я застаю у него всю грамотную орду авангарда, составляющую реляціи. Милорадовичъ былъ недоволенъ ни одною изъ нихъ и продержалъ меня до вечера. Между тѣмъ, цесаревичъ (Константинъ Павловичъ) хотѣлъ объясниться со мной и сдѣлать какое-то по-

ложеніе на счетъ кавалеріи; но, не найдя меня нигдѣ, сердился и въ нетерпѣніи безпрестанно твердилъ: «гдѣ онъ таскается?»

Я помню, какъ въ одно утро принесли готово-написанный приказъ къ фельдмаршалу, гдѣ отъ имени его напоминалось о Суворовѣ. Фельдмаршалу прочитали его [1]), и все, кромѣ имени, ему понравилось. Но чтобы скрыть ревность свою, онъ раскрылъ ее слѣдующимъ разговоромъ:

— «Конечно, Александръ Васильевичъ былъ великій полководецъ. Но ему не представилось еще тогда спасти отечество. Я, вставая и ложась, молю Бога, что я русскій и что судьбы Его дали мнѣ случай спасти отечество».

Этотъ девизъ былъ всегдашнимъ и любимымъ его разговоромъ.

Въ Вильнѣ началъ докладывать дѣла Коновницынъ лично государю; но онъ скоро честь сію подъ рукою уступилъ Толю— въ видѣ чтеца.

Въ новый годъ, 1813 года, я ѣздилъ съ Кутузовымъ во дворецъ, и въ первый разъ въ жизни докладывалъ дѣла и былъ такъ близко обожаемаго Александра [2]).

Сообщ. Н. С. Маевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Теперь и къ простому полковнику не поднесутъ бумаги, которая родилась бы внѣ его головы. 1831 г. С. М.

[2]) Изъ помѣтъ автора на поляхъ Записокъ видно, что приведенныя выше семь главъ были написаны: 17—19 и 23-го февраля, 4, 6, 7, 11, 12, 13, 16, 19 и 28-го марта 1831 года. Ред.

СМОЛЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Историческій очеркъ.

Представляемый очеркъ принадлежитъ достопочтенному священнику Смоленскаго православнаго кладбища, о. Стефану Опатовичу, составившему себѣ извѣстность прекрасными чтеніями для народа. Очеркъ печатаемъ, какъ матеріалъ для исторіи Петербурга, и надѣемся, что, въ виду перенесенія кладбищъ столицы далеко за городскую черту, читателямъ не безъинтересно будетъ ознакомиться съ исторіей старѣйшей усыпальницы петербургскихъ жителей — каково Смоленское кладбище.

Ред.

I.

Смоленское православное кладбище находится въ сѣверо-западной части Васильевскаго острова, до построенія Петербурга называвшагося Хирвисаари (Лосинымъ или Лосьимъ) островомъ [1]). Есть преданіе, что, при построеніи Петербурга, на Васильевскомъ островѣ поселилась пришедшая изъ Смоленска артель рабочихъ. Они не долго прожили. Непривычный образъ жизни, тяжкіе труды, голодъ и болѣзни скоро свели ихъ въ могилу. Умершихъ свезли на берегъ Черной рѣчки и тамъ похоронили. Съ того времени и поле, на южной сторонѣ этой рѣчки, стало называться Смоленскимъ. Это легко могло случиться послѣ 1709 г., когда Меншиковъ началъ строить здѣсь свои палаты. Громадная постройка потребовала много рабочихъ рукъ и на Васильевскомъ островѣ стали селиться тѣ, которыхъ царская воля пригнала сюда со всѣхъ концовъ русскаго царства. По примѣру Меншикова, поселились на островѣ и другіе обыватели. Полтавская побѣда обезпечила существованіе Петербурга, и съ 1709 года Петръ I

[1]) Васильевскимъ этотъ островъ названъ по имени поручика Василія Кормчина; назывался онъ и Княжескимъ, Меншиковскимъ, Новопреображенскимъ и просто Преображенскимъ; но эти названія существовали недолго.

С. О.

сталъ дѣятельно заботиться объ его украшеніи. Вмѣсто деревянныхъ домовъ онъ приказалъ строить каменные и (указами 1710, 1711, 1714 и 1717 гг.) постройку домовъ на Васильевскомъ островѣ сдѣлалъ обязательною для дворянъ, духовенства и достаточнаго купечества. Изъ этого острова онъ хотѣлъ сдѣлать новый Амстердамъ и для этого весь изрѣзать каналами. На мѣстѣ нынѣшняго Большаго проспекта, провести широкій каналъ для большихъ судовъ; другіе — для судовъ малыхъ. При большомъ и среднемъ каналахъ устроить рынки, а тамъ, гдѣ теперь Смоленское поле и кладбище, развести огромный публичный садъ. Этотъ планъ утвержденъ былъ царемъ въ 1716 г., и Меншикову поручено было привести его въ исполненіе; но точный исполнитель повелѣній монарха на этотъ разъ не обнаружилъ ревности, и когда Петръ I, въ 1718 году, изъ-за границы прибылъ въ Петербургъ, то нашелъ, что все уже испорчено. Пространства, назначенныя подъ каналы, стѣснены были частными домами, такъ что для каналовъ уже не оставалось мѣста. Конечно, планы не были исполнены, но за то выстроено было много частныхъ домовъ, а для этого требовалось много рабочихъ рукъ [1]).

Объ этой массѣ народа въ столицѣ почти не заботились. Работники приносили свои орудія и получали изъ казны—казенные только пищу, а вольные и плату по 3 коп. въ день. Помѣщеній для нихъ не было. Каждому предоставлялось право строить для себя избу или рыть землянку. Оттого-то всѣ рабочіе, въ первое время по прибытіи въ Петербургъ, жили подъ открытымъ небомъ, что, конечно, не могло производить благопріятнаго вліянія на ихъ здоровье. Жители Петербурга часто испытывали дороговизну съѣстныхъ припасовъ и даже голодъ, и тогда рабочіе получали дурную пищу, или оставались совсѣмъ голодными; а работать все-таки приходилось, и работать тяжко. Случалось, что рабочіе не приносили съ собою орудій или они портились,—и тогда землю приходилось рыть голыми руками и выносить на себѣ въ мѣшкахъ и полахъ платья. Понятно, что непривышіе къ такому образу жизни, къ такимъ трудамъ, рабочіе бѣгали, хворали и умирали [2]).

[1]) По увѣренію Пушкарева (т. I, стр. 8), въ первые четыре года отъ основанія Петербурга, прислано было въ столицу 148 т. рабочихъ; а Башуцкій говоритъ, что въ первые три года въ новой столицѣ работало по 40 т. человѣкъ, а потомъ до 1718 г.—по 15 т. ежегодно (Башуцкій, т. I, стр. 20). С. О.

[2]) Устряловъ (т. IV, ч. 1, стр. 274) говоритъ, что въ Петербургѣ, въ петровское время, свирѣпствовали цынга и другія болѣзни. Прибавимъ, что средствъ къ излеченію больныхъ въ Петербургѣ было очень немного, да и тѣми простой народъ не пользовался,—и станетъ ясно, что въ Петербургѣ

Умирало много народа, но гдѣ же погребали умершихъ?

Строители, мало заботившіеся о живыхъ, еще меньше думали объ умершихъ. До 1709 года не только на Васильевскомъ островѣ, но и въ цѣломъ Петербургѣ не было отведено мѣста подъ кладбище и умершихъ погребали, гдѣ попало и какъ попало. Погребали на Выборгской сторонѣ, вблизи батарейнаго въѣзда къ Охтѣ, гдѣ тѣла покойниковъ вырывались изъ земли волками, собиравшимися сюда изъ окрестныхъ лѣсовъ и пустошей; погребали на Аптекарскомъ островѣ, гдѣ почти всѣ тѣла умершихъ вырывались изъ земли ворами и разбойниками, во множествѣ скрывавшимися въ окружавшихъ Петербургъ лѣсахъ [1]). Могли погребать и въ другихъ мѣстахъ, потому что въ началѣ, для этого не требовалось разрѣшенія, а потомъ утверждались кладбища, уже существовавшія. Священникъ Михаилъ Архангельскій говоритъ, что до 1719 г. умершихъ въ столицѣ хоронили только при Самсоніевской церкви [2]); но почтенный изыскатель не обратилъ вниманія на то, что и до ноября 1709 года, когда Петръ I далъ повелѣніе о построеніи Самсоніевской церкви, въ Петербургѣ люди умирали и погребались. Приказъ Петра I объ открытіи Ямскаго кладбища и подчиненіи его почтмейстеру послѣдовалъ 11-го іюля 1719 года [3]); а между тѣмъ, въ 1710 году въ Ямской погребенъ сынъ Меншикова [4]). Погребали и въ Невской лаврѣ, гдѣ похоронены царевна Наталья Алексѣевна, скончавшаяся 18-го іюня 1716 г., лейбъ-медикъ Арескинъ, фельдмаршалъ Шереметевъ и другіе [5]). Погребали и на Выборгской сторонѣ, гдѣ въ 1715 году, при существовавшемъ уже госпитальномъ кладбищѣ, по указу Петра I, выстроена была церковь св. Іоанна Богослова. Могли погребать и въ другихъ мѣстахъ, потому что за этимъ наблюденія не было.

Гдѣ же погребали умиравшихъ на Островѣ, особенно во время ледоходовъ, бурь и наводненій, когда сообщеніе съ другими частями

умирало много народа: если не половина, то, по крайней мѣрѣ, 1/3 рабочихъ людей. С. О.

[1]) Для построенія Петербурга, Петръ приказалъ выслать 2,000 воровъ, осужденныхъ на каторжную работу. Устряловъ, т. IV, ч. 1, гл. X, стр. 242. С. О.

[2]) «Странникъ» 1866 г., т. II, ст. 4. «С.-петербургская епархія отъ основанія С.-Петербурга до воцаренія Анны Іоанновны». Эта статья составлена на основаніи источниковъ, необнародованныхъ, найденныхъ въ архивѣ с.-петербургской духовной консисторіи. С. О.

[3]) Тамъ же.

[4]) Описаніе болѣе нежели оригинальнаго погребенія этого малютки можно найдти у Башуцкаго, т. I, стр. 95 и 96 примѣч. С. О.

[5]) Пушкарева, т. I, стр. 142 и 144.

города прерывалось? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ длинные ряды могилъ по южному берегу Черной рѣчки и западному малой Невы. Въ послѣднихъ числахъ сентября 1863 г. найденъ былъ цѣлый рядъ гробовъ на берегу Черной рѣчки, когда рыли фундаментъ для прачешной. На берегу малой Невы также недавно отрыты гробы огородникомъ. Число гробовъ могло увеличиться оттого, что въ промежутокъ времени между 1710 и 1725 гг. выстроены были на сѣверномъ берегу Черной рѣчки, на сѣверо-западъ отъ нынѣшней большой кладбищенской церкви, казармы для Ингерманландскаго полка, а на южномъ берегу той же рѣчки, при истокѣ ея изъ малой Невы, острогъ воеводской канцеляріи [1]). При основаніи Петербурга разрѣшено было тѣла умершихъ предавать погребенію подлѣ самыхъ домовъ. Въ казармахъ и тюрьмѣ, конечно, умирали, и тѣла покойниковъ погребались недалеко отъ самихъ зданій. Арестанты въ цѣпяхъ и погребались, и въ 1857 году на берегу Черной рѣчки, при прокладкѣ трубы на дворѣ церковнаго дома, найдено было много скелетовъ и между ними одинъ въ цѣпяхъ. На Черную рѣчку привозили покойниковъ и со всего Васильевскаго острова, когда сообщеніе съ другими частями города прекращалось, а также лишенныхъ христіанскаго погребенія и тѣхъ, кого почему-нибудь не отпѣвалъ приходскій священникъ; такихъ въ петровское время было очень много. Въ 13-мъ пунктѣ инструкціи, въ 1721 году данной закащикамъ духовныхъ дѣлъ архимандритомъ Трифиліемъ, говорится:

«Священникамъ приходскихъ своихъ людей, кои скоропостижно, безъ покаянія и св. Причастія умираютъ, безъ похоронныхъ памятей у св. церквей погребать не велѣть, и въ тѣхъ памятяхъ писать тебѣ, дабы священникамъ свидѣтельствовать и обыскивать, и осматривать тѣхъ умершихъ, именно: оной, умершій, въ жизнь свою не былъ-ли церкви святой противникомъ, или явнымъ раскольщикомъ, и не убитъ-ли, и не удавленъ-ли, такожде хмѣльнымъ питіемъ и отравами самъ себе (или прочіе кто) не уморили-ли и не отъ своихъ-ли рукъ умре; и если, по свидѣтельству, явится тотъ, умершій, отъ онаго свободенъ, таковаго велѣть погребать у церкви, со отпѣваніемъ, и тѣ обыски и осмотры, за руками, велѣть присылать къ тебѣ впредь для спору. А ежели въ ономъ явится въ чемъ виновенъ, таковаго у церкви погребать не велѣть, но внѣ церкви, гдѣ таковыя погребаются» [2]).

Въ петровское время много было раскольниковъ, много грабежей и убійствъ, но еще больше пьяныхъ и опившихся. Поэтому приход-

---

[1]) Оба зданія находятся на планѣ С.-Петербурга 1725 г. См. планы С.-Петербурга, составленные И. Цыловымъ. Спб. 1852 г. и у Устрялова. С. О.

[2]) Инструкція напечатана въ «Странникѣ» 1866 г., т. II, стр. 9–15. С. О.

скіе священники очень часто закономъ принуждались подлѣ церкви не погребать; но духовенство того времени не отличалось ни высокою нравственностью, ни глубокимъ безкорыстіемъ,—и потому, чтобы получить нѣсколько лишнихъ копѣекъ, при погребеніяхъ дѣлало всякаго рода прижимки, еще болѣе увеличивавшія число погребаемыхъ внѣ церкви. Отпѣтые пришлыми священниками, шатавшимися по Петербургу „сѣмо и овамо“ и безъ разрѣшенія синода совершавшими различныя молитвословія и требы, также у церкви не погребались. И всѣ такого рода покойники на Васильевскомъ островѣ распространяли кладбище по берегу Черной рѣчки и малой Невы.

Объ этомъ кладбищѣ знало начальство, какъ свѣтское, такъ и духовное. Когда строили старый Андреевскій соборъ (оконченный въ 1728 г., освященный въ 1732 г.), жители Васильевскаго острова просили позволенія подлѣ собора открыть и кладбище; но святѣйшій синодъ, до котораго доходило это дѣло, просителямъ отказалъ, и вмѣсто того предписалъ: „умершихъ на Преображенскомъ острову погребать у Галерной гавани“. Тоже самое повторено было и въ докладѣ „о погребальныхъ мѣстахъ въ С.-Петербургѣ“, 26-го октября 1732 г., представленномъ св. синодомъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и ею утвержденномъ [1]).

Гдѣ находилось это кладбище? На планѣ С.-Петербурга 1738 г. оно показано между Большимъ и Среднимъ проспектами, за 23-ю линіею острова; но чрезвычайно низкій грунтъ земли, въ дождливую погоду и при вѣтрѣ съ моря (когда все это пространство покрывалось водою), дѣлалъ это мѣсто чрезвычайно неудобнымъ и даже недоступнымъ. Поэтому, если и погребали здѣсь, то очень немногихъ, и въ народѣ не сохранилось даже памяти объ этомъ кладбищѣ. Въ дурную погоду, вѣроятно, погребали на прежнемъ мѣстѣ, на берегу Черной рѣчки, и этимъ едва-ли нарушалось синодальное предписаніе, потому что для жителя Невской лавры Черная рѣчка находилась и находится у Галерной гавани. Разстояніе между ними не болѣе $1^1/_2$ версты.

Скоро, однако же, мѣсто для погребенія покойниковъ на Васильевскомъ островѣ означено было гораздо точнѣе. При кабинетѣ Анны Іоанновны существовала особая коммиссія о строеніи С.-Петербурга. Св. синодъ препроводилъ къ ней составленный имъ проэктъ о кладбищенскихъ мѣстахъ въ С.-Петербургѣ. Коммиссія назначила отъ себя нѣсколькихъ архитекторовъ для изслѣдованія, на указанныхъ сино-

---

[1]) «Странникъ» 1867 г., т. III, стр. 104—109. «С.-петербургская епархія съ царствованія Анны Іоанновны». Свящ. Мих. Архангельскаго. С. О.

домъ мѣстахъ, грунта земли и высоты грунтовой воды. Получивъ отъ архитекторовъ свѣдѣнія объ этомъ, коммиссія представила синоду свое мнѣніе о кладбищенскихъ мѣстахъ съ планами ихъ. Опираясь на немъ, св. синодъ 23-го октября 1738 г. постановилъ: „въ С.-Петербургѣ погребенію быть надлежитъ...на Васильевскомъ островѣ у Черной рѣчки, между 18 и 23 линіями, къ какому мѣсту дорогу разчистить отъ вновь наростнаго кустарнику и подѣлать канальцы [1])". Принимаемое подъ кладбище пространство было довольно низменно и потому св. синодъ предписалъ: „для возвышенія кладбищенскихъ мѣстъ подѣлать вокругъ и поперегъ каналы, въ пристойныхъ мѣстахъ устроить пруды, вынутою землею засыпать низкія мѣста и возвысить; самыя кладбища огородить деревяннымъ заборомъ, и построить при тѣхъ кладбищахъ деревянные покои для житья караульнымъ и могильщикамъ, и для содержанія всякихъ потребностей къ погребенію; а тѣ строенія, каналы, пруды и городьбу дѣлать и впредь содержать въ добромъ порядкѣ изъ церковныхъ доходовъ". 19-го іюля 1739 г. коммиссія подала въ св. синодъ донесеніе, въ которомъ предлагала прислать къ ней людей для принятія кладбищенскихъ мѣстъ въ духовное вѣдомство. Это было исполнено и кладбищенское мѣсто на Васильевскомъ островѣ принялъ священникъ Андреевской церкви Никифоръ Никифоровъ. Церквей на кладбищахъ не полагалось; а отпѣваніе и поминовеніе усопшихъ производилось въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ. Порядокъ на кладбищѣ долженъ былъ поддерживаться могильщиками, обязанными копать могилы не менѣе трехъ аршинъ глубины, зарывать ихъ, потомъ утаптывать и землю насыпать надъ ними на цѣлый аршинъ. Они же обязаны были „содержать на кладбищахъ караулы, съ перемѣною всегда по два человѣка, и часы городскіе слушая или песочныя имѣя, въ колоколъ звонить по обыкновенію." Могильщиковъ на каждомъ кладбищѣ было по 4 человѣка. Они опредѣлялись изъ отставныхъ солдатъ въ богадѣльняхъ, „которые покрѣпче здоровьемъ" [2]).

II.

Работы и расходы по Смоленскому кладбищу должны были производиться на церковный счетъ, между тѣмъ, какъ церкви—источника, изъ котораго можно было бы производить эти расходы, не было; а у синода не было суммъ на постройку кладбищенской церкви. По этому

[1]) «Странникъ» 1867 г., т. III, стр. 107. С. О.

[2]) «Странникъ» 1867 г., т. III, стр. 108 и 109. Припомнимъ, что въ это время солдатъ увольняли въ отставку большею частію только «за безъобразіемъ», т. е. совершеннымъ отсутствіемъ человѣческаго образа. С. О.

поводу возникла переписка между духовнымъ и свѣтскимъ начальствами и окончилась къ 1755 г., когда, въ силу указа императрицы Елисаветы, казеннымъ коштомъ отъ губерніи, на Смоленскомъ кладбищѣ построена была деревянная церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, а самое кладбище обнесено заборомъ квадратно по сту саженей, на западной же сторонѣ, сверхъ забора, отдѣлено было отъ поля еще каналомъ [1]). Въ вознагражденіе за понесенные расходы губернія подчинила себѣ и кладбищенскую церковь съ ея доходами. Наблюденіе за кладбищемъ, на основаніи прежнихъ правилъ, поручено было отставнымъ солдатамъ городской богадѣльни, находившейся на сѣверной сторонѣ кладбища и построенной, можетъ быть, изъ упраздненныхъ казармъ Ингерманландскаго полка. Такъ было до 1768 г. Губернская канцелярія, считая кладбищенскую церковь своею собственностью, забирала ея доходы и не обращала вниманія на церковныя потребности, и оттого построенная казеннымъ коштомъ церковь пришла въ упадокъ.

Въ 1768 году священнослужители Смоленско-кладбищенской церкви іерей Андрей Димитріевъ, іерей Ѳеодоръ Черновскій и діаконъ Стефанъ Фетовъ подали въ С.-Петербургскую духовную консисторію доношеніе, въ которомъ прописали, что „на церкви крыша обветшала, отчего лѣтомъ и осенью въ дожди, а весною отъ тали снѣга въ разныхъ мѣстахъ, а паче надъ святымъ престоломъ бываетъ теча, о чемъ губернской канцеляріи и представлено было неоднократно, съ требованіемъ, чтобъ оную крышу, тако-жъ и церковные крыльца развалившіяся, починить и ограду, которая во многихъ мѣстахъ весьма обветшала, переправить и недостающихъ въ церкви книгъ—псалтиръ слѣдованную, часословъ, да къ поученію народа прологи искупить, но по тому нашему представленію отъ помянутой канцеляріи ничего не учинено“. Консисторія промеморіею отъ 9-го іюня 1768 г. потребовала: „дабы губернская канцелярія благоволила церковныя потребности купить, также и оную (Смоленско-кладбищенскую) церковь изъ церковныхъ сборовъ починкою исправить безъ замедленія“. Губернская канцелярія не обратила вниманія на это требованіе; консисторіи пришлось обратиться въ сенатъ и тамъ сочли лучшимъ—Смоленскую церковь, вмѣстѣ съ богадѣльнями, передать въ вѣдѣніе конторы экономіи и смотрѣніе за ними препоручить находившемуся при богадѣльняхъ комиссаръ-прапорщику Петру Шураеву, подъ смотрѣніемъ котораго, для караула той церкви, опредѣлено потребное число сторожей (3 чело-

[1]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ архива Смоленско-кладбищенской церкви, а также изъ рукописей собственной моей библіотеки.

С. О.

вѣка). Но этимъ распоряженіемъ епархіальное начальство не удовлетворилось. Кладбищенскую церковь оно не хотѣло оставлять въ вѣдѣніи свѣтскаго начальства и достигло того, что съ 1770 г. церковь передана была въ епархіальное вѣдомство, но съ большимъ ограниченіемъ: церковные доходы, равно какъ и необходимыя по церкви издержки, контора экономіи удержала за собою. Въ 1772 г. она перестроила кладбищенскую церковь, въ которой теперь находилось два придѣла—Архистратига Михаила и Смоленскія иконы Божія Матери. По этому и церковь называлась и Архистратига Михаила, и Смоленскою. Эта церковь, какъ и прежняя, не отличалась ни красотою и прочностію постройки, ни богатствомъ утвари, и доходы ея были весьма незначительны, потому что покойниковъ бо́льшею частію отпѣвали въ приходскихъ церквахъ. Контора экономіи испросила повелѣніе „въ церкви Михаила Архангела, на Смоленскомъ кладбищѣ, отпѣвать дѣтей, умершихъ отъ оспы", почему съ того времени и церковь стала называться оспенною. За младенцами потянулись и большіе покойники, и мало-по-малу устанавливался обычай отпѣвать въ кладбищенской церкви. Послѣдовало наводненіе 10-го сентября 1777 года, когда вода возвысилась болѣе нежели на 10 ф. надъ линіею обыкновенной своей высоты и произвела значительныя поврежденія въ церкви, богадѣльнѣ и на кладбищѣ; но контора экономіи уже не думала исправить ихъ. Пошли жалобы и, наконецъ, въ 1780 г., по силѣ высочайшаго учрежденія, контора экономіи была уничтожена, и находившіяся подъ вѣдѣніемъ ея богадѣльни переданы въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія. При сдачѣ богадѣленъ контора объяснила, что въ вѣдомствѣ ея состоятъ при кладбищѣ церкви, для погребенія умершихъ людей, и представила при этомъ опись церковной утвари и ризницы, изъ которой видно, что изъ серебряныхъ вещей въ кладбищенской церкви находились только чаша и дискосъ; самыя лучшія ризы были объяринныя, иконостасъ простой столярной работы. Дохода въ годъ со всѣхъ кладбищенскихъ церквей получалось рублей 300 и того меньше и расходовались они на церковныя потребности, такъ что при одной только Волковской церкви оставалось 300 руб. Приказъ, однако, не осмѣлился входить въ подробное разсмотрѣніе или повѣрку наличныхъ церковныхъ вещей, потому что 25 гл. высочайшаго учрежденія запрещала ему имѣть приходскія церкви въ своемъ вѣдомствѣ. Тѣмъ не менѣе, митрополитъ Гавріилъ повелѣлъ всѣ церковныя вещи сдать опекунскому совѣту, что и было исполнено. Въ томъ же году, именнымъ ея императорскаго величества указомъ, изъ губернскаго правленія сообщеннымъ духовной консисторіи, повелѣно было: „числящіяся при богадѣль-

няхъ церкви: 1) на Васильевскомъ острову—Смоленскія Пресвятыя Богородицы, 2) на Выборгской сторонѣ—Іоанна Богослова, 3) при Волковской деревнѣ и 4) часовню на Петербургской сторонѣ отдать въ вѣдомство епархіальнаго архіерея",—и Смоленско-кладбищенская церковь, ветхая и требующая немедленной починки, безъ утвари и денегъ, перешла въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства. Консисторія немедленно истребовала отъ кладбищенскихъ священнослужителей свѣдѣнія о состояніи ихъ церквей и опредѣлила: церковный сборъ передать въ вѣдѣніе церковнослужителей, съ тѣмъ, чтобы они всѣ собираемыя деньги отсылали въ консисторію, оставляя изъ нихъ на церковный обиходъ, т. е. свѣчи, ладонъ, вино, просфоры и уголье, по пяти руб. въ мѣсяцъ, и о расходѣ ихъ подавали чрезъ годъ въ консисторію репорты, и изъ кружечныхъ доходовъ платили сторожамъ столько же, сколько платила контора экономіи. Такъ какъ Смоленская церковь, по ветхости, требовала немедленнаго исправленія, а денегъ у нее не было, то консисторія порѣшила—Смоленскую церковь исправить на деньги Волковской, заимообразно.

Переходъ въ епархіальное вѣдомство сначала не приносилъ кладбищу очевидной пользы. Прежде деньги забирало свѣтское начальство, а теперь духовное; за то прежде само начальство и распоряжалось и отвѣчало за безпорядки, а теперь труды и отвѣтственность, безъ всякаго вознагражденія за нихъ, упали на мѣстныхъ священнослужителей Гавріила Замятина и Григорія Знаменскаго. Послѣдній окончилъ курсъ въ семинаріи, а потому пользовался почетнымъ титломъ: „Богословъ". Видный, съ прекраснымъ голосомъ, онъ попалъ діакономъ въ Исаакіевскій соборъ и легко могъ бы нажить себѣ покровителей, составить карьеру; но прорвалась наружу широкая, могучая натура; закутилъ онъ во всю-ивановскую, не стало возможности содержать его діакономъ въ соборѣ и сдѣлали священникомъ въ Смоленскую церковь. Сюда онъ поступилъ уже съ испорченнымъ голосомъ, разбитою грудью, вкоренившимся порокомъ и продержался не долго. Товарищъ его Гавріилъ Замятинъ былъ изъ неученыхъ. Смиреніемъ и поклонами добился онъ мѣста на кладбищѣ и всегда былъ покорнѣйшимъ рабомъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, въ родѣ инженеръ-прапорщика Шураева. Теперь дряхлымъ старикомъ очутился онъ на всей своей волѣ—распорядителемъ и отвѣтственнымъ лицомъ за безпорядки. Понятно, что отъ него нельзя было и требовать энергіи и распорядительности. Оттого-то на кладбищѣ попрежнему господствовали безпорядокъ и разрушеніе.

Въ 1780 году поступилъ на кладбище священникомъ Прохоръ Ивановъ изъ учителей; но пробылъ только одинъ годъ и перешелъ

въ Измайловскій полкъ, уступивъ свое мѣсто Ивану Клитину, человѣку честолюбивому, но не дѣятельному и мало способному,—и опять все пошло по старому. Въ 1783 году скончался настоятель кладбищенской церкви Гавріилъ Замятинъ и на мѣсто его, по резолюціи митрополита Гавріила, переведенъ изъ Ропши священникъ Георгій Петровъ. Въ исторіи Смоленско-кладбищенской церкви ему принадлежитъ самое видное мѣсто, и потому не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о его жизни до поступленія на Смоленское кладбище.

III.

Священникъ Георгій Петровъ родился въ 1743 году. Отецъ его, Петръ Леонтьевъ, происходившій „изъ поповскихъ дѣтей города Москвы", съ 21-го октября 1751 г. служилъ священникомъ въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку, и, какъ значится въ аттестатѣ, въ 1764 г. выданномъ ему офицерами полка, „находился во время прусской войны въ походахъ и на баталіяхъ при полку всегда безъотлучно. Въ 1757 г. въ Ковнахъ у закрытія магазейновъ, а въ томъ же году, августа 19-го, при дѣйствительномъ съ непріятелемъ сраженіи подъ деревнею Эгерздорфомъ, въ 1758 году—подъ Кюстриномъ и въ походахъ въ Помераніи, въ 1759 и 1760 г.—въ Силезіи, въ Бранденбургіи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея императорскаго величества армія находилась". При отцѣ неотлучно находился и сынъ его, Георгій Петровъ, можетъ быть, пріучаясь къ исправленію должности псаломщика. Воротившись изъ кампаніи въ 1763 году, Георгій Петровъ поступилъ псаломщикомъ въ Москву, въ церковь Владимірскія иконы Божія Матери, что у Никольскихъ воротъ. Отсюда, въ 1765 году, онъ просилъ увольненія въ С.-Петербургъ, для пріисканія другаго мѣста, чтобы находиться поближе къ отцу, опредѣленному тогда священникомъ въ Колтовскую церковь, что на Петербургской сторонѣ [1]). По случаю увольненія, Георгій Петровъ получилъ отъ архимандрита [2]) аттестатъ, въ которомъ значится, что при Владимірской церкви онъ „былъ безъ всякаго подозрѣнія и оную (псаломщика) должность какъ

[1]) 1773 г. 25-го октября Петръ Леонтьевъ переведенъ былъ оттуда къ церкви Петра и Павла, что въ селѣ Колтушахъ, священникомъ, на положенное тамъ денежное по сту руб. въ годъ жалованье, да сѣна кошеная по 50 пудовъ (Указъ консисторіи, № 1,308). Но такое содержаніе Леонтьеву, видно, не понравилось. Онъ поступилъ въ монахи и 1780 г. умеръ у береговъ Испаніи, на кораблѣ «Исидоръ». По смерти его осталось денегъ разною россійскою монетою 142 р. 30 коп. С. О.

[2]) Церковь Владимірскія иконы Божія Матери находилась въ вѣдомствѣ ректора академіи, архимандрита Геннадія. С. О..

въ чтеніи и въ пѣніи исправлялъ добропорядочно". Въ Петербургѣ Петровъ просился на причетническое мѣсто въ Академію Художествъ. Возникла переписка между петербургскою и московскою консисторіями и во время ея мѣсто въ Академіи отдано было другому. Когда же пришло увольненіе изъ московской епархіи, то Петровъ воспользовался имъ для поступленія въ Александро-Невскую семинарію, хотя ему было уже около 23-хъ лѣтъ. Чрезъ 7-мь лѣтъ онъ окончилъ курсъ и 1771 г. поступилъ священникомъ въ село Рошу, гдѣ съ 2-го апрѣля 1778 г. служилъ и въ домовой церкви князя Григорія Григорьевича Орлова. Изъ Рошни переведенъ на Смоленское кладбище.

Здѣсь прежде всего ему пришлось отыскивать для себя квартиру. По берегу Черной рѣчки, вблизи кладбища, стояли деревянные, одноэтажные, въ два, три и четыре окна, домики. При построеніи Петербурга принято было правиломъ: ближайшія къ церкви мѣста отдавать священно- и церковно-служителямъ, съ такимъ обязательствомъ, чтобы они данныхъ имъ мѣстъ постороннимъ лицамъ не продавали, а въ случаѣ ненадобности уступали бы той же церкви священно- и церковно-служителямъ. Раздача мѣстъ происходила въ существовавшей тогда главной полиціймейстерской канцеляріи. Священники, діаконы и причетники Смоленской церкви брали небольшіе участки пустопорожней земли, и строили домики со службами, разводили огороды. По смерти священника, земля съ постройками переходила къ его наслѣдникамъ, доставляла пріютъ сиротамъ. За то вновь поступающій священникъ въ началѣ не имѣлъ пріюта. Положеніе Георгія Петрова было тѣмъ болѣе затруднительно, что ближайшая къ кладбищу земля вся уже была разобрана. Ему удалось убѣдить вдову священника Гавріила Замятина продать свой домишко за 70 руб. „для его, Петрова, собственной надобности или въ пользу церкви". Въ этомъ убогомъ домишкѣ Петровъ и поселился.

Другая непріятность ожидала его въ самой церкви. Священниковъ было двое: Клитинъ—старшій по службѣ при кладбищенской церкви и Петровъ—старшій лѣтами и священствомъ. Епархіальное начальство не рѣшило вопроса—кому изъ нихъ быть старшимъ. Пошли споры; но, не смотря на нихъ, Петровъ принялся за устройство церкви и кладбища. Деревянная церковь пришла въ совершенную ветхость и причтъ просилъ митрополита на починку ея отпустить 200 руб. Епархіальное начальство дало только 100 руб., а на эту сумму починить церковь не было никакой возможности. Петровъ, не долго думая, обратился съ просьбою о пособіи къ благотворителямъ и церковь была исправлена. Въ то же время онъ хлопоталъ о распространеніи кладбища. Приказъ распорядился: богадѣльню на бе-

регу Черной рѣчки сломать и жильцовъ ея перевести въ Смольный. Петровъ началъ хлопотать объ уступкѣ богадѣленскаго мѣста подъ кладбище, для постройки новой каменной церкви. По силѣ 19-го пункта высочайше конфирмованнаго положенія о Васильевскомъ островѣ, это мѣсто должно было войти въ составъ городскаго выгона; тѣмъ не менѣе, приказъ на ходатайство духовнаго начальства отвѣчалъ такъ: „что хотя самъ онъ имѣлъ надобность въ богадѣленскомъ мѣстѣ, но построеніе на семъ мѣстѣ церкви и кладбища предпочитаетъ другой надобности и потому богадѣленское мѣсто отдаетъ безпрекословно". Такимъ образомъ, кладбище вновь пріобрѣло земли 8,541 квадратную сажень.

Теперь требовалось строить церковь. Клитинъ не рѣшался приступать къ такой громадной постройкѣ, не имѣя денегъ, и въ присутствіи консисторіи отъ этого отказался; а Петровъ считалъ это возможнымъ. По этому консисторія, указомъ отъ 11-го августа 1785 г., „сборъ въ кружки, свѣчную продажу, починки церковныя и вновь строеніе церкви" поручила Петрову и выдала ему книгу для сбора пожертвованій на строеніе. Петровъ принялъ отъ Клитина 285 руб. 13¼ к. и въ томъ же году поручилъ архитектору Алексѣю Иванову составить планъ и фасадъ новой каменной церкви. Въ 1786 году планъ представленъ митрополиту Гавріилу и тотъ, 2-го іюня, прибылъ на Смоленское кладбище и назначилъ мѣсто для построенія новой церкви. 1-го іюля начали копать рвы для фундамента, а 19-го произведена закладка новой церкви. Денегъ въ это время было 1,676 р. 45 к. Священникъ Петровъ разсчитывалъ на пожертвованія и добровольные вклады за мѣста для погребеній, и не обманулся. За мѣста охотно платили 5, 10, 25 руб. и даже болѣе. Такъ что, во время постройки церкви, за мѣста собрано свыше 2,000 руб. Церковные доходы увеличились; наконецъ, по книжкѣ собрано 12,040 р. 20 к. Этотъ сборъ произведенъ стараніями одного только Петрова, его знаніемъ людей, его настойчивостью. Весьма часто приходилось ему терпѣть отказъ, испытывать непріятности и даже униженія. Разсказываютъ, что одинъ богатый домовладѣлецъ, наскучивъ частыми просьбами Петрова, не только ничего не пожертвовалъ, но самому запретилъ показываться на глаза. „А ты думаешь, что мнѣ очень пріятно ходить къ тебѣ, да глядѣть на тебя?" отвѣчалъ Петровъ, „И не пошелъ бы, еслибъ другіе жертвовали; ни за что бы не пошелъ. А то никто денегъ не даетъ, такъ ты пожертвуй. Изъ-за тебя не останавливать же постройку церкви". Такимъ аргументомъ Петровъ побѣдилъ домовладѣльца. У купцовъ-фабрикантовъ, скупыхъ на пожертвованія деньгами, онъ выпрашивалъ кирпичъ, плиту, известь, желѣзо и

другіе матеріалы; выпрашивалъ даже хлѣбъ, который потомъ раздавался рабочимъ въ счетъ выработанныхъ денегъ. Доставка производилась на баркахъ по Черной рѣчкѣ, гдѣ теперь не всегда можетъ проѣхать и пустой челнокъ. Иногда для прохода тяжело нагруженной барки приходилось ломать мостъ, ведущій къ нѣмецкому кладбищу; но плотничьи работы въ это время цѣнились очень низко, такъ что сломка и починка моста обходилась не дороже 5 руб. Матеріалы покупались въ раздробь—экономически. Работники также нанимались поденно и поштучно и получали плату не одинаковую. Архитектору Иванову за планъ, чертежи и присмотръ за работами выдано 300 р.; его помощникамъ: Петру Гинцъ-Газену—100 руб., а Михаилу Быкову —125 р. Всего на постройку израсходовано было 18,010 руб. 22 коп.; изъ нихъ на доставку матеріаловъ—1,975 р. 75 к. и на внутреннее украшеніе церкви—2,654 р. 45 к.

Въ 1788 году поставленъ крестъ на церкви, а въ слѣдующемъ и на колокольни. Церковь представляла увѣнчанный византійскимъ, съ круглыми окнами, куполомъ четвероугольникъ; къ восточной сторонѣ его примыкалъ алтарь, заключавшійся въ одномъ полукружіи, къ западной сторонѣ пристроена была колокольня въ два яруса, четвероугольная, съ шпицемъ на верху самой простой архитектуры. Внутри сперва отдѣланъ былъ боковой теплый предѣлъ, куда, по волѣ митрополита Гавріила, перенесенъ иконостасъ изъ церкви Іоанна Богослова, построенной по указу Петра I въ 1715 году на Выборгской сторонѣ, при госпитальномъ кладбищѣ [1]).

Придѣлъ этотъ освященъ 1790 г. 26-го сентября въ честь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Онъ состоялъ изъ небольшой, въ три окна, залы съ выходомъ прямо на дворъ, внутри украшенной только старинымъ иконостасомъ, да нѣсколькими иконами. 1-го октября освященъ былъ и главный придѣлъ въ честь Смоленскія иконы Божія Матери. Стѣны въ немъ были просто выбѣлены; только въ латернинѣ какимъ-то живописцемъ, за 15 руб., нарисовано было сіяніе. Иконостасъ сдѣланъ охтянами за 557 р. 50 к. безъ царскихъ вратъ, живописи и позолоты. Потомъ за царскія врата и рамы къ мѣстнымъ образамъ заплачено придворному рѣзчику Якову Дунаеву 60 руб. Позолота стоила 650 р., да перевозъ 15 руб. Мѣстныя иконы Спасителя и Божія Матери пожертвованы Иваномъ Акимовичемъ

---

[1]) По отдаленности отъ города и неудобству сообщенія, тамъ погребали весьма немногихъ, такъ что священно-служителямъ нечѣмъ было и жить. Поэтому въ 1772 году Богословская церковь упразднена; ея иконостасъ и прочая церковная утварь, до передачи въ Смоленскую церковь, хранилась у Самсонія.

С. О.

Акимовымъ, адъюнктъ-ректоромъ Императорской Академи Художествъ и профессоромъ исторической живописи. Это—лучшія произведенія его кисти. Иконы на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ написаны были художникомъ Козловымъ. Пожертвованы иконы Тайной вечери, Трехъ Святителелей и другія, писанныя неизвѣстными художниками [1]).

Въ 1791 году окончательно сведены счеты, и изъ оставшейся, послѣ постройки церкви, суммы 500 руб. отослано въ ломбардъ для приращенія процентами.

Теперь на кладбищѣ находилось двѣ церкви: Смоленскія иконы Божія Матери каменнанная и другая деревянная въ честь св. Архистратига Михаила. Эта послѣдняя, не смотря на недавнюю передѣлку, совершенно обветшала. При томъ же и поддержка ея въ прежнихъ размѣрахъ, при существованіи большой каменной церкви, становилась безполезною и для церкви убыточною. О. Георгій рѣшился построить новую деревянную церковь, въ меньшихъ противъ прежней размѣрахъ. За 10 руб. какой-то архитекторъ нарисовалъ ему планъ, два фасада и составилъ смѣту. Петровъ и представилъ это митрополиту на утвержденіе. Къ осени церковь была окончена и 8-го ноября освящена въ честь св. Архистратига Михаила. Постройка ея, вмѣстѣ со сломкою старой церкви, стоила 786 р. 33 к. Это было небольшое зданіе самой простой архитектуры. Стѣны его выкрашены были бѣлою, крыша зеленою красками. На куполѣ возвышался дубовый крестъ.

Во время постройки церквей пустопорожняя земля отдавалась въ аренду огородникамъ. Они очищали ее отъ щебня и мусора и уравнивали подъ огороды. Арендная плата за эту землю употреблялась на приведеніе въ порядокъ новаго кладбища. Тамъ рыли канавы, проводили и усыпали щебнемъ дорожки, поддерживали вокругъ кладбища заборы. На кладбищѣ стало теперь больше чистоты и порядка; только вблизи его помѣщенія для священно-и церковно-служителей оставались прежнія — тѣсные, низкіе, убогіе домишки. Петровъ направилъ сюда дѣятельность—и съ 1793 по 1804 г. выстроилъ два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома съ мезонинами на церковной землѣ.

Но дѣятельность о. Георгія домами не ограничилась. „Принадлежности къ погребенію“, т. е. катафалы и покровы, какъ можно заключить изъ синодальнаго указа 1738 г., существовали на кладбищѣ и раньше;

---

[1]) Эти иконы, кромѣ Тайныя вечери, и теперь находятся въ большой церкви, покрытые дорогими окладами. С. О.

но Петровъ, въ 1794 году, устроилъ къ нимъ похоронныя зимнія дроги „на полоскахъ", за которыя, съ оковкою и окраскою, тогда же заплачено было 50 руб. Въ 1796 году, 6-го марта, Петровъ началъ дѣло, впослѣдствіи оказавшееся чрезвычайно важнымъ и благотворнымъ. Онъ убѣдилъ причтъ сдѣлать складчину на устройство траурнаго заведенія. Первымъ внесъ деньги дьячекъ Соколовъ—5 руб. ассиг.; за нимъ пошли и другіе. Тогда о. Георгій послалъ митрополиту такое письмо:

«Многіе опыты доказали, въ какое бѣдное состояніе повергаются духовнаго званія жены съ дѣтьми послѣ смерти мужьевъ своихъ, самый первый случай погребенія почти всегда бываетъ печальнымъ акціономъ, недовольно имѣнія мужа, но даже одѣянія его, и книги его, которыя онъ не такъ для себя, какъ для просвѣщенія дѣтей своихъ старался собрать за настоящую цѣну, а продаетъ при семъ случаѣ за ничто къ раззоренію оставшагося семейства и къ потере его намѣренія.

«Оставшихся сиротъ будущія обстоятельства такъ горестны, что всякой шагъ съ дѣтьми воздыханіемъ и слезами сопровождается, когда безъгласіе, недостатокъ дѣтей ея суть къ тому побужденіемъ всегдашнимъ и очевиднымъ.

«Способъ къ пропитанію собственному и дѣтей остается только тотъ, чтобъ скитаясь по дворамъ нести тяжкіе труды, получая только весьма малыя и посмѣятельныя съ презрѣніемъ награжденія къ безчестію состоянія и къ напоминанію потеряннаго пропитанія, раздирающему горестное ея сердце.

«Проницательный умъ великое и благодѣтельное вашего высокопреосвященства сердце, да не лишитъ сихъ строкъ обыкновеннаго благоразсмотрѣнія и милостивой рѣшимости.

«Нѣкто изъ благотворительныхъ особъ, видя плачевныя дни оставшихся женъ и дѣтей священно- и церковно-служителей, открываетъ милость свою для служащихъ нашей церкви на свой коштъ построилъ похоронныя вещи и трауръ, а именно: билетную доску, покрывало, 6 попонъ, 15 плащей, шлянъ со фліѳромъ столько-жъ: къ сему прибору благоволите ли ваше высокопреосвященство присовокупить дроги и покровы, съ тѣмъ, чтобъ чрезъ годъ собранная сумма отдавалась въ ломбардъ, и вѣдать о томъ всѣмъ священно- и церковно-служителямъ и какъ скоро или кто изъ служащихъ церкви неисцѣльно заболитъ или, по сущей старости, не въ силахъ будетъ исправлять должности, или останутся сироты, то употреблять оную сумму слѣдующимъ порядкомъ:

«Ежели будетъ священникъ, или другой кто или разнаго званія сиротъ, двѣ оказіи откроются, то дѣлить, соображаясь противъ обыкновенныхъ доходовъ раздѣла, а при одной оказіи священника оной доходъ одному семейству выдать, протчія званія часть годоваго дохода противъ раздѣла получаютъ; выдача оныхъ денегъ должна быть по прошествіи полугода или по третямъ года.

«Остающаяся же сумма, по накопленіи отдается для сбереженія въ ломбардъ на непредвидимый случай для пособія сиротъ, и чтобъ церковь впредь не отягощалась никакою починкою оныхъ вещей ниже по обветшанію постройкою вновь, но все сіе исправляется оною же суммою.

«Естли-жъ въ краткомъ семъ расположеніи по времени окажутся какіе недостатки объ этомъ общество непремѣнитъ вашему высокопреосвященству

представить. О призрѣніи квартирою нѣтъ сомнѣнія конечно, по благости вашего высокопреосвященства, въ церковныхъ домахъ будутъ помѣщены.

«Сіе благодѣтеля расположеніе къ поддержанію сиротства и болѣзненныхъ нашего общества: да утвердитъ благодѣтельная десница вашего высокопреосвященства и тѣмъ отретъ слезы будущихъ несчастныхъ, дабы благодѣтель сей, который избѣгая тщеславія заповѣдалъ скрыть имя свое, могъ видѣть отраду своего намѣренія дабы въ случаѣ упомянутыхъ несчастій общество наше имѣло нѣкоторую подпору, а вашего высокопреосвященства сострадательное къ страждущимъ расположеніе проповѣдалось навсегда!»

Митрополитъ разрѣшилъ купить дроги и покровы. Траурныя вещи по требованію выдавались, и вырученныя за это деньги положили основаніе траурной или пенсіонной суммы, въ которую поступали потомъ деньги за отдачу въ наемъ огородовъ, монументныхъ лавокъ и проч. Изъ нее выдавались ежегодныя пособія вдовамъ и сиротамъ духовнаго вѣдомства. До 1827 года такихъ пособій выдано 69,439 руб. 46 коп., и сверхъ того, изъ этихъ же сборовъ покупались дома съ землею. 1811 года (19-го февраля и 17-го іюля) положено въ ломбардъ на выдачу съ процентовъ приданаго бѣднымъ дѣвицамъ духовнаго званія 1,500 руб.; нанимались сторожа, приводилось въ порядокъ кладбище, заимообразно строились церковные дома. Изъ нея же главнымъ образомъ составился богадѣленскій капиталъ, изъ котораго, и по уничтоженіи траурной суммы, долго выдавались пособія убогимъ. Въ теченіи 60-ти лѣтъ Смоленско-кладбищенская церковь отирала слезы несчастныхъ, призрѣвая дряхлыхъ и больныхъ,—и все это, благодаря траурной суммѣ. Пенсіями, кромѣ вдовъ и сиротъ священно- и церковно-служителей Смоленско-кладбищенской церкви, пользовались вдовы и сироты даже другихъ епархій и вѣдомствъ; но преимущественно вдовы и сироты священно- и церковно-служителей различныхъ церквей гор. С.-Петербурга. Въ Петербургѣ того времени не было ни одной церкви епархіальнаго вѣдомства, при которой бы кто-нибудь не получалъ пенсіи изъ траурной кладбищенской суммы [1]).

Казалось бы, что, получая огромные доходы за трауръ, причтъ долженъ былъ бы траурныя вещи содержать въ порядкѣ и чистотѣ; однако, на дѣлѣ было не такъ. Они часто поражали нанимателей своимъ безобразіемъ. Покрытые засохшею грязью, не чищенные, не мытые, дроги были отвратительны. Краски на колесахъ часто не

[1]) Въ книгахъ расхода этой суммы значатся вдовы и сироты соборовъ: Петропавловскаго, Исаакіевскаго, Казанскаго, Никольскаго и Смольнаго; церквей: Волковской, Песковской, Входо-Іерусалимской, Владимірской, Скорбященской, Сѣнновской, Вознесенской, Симеоновской, Пантелеймоновской и друг. С. О.

оставалось слѣдовъ. Самыя колеса рѣдко смазывались, и потому погребальный поѣздъ не рѣдко сопровождался пронзительнымъ скрипомъ. Вмѣсто ремней, на попонахъ часто мотались веревки и мочалки. На плащахъ можно было увидѣть засохшую грязь; пуговицы часто отваливались и замѣнялись веревочками и мочалками. Это возбуждало жалобы со стороны нанимателей. Наблюденіе за траурными вещами Петровъ поручалъ сторожамъ; но опредѣленнаго вознагражденія за это не положилъ (хотя изрѣдка и выдавалъ деньги за наемъ лошадей, за надзоръ за траурными принадлежностями), и это мало приносило пользы. По этому, когда, съ утвержденіемъ положенія о кладбищахъ (1841 г.), постановка дрогъ и другихъ принадлежностей погребенія сдѣлалась предметомъ свободной торговли, никто не сталъ брать ихъ съ кладбища. Траурныя принадлежности оставались безъ употребленія и потомъ проданы за безцѣнокъ.

Въ 1804 году Петровъ задумалъ построить третій каменный домъ, на углу Камской улицы и 17-й линіи. Здѣсь предположено было помѣстить бѣдныхъ духовнаго званія отъ всѣхъ петербургскихъ церквей, если только и эти церкви примутъ участіе въ постройкѣ дома. Но такое предложеніе не нашло сочувствія въ средѣ петербургскихъ настоятелей, и домъ выстроенъ былъ на траурную сумму, съ тѣмъ, чтобы квартиры въ немъ отдавались въ наемъ и доходы поступали въ траурную сумму, пока не воротится затраченный капиталъ—9,985 р. 36½ к. Въ этомъ домѣ каменномъ остался только нижній этажъ, а верхъ теперь деревянный. Однако, равнодушіе настоятелей не остановило Петрова,—и, въ 1808 году, онъ убѣдилъ надворнаго совѣтника Григорія Ивановича Паскаго-Шарапова пожертвовать 8 тысячъ руб. на устройство при кладбищѣ богадѣльни для вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Эта богадѣльня и устроена была въ видѣ двухъ небольшихъ (по два окна на улицу) корпусовъ, соединенныхъ аркою воротъ, съ крестомъ на верху. Постройка ея обошлась въ 8,545 руб. Петровъ скупалъ у различныхъ лицъ землю съ избушками, строилъ сараи для содержанія траурныхъ принадлежностей, для торговли монументами; устроилъ избы для огородниковъ; перестроивалъ и починялъ церкви, приводилъ въ порядокъ кладбище. Но съ годами его энергія замѣтно падала, старость брала свое.

Въ молодости о. Георгій отличался пылкостью, энергіею и настойчивостью въ достиженіи своихъ цѣлей. Въ своемъ семействѣ былъ деспотомъ; среди мѣщанъ и купцовъ рисовался откровенностью и прямотою, доходившими иногда до грубости и нахальства; передъ господами и начальствомъ — тощій, согнутый, съ блѣднымъ и постнымъ

лицомъ, онъ представлялъ олицетвореніе смиренія, хотя въ душѣ и таилась гордость. Все это обнаруживалось въ сношеніяхъ Петрова съ священно-и церковно-служителями Смоленско-кладбищенской церкви. Поступивъ сюда, онъ долго не заявлялъ никакихъ претензій на полновластіе, и завѣдываніе кладбищенскими суммами получилъ, благодаря только постройкѣ каменной церкви. По окончаніи ея, заручившись заслугами, онъ прошеніемъ напомнилъ митрополиту, что пора уже закрѣпить за нимъ старшинство. При этомъ случаѣ, онъ постарался унизить своего товарища Клитина, и указать свои заслуги.

«Товарищъ мой», пишетъ онъ въ прошеніи къ митрополиту, «не оказалъ церкви никакихъ заслугъ, будучи младше меня и во священствѣ 10 лѣтъ, при служеніяхъ иногда уступаетъ мнѣ первенство, иногда отталкиваетъ съ мѣста, примѣтнымъ образомъ для вкладчиковъ, также вопреки мнѣ по церкви и по кладбищу разстроиваетъ мною заведенный порядокъ и благоустройство, которое отъ вкладчиковъ во всемъ уважается, противъ прежняго до меня бывшаго времени, какъ въ умноженіи церковныхъ доходовъ, всякой утвари, благолѣпія храма и кладбища порядокъ. Того ради не уважая малыхъ моихъ трудовъ по ввѣренной мнѣ должности, которыя въ разсужденіи вашего высокопреосвященства оказанныхъ мнѣ милостей суть ничто; но единственно для ободренія и въ отвращеніе соблазновъ и любопытствующихъ о семъ доброжелательныхъ мнѣ вкладчиковъ, такъ и къ совершенному между насъ устроенію, пріемлю дерзновеніе утруждать ваше высокопреосвященство симъ моимъ нижайшимъ о томъ представленіемъ, ожидая на оное рѣшительнаго отъ вашего архипастырскаго благоволѣнія опредѣленія».

Это прошеніе доставило Петрову старшинство на Смоленскомъ кладбищѣ, хотя трудно сказать, сколько правды было въ его показаніяхъ о Клитинѣ. Въ 1803 году, какъ значится въ замѣткѣ, написанной его собственною рукою: „Петровъ въ день храмоваго праздника, 28-го іюля, при полномъ собраніи стекшагося народа, въ награду многихъ трудовъ и попеченій о благоустройствѣ, произведенъ въ протоіереи“. Съ того времени онъ забралъ весь причтъ въ свои руки и ни съ кѣмъ не церемонился.

25-го февраля, 1809 года на кладбищѣ погребали генералъ-контролера Яковлева. Это пришлось на третьей недѣлѣ поста въ четвергъ, когда, по уставу, литургіи не полагается. Между тѣмъ, родственники покойнаго генерала пригласили служить преосвященнаго псковскаго и онъ, для большей торжественности, порѣшилъ служить обѣдню; но ни Яковлевы, ни преосвященный не подумали увѣдомить объ этомъ кладбищенскихъ священниковъ. И вотъ, приготовившись служить, является преосвященный въ Смоленскую церковь, а тамъ чередной священникъ къ служенію не готовъ, не приготовилъ даже большаго

агнца для архіерейскаго служенія; преосвященный разсердился, сдѣлалъ строжайшій выговоръ ни въ чемь неповинному чередному Клитину и самъ (уже со всѣмъ противъ устава) началъ совершать обѣдню Златоуста. Незаслуженный выговоръ оскорбилъ Клитина и онъ, въ свою очередь, напалъ на настоятеля Петрова. Протоіерей тотчасъ же написалъ въ книгѣ братскихъ доходовъ:

«Священникомъ Іоанномъ учиненный мнѣ выговоръ я пріемлю за оскорбленіе, а притомъ и за неблагоразуміе, потому что могила въ глазахъ. Самъ видѣлъ, долженъ самъ заботиться и навѣдываться, не лѣниться прійдти къ вечерни, чтобъ лучше узнать и обстоятельнѣе. А мнѣ пенять и выговоры дѣлать не въ правѣ (ибо многія бываютъ провозвѣщенія, что тотъ и тотъ будетъ служить, но не сбывается, а потому и забывается). Я сохраняя по моимъ лѣтамъ спокойствіе, отдаляю отъ себя всѣ такія взысканія и совѣтую о томъ впредь заботиться самому, какъ тебѣ заблагоразсудится. Паки говорю, размысли. Долженъ-ли слугою быть или подчиняться тебѣ? Яснѣе тебѣ сказать долженъ объ этомъ. Можешь заниматься череднымъ дьячкомъ и пени дѣлать дьячку, а не мнѣ».

Такъ относился протоіерей къ своему ближайшему сослуживцу, почти равному съ нимъ и по лѣтамъ, и по службѣ. А на Смоленскомъ кладбищѣ были и другіе священники. Туда каждый день собираются массы народа; тамъ часто встрѣчаются люди, никогда незаходившіе въ православную церковь, неимѣвшіе никакихъ сношеній съ русскимъ священникомъ,—и потому тамъ слѣдовало бы содержать причтъ безъупречный; но на самомъ дѣлѣ туда почему-то постоянно назначались люди, оказавшіеся неспособными или нетерпимыми при другихъ церквахъ. Такими были священники: Василій Тишинъ, получавшій дьяческій окладъ (1799 г.),—Малахія заштатный (1800 г.) и Іаковъ Калинниковъ. Онъ былъ священникомъ въ Смольномъ соборѣ, попалъ подъ судъ и опредѣленъ на Смоленское кладбище на дьяческій окладъ. Георгію Петрову поручено было имѣть за нимъ строгій надзоръ. Получая меньше другихъ священниковъ, Калинниковъ не считалъ себя обязаннымъ трудиться столько же, сколько они трудились, и не всегда приходилъ въ церковь. Протоіерей по этому случаю написалъ въ книгѣ братскихъ доходовъ:

«По слову апостола Павла: «трудивыйся да ястъ, а не трудивыйся да не ястъ». А какъ о. Іаковъ въ сей недѣли, съ самой субботы въ церковь не ходилъ, не служилъ и требъ править не помогалъ, то кажется правильно и безпогрѣшительно тѣхъ дней, въ кои не помогалъ, сдѣлать вычетъ ежели общество на то согласно, а за остальные дни только по разсчету выдать. Я утверждаюсь на ономъ: дабы впредь былъ осторожнѣе и много не умничалъ, не хвасталъ, что больше нашего трудится».

Однако, это не подѣйствовало. О. Іаковъ и въ слѣдующую седмицу въ церковь не являлся — „облыгаяся больнымъ“. Отецъ протоіерей по этому случаю написалъ:

«Не болѣзнь, а глупая мстительность ожесточаетъ его противъ благонамѣреннаго общества. Сія глупая страсть нарушая общее спокойствіе, вредитъ больше его самаго, ибо судихомъ достойно и праведно гордаго въ немъ врага смирить. Такъ дать ему полдохода, а другую положить въ сиротскую кружку, да помолятся о немъ бѣдныя вдовицы».

И дѣйствительно, „гордый врагъ смирился“ и о. Іаковъ пошелъ въ церковь (1809 г.).

Діаконы и причетники не имѣли права отлучаться изъ кладбища безъ вѣдома и разрѣшенія протоіерея. За каждое упущеніе по службѣ они подвергались замѣчаніямъ, выговорамъ и (причетники) штрафамъ, иногда даже очень чувствительнымъ. Причетники того времени ничѣмъ не отличались отъ сторожей: караулили церковь, звонили въ колокола, смотрѣли за цѣлостью и чистотою траурныхъ принадлежностей и т. п. Умѣньемъ читать и пѣть, знаніемъ церковнаго устава, а также и соблюденіемъ благочинія въ церкви они не отличались. Въ 1806 году, 24-го марта, протоіерей Петровъ рапортовалъ въ консисторію „о несогласномъ дьячковъ пѣніи“ и просилъ опредѣлить ихъ въ русскую школу пѣнія, а оттуда вмѣсто ихъ прислать „заправленныхъ“. Но въ школѣ дьячки Александръ и Павелъ оказались больными и къ пѣнію неспособными. „Заправленныхъ“ въ кладбищенскую церковь не присылали и она должна была пробавляться сторожами. Священникъ Алексѣй Алексѣевъ (къ Смоленской церкви поступилъ 1809 г.) говоритъ:

«Дьячки по большей части живутъ въ безстрашіи, въ церкви дѣлаютъ многіе соблазны забывая должность; а сіе оттого, что псалмы пролетаютъ борзо, ни къ единому слову ни умомъ, ни сердцемъ не прилѣпляются. Нынѣшнее состояніе дьячковъ заслуживаетъ вниманія о небреженіи ихъ званія и удаленіи отъ должности и потому рѣдко при которой церкви внимательны чтецы, знающіе уставъ церковнаго служенія, да и знать того многіе не хотятъ; поютъ же кое-какъ съ нуждою, неустроеннымъ голосомъ, на подобіе разнородныхъ животныхъ или неустроеннаго какого инструмента. Все сіе къ великому оскорбленію внемлющихъ».

Поведеніе ихъ внѣ церкви также не отличалось особеннымъ приличіемъ. Такъ, 3-го августа 1799 года дьячекъ Павелъ Соколовъ взятъ былъ на съѣзжую „по праздничному дѣлу“ (?); а 11-го числа тотъ же дьячекъ опять взятъ былъ „съ съѣзжинскимъ солдатомъ, въ полиціи наказанъ розгами [1]) и посланъ въ рабочій (домъ) къ Обухов-

[1]) Не смотря на то, что духовенство уже освобождено было отъ тѣлеснаго наказанія. С. О.

скому мосту". Дьячки занимались охотою и въ церкви держали порохъ; среди дня купались на плоту, подлѣ церкви; ходили на нѣмецкій мостъ просить милостыню и за то подвергались выговорамъ, штрафовались поклонами; а разъ за то, что, оставивъ церковь безъ надзора, катались на конькахъ по льду Черной рѣчки—даже „отеческому (т. е. тѣлесному) наказанію" [1]).

Какъ у причетниковъ, такъ и у священниковъ грубость нравовъ, отсутствіе приличія достигали замѣчательныхъ размѣровъ. На извѣстные уже читателю дроги съ грязью и мочалами садились смоленскіе іереи, въ своихъ оборванныхъ, грязныхъ рясахъ, отправляясь куданибудь выносить изъ дому покойника. Послѣ погребенія, на тѣхъ же дрогахъ, непремѣнно ѣздили на обѣдъ, и тамъ за упокой души покойника наслаждались благами міра сего. Изъ-за стола не всѣ выходили трезвыми, а пьяный какъ-то тароватѣе,—и тутъ-то священники подсаживались къ полупьянымъ купцамъ и выпрашивали: кто муки да крупъ, кто чаю да сахару, а кто и сукна на рясу. На кладбищѣ священники не стыдились напрашиваться на служеніе панихидъ, брать сахаръ съ приносимой кутьи и во время богослуженія дѣлать грубыя выходки [2])—браниться съ посѣтителями. Нѣкоторымъ это нравилось. Въ недавнее время одинъ старожилъ, разсказывая про прежнихъ кладбищенскихъ священниковъ, прибавлялъ: „добрые были попы; съ ними можно было и поругаться". Но такъ поступали только съ крестьянами, мѣщанами, да небогатыми купцами со Щукина; а коллежскіе регистраторы, дворовые люди и лакеи знатныхъ лицъ для кладбищенскихъ священниковъ были уже важными господами. Они считали себя вправѣ силою врываться въ квартиры священниковъ, бранить ихъ самыми пошлыми словами,—и все это проходило безнаказанно. Епархіальное начальство въ своихъ подчиненныхъ больше всего цѣнило смиреніе и кротость, подъ которыми весьма легко скрываются раболѣпство и нравственная низость; не уважало чувства собственнаго достоинства, считая его гордостью, и потому не благосклонно смотрѣло на просьбы духовенства—о защитѣ отъ оскорбленій; а на-

[1]) И преемники Петрова своихъ подчиненныхъ часто подвергали тѣлесному наказанію. Протоіерей Кочетовъ, въ инструкціи могильнымъ смотрителямъ, приказываетъ наблюдать, чтобы могилы вырывались не менѣе 2½ аршинъ глубины, и «за каждый вершокъ недомѣра виновному полагается 10 фухтелей по спинѣ». С. О.

[2]) Во время эпидеміи, изъ больницы на тощей клячонкѣ привезли цѣлый возъ гробовъ. Священникъ вышелъ отпѣвать покойниковъ и ему подали длинный списокъ съ ихъ именами. Среди отпѣванія, онъ обратился къ извощику съ вопросомъ: «какъ зовутъ лошадь?» и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: «и ее отпою». С. О.

чальнику и господину его писецъ или лакей были гораздо дороже какого-то кладбищенскаго попа. Между тѣмъ, изъ этихъ поповъ Георгій былъ и умнѣе, и дѣльнѣе многихъ и многихъ начальниковъ отдѣленій и директоровъ. Его глубоко уважали митрополиты, а петербургскіе священники ему посвящали начатки своихъ литературныхъ трудовъ[1]).

Вмѣсто Іакова Калинникова поступилъ на кладбище уже штатнымъ священникомъ Алексѣй Алексѣевъ, въ 1796 году окончившій курсъ семинаріи и служившій потомъ письмоводителемъ у митрополита Гавріила. Къ тому времени число погребаемыхъ на кладбищѣ уже значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и священниковъ стали требовать гораздо чаще. Между тѣмъ на кладбищѣ, кромѣ Алексѣева, было два старика, изъ которыхъ одному было подъ 70, а другому подъ 60 лѣтъ. По этому могли случаться и упущенія. Петровъ воспользовался ими, и въ 1816 году упросилъ епархіальное начальство перевести къ нему въ помощь, изъ Песковской церкви, сына, Іакова Георгіева—четвертымъ священникомъ, что и было исполнено, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы Георгіевъ оставался на кладбищѣ только до смерти отца своего, протоіерея Петрова.

Съ 1818 г. Петровъ уже не принималъ участія въ управленіи кладбищемъ. Ни у кого не просилъ онъ уволненія, сама собою уволила его старческая дряхлость. Распоряжаться по кладбищу теперь слѣдовало бы Ивану Клитину, да и того уходили лѣта. И вотъ за дѣло взялся Алексѣевъ,—и оттого ли, что распоряжаться приходилось ему отъ имени старика, не рѣдко отмѣнявшаго его приказанія, или по не способности управлять, на кладбищѣ завелся безпорядокъ: записи велись не исправно и раздѣленія между церковными суммами не стало; ремонты церковныхъ зданій производились безъ всякаго толку. Не понравилось дьячкамъ жить въ квартирахъ со сводами,—они попросили старосту и тотъ приказалъ сломать своды, хотя для этого пришлось заново отдѣлывать весь домъ. При такой безурядицѣ кладбище стало клониться къ упадку, а между тѣмъ надъ нимъ давно уже собиралась гроза.

IV.

Мы видѣли, что съ 1790 года на Смоленскомъ кладбищѣ выстроена была каменная церковь, построено три каменныхъ дома и четвертый, въ которомъ нижній этажъ былъ каменный, а верхній —

[1]) Переводъ толкованія Псалтыри Гофера, одного изъ крайнихъ мистиковъ XVIII вѣка. (С. О.

деревянный. Кладбище пріобрѣло много земли, открыло новые источники доходовъ, выдавало пособія вдовамъ и сиротамъ духовнаго вѣдомства. Все это произошло сколько отъ распорядительности протоіерея Петрова, столько же и вслѣдствіе отсутствія эксплуатаціи. Но послѣднее не долго продолжалось.

Въ 1811 году свѣчной сборъ въ церквахъ епархіальнаго вѣдомства обращенъ былъ на содержаніе духовныхъ училищъ; но въ кладбищенскихъ церквахъ его слѣдовало употреблять на удовлетвореніе церковныхъ и кладбищенскихъ нуждъ, а остатокъ отсылать въ попечительство для пособія бѣднымъ духовнаго званія. Отцамъ-попечителямъ это внушило мысль—ограничить расходы Смоленско-кладбищенской церкви, чтобы увеличить доходы попечительства, или проще сказать, эксплуатировать кладбище до послѣдней возможности, не обращая вниманія на его потребности. Такая эксплуатація обыкновенно оканчивается разореніемъ, а слѣдовательно, и прекращеніемъ дохода; но отцы-попечители не хотѣли этого постигнуть. А между тѣмъ, и борьба съ ними была весьма затруднительна, потому что въ попечительствѣ засѣдали и члены консисторіи, и благочинные. Воспользовавшись болѣзнію Петрова и безпорядками на кладбищѣ, попечительство упросило консисторію обревизовать кладбищенскую церковь. Это и было исполнено въ 1822 году Спасо-сѣнновскимъ протоіереемъ Вѣщезеровымъ. Онъ, воспользовавшись соединеніемъ различныхъ суммъ, патріархальностью и безпечностью управленія, запечаталъ всѣ кладбищенскія суммы и оставилъ церковь безъ копѣйки. Правда, староста Рахманниковъ успѣлъ припрятать 25,000 руб. ассигн., но они уже не могли считаться церковными и потому впослѣдствіи, отъ лица старосты, пожертвованы на распространеніе кладбищенской богадѣльни.

Настало наводненіе 7-го ноября 1824 года. Съ страшною силою вода хлынула на кладбище и поднялась надъ нимъ почти на 10 фут. Всѣ кладбищенскіе заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены; кресты съ могилъ унесены на Выборгскую сторону, гдѣ, въ морскомъ госпиталѣ, всю зиму крестами топили печи. Земляныя насыпи на могилахъ смыты, каменныя и металическія надгробныя плиты сдвинуты съ мѣста и занесены землею. Даже большая часть памятниковъ была свалена частію напоромъ волнъ, частію паденіемъ вырванныхъ съ корнемъ и сломанныхъ деревъ. Деревянная церковь св. Архистратига Михаила, въ 1818 году совершенно перестроенная духовникомъ государя протопресвитеромъ Криницкимъ, была размыта до такой степени, что послѣ наводненія служить въ ней не было возможности. Въ большой церкви вода влилась въ подвалъ,

уничтожила хранившіеся тамъ церковные документы и книги и подняла полъ. Вода прошла и въ богадѣльню и затопила ее. Три старушки думали спастись на печкѣ и потонули. Другія убѣжали на чердакъ и тамъ спаслись; но ихъ убогіе пожитки всѣ унесены водою. Въ богадѣльни она сломала деревянную галлерею, размыла печи, испортила полы. Внѣ кладбища всѣ заборы, сараи, деревяныя избушки для огородниковъ были размыты, сломаны, унесены. Унесено водою и траурное заведеніе—поплыли дроги, плащи, шляпы, попоны. Въ сѣверной стѣнѣ одного каменнаго дома образовались трещины и самая стѣна отъ дома отдѣлилась. Вообще послѣ наводненія все Смоленское кладбище представляло картину полнаго разрушенія. Въ одинъ день оно понесло убытку на 76,250 руб., не считая поврежденій памятниковъ, полисадниковъ и могилъ.

Во время наводненія потонуло много людей, много умерло отъ простуды и потребовалось много мѣста на кладбищѣ; а между тѣмъ, здѣсь давно уже чувствовался недостатокъ свободныхъ мѣстъ. Негдѣ было и погребать покойниковъ.

11-го ноября 1824 г. императоръ Александръ I, осматривая слѣды произведеннаго водою разрушенія, посѣтилъ и Смоленское кладбище. Въ это время въ церкви, во всю ширину установленной гробами, служили вечерню. Государь не долго здѣсь оставался—приложился къ образу Смоленскія Божія Матери и вышелъ на паперть. Узнавъ о тѣснотѣ кладбища, государь велѣлъ распространить его прибавкою пустопорожней земли; утѣшалъ пострадавшихъ отъ наводненія богадѣленокъ; приказалъ снабдить ихъ теплою одеждою и обувью и доставлять имъ пищу въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

О. Георгій не долго прожилъ послѣ наводненія. Не смотря на свою дряхлость, онъ приходилъ иногда въ церковь служить раннюю обѣдню; но случалось и такъ, что, облачившись, садился въ алтарѣ и засыпалъ въ креслахъ. Ни одинъ сторожъ не осмѣливался разбудить соннаго протоіерея и собравшіяся къ обѣдни богадѣленки уходили домой. Проснувшись, онъ или разоблачался, или служилъ уже позднюю литургію. Скончался онъ 8-го іюля 1825 г., 84-хъ лѣтъ, и погребенъ подъ олтаремъ придѣла св. Апостола Іоанна Богослова. Своимъ наслѣдникамъ онъ оставилъ три небольшихъ деревянныхъ домика и чистаго капиталу около 50 тыс. „Богатъ Богъ въ милостяхъ своихъ“, говаривалъ Петровъ, оправдываясь отъ обвиненій и объясняя происхожденіе своего капитала (про него разсказывали, что капиталъ онъ нажилъ при постройкѣ церкви); конечно, это оправданіе не удовлетворитъ читателя. Посмотримъ же, какими средствами пользовалось тогдашнее кладбищенское духовенство.

Священно-и церковно-служители на Смоленскомъ кладбищѣ жалованья никогда не получали; жили тѣмъ, что удавалось заработать на кладбищѣ: служеніемъ заупокойныхъ литургій, панихидъ, отпѣваніемъ покойниковъ и поминовеніемъ ихъ; деньгами, выручавшимся за рытье могилъ, обкладку ихъ дерномъ, устройство могилъ каменныхъ и т. п. Вблизи кладбища народа жило немного и потому крестинъ, браковъ и другихъ требъ они почти не знали. Доходы священниковъ были, однако, весьма достаточны. Среднимъ числомъ священникъ получалъ въ годъ до 2,000 руб., что при тогдашней дешевизнѣ и простотѣ быта было весьма много. Прибавьте къ этому, что жизненные припасы получались часто даромъ, что одѣвались священники очень скромно и даже грязно; бо́льшею частію не имѣли библіотекъ, не выписывали журналовъ, не знали и другихъ потребностей, которыя теперь необходимы каждому священнику и стоятъ очень не дешево,—и вамъ станетъ ясно, почему въ доброе старое время петербургскіе священники оставляли послѣ себя десятки тысячъ рублей. Доходы причта объусловливались числомъ богатыхъ покойниковъ, родственники которыхъ не рѣдко вносили въ ломбардъ, въ пользу причта, небольшіе капиталы, съ тѣмъ, чтобы родные ихъ поминались въ кладбищенской церкви вѣчно, или опредѣленное время. Въ послѣднемъ случаѣ пожертвованную сумму причтъ дѣлилъ между собою. Изъ пожертвованій на вѣчное поминовеніе съ теченіемъ времени образовался капиталъ въ 33 т. руб., процентами съ которыхъ причтъ и теперь пользуется. Но богатыхъ покойниковъ на Смоленскомъ кладбищѣ было немного. Люди, знаменитые по своимъ заслугамъ, богатству, и тогда погребались на Невскомъ кладбищѣ.

V.

На Смоленскомъ бо́льшею частію погребались труженики жизни, науки и искусства; они-то широко раздвинули Смоленское кладбище [1]). До построенія каменной церкви среднимъ числомъ въ годъ погребалось на немъ до 1,000 человѣкъ [2]). Потомъ:

Съ	1789	до	1799	по	2,660	чел.	въ	годъ.
„	1799	„	1809	„	2,743	„	„	„
„	1809	„	1819	„	3,781	„	„	„
„	1819	„	1829	„	4,256	„	„	„
„	1829	„	1839	„	5,066	„	„	„

[1]) Теперь оно простирается на 180,000 квадратныхъ сажень. С. О.

[2]) Свѣдѣній объ этомъ времени въ архивѣ Смоленской церкви осталось очень немного. С. О.

Съ	1839	до	1849	по	5,245	чел.	въ годъ.
„	1849	„	1859	„	4,490	„	„ „
„	1859	„	1869 [1])	„	5,049	„	„ „

По этому разсчету на Смоленскомъ кладбищѣ, съ 1789 года, всего погребено 350,000 ч.; но на самомъ дѣлѣ гораздо больше, потому что сюда не включены погребенные до 1789 г., не включены и тѣ, которые въ 1831 году, по документамъ, показаны были умершими отъ холеры, а такихъ было очень много; не включены мертворожденные младенцы и тѣ, которыхъ почему-нибудь не записали въ книги умершихъ. Такихъ было не мало.

Въ 1807 году, 18-го августа, Смоленско-кладбищенскій причтъ получилъ отъ митрополита предписаніе: приготовить на кладбищѣ мѣста для гробовъ кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Они погребены были на Каменномъ островѣ, но почему-то понадобилось гроба ихъ вырыть изъ земли и перевезти на Смоленское кладбище. И дѣйствительно, тѣла кавалеровъ были перевезены, нѣкоторые даже ночью, но въ книги не были записаны; а потому объ нихъ ничего и неизвѣстно. Во время эпидеміи, когда число покойниковъ въ одинъ день доходило до весьма значительной цыфры, пропуски также были весьма возможны, тѣмъ болѣе, что и контроль тогда становился труднѣе. Самое большое число погребенныхъ пришлось въ 1848 году, когда умерло 4,642 муж. и 3,374 женск. пола. То было холерное время. Первый холерный погребенъ 12-го іюня 1848 г. 13-го погребено уже 18, 14-го—28, 16-го—68, 17-го—83, 18-го—140, 19—145, 20-го—168, 22-го—203, 24-го іюня 1848 г.—239 человѣкъ. Съ одинаковою силою холера опустошала Петербургъ до 1-го іюля, а потомъ замѣтно ослабѣла. Въ продолженіи двухъ холерныхъ мѣсяцевъ на Смоленскомъ кладбищѣ погребено 4,581 чел. Впрочемъ, едва-ли меньше погребено и въ 1831 году; но тогда умершіе отъ холеры погребались на особомъ холерномъ кладбищѣ, въ церкви не отпѣвались и не записывались. Тѣмъ не менѣе число отпѣваемыхъ въ церкви доходило до 99-ти чел., чего прежде не бывало—и между тѣмъ, ни одинъ не значился умершимъ отъ холеры. Родные умиравшихъ отъ этой болѣзни подкупали докторовъ и тѣ, не смотря на господствовавшее тогда убѣжденіе, что холерные трупы заразительны, преспокойно выдавали фальшивые свидѣтельства. Вѣроятно, также точно поступали бы они во время дѣйствительно заразительныхъ болѣзней, напримѣръ, чумы. Самое меньшее число покойниковъ погребено въ 1850 году—3,507 чел.

---

[1]) Въ 1869 г. погребено 4,620 человѣкъ, въ 1870—4,785, въ 1871—5,850, въ 1872—6,471. С. О.

IV

Изъ погребенныхъ на Смоленскомъ кладбищѣ укажемъ на нѣкоторыхъ.

Ксенія Григорьева. Происхожденіе ея неизвѣстно. Замужемъ она была за придворнымъ пѣвчимъ Андреемъ Ѳедоровымъ, состоявшимъ въ чинѣ полковника. Смерть рано разлучила ее съ мужемъ и 26-ти лѣтъ оставила вдовою. Тогда, раздавъ имѣніе бѣднымъ, она надѣла на себя одежду мужа и подъ его именемъ, 45-ть лѣтъ, ходила по Петербургу, нигдѣ не имѣя постояннаго жилища. Главнымъ мѣстопребываніемъ служила для нея Петербургская сторона и преимущественно приходъ св. Апостола Матѳія, гдѣ одна улица долго называлась ея именемъ. Разсказываютъ, что она пользовалась особеннымъ уваженіемъ легковыхъ извощиковъ, которые, завидя ее на улицѣ, на перерывъ предлагали свои услуги, въ томъ убѣжденіи, что кому удастся хоть сколько-нибудь провезти Ксенію, тому весь день повезетъ счастье. 24-го декабря 1761 года Ксенія ходила по Петербургской сторонѣ и говорила тамошнимъ жителямъ: „Пеките блины, пеките блины. Вся Россія будетъ печь блины". Этимъ, говорятъ, она предсказывала смерть императрицы Елисаветы Петровны, умершей на другой же день. Годъ смерти Ксеніи неизвѣстенъ. Можно только приблизительно указать на послѣдніе годы прошедшаго и первые настоящаго столѣтія. Съ двадцатыхъ годовъ на могилу ея хлынули толпы посѣтителей и разобрали всю насыпь. Сдѣлана была другая—и ту разнесли. Положили плиту—и ту разбили и обломки разнесли по домамъ. Ломая плиты и разбирая землю, посѣтители оставляли на могилѣ посильныя денежныя пожертвованія и нищіе пользовались ими. Тогда могилу обнесли оградой и къ оградѣ прикрѣпили кружку для сбора пожертвованій. Потомъ на собранную такимъ образомъ сумму поставили памятникъ въ видѣ часовни. Этотъ памятникъ существуетъ и теперь. Здѣсь же находится и кружка для сбора пожертвованій. Половина собираемой суммы поступаетъ теперь въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, а другая—остается въ церкви на неугасимую лампаду на гробѣ Ксеніи.

„Кто меня зналъ, да помянетъ мою душу, для спасенія своей души". Такую надпись положилъ кто-то на могилѣ Ксеніи. И нигдѣ не служится столько панихидъ, сколько на ея могилѣ. Побужденіемъ обыкновенно служатъ разсказы о чудесахъ, по молитвамъ Ксеніи совершавшихся для тѣхъ, кто съ вѣрою помолится на ея могилѣ. Эти разсказы ходятъ по всему Петербургу, проникаютъ въ провинціи и привлекаютъ посѣтителей на Смоленское кладбищѣ. Разсказы

эти не могутъ выдержать строгой повѣрки, а большею частію даже не допускаютъ ея. Говорятъ, напримѣръ: „мы испытали отъ Ксеніи великое благодѣяніе“; но на вопросъ, въ чемъ же состояло оно, вамъ или ничего не отвѣтятъ, или скажутъ: „это семейная тайна“.

Впрочемъ, нѣкоторые случаи разсказываются. Напримѣръ; къ одной помѣщицѣ Псковской губерніи (фамилія неизвѣстна) пріѣхала гостить ея близкая родственница, жившая въ Петербургѣ и слышавшая про Ксенію. Вечеромъ гостья долго про нее разсказывала и хозяйка, ложась спать, помолилась объ ней. Во снѣ она увидѣла, что Ксенія ходитъ вокругъ ея дома и поливаетъ его водою. На другой день, утромъ, въ 20-ти саженяхъ отъ дома, загорѣлся сарай, въ которомъ находилось около 4,000 пуд. сѣна. Дому угрожала большая опасность и, однако, онъ остался цѣлъ. Еще разсказъ: нѣмка-лютеранка страдала мигренью. Православная принесла ей земли, взятой съ могилы Ксеніи, и посовѣтывала приложить къ больному мѣсту. Когда это было исполнено, боль затихла. Это было вечеромъ. Нѣмка положила землю на шкафъ и чрезъ нѣсколько минутъ замѣтила вокругъ нея какой-то странный свѣтъ. Въ тоже время шкафъ началъ дрожать. Испугавшись, она переложила землю на комодъ и здѣсь повторилось тоже самое. Нѣмка позвала свою сосѣдку православную и та поставила въ углу икону, положила землю и зажгла лампаду. Тогда все успокоилось. Этотъ разсказъ сообщенъ самою нѣмкою; но эти чудеса не были ли плодомъ уже настроеннаго къ чудесному воображенія? Повторяемъ, ни одинъ разсказъ не можетъ выдержать строгой критики, но въ общей массѣ всѣ они достаточно сильны для того, чтобы поддерживать въ народѣ уваженіе къ могилѣ Ксеніи.

Анна Ивановна извѣстна своимъ юродствомъ. Подобно Ксеніи, она не имѣла постояннаго мѣстопребыванія; ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее нищимъ. Иногда заходила въ институты и пансіоны, гдѣ говорила по-французски; но большею частію жила на Сѣнной площади у одного домовладѣльца. Разъ, забравшись въ Невскую лавру, она встрѣтилась съ однимъ ученымъ архимандритомъ и предсказала ему епископскій санъ. Дѣйствительно, архимандритъ вскорѣ посвященъ былъ въ епископы и оставленъ въ Петербургѣ викаріемъ. Въ благодарность за предсказаніе, онъ опредѣлилъ Анну Ивановну въ Охтенскую духовную богадѣльню, подъ вымышленною фамиліей — Ложкиной. Впрочемъ, и послѣ этого Анна Ивановна гораздо чаще жила на Сѣнной, у своихъ благодѣтелей, говорятъ потому, что жизнь богадѣленокъ ей не нравилась. Да и сама она не слишкомъ то нравилась богадѣленкамъ. Одѣвалась она въ отвратительнѣйшія лохмотья, жила до невѣроятности грязно. Понятно, что такая сосѣдка, да еще пользующаяся покровительствомъ высшей власти, не могла нравиться богадѣленкамъ. За то у извощиковъ она пользовалась такимъ же глубокимъ уваженіемъ, какимъ, гораздо раньше, пользовалась Ксенія. Да и побужденія у извощиковъ

были тѣже самыя. Толпами, на перерывъ одинъ передъ другимъ, неслись они отчаянно, стегая своихъ тощихъ клячонокъ, когда Анна Ивановна въ многолюдномъ мѣстѣ выходила изъ дому, — и все это для того, чтобы провезти ее хоть нѣсколько шаговъ. И въ благодарность за это, Анна Ивановна ругала ихъ самыми отборными словами, а не рѣдко угощала и палкой. Все это не мѣшало, однако же, обывателямъ Сѣнной относиться къ ней съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Торговцы, чернорабочіе и даже весьма многіе изъ духовныхъ лицъ видѣли въ ней юродивую Христа-ради и не соблазнялись ея наружностью. Для нихъ Анна Ивановна обладала даромъ прозорливости, предсказывала будущее. Но эти предсказанія всегда прикрывались загадочными поступками, или странными фразами, смыслъ которыхъ, открывался только примѣнившись къ совершившемуся уже факту. Такъ, одному изъ окончившихъ курсъ семинаріи она отдала свою палку, говоря: „возьми, тебѣ пригодится“. Тогда никто не придавалъ значенія этому поступку. И вспомнили объ немъ, когда окончившему курсъ привелось уже поступить священникомъ въ полкъ и начать странническую жизнь. Не задолго до своей смерти, пришла она на Смоленское кладбище, принесла покровъ и, разославъ его на землѣ, просила кладбищенскаго протоіерея отслужить панихиду по рабѣ Божіей Аннѣ. Когда это было исполнено, она покровъ пожертвовала въ кладбищенскую церковь, съ тѣмъ, чтобы его употребляли при погребеніи бѣдныхъ покойниковъ,—и просила протоіерея похоронить ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ служили панихиду. Скончалась 1852 года. При погребеніи ея присутствовали массы народа—почти всѣ жители Сѣнной площади. На могилѣ поставленъ деревянный крестъ и положена каменная плита. И эта могила часто посѣщается. Почитатели Анны Ивановны берутъ землю изъ подъ плиты, какъ средство отъ болѣзней; но о чудесахъ пока еще не слышно [1]).

VII.

На Смоленскомъ погребены: членъ св. синода, духовникъ императора Павла Петровича, первый оберъ-священникъ арміи и флота, Павелъ Яковлевчиъ Озерецковскій. Онъ былъ духовникомъ Павла Петровича еще при жизни императрицы Екатерины и съ наслѣдникомъ престола раздѣлялъ Гатчинское уединеніе, а потому пользовался особеннымъ его расположеніемъ. Озерецковскимъ учреждена армейская

[1]) На Смоленскомъ кладбищѣ погребены и менѣе извѣстные юродивые: Василій, Алексѣй и др. Юродство и уваженіе къ нему вкоренилось не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. С. О.

семинарія, для воспитанія дѣтей священно-служителей, состоявшихъ въ армейскомъ вѣдомствѣ.

Членъ святѣйшаго синода, оберъ-священникъ арміи и флота, протоіерей Григорій Ивановичъ Мансвѣтовъ, извѣстный въ духовной литературѣ своими сочиненіями: „Толкованіемъ на литургію“, „Священною исторіею“ и др.

Петропавловскаго каѳедральнаго собора протоіерей, докторъ богословія, членъ Императорской Академіи Наукъ, Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ. Въ духовномъ мірѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени.

Священникъ Ксенофонтъ Ивановичъ Делекторскій, сынъ священника Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, села Берестья. Родился 1800 г. По окончаніи курса наукъ въ с.-петербургской духовной академіи со степенью магистра, онъ поступилъ священникомъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и здѣсь пріобрѣлъ извѣстность, какъ замѣчательнѣйшій проповѣдникъ — обличитель господствовавшихъ въ это время пороковъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ не останавливался на порокахъ одного какого-нибудь класса, не разъ задѣвалъ аристократовъ и нажилъ себѣ недоброжелателей. Въ 1832 году дошло до открытыхъ жалобъ. Ему грозили запрещеніемъ говорить проповѣди, ссылкою въ деревню и т. п.; но многочисленная партія приверженцевъ постоянно его поддерживала и онъ проповѣдывалъ до самой смерти въ 1842 году. Послѣ него остались: 1 томъ проповѣдей (напечат. въ С.-Петербургѣ 1847 г.), переводы Византійскихъ историковъ — Ѳеофилакта Симокатты и Генезія. Эти переводы также, какъ и много проповѣдей, остаются въ рукописи [1]).

Протоіерей Дмитрій Степановичъ Вершинскій—основатель русской философской терминологіи, переводчикъ логики Бахмана. Особенно извѣстенъ, какъ составитель полнаго „Мѣсяцеслова православной Каѳолической церкви“. При составленіи его онъ пользовался такими сочиненіями, которыхъ единственные экземпляры находятся въ парижской и лондонской библіотекахъ.

Архимандритъ Стефанъ Вукотичъ. Во время возстанія противъ турокъ Георгія Чернаго, Вукотичъ находился при немъ адъютантомъ и часто употреблялся въ сношеніяхъ съ Россіею. Во время войны Россіи съ Турціею (1809—1812 г.) командовалъ военнымъ судномъ. Скончался 1-го ноября 1816 г.

Марія Иларіоновна Десницкая, жена придворнаго протоіерея

---

[1]) Другой томъ проповѣдей уже приготовленъ былъ къ печатанію, но кѣмъ-то взятъ и зачитанъ. С. О.

Матѳія Десницкаго, впослѣдствіи митрополита Михаила. Онъ былъ въ Москвѣ священникомъ и славился проповѣдническимъ искусствомъ. Императоръ Павелъ I пожелалъ услышать его проповѣдь и послалъ за нимъ курьера съ приказаніемъ: немедленно явиться въ Петербургъ ко двору. Такое приказаніе испугало Десницкую и она преждевременно родила. Между тѣмъ, о. Матѳій понравился государю и сдѣланъ придворнымъ протоіереемъ. Жена больною пріѣхала къ мужу и прожила не долго. На могилѣ ея надпись, сочиненная вѣроятно самимъ мужемъ:

Здѣсь бреніе и прахъ любезнаго предмета,
Но духъ ея въ нетлѣнномъ царствѣ свѣта.
Душевныхъ-бо добротъ единственный конецъ
Есть Божій миръ — любовь, безсмертіе — вѣнецъ.

Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Въ началѣ нынѣшняго царствованія занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. По освобожденіи крестьянъ, оставилъ портфель министра и въ слѣдующемъ году скончался.

Василій Кирилловичъ Тредьяковскій—авторъ Телемахиды. Скончался 1769 г. Къ сожалѣнію, могилы его намъ не удалось найти.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ. Скончался 14-го января 1791 г. На памятникѣ, которымъ украшена его могила, находится такая эпитафія:

Твореній Княжнина Россія не забудетъ.
Онъ былъ и — нѣтъ его; онъ есть и — вѣчно будетъ.

Елисавета Кульманъ. (Родилась 5-го іюля 1808 г.; скончалась 19-го ноября 1825 г.). Писала стихотворенія на нѣмецкомъ, русскомъ, греческомъ и другихъ языкахъ. На могилѣ ея памятникъ: открытый гробъ изъ бѣлаго мрамора и въ немъ, на цвѣтахъ, спитъ молодая дѣвушка. На памятникѣ надпись:

Prima Rossicarum
Operam dedit idiomati greco
Undecim novit linguas.
Loquebatur octo.
Quamquam puella
Poetris eminens.

Василій Андреевичъ Каратыгинъ. Знаменитый артистъ-трагикъ. Скончался 13-го марта 1853 года. На могилѣ его поставленъ памятникъ, въ видѣ маленькой часовни (chapelle), съ бронзовымъ бюстомъ Каратыгина.

Варвара Николаевна Асенкова. Артистка скончалась 19-го

апрѣля 1841 г. На могилѣ ея памятникъ въ такомъ же стилѣ, какъ и Каратыгина. На памятникѣ надпись:

Все было въ ней: душа, талантъ и красота,
И скрылось все отъ насъ, какъ свѣтлая мечта.

Михаилъ Ивановичъ Козловскій. Профессоръ скульптуры. Скончался 18-го сентября 1802 г. На памятникѣ надпись:

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Ревнитель Фидію, Россійскій Бонаротъ.

Николай Ивановичъ Уткинъ. Скончался 5-го марта 1863 г. Заслуженный профессоръ Академіи Художествъ; граверъ. На могилѣ прекрасный памятникъ темно-сѣраго гранита съ бронзовымъ бюстомъ и надписью:

Художникъ-человѣкъ — онъ въ простотѣ сердечной
Талантомъ сочеталъ земную славу съ вѣчной.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ—геніальный артистъ; скончался 16-го августа 1860 г. Его могила украшена великолѣпнымъ памятникомъ. Четыреугольная, увѣнчанная крестомъ, колонна сѣраго гранита. Впереди, на такомъ же пьедесталѣ, бронзовый бюстъ Мартынова. По бокамъ двѣ маски — смѣющаяся и плачущая, прекрасно высѣченныя изъ сѣраго же гранита. Вокругъ могилы ограда изъ такого же матеріала [1]).

С. И. Опатовичъ.

---

[1]) На Смоленскомъ кладбищѣ погребены еще слѣдующія замѣчательныя лица: членъ св. синода, духовникъ ихъ величествъ, протопресвитеръ Павелъ Васильевичъ Кринчкій. Каѳедральные протоіереи: Стахій Ивановичъ Колосовъ, Тимоѳей Алексѣевичъ Вѣщезеровъ, Николай Ѳедоровичъ Раевскій, Андрей Ивановичъ Окуневъ. Протоіереи: Василій Яковлевичъ Сицилинскій, Василій Лавричъ Лавровъ, Симеонъ Ивановичъ Красноцвѣтовъ. Священникъ Александръ Ивановичъ Гумилевскій. Князья: Долгоруковы, Гагарины, Голицыны, Мышецкіе. Графы: Толстые, Салтыковы, Татищевы, Ивеличъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Василій Кириловичъ Безродный. Генералъ отъ кавалеріи Дубельтъ. Кусовы (родъ ихъ недавно получилъ баронское достоинство), Харичковы, Поповы, Савины, Сазоновы, Смуровы, Дурышкины. Нартовъ Андрей Андреевичъ, президентъ Академіи Наукъ. Козловъ Гавріилъ Ипатьевичъ, Академіи Наукъ адъюнктъ-ректоръ. Дубровскій Петръ Петровичъ, основатель и хранитель манускриптовъ Публичной библіотеки. Профессоры: Котельниковъ Семенъ Кириловичъ, Тихомировъ Петръ Ивановичъ, Надеждинъ Николай Ивановичъ, Неволинъ Константинъ Алексѣевичъ, Палибинъ Никифоръ Алексѣевичъ, Куторга Степанъ Семеновичъ, Калмыковъ Петръ Давидовичъ, Усовъ Сте

панъ Михайловичъ, Савельевъ Павелъ Степановичъ—замѣчательный археологъ и оріенталистъ. Савельевъ Александръ Степановичъ, профессоръ физики. Висковатовъ Александръ, военный историкъ. Дружининъ Александръ Васильевичъ—беллетристъ. Хмѣльницкій Ник. Ивановичъ—литераторъ. Боровиковскій Владиміръ Лукичъ, совѣтникъ Академіи Художествъ. Бортнянскій Дмитрій Степановичъ, духовный композиторъ. Егоровъ Александръ Егоровичъ, заслуженный профессоръ Академіи Художествъ. Шебуевъ, Шамшинъ, Угрюмовъ Григорій Ивановичъ. Щедринъ Семенъ Ѳедоровичъ. Завьяловъ Ѳедоръ Семеновичъ. Воробьевъ Михаилъ Никифоровичъ. Орловскій Борисъ Ивановичъ. Ѳедотовъ, Флавицкій, Каратыгина—ученица Дмитровскаго, Рязанцевъ, Дюръ и много другихъ. С. О.

ЗАПЛЕЧНЫЕ МАСТЕРА.

Историческій очеркъ.

Въ ряду реформъ настоящаго царствованія, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, совершившаяся 17-го апрѣля 1863 г., есть одна изъ благодѣтельнѣйшихъ мѣръ:—она ведетъ къ смягченію нравовъ, къ возвышенію человѣческаго достоинства и довершаетъ уравненіе личностей разныхъ сословій предъ судомъ и закономъ. Вся Россія съ благоговѣйною признательностью къ Царю-Освободителю приняла указъ 17-го апрѣля 1863 г. Признательность эта усугубляется, когда, по историческимъ даннымъ, воспроизводится предъ нами очеркъ учрежденія и примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ нашемъ отечествѣ въ старину. Къ этому чувству, насъ одушевлявшему при составленіи настоящаго изслѣдованія, безъ сомнѣнія, приведетъ каждаго чтеніе представляемаго труда.

I.

До XIX столѣтія относительно назначенія заплечныхъ мастеровъ дѣйствовали на основаніи узаконеній, состоявшихся еще въ XVII в. [1]). По силѣ этихъ узаконеній, въ палачи назначались охотники изъ по-

[1]) «А въ палачи на Москвѣ прибирати изъ вольныхъ людей» (96 ст. 21-й главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича). «А въ городѣхъ палачей выбирать съ посадовъ и уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ селъ, и съ черныхъ волостей, и со всякихъ сошныхъ людей, и съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и съ архіепископскихъ, и епископскихъ, и съ монастырскихъ, и со всякихъ съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель» (ст. 97, глава 21 того же Уложенія). «Послать великаго государя грамоты къ воеводамъ, чтобъ они въ заплечные мастера взяли тѣхъ городовъ изъ посадскихъ людей, которые волею своею въ тое службу быть похотятъ; а буде охотниковъ не будетъ, и посадскимъ людемъ велѣть выбирать изъ самыхъ изъ молодчихъ, или изъ гулящихъ людей, чтобъ во всякомъ городѣ безъ палачей не было» (Боярскій приговоръ 16-го мая 1681 года. Полн. Собр. Зак., томъ I; томъ II, № 868). Г. С.

садскихъ и всякаго рода вольныхъ людей; при отсутствіи же охотниковъ, посадскіе обязаны были выбирать въ заплечные мастера изъ своей среды—молодчихъ, или изъ гулящихъ людей. Правила эти не могли быть вполнѣ соблюдаемы, такъ какъ хотя въ боярскомъ приговорѣ и было сказано: „чтобъ во всякомъ городѣ безъ палачей не было“, но не вездѣ не только изъ гулящихъ людей, но даже и изъ преступниковъ, находились охотники поступать въ заплечные мастера. Такъ напримѣръ, въ царствованіе императора Павла I с.-петербургское губернское правленіе не рѣдко дѣлало распоряженія о командированіи столичныхъ палачей (одинъ изъ нихъ былъ Никита Хлѣбосоловъ) для наказанія преступниковъ въ разные города подвѣдомственной ему губерніи. Въ Петербургѣ, въ началѣ 1818 г., по случаю смерти обоихъ заплечныхъ мастеровъ, встрѣтилась остановка въ исполненіи судебныхъ рѣшеній, такъ какъ никто изъ посадскихъ не пожелалъ принять на себя званія палача. Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ, нѣсколько лѣтъ раньше, доносилъ сенату, что хотя было сдѣлано преступникамъ, осужденнымъ на поселеніе (за кражу выше ста рублей), предложеніе о поступленіи въ палачи, „но никто изъ таковыхъ званіе и должность сію принять не согласился“; что вся Малороссія осталась при одномъ палачѣ, а отъ сего недостатка, осужденные къ наказаніямъ, оставаясь безъ выполненія надъ ними приговоровъ, изнуряются продолжительнымъ нерѣшеніемъ ихъ участи и долгимъ тюремнымъ заключеніемъ [1]).

По полученіи денесенія с.-петербургской думы (которой предписывалось о выборѣ въ палачи, на основаніи боярскаго приговора 16-го мая 1681 г.), что желающихъ поступить въ это званіе не оказалось, губернское правленіе вошло съ представленіемъ къ военному генералъ-губернатору, испрашивая разрѣшенія—опредѣлять въ палачи преступниковъ, какъ это уже допущено въ малороссійскихъ губерніяхъ. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ сообщилъ объ этомъ ходатайствѣ управлявшему министерствомъ полиціи, который представилъ о томъ сенату. Послѣдній, выведя на справку, что малороссійскій генералъ-губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія опредѣлять въ званіе палачей, по приговору суда, изъ заслуживающихъ, по осужденію генеральныхъ судовъ, наказаніе плетьми и ссылку на поселеніе, за кражу выше ста рублей, съ назначеніемъ всегдашняго подъ надзоромъ полиціи пребыванія, и что указомъ 13-го марта 1805 г., представленіе это утверждено, — 11-го декабря 1818 г. предписалъ

---

[1]) Указъ сената 13-го марта 1805 г. малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину. Г. С.

с.-петербургскому губернскому правленію опредѣлять здѣсь палачей на томъ же основаніи.

Въ 1833 г., декабря 27-го, состоялся высочайше утвержденный журналъ государственнаго совѣта, чтобы „при неимѣніи въ виду желающихъ быть палачами изъ людей свободныхъ, избирать въ сію должность, по существующему нынѣ порядку, изъ осужденныхъ рѣшеніями уголовныхъ палатъ къ ссылкѣ въ Сибирь и къ наказанію плетьми, освобождая съ тѣмъ вмѣстѣ таковыхъ, опредѣляемыхъ въ палачи, отъ присужденнаго имъ тѣлеснаго наказанія." Черезъ три года, именно въ 1836 г., министры—внутреннихъ дѣлъ Блудовъ и министръ юстиціи вошли въ государственный совѣтъ съ представленіемъ: „назначать въ палачи, согласно утвержденному, 27-го декабря 1833 г., журналу государственнаго совѣта, по прежнему,—преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе и наказанію плетьми, освобождая ихъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ тѣлеснаго наказанія; но если бы никто изъ нихъ не изъявилъ желанія быть заплечнымъ мастеромъ, то предоставить губернскимъ правленіямъ опредѣлять въ эту должность или изъ людей, присужденныхъ къ отдачѣ въ арестанскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ, съ производствомъ послѣднимъ одежды, удвоеннаго количества кормовыхъ и жалованья;—а въ случаѣ неимѣнія и сихъ послѣднихъ, помѣщать въ палачи преступниковъ, въ положеніи 27-го декабря упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ несогласіе. Палачи изъ подобнаго рода людей должны были назначаться безсрочно; но въ случаѣ неспособности къ дальнѣйшему отправленію своей должности отъ старости или болѣзни, предоставлено было право, примѣняясь къ указу 15-го марта 1798 г., распредѣлять ихъ на жительство въ 60-верстномъ разстояніи отъ губернскаго города, для пропитанія посильными трудами; тѣхъ же, у которыхъ есть родственники, отдавать на попеченіе сихъ послѣднихъ;—но во всякомъ случаѣ палачи должны оставаться въ мѣстахъ ихъ жительства подъ надзоромъ мѣстнаго начальства. Представленіе это было тогда же утверждено 18-го ноября 1836 года.

II.

Боярскимъ приговоромъ 16-го мая 1681 года требовалось, „чтобы во всякомъ городѣ безъ палачей не быть". Указомъ сената 10-го іюня 1742 г. опредѣлено количество палачей для губернскихъ городовъ по два, а для уѣздныхъ—по одному [1]). Наконецъ, 4-й пунктъ положенія 27-го декабря 1833 г. назначаетъ по два палача для каждой губерніи и по три для столицъ. Выше было уже сказано, что даже въ концѣ прошлаго

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XI, № 8,562.

столѣтія [1]) уѣздные города с.-петербургской губерніи, не смотря на указы 16-го мая и 10-го іюня, оставались совсѣмъ безъ палачей и что для исполненія приговоровъ приходилось командировать столичныхъ заплечныхъ мастеровъ; что на всю Малороссію существовалъ, въ 1803 году, только одинъ палачъ, и что въ самомъ Петербургѣ, въ 1818 г., произошла остановка въ исполненіи судебныхъ рѣшеній по отсутствію палачей. Но и послѣ указа сената 11-го декабря 1818 г. и положеній 27-го декабря 1833 г. и 18-го ноября 1836 г. не всегда было на лицо опредѣленное закономъ количество заплечныхъ мастеровъ въ Петербургѣ,—и проходили мѣсяцы прежде, чѣмъ назначался на мѣсто выбывшаго другой. Въ 1836—1837 годахъ въ Петербургѣ, не смотря на то, что по закону полагалось три палача, было только два, и то на одного изъ нихъ, по неопытности къ дѣлу, нельзя было положиться.

До 1838 г. опредѣленіе и увольненіе палачей зависѣло отъ губернскаго правленія; съ этого времени, по высочайше утвержденному 1-го апрѣля положенію о столичной полиціи, обязанность эта перешла ко 2-му департаменту управы благочинія. Что вообще узаконенія о палачахъ были малоизвѣстны даже присутственнымъ мѣстамъ, это доказывается тѣмъ, что прежняя управа благочинія, 24-го марта 1832 г., испрашивала отъ уголовной палаты, „безъ всякаго (по выраженію послѣдней) къ тому основанія“, разрѣшенія на счетъ опредѣленія заплечныхъ мастеровъ, за что палата сдѣлала управѣ замѣчаніе и подтвердила, „чтобы она, соблюдая по дѣламъ приличіе, впредь не осмѣливалась затруднять подобными рапортами“. На основаніи нѣкоторыхъ указаній и распоряженій о жалованьѣ, можно съ достовѣрностью предположить, что опредѣленіе и увольненіе палачей прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій до 1818 г. лежало на обязанности губернскаго правленія [2]).

---

[1]) Можетъ быть, и раньше, чего, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, утвердительно сказать нельзя. Изъ журналовъ и протоколовъ с.-петербургскаго губернскаго правленія за 1779 и 1780 годы, просмотрѣнныхъ послѣ сообщенія въ редакцію «Русской Старины» настоящей статьи, оказывается, что и въ это время въ уѣздныхъ городахъ здѣшней губерніи палачей не было, и столичные заплечные мастера Василій Могучій и Петръ Глазовъ часто были командируемы въ уѣзды для наказанія преступниковъ. **Г. С.**

[2]) До 1781 года палачи находились въ вѣдѣніи губернской канцеляріи и по уничтоженіи этой канцеляріи были присланы въ губернское правленіе, которое отослало ихъ въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера Лопухина. Тогда же правленіе, не имѣя никакихъ о сихъ людяхъ свѣдѣній, приступило къ собранію справокъ: «сколько тѣхъ заплечныхъ мастеровъ, гдѣ и на какихъ во всемъ основаніяхъ содержались и въ чьемъ оные вѣдомствѣ состояли». **Г. С.**

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ палачами въ Петербургѣ были: Козловъ, о которомъ послѣ 1827 года не упоминается, и Степанъ Сергѣевъ Карелинъ, бывшій ямщикъ, поступившій въ палачи 3-го февраля 1826 года, по собственному желанію, изъ преступниковъ. До поступленія въ заплечные мастера онъ судился за кражу салопа и другихъ вещей и избавился отъ наказанія по манифесту 1826 года. Состоя въ званіи палача, Карелинъ, по рѣшенію палаты уголовнаго суда, за буйство наказанъ былъ батогами 10-ю ударами. По просьбѣ его и доказанной болѣзни, при преклонности лѣтъ, онъ былъ уволенъ изъ палачей и отправленъ, въ августѣ 1840 года, въ Ямбургъ для пропитанія себя посильными трудами и съ состояніемъ подъ надзоромъ полиціи. На мѣсто Козлова поступилъ Генрихъ Песси, финляндскій уроженецъ, изъ преступниковъ. Онъ судился за кражу шубы у купца Паномарева, и рѣшеніемъ уголовной палаты въ 1826 г. присужденъ къ наказанію плетьми 30-ю ударами и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. По исполненіи надъ нимъ наказанія, губернское правленіе, вслѣдствіе распоряженія военнаго министра—объ отсылкѣ подобнаго рода людей въ выборгскую крѣпость для работъ, отправило Песси въ Выборгъ, откуда онъ, въ августѣ слѣдующаго года, бѣжалъ въ Петербургъ, гдѣ попался по подозрѣнію въ кражѣ у сапожника Майделина изъ кармана часовъ. Палата освободила его по недоказательству и заключила выслать въ Финляндію, такъ какъ Песси, скрывъ первую подсудимость, назвалъ себя финляндскимъ уроженцемъ, прибывшимъ оттуда безъ паспорта. Песси не хотѣлось идти на мѣсто родины; онъ показалъ истину и изъявилъ желаніе поступить въ палачи, въ которые и опредѣленъ 16-го декабря 1827 г. Онъ добивался жить вмѣстѣ съ женою, но та не изъявила на то согласія.

Мѣсто Песси занялъ въ 1832 г. Игнатій Ефремовъ. За нимъ послѣдовательно поступили въ заплечные мастера—Иванъ Михайловъ и Кирилъ Матвѣевъ Тимоѳеевъ. Изъ крестьянъ Бабоѣдовой, Тимоѳеевъ, до поступленія въ палачи, по указу 9-го декабря 1835 г., судился за отнятіе въ ночное время у купеческаго сына Оплеухина кошелька съ деньгами 65 р., двухъ импріаловъ и серебра на 100 р., наказанъ 20-ю ударами плети съ назначеніемъ въ арестантскія роты, но по желанію его оставленъ въ званіи палача. Тимоѳеевъ былъ тотъ самый, который сперва оказывался малоспособнымъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ указѣ правленія отъ 29-го января 1837 г. было сказано, „что сіи люди (Карелинъ и Тимоѳеевъ) употребляемы быть должны оба по случающимся надобностямъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ по губерніи, на основаніи существующихъ о томъ постановленій; но, по надежности болѣе къ прежнему

мастеру (Карелину), по губерніи посылать его, а Тимоѳеева употреблять здѣсь, въ городѣ". За тѣмъ въ другомъ указѣ главному надзирателю тюрьмы, отъ 22-го февраля того же года, говорится, „чтобы впредь до совершеннаго навыка къ своему дѣлу Тимоѳеева, дозволить ему, подъ обыкновеннымъ присмотромъ, находиться съ прежнимъ мастеромъ Карелинымъ при наказаніи преступниковъ здѣсь, въ городѣ, ежели онъ одинъ къ тому, безъ практическаго навыка, къ наказанію на тѣлѣ употребленъ быть не можетъ; а по испытаніи и на практикѣ употреблять уже обоихъ въ дѣло порознь, посылая и новаго мастера по губерніи по очередно со старымъ, ежели впослѣдствіи докажетъ, что и къ нему можно имѣть одинаковое довѣріе". Потомъ этотъ Тимоѳеевъ оказался самымъ буйнымъ палачемъ, какъ у себя дома, въ тюрьмѣ, такъ и въ командировкахъ. Въ 1843 году, отправленный въ Новую Ладогу для исполненія приговора, онъ въ проходъ по 2-му стану здѣшняго уѣзда, вопреки приказанію конвойнаго унтеръ-офицера, заходилъ въ питейные дома, погреба и мелочныя лавочки, требуя себѣ водки и припасовъ, и прибилъ сотскаго. На обратномъ пути ему надѣли наручники, такъ какъ на станціи Чернушинѣ онъ покушался бѣжать, а по возвращеніи въ Петербургъ наказали 200-ми розогъ. Въ слѣдующемъ году, при обходѣ тюрьмы вечеромъ 17-го января однимъ изъ квартальныхъ поручиковъ, Тимоѳеевъ ударилъ его въ правое ухо, за что получилъ 400 ударовъ розгами. Въ 1847 году, въ пьяномъ видѣ, обругалъ одну изъ тюремныхъ надзирательницъ, грозя растерзать ея мужа. На вопросъ смотрителя тюрьмы, гдѣ онъ досталъ водку, Тимоѳеевъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ особенную машинку, которая снабжаетъ его водкою. Виновный выдержанъ нѣсколько дней въ карцерѣ Литовскаго замка. Въ слѣдующій годъ, во время командировки въ Лугу, прибилъ крестьянина Бонина, за что опять былъ наказанъ. По разсказамъ старожиловъ, Тимоѳеевъ въ послѣдній годъ своей службы, во время поѣздки въ гор. Новую Ладогу, перепуталъ клейма: вмѣсто *А. Т.* онъ поставилъ на щекахъ преступника два *Т*, изъ коихъ одно на оборотъ *Г*, оттовариваясь слабостью зрѣнія. Въ 1852 г. Тимоѳеевъ уволенъ отъ должности за болѣзнью и старостью лѣтъ и отправленъ въ Рыбинскъ подъ надзоръ полиціи.

Послѣ Карелина опредѣленъ въ палачи Алексѣй Заплатинъ и Василій Егоровъ Лебедевъ. Заплатинъ, изъ дворовыхъ людей помѣщика Арсеньева, судился предъ поступленіемъ въ палачи за кражу съѣстныхъ припасовъ въ Малорыбацкой слободѣ и у полковника Хвицкаго вещей. Въ бытность свою въ заплечныхъ мастерахъ, въ 1843 г., подвергся наказаніямъ за побѣгъ и за нанесеніе удара

по лицу конвойному, во время командировки во Гдовъ. Лебедевъ отличался наклонностью къ побѣгамъ. Первый разъ онъ бѣжалъ изъ тюрьмы 6-го декабря 1841 г., воспользовавшись оплошностью сторожей, но на другой же день былъ пойманъ и наказанъ. Третій побѣгъ онъ совершилъ 11-го ноября 1847 г. Притворившись больнымъ колотьемъ, Лебедевъ былъ отправленъ съ рядовымъ Савельевымъ въ лазаретъ тюремнаго замка; на дорогѣ уговорилъ Савельева зайдти въ толкучій рынокъ за яблоками и среди толпы скрылся. Онъ былъ пойманъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1848 г. и обращенъ, по прежнему, въ палачи, пробывъ въ этомъ званіи до 1855 года. Палачи 1850-хъ и 1860-хъ годовъ были преимущественно изъ бродягъ и мѣнялись часто. Такими были: Павелъ Ивановъ, Мятельниковъ, Иванъ Васильевъ Безродный, Иванъ Алексѣевъ, Александръ Ивановъ, Елисей Ивановъ, Иванъ Ивановъ и Яковъ Сизовъ. Этотъ ухитрился перелѣзть черезъ стѣну пересыльной тюрьмы во дворъ сосѣдней гимназіи, но былъ пойманъ. Послѣдними петербургскими палачами были Михайло, по показанію его, непомнившій родства, и Василій Петровъ. Маленькій ростомъ и сухощавый, Михайло часто ссорился съ Петровымъ, который былъ очень высокъ и видный парень, но тихаго характера. Михайло пробылъ до 1867 г. и отосланъ въ Ярославскую арестантскую роту. По отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній плетьми, былъ случай наказанія ими, но лишь бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири: они были наказаны въ банѣ Литовскаго замка. Такъ какъ плети, по состояніи указа 17-го апрѣля 1863 г., по распоряженію управы благочинія, были зарыты въ землю, то прибѣгнули къ образцовымъ. Петровъ участвовалъ также въ исполненіи приговора надъ однимъ изъ преступниковъ арестантской роты, убившемъ фельдфебеля, но здѣсь роль его ограничилась прикрѣпленіемъ виновнаго къ столбу послѣ прочтенія приговора. Онъ отказался вести и привязывать преступника къ другому столбу у могильной ямы (преступникъ приговоренъ былъ къ разстрѣлянію), представляя, что обязанъ по закону наказывать тѣлесно, но что привязываніе къ смертному столбу выходитъ изъ круга его должности. Обязанность эту исполнилъ, находившійся вмѣстѣ съ петербургскимъ палачемъ, псковскій заплечный мастеръ. Петровъ—тоже изъ бродягъ, поступившій въ палачи въ началѣ 1859 г. Во время суда онъ показалъ себя изъ рядовыхъ Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, что, конечно, не подтвердилось. Находясь въ тюрьмѣ, Петровъ (псковичъ) разсказывалъ, что служилъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, отлучился изъ команды, напился пьянъ и, проспавшись, сообразилъ—какому подвергнется онъ наказанію, въ случаѣ явки въ полкъ. Такъ какъ наказаніе бродягъ,

несдѣлавшихъ никакого преступленія, легче наказанія дезертировъ прежняго времени, то Петровъ рѣшился назваться бродягою. Онъ отличался хорошимъ поведеніемъ; нѣсколько лѣтъ прислуживалъ въ церкви пересыльной тюрьмы изъ богоугоднаго дѣла и, по желанію его, а также во вниманіе къ болѣзненному состоянію и преклоннымъ лѣтамъ, уволенъ отъ должности палача; а въ январѣ 1872 года отосланъ губернскимъ правленіемъ въ Архангельскъ для поступленія, согласно желанію, въ Соловецкій монастырь.

Петровъ былъ послѣдній петербургскій заплечный мастеръ.

Въ настоящее время обрядъ лишенія правъ состоянія преступниковъ въ Петербургѣ, возведеніе на эшафотъ и прикрѣпленіе къ столбу, послѣ прочтенія приговора, исполняется нижними тюремными полицейскими служителями. Палачи, правда, существуютъ, но лишь при каторжныхъ тюрьмахъ и только въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ.

III.

До 1825 года палачи содержались при управѣ благочинія, а съ сентября мѣсяца этого года, по распоряженію оберъ-полиціймейстера Шульгина, переведены въ городскую тюрьму, которая находилась на мѣстѣ нынѣшней пересыльной, въ Демидовомъ переулкѣ. Здѣсь они жили хотя въ особой комнатѣ, но не отдѣльно отъ арестантовъ; часто сталкивались съ ними, заводили шумъ и драки и входили въ стачки съ присуждаемыми къ наказанію арестантами. Ходя по корридорамъ и дворамъ, они съ тѣмъ вмѣстѣ часто встрѣчались съ посѣтителями тюрьмы.

Въ іюлѣ 1832 года сынъ французскаго маршала Даву, князь Экмюльскій въ бытность свою въ Москвѣ, купилъ тайно чрезъ своего агента у заплечнаго мастера два кнута, коими наказываются преступники. По всеподданнѣйшему о семъ докладу, состоялось высочайшее повелѣніе: „впредь ни кнутовъ, ни заплечнаго мастера никому не показывать“. Вслѣдствіе сего предписано смотрителю тюрьмы помѣстить палачей отдѣльно, дабы они никому не были показываемы и сообщенія ни съ кѣмъ не имѣли; инструментъ же ихъ держать за замкомъ, а когда потребуется надобность для наказанія кого-либо, отправлять палачей на мѣсто и обратно въ особомъ фургонѣ съ инструментомъ, который потомъ отбирать и запирать по прежнему. Съ своей стороны оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ предписалъ надзирателю тюрьмы о строгомъ наблюденіи, подъ собственною его отвѣтственностью, чтобъ заплечные мастера, въ тюрьмахъ содержащіеся, не имѣли никакихъ вообще ни съ кѣмъ сношеній и чтобы кнутъ и плети хранились за благонадежнымъ присмотромъ.

Заплечныхъ мастеровъ въ Петербургѣ окончательно отдѣлили отъ арестантовъ и помѣстили въ одинъ изъ вновь устроенныхъ секретныхъ нумеровъ, въ татебномъ отдѣленіи состоящихъ, отобрали орудія казни и держали эти орудія въ запертой кладовой. Въ 1833 году тюремный комитетъ устроилъ для палачей особое помѣщеніе на одномъ изъ тюремныхъ дворовъ, съ тѣмъ, дабы они далѣе своего двора отнюдь выпускаемы не были. Когда градская тюрьма отстраивалась и приспособлялась къ помѣщенію въ ней пересыльныхъ арестантовъ, то палачи были переведены сначала въ одно изъ арестантскихъ помѣщеній при управѣ, а потомъ въ Литовскій замокъ, гдѣ жили они въ особомъ огороженномъ зданіи; а за тѣмъ ихъ вернули въ Демидовъ переулокъ, гдѣ они и были до конца своего существованія.

IV.

„А государево имъ (палачамъ на Москвѣ) жалованье давать изъ государевой казны, изъ разбойнаго приказа“ [1]). „Въ городѣхъ палачамъ давать великаго государя годоваго жалованья по 4 рубли каждому, изъ губныхъ неокладныхъ доходовъ“ [2]). Но указу 10-го іюня 1742 года повелѣно заплечнымъ мастерамъ производить жалованье противъ гарнизоннаго солдатскаго оклада денежнаго, за платье и за хлѣбъ по 9 р. 95 коп. въ годъ [3]).

26-го ноября 1797 года государственный казначей Васильевъ предложилъ казенной палатѣ о производствѣ палачамъ жалованья изъ экстра-ординарной суммы, ассигнуемой по губерніи на разныя издержки, въ томъ числѣ и на содержаніе палачей; однако, по свѣдѣнію казенной палаты, находящемуся въ указѣ губернскаго правленія смотрителю тюрьмы отъ 31-го октября 1830 г., таковаго требуемо вовсе не было. Неполученіе палачами жалованья въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подтверждается журналомъ губ. прав. 10-го ноября 1805 г.; журналомъ этимъ сдѣлано распоряженіе о выдачѣ мастеру Яковлевуи другомуего товарищу содержанія съ 1-го мая 1797 года по день состоянія журнала, по 20 рублей 79 коп. въ годъ. За тѣмъ изъ журнала, въ мартѣ 1829 г., правленіе сдѣлало разсчетъ и постановило отпускать палачамъ въ годъ жалованья по 9 р. 40½ коп.—по окладу гарнизоннаго солдата. Но уже съ 1834 г. губернское правленіе никакихъ денежныхъ выдачъ на жалованье и проч. палачамъ не производило. Высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1833 г. мнѣніемъ

[1]) Полн. Собр. Зак.; Улож. царя Ал. Михаиловича, XXI глава, ст. 96, томъ I. Г. С.

[2]) П. С. Зак., т. II, 1680 г. сент. 22-го, № 836. Г. С.

[3]) П. С. Зак., т. XI, № 8,562. Г. С.

государственнаго совѣта хотя положены палачи изъ вольнонаемныхъ, но только въ случаѣ, если не будетъ желающихъ поступить въ это званіе изъ преступниковъ, съ производствомъ платы, въ столицахъ — отъ 300 до 400 р. въ годъ, а въ губернскихъ городахъ — отъ 200 до 300 рублей, сверхъ одежды и удвоеннаго количества кормовыхъ денегъ, для арестантовъ по табели положенныхъ, или казеннаго провіанта натурою, съ отнесеніемъ всѣхъ суммъ на земскій сборъ. Такихъ вольнонаемныхъ земскихъ палачей по Петербургской губерніи не было [1]).

Не получая часто жалованья и одежды, заплечные мастера содержались подаяніемъ и одеждою отъ доброхотныхъ дателей, а пищею пользовались арестантскою. По мнѣнію департамента государственнаго казначейства въ 1830 г., такой порядокъ вещей могъ бы остаться и на будущее время, но губернское правленіе нашло, „что подобное мнѣніе не можетъ быть принято въ видѣ закона, ибо департаментъ въ завѣдываніи своемъ заплечныхъ мастеровъ не имѣетъ; что палачи не арестанты, которые бы имѣли право на подаяніе, а еще менѣе на снабженіе ихъ одеждою доброхотными дателями; по сему сію мѣру основаніемъ къ продовольствію заплечныхъ мастеровъ и принять невозможно. Съ другой стороны, имѣя въ виду, что палачи состоятъ для исполненія закона—наказанія преступникамъ, а потому суть люди, необходимые по общему гражданскому составу, до управленія губерніею относящагося, и видя на самомъ опытѣ, что люди сіи въ зимнее время, бывъ отправлены въ дальнія мѣста отъ столицы для наказанія на мѣстѣ преступниковъ, по неимѣнію теплой одежды, претерпѣваютъ крайнее изнуреніе, а по не отпуску на содержаніе пищи во время ихъ проѣздовъ, нуждаются въ оной, заключило: отпускать палачамъ на одежду и обувь по 180 р. 65 коп. каждому изъ экстра-ординарной суммы, ассигнуемой на путевое и кормовое содержаніе“. Предположеніе это, выраженное въ представленіи военному генералъ-губернатору 28-го марта 1829 г., было имъ утверждено. До утвержденія этого представленія, палачи получали, по особому разсчету, по 58 р. на одежду, а пищу наравнѣ съ арестантами; во время же командировокъ имъ производилось кормовыхъ по 12-ти коп. въ сутки.

Смотритель тюрьмы строилъ палачамъ слѣдующую одежду — лѣт-

[1]) Въ 1781 году оберъ-полиціймейстеръ Лопухинъ спрашивалъ изъ какихъ суммъ производить жалованье заплечнымъ мастерамъ Могучему и Глазову. Разрѣшено производить жалованье изъ положенной по штату на канцелярскихъ служителей расходной суммы, а прогоны выдавать изъ той же суммы, изъ которой выдавались прежде. Г. С.

ною: кафтанъ темно-зеленый на крашенинной подкладкѣ съ поясомъ, три рубахи, холщевые порты, три пары личныхъ русскихъ сапоговъ, двѣ пары портянокъ, холстинный мѣшокъ и шапку сѣраго сукна; а на зиму къ этому прибавлялось—шуба баранья, крытая сѣрымъ сукномъ, брюки изъ того же сукна на холстинной подкладкѣ, казенныя рукавицы съ варегами и пара суконныхъ онучь. Все это полагалось на извѣстные сроки.

Высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1833 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта повелѣно: на содержаніе палачамъ производить удвоенное количество положенныхъ для арестантовъ по табели кормовыхъ денегъ, съ выдачею имъ одежды на положенные сроки, для арестантовъ опредѣленной; въ случаѣ же многочисленности семействъ палачей, если опредѣляемаго содержанія окажется недостаточно, то предоставить министерству внутреннихъ дѣлъ дѣлать, по усмотрѣнію его, на содержаніе ихъ прибавку изъ экстра-ординарной суммы, на губернію отпускаемой. Съ этого времени дѣйствія губернскаго правленія по отпуску денегъ на жалованье и прочее довольствіе палачамъ прекратились. На обязанности его оставалась лишь выдача кормовыхъ денегъ на дорогу въ двойномъ количествѣ, въ случаѣ командировокъ; по прибытіи на мѣсто, палачи получали кормовыя по табели съ прочими содержащимися арестантами, только въ двойномъ противъ ихъ количествѣ. Что же касается одежды и обуви, то, по мнѣнію правленія, то и другое должны быть точно такого образца, какъ и для арестантовъ, вообще, сообразны съ временемъ года и на тѣ же сроки. Въ 1847 году палачи добивались вмѣсто пищи натурою, которая будто бы отпускалась имъ холодною, получать деньги; но тюремный комитетъ отказалъ въ этомъ домогательствѣ, не видя никакихъ уважительныхъ къ тому основаній. Впослѣдствіи, по распоряженію комитета, палачи получали на продовольствіе по 20 коп. въ сутки, т. е. двойную кормовую дачу пересыльнаго арестанта.

V.

Палачи производили разныя ремесла. 17-го декабря 1841 г. надзиратель градской тюрьмы, донося оберъ-полиціймейстеру Кокошкину, что одинъ изъ заплечныхъ мастеровъ занимается сапожнымъ, а другой—портнымъ мастерствами, имѣя собственные для сего инструменты; что производство мастерства дозволено имъ его предмѣстникомъ, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы палачи имѣли отраду въ своемъ уединеніи, просилъ разрѣшенія: можно-ли позволить палачамъ производить работу, а также покупать нюхательный и курительный табакъ, а въ праздничные дни вино, для употребленія по чаркѣ къ под-

крѣпленію здоровья, такъ какъ они объявили, что прежде это имъ дозволялось. На это послѣдовала резолюція: „дозволить заниматься ремеслами“; что же касается табаку и водки, то этотъ пунктъ ходатайства смотрителя оставленъ безъ отвѣта.

VI.

Для исполненія приговоровъ петербургскіе палачи командировались не только въ уѣзды этой губерніи, но и въ Финляндію. Въ 1825 г. заплечный мастеръ Козловъ, вслѣдствіе требованія Роченсальмскаго коменданта, былъ командированъ туда для исполненія приговора. Туда же ѣздили нѣсколько разъ Карелинъ съ Песси, которые однажды, по возвращеніи въ Петербургъ, жаловались губернскому прокурору, что выборгскіе ландсманы удерживаютъ ихъ въ Выборгѣ по три и четыре дня, а Роченсальмскій комендантъ грозитъ плетьми всякій разъ, когда они пріѣзжаютъ несвоевременно. Палачи конца прошлаго столѣтія отправлялись на подводѣ въ сопровожденіи солдата; съ изданіемъ же указа 19-го сентября 1829 г., нарядъ палачей изъ губернскихъ въ уѣздные города и уѣзды производился посредствомъ внутренней стражи, съ дачею одной подводы „для инструментовъ“, при чемъ мастеровъ отправляли къ мѣсту назначенія съ первымъ отходящимъ этапомъ. Въ столицахъ ихъ вывозили къ эшафоту въ особомъ фургонѣ.

Желавшіе поступить въ заплечные мастера подвергались испытанію и учились мастерству у прежде поступившихъ въ палачи. Такими учителями для многихъ палачей были преимущественно Карелинъ, Тимоѳеевъ и Лебедевъ. Ученье производилось на деревянной кобылѣ, на которую клали изображеніе человѣческой спины и плечей, сдѣланныхъ изъ березовой коры. Палачи клали удары крестообразно, наблюдая, чтобы конецъ плети не касался тѣхъ мѣстъ, гдѣ должны быть голова и бока. При наказаніи преступниковъ, если казнь совершалась однимъ палачомъ, то послѣ удара съ одной стороны онъ переходилъ на другую; если же участвовали два палача, въ такомъ случаѣ они становились по сторонамъ преступника. Въ томъ и другомъ случаяхъ палачи помѣщались въ ногахъ.

Больныхъ палачей помѣщали въ больницу тюремнаго за́мка, а послѣ стали лечить въ ихъ-же помѣщеніи. Умершихъ заплечныхъ мастеровъ хоронили, какъ и арестантовъ.

VI.

Въ 1840 г. управа благочинія, изготовя, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ отъ 10-го мая

1839 г., три экземпляра орудій тѣлесныхъ наказаній, снабдила ими смотрителя тюрьмы, предписавъ ему всѣ прежнія орудія, ни мало немедля, уничтожить.

Вновь утвержденнаго образца орудія заключались: 1) въ трехъ, черной кожи, круглыхъ сумкахъ, длиною каждая въ 1 аршинъ 10 вершковъ; 2) въ трехъ кнутахъ, каждый въ двухъ отдѣленіяхъ, съ деревянными рукоятками; 3) къ каждому кнуту 40 сыромятныхъ, обдѣланныхъ сухихъ концовъ, всего къ 3-мъ—120; 4) шесть притяжныхъ ремней съ кольцами; 5) шесть плетей, съ деревянными рукоятками, а каждая плеть съ 3 концами, и 6) три экземпляра стальныхъ штемпелей, всего 9 штукъ, съ зубчатыми литерами: *В. О. Р.*, съ черенками у каждаго штемпеля корельской березы.

Въ 1846 г. тюрьмы были снабжены новыми штемпелями съ изображеніемъ буквъ: *К. А. Т.* для клейменія преступниковъ, осуждаемыхъ въ каторжную работу, вмѣсто прежнихъ съ изображеніемъ *В. О. Р.*, которыя, равно какъ и кнуты, съ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, подлежали немедленно уничтоженію. Тогда же подтверждено было, что знаки клейма, кои будутъ налагаемы новымъ штемпелемъ, слѣдуетъ натирать, для неизгладимости, тѣмъ же составомъ (изъ индиго и туши), коимъ опредѣлено уже натирать знаки, поставляемые особымъ инструментомъ на бродягъ. Въ томъ же году управа благочинія прислала штемпеля, съ изображеніемъ буквы *Б.* (бѣглый), *С. Б.* (ссыльно-бѣглый) и *С. К.* (ссыльно-каторжный), съ подробнымъ наставленіемъ о положеніи ихъ на преступниковъ.

Два года спустя управа благочинія прислала къ надзирателю тюрьмы образцовый экземпляръ пучка розогъ и „наставленіе“ объ ихъ употребленіи.

Розги, по словамъ наставленія, для наказанія преступниковъ должны состоять изъ тонкихъ березовыхъ прутьевъ, длиной въ $1^1/_4$ аршина, а числомъ въ каждомъ пучкѣ отъ 10 до 15, такъ, чтобы общій объемъ ихъ въ нижнемъ концѣ, послѣ соединенія въ пучекъ, имѣлъ $1^3/_4$ вершка; прутья должны быть перевязаны въ трехъ мѣстахъ тонкою бичевкою такъ, чтобы разстояніе отъ нижняго конца до послѣдней верхней перевязки составляло 6 вершковъ. Тонкія отрасли прутьевъ, идущія къ верхнему концу пучка отъ третьей перевязки бичевкою, не срѣзываются, а остаются въ натуральномъ ихъ видѣ, лишь безъ листьевъ. Послѣ 10 ударовъ, розги признаются негодными къ дальнѣйшему употребленію и должны быть замѣнены другими. Розги надлежитъ имѣть не изъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ прутьевъ, а изъ прутьевъ нѣсколько уже лежалыхъ, но отнюдь не сухихъ; на сей ко-

нецъ, заготовляемыя единовременно, розги стараться хранить въ сыромъ мѣстѣ, дабы онѣ имѣли надлежащую тяжесть и гибкость. Тамъ, гдѣ нѣтъ березовыхъ прутьевъ, выписывать оное изъ другихъ мѣстъ.

Въ декабрѣ 1846 г., смотритель Петербургской тюрьмы получилъ пять старыхъ шпагъ, для исполненія приговоровъ надъ преступниками изъ дворянъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе.

VIII.

По объявленіи преступнику, неизбавленному по закону отъ тѣлеснаго наказанія, судебнаго приговора, онъ въ тотъ же день, по распоряженію тюремнаго комитета, отдѣлялся отъ другихъ арестантовъ въ особый нумеръ, гдѣ священникъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, приготавливая къ принятію опредѣленнаго ему наказанія. Съ тѣмъ вмѣстѣ виновный заковывался въ ножные кандалы. Въ ночь того дня, когда должно было исполниться наказаніе, привозили изъ Рождественской части позорную колесницу, которую ставили въ воротахъ тюрьмы. Рано утромъ преступника приводили въ тюремную контору, одѣвали на него чистое бѣлье и особенное для этихъ случаевъ платье: длинный кафтанъ чернаго сукна и такую же шапку, а на грудь привязывали черную деревянную доску съ надписаннымъ крупными бѣлыми буквами родомъ преступленія. Къ этому времени ввозили на тюремный дворъ позорную колесницу, которую окружалъ конвой отъ внутренней стражи съ оберъ-офицеромъ и жандармы. Преступникъ взводился на колесницу двумя служителями тюремной команды; они усаживали его на придѣланную къ ней скамейку, спиною къ лошадямъ, и привязывали руки и ноги къ скамейкѣ сыромятными ремнями. При выступленіи кортежа изъ тюрьмы конвой размѣщался такъ: жандармскій унтеръ-офицеръ, за нимъ полу-взводъ солдатъ съ барабанщикомъ, позорная колесница, окруженная жандармами, по два съ каждой стороны, и другой полувзводъ сзади. Въ такомъ порядкѣ кортежъ двигался по улицамъ до эшафота[1]).

Ко времени прибытія преступника къ мѣсту наказанія, въ особомъ фургонѣ, подъ конвоемъ, привозили изъ тюрьмы палачей. По прибытіи кортежа, тѣже два тюремные служителя отвязывали виновнаго, сводили съ колесницы, ставили на устроенную къ эшафоту лѣстницу и снимали съ него шапку. Тогда подходилъ священникъ, напутствовалъ виновнаго краткою рѣчью и давалъ приложиться къ

[1]) Суточный приказъ по спб. полиціи 11-го марта 1852 г. Г. С.

кресту. Тюремные служителя взводили преступника на эшафотъ съ обнаженною головою. За нимъ слѣдовалъ чиновникъ, назначенный для чтенія приговора. Между тѣмъ, двѣ роты внутренняго горнизоннаго баталіона, окружавшія эшафотъ, по командѣ старшаго офицера, дѣлали на плечо и потомъ на караулъ. По окончаніи чтенія, рота брала на плечо и къ ногѣ, а тюремные служителя взводили преступника на особое возвышеніе къ позорному столбу, посреди коего отъ крючка висѣли двѣ цѣпи съ накладками, которыми прихватывали преступника въ плечахъ и закладывали накладки за крючки.

Преступникъ оставался въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ. За тѣмъ служителя сводили его на эшафотъ, снимали верхнее платье и передавали осужденнаго въ руки палачей. Эти разрывали ему, какъ воротъ рубашки, такъ и спереди рубашку до конца, обнажая по поясъ и закладывая рубашку за спину. Одинъ изъ заплечныхъ мастеровъ держалъ преступника, а другой — поднималъ кобылу и ставилъ ее въ наклонное положеніе [1]). Кобыла — толстая деревянная доска съ вырѣзами для головы, съ боковъ — для рукъ и внизу — для ногъ, поднималась и опускалась на особомъ шарнирѣ. Палачи клали преступника на кобылу, прикрѣпляя его къ ней сыромятными ремнями за плечи и ноги, и пропустивъ ремни подъ кобылу чрезъ кольцо, перевязывали ими руки, такъ что спина послѣ такой перевязки выгибалась. Приготовивъ преступника къ наказанію, палачи брали плети, лежавшія дотолѣ въ углу эшафота накрытыя рогожею, становились въ ногахъ осужденнаго, клали конецъ плети на эшафотъ и, перешагнувъ черезъ этотъ конецъ правою ногою, ждали приказа начать наказаніе отъ исполнителя приговора. Начиналъ сперва стоявшій съ лѣвой стороны палачъ; медленно поднимая плеть, какъ бы какую тяжесть, онъ съ крикомъ: „берегись! ожгу!“ наносилъ ударъ; за нимъ начиналъ свое дѣло другой. При наказаніи наблюдалось, чтобы удары слѣдовали въ порядочные промежутки одинъ послѣ другаго.

По окончаніи казни, палачи отвязывали преступника, накидывали на спину рубашку и послѣ наложенія клеймъ передавали его служителямъ, которые набрасывали на наказаннаго кафтанъ, одѣвали шапку и сводили подъ руки съ эшафота. Къ этому времени подъѣзжалъ особый фургонъ съ выдвижнымъ на доскѣ матрасомъ, выдвигавшимся изъ фургона въ наклонномъ положеніи. Служители клали на этотъ матрасъ наказаннаго грудью и вдвигали въ фургонъ, въ который садился вмѣстѣ съ преступникомъ фельдшеръ съ медикаментами. Окру-

[1]) Если былъ одинъ палачъ, то послѣ обнаженія преступникъ находился въ рукахъ служителей, пока палачъ приготовлялъ кобылу. Г. С.

женный участвовавшими въ кортежѣ жандармами, фургонъ отправлялся въ больницу тюремнаго замка; по прибытіи куда, наказаннаго вносили въ больницу на томъ же матрасѣ [1]).

Въ 1801 году, Александръ I, восходя на престолъ и одушевленный любовью къ человѣчеству, возвѣстилъ непремѣнную волю, дабы въ его государствѣ „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“ [2])

Желаніе монарха въ теченіи болѣе полустолѣтія пребывало лишь въ области желаній: тамъ, гдѣ милліоны населенія были закономъ обречены въ тягчайшее крѣпостное рабство, — законодательство, для его поддержанія, не могло не сохранять цѣлую лѣстницу, если не пытокъ — являвшихся дѣломъ не законнымъ, то казней: розги, палки, плети, клеймы, кнутъ....

19-го февраля 1861 г., по мановенію Царя-Освободителя, разсыпались желѣзныя звенья крѣпостнаго рабства, а два года спустя, уничтожены и орудія, поддерживавшія цѣлость этихъ цѣпей. Только съ того времени — самое названіе шпицрутеновъ, клеймъ и плетей, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее“, дѣйствительно и навсегда изглаживается изъ памяти Русскаго народа.

Г. И. Студенкинъ.

---

[1]) Приведенныя подробности записаны нами со словъ оффиціальнаго лица, многократно бывшаго участникомъ этихъ печальной памяти церемоніаловъ.

[2]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 59. Г. С.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

1841 года марта 15-го его величество государь императоръ при посѣщеніи с.-петербургскаго тюремнаго замка, равно содержащихся въ отдѣленіяхъ арестантовъ и устроенной при ономъ церкви, высочайше повелѣть соизволилъ: «дабы отъ нынѣ никто изъ постороннихъ лицъ, кромѣ содержащихся арестантовъ и служащихъ въ замкѣ людей, въ церковь впускаемъ не былъ». А потому для точнѣйшаго и неукоснительнаго исполненія вышеизложенной воли его величества сію бумагу и хранить при дѣлахъ конторы, для руководства. О повелѣніи было донесено 15-го марта предсѣдателю тюремнаго комитета графу Бенкендорфу.

II.

Изъ сообщенія тюремнаго комитета смотрителю тюрьмы, отъ 11-го сентября 1842 года, видно, что судебныя мѣста, постановлявшія приговоры о тѣлесномъ наказаніи, обязаны были въ тотъ же день сообщать смотрителю тюрьмы, дабы по полученіи таковаго свѣдѣнія тюремный комитетъ имѣлъ возможность присужденнаго отдѣлить отъ другихъ арестантовъ въ особый, собственно для сего назначенный, нумеръ, гдѣ священникъ замка могъ бы бесѣдовать съ нимъ наединѣ и приготовить его по христіанскому долгу къ принятію заслуженнаго имъ наказанія.

III.

Описаніе прибора съ штемпелями для клейменія каторжныхъ и наставленіе объ употребленіи сихъ штемпелей [1]).

18-го іюня 1846 г.

1) Весь приборъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: а) 3-хъ клеймъ съ деревянными неподвижными рукоятками, изъ которыхъ на одномъ на мѣдной дощечкѣ изображена стальными короткими иглами лит. К., на другомъ лит. А. и на третьемъ лит. Т., b) одной палочки состава для натиранія имъ кожи послѣ клейменія и с) ящика изъ соснового дерева, въ которомъ заключаются всѣ сіи вещи.

Примѣчаніе 1. Составъ для натиранія, обернутый въ шпіалтеровую бумагу, хранится въ особой жестянкѣ съ крышечкою.

Примѣчаніе 2. На каждомъ изъ трехъ означенныхъ клеймъ находятся еще слѣдующіе знаки: на боковой сторонѣ мѣдной дощечки съ лит. К. черточка | и на рукояткѣ |, и на таковой же дощечкѣ съ лит. А. двѣ черточки ||, и на рукояткѣ 2, и наконецъ на дощечкѣ лит. Т. три черточки ||| и на рукояткѣ 3.

Знаки эти служатъ для того, во первыхъ, чтобы при клейменіи класть клейма сперва съ лит. К. (№ 1-й), потомъ лит. А. (№ 2-й) и на послѣдокъ съ лит. Т

---

[1]) Описаніе это тогда же, въ 1846 г., было официально разослано губернаторамъ. **Г. С.**

(№ 3-й); во вторыхъ, чтобы не перемѣщивать клеймъ и не поставить одну и ту же букву у одного и того же лица на двухъ мѣстахъ, и въ третьихъ, чтобы при самомъ клейменіи ставить клеймо съ наружною буквою въ надлежащемъ положеніи, а не бокомъ или низомъ вверхъ,—для этаго при клейменіи должно прикладывать каждый штемпель такимъ образомъ, чтобы знаки всегда обращены были вверхъ.

2) Наложеніе клеймъ производится слѣдующимъ образомъ:

Взявъ въ лѣвую руку штемпель съ лит. К. такимъ образомъ, чтобы знаки были обращены вверхъ, и укрѣпивъ его на лбу осужденнаго къ клейменію, палачъ ударяетъ ладонью правой руки на нижній полукруглый конецъ рукоятки съ такою силою, какая нужна для того, чтобы иглы на мѣдной дощечкѣ, изображающія оную литеру, вошли въ кожу; послѣ чего беретъ второе клеймо съ лит. А. и, укрѣпивъ его на правой щекѣ, точно такимъ же образомъ производитъ клейменіе, и наконецъ, съ лит. Т одинаково ставитъ на лѣвой щекѣ и производитъ клейменіе.

3) По наложеніи каждаго клейма мѣсто это натирать составомъ, растворенным водою на ладони до нѣкоторой густоты.

4) Краску съ клейменаго мѣста не смывать ранѣе, какъ чрезъ сутки, что производить съ легка губкою, намоченною въ теплой водѣ.

IV.

Наставленіе медицинскаго совѣта о наложеніи и сохраненіи клеймъ.

1846 г.

Изъ указа 2-го департамента управы благочинія отъ 26-го ноября 1846 г. видно распоряженіе, чтобы клейменіе бѣглыхъ ссыльныхъ и бродягъ производилось въ помѣщеніи временной управы, въ бывшемъ домѣ Межуева. При этомъ долженъ находиться полицейскій стряпчій, врачъ, экзекуторъ временнаго отдѣленія управы или смотритель пересыльной тюрьмы и чиновникъ наружной полиціи. При этомъ указѣ было прислано слѣдующее наставленіе, составленное въ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, фельдшерамъ, назначеннымъ для наложенія знаковъ на бѣглыхъ, ссыльныхъ и бродягъ.

1. Мѣсто наложенія знаковъ. Знаки накладываются: а) на правой рукѣ на предплечіи (antibrachium), на два поперечные пальца ниже локтеваго сгиба, съ наружной стороны на толстой мясистой части на общемъ началѣ разгибающихъ руку мусколовъ (initium commune musculorum exstensorum).

Примѣчаніе. Въ случаѣ наложенія втораго или слѣдующаго знака, вновь накладываемый знакъ ставится подъ имѣющимся уже знакомъ, по направленію той же мясистой части означенныхъ мышцъ. б) На правой лопаткѣ, отступая на поперечной палецъ внизъ отъ ощущаемой подъ внѣшними покровами части лопатки (spina scapulae) и на поперечный палецъ къ наружи отъ задняго края лопатки (m. posterior scapulae).

Примѣчаніе. Второй и слѣдующіе знаки накладываются подъ первымъ, спускаясь въ отвѣсномъ направленіи внизъ, паралельно съ заднимъ краемъ лопатки.

2. Употребленіе машинки для клейменія: 1) части, изъ которыхъ состоитъ машинка: а) мѣдной рукоятки съ мѣднымъ куркомъ на серединѣ и мѣдной же коробки на верхнемъ концѣ рукоятки, б) шести мѣдныхъ дощечекъ, изъ которыхъ на двухъ стальными вызолоченными иглами изображено на каждой

лит. *Б.* (бѣглый), на другихъ двухъ такими же литерами *С. Б.* (ссыльно-бѣглый) и на третьей *С. К.* (ссыльно-каторжный); в) двухъ стальныхъ винтиковъ (одинъ изъ нихъ запасной) и стальной отверткн, и наконецъ г) кисточки для втиранія состава послѣ клейменія. Всѣ эти вещи заключаются въ деревянномъ ящикѣ съ замкомъ; въ ящикѣ же помѣщена, сверхъ того, масса для втиранія послѣ клейменія. 2) способъ употребленія машинки: а) вложенную въ мѣдную коробку дощечку съ наружными для клейменія литерами укрѣпить въ верхнемъ концѣ неподвижно, посредствомъ стальнаго винтика, ввинчиваемаго отверткою въ отверстіе, находящееся на нижней сторонѣ верхняго конца рукоятки, вплоть до основанія, такъ, чтобы между винтикомъ и рукояткою не оставалось никакого промежутка, или до тѣхъ поръ, пока отверткою нельзя болѣе дѣлать поворотовъ винтика; послѣ чего, взявъ рукоятку въ лѣвую руку такимъ образомъ, чтобы коробка лежала въ ладони ея, а пальцами той же руки обхватывалась она снизу, правою же рукою захватить мѣдную пуговку, находящуюся на заднемъ или нижнемъ концѣ рукоятки, и оттягивать назадъ до тѣхъ поръ, пока не услышится легкій щелкъ; причемъ нижній конецъ мѣднаго курка прижимается самъ собою плотно къ рукояткѣ, а верхній нѣсколько приподымается. б) Натянувъ такимъ образомъ спиральную пружину, находящуюся внутри рукоятки, а съ тѣмъ вмѣстѣ втянувъ въ коробку мѣдную дощечку съ иглами, такъ, что эти послѣднія будутъ уже совершенно закрыты внутри коробки, ниже верхняго края ея,—машинку, совершенно уже готовую, ставить (курком всегда вверхъ для того, чтобы литеры были на клейменомъ мѣстѣ въ надлежащемъ положеніи) на назначенное для клейменія мѣсто всѣмъ верхнимъ краемъ коробки, и какъ можно крѣпче прижать къ тѣлу; въ такомъ положеніи держать ее неподвижно до тѣхъ поръ, пока не будетъ спущенъ курокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и иглы войдутъ въ тѣло. (Курокъ спускается указательнымъ пальцемъ правой руки, прижимая верхній конецъ его къ рукояткѣ). Послѣ сего снять машинку и тотчасъ же приступить къ втиранію состава въ клейменное мѣсто посредствомъ кисточки, намазываемой въ мелкорастертомъ и разведенномъ уже въ теплой водѣ, предварительно клейменія, составѣ. Втираніе это повторить раза три, каждый разъ намачивая кисточку снова въ составѣ до тѣхъ поръ, пока масса войдетъ въ отверстія, произведенныя иглами. в) Краску съ клейменаго мѣста не смывать ранѣе, какъ чрезъ сутки, что производить слегка губкою, намоченною въ теплой водѣ, и г) по окончаніи операціи машинку разбирать опять тѣмъ же порядкомъ, какимъ она собрана; иглы же для вытиранія можно пропустить сквозь сухую мягкую ветошку.

Примѣчаніе. Чтобы нельзя было перемѣшивать дощечекъ съ литерами, при вложеніи ихъ въ коробку, вмѣсто напримѣръ дощечки съ лит. *Б.* не вложить съ *С. Б.* и такъ далѣе, то для этаго на каждой дощечкѣ сверху выбиты тѣ самыя литеры, которыя изображены, иглами на дощечкѣ снизу.

V.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній.

20-го мая 1847 г.

«Вашему Превосходительству извѣстно, что на основаніи установленнаго 1385 статьею 6 продолж. XV тома новаго порядка исполненія уголовныхъ приговоровъ, преступникъ, осужденный къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и

ссылкѣ на каторгу или на поселеніе, послѣ прочтенія ему приговора суда, приводится въ самомъ мѣстѣ содержанія его къ исповѣди, а потомъ бывшій въ семъ случаѣ духовнымъ наставникомъ осужденнаго священникъ, если признаетъ возможнымъ, допускаетъ его и къ святому причащенію, и сдѣлавъ ему приличное, по обстоятельствамъ, увѣщаніе, сопровождаетъ на лобное мѣсто, гдѣ должна совершиться казнь; тамъ священнослужитель, сдѣлавъ еще разъ увѣщаніе, оставляетъ преступника.

«Святѣйшій правительствующій сунодъ, въ дополненіе и поясненіе сего, призналъ нужнымъ постановить слѣдующія правила:

1) Священникъ долженъ сопровождать осужденнаго въ приличномъ экипажѣ, доставленномъ ему отъ полицейскаго начальства, слѣдуя однако къ мѣсту наказанія преступника не позади позорныхъ дрогъ, а иначе, какъ можетъ оказаться приличнѣйшимъ и удобнѣйшимъ для исполненія его обязанностей.

2) Священникъ долженъ имѣть съ собою въ это время эпитрахиль и крестъ, для употребленія ихъ тогда, когда будетъ произносить къ осужденному послѣднее увѣщаніе, прежде нежели онъ возведенъ будетъ на лобное мѣсто; если же священникъ признаетъ необходимымъ преподать преступнику еще однажды увѣщаніе даже на лобномъ мѣстѣ, то исполняетъ сіе уже безъ эпитрахиля и креста.

3) Важнѣйшею обязанностію священника должно быть предварительное дѣйствіе его на умъ и сердце осужденнаго, расположеніемъ его къ чистосердечному раскаянію въ содѣланномъ преступленіи. Съ сею цѣлію, получивъ извѣщеніе объ осужденномъ, священникъ, за нѣсколько дней до исполненія приговора, долженъ начать свои дѣйствія, посѣщая преступника какъ можно чаще, вселяя въ него страхъ Божій и научая средствамъ къ примиренію и спасенію души чрезъ раскаяніе и рѣшимость поступать впредь по заповѣдямъ Божіимъ. Смотря по плодамъ раскаянія, священникъ можетъ принять отъ осужденнаго исповѣдь и сподобить его причащенія Св. Таинъ, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на основаніи церковныхъ правилъ и особыхъ наставленій, коими избираемые для исполненія настоящей обязанности священнослужители снабжены будутъ отъ своего епархіальнаго начальства.

4) Въ случаяхъ,—когда исполненіе приговора должно быть произведено на мѣстѣ преступленія въ уѣздѣ, священники того города, гдѣ преступникъ содержался, обязуются токмо дѣлать ему предварительныя увѣщанія, имѣя впрочемъ право, смотря по нравственному расположенію преступника, исповѣдать и причастить его Св. Таинъ; послѣднія же къ нему увѣщанія предъ самымъ наказаніемъ долженъ произнесть приходскій священникъ того мѣста, гдѣ приговоръ исполняется».

«О таковомъ постановленіи святѣйшаго правительствующаго синода считаю долгомъ увѣдомить для свѣдѣнія и надлежащаго, въ чемъ будетъ слѣдовать, руководства и исполненія, присовокупляя, что изложенная въ 1 пунктѣ мысль святѣйшаго синода очевидно клонится къ тому, чтобы священникъ не составлялъ части кортежа преступника, а потому надлежитъ распоряжать прибытіе его на мѣсто казни или прежде или послѣ сего послѣдняго, но безъ излишняго промедленія.

Примѣчаніе. Этотъ циркуляръ находится въ «Сборникѣ Циркул. и Инструкц. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», томъ I, часть I, стран. 300 и 301, § 449.

VI.

Предписаніе Управы Благочинія смотрителю тюремнаго замка.

5-го ноября 1848 года.

«С.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, по резолюціи 27-го истекшаго октября 1848 года передалъ во 2-й Департаментъ Управы Благочинія, для надлежащаго исполненія, экземпляръ циркулярнаго предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, касательно публичнаго наказанія преступниковъ во время морозовъ, слѣдующаго содержанія: «Усмотрѣвъ изъ дѣла ввѣреннаго мнѣ министерства, что преступники, приговариваемые къ публичному тѣлесному наказанію плетьми или розгами [1]), оставаясь во время наказанія обнаженными, въ случаѣ значительныхъ морозовъ, подвергаются сильнымъ простуднымъ болѣзнямъ и что излеченіе отъ этихъ болѣзней, по причинѣ ослабленія силъ, слѣдующаго за наказаніемъ, сопряжено съ большими затрудненіями, я прошу ваше превосходительство приказать полицейскимъ начальствамъ ввѣренной вамъ губерніи, но совершенно секретнымъ образомъ, чтобы при сильныхъ морозахъ, напримѣръ, превышающихъ десять градусовъ, особенно когда притомъ бываютъ вьюга или мятель и вообще сильные вѣтры, публичныя тѣлесныя наказанія не были производимы.

VII.

Суточный приказъ по с.-петербургской полиціи.

«11-го марта 1852 г.

«Строго предписываю гг. смотрителямъ тюремнаго замка, пересыльной тюрьмы и тюрьмы срочныхъ арестантовъ, а равно всѣмъ гг. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ имѣть наблюденіе, чтобы арестанты отнюдь не были водимы или возимы мимо Зимняго дворца, Дворцовой площади и вообще вокругъ дворца. Оберъ-полиціймейстеръ Галаховъ».

VIII.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній.

8-го октября 1857 г.

«По высочайше утвержденному, 10-го мая 1839 года, положенію комитета гг. министровъ, сообщенному къ исполненію начальникамъ губерній въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 20-го января 1840 г., заготовлены были министерствомъ образцы орудій для тѣлеснаго наказанія преступниковъ, какъ-то: кнутъ, плеть, притяжные ремни и штемпеля, и разосланы тогда же во всѣ губерніи и области съ тѣмъ, чтобы употреблявшіяся тамъ прежде орудія тѣлеснаго наказанія преступниковъ были уничтожены, а заготовлены новыя по упомянутымъ образцамъ. Заготовленіе сіе какъ тогда, такъ и впредь, на основаніи означеннаго высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ, предписано производить хозяйственнымъ образомъ, по распоряженіямъ губернскихъ начальствъ и подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ.

[1]) Присуждаемыхъ рѣшеніями судебныхъ мѣстъ къ розгамъ наказывали въ банѣ тюремнаго замка на основаніи приказа оберъ-полиціймейстера по с.-петербургской полиціи 2-го октября 1855 года. **Г. С.**

«Изъ числа установленныхъ орудій наказанія, кнутъ въ настоящее время уже отмѣненъ уголовнымъ уложеніемъ, а штемпеля, измѣненные въ формѣ (вмѣсто буквъ В. О. Р. буквы К. А. Т.), на основаніи циркулярныхъ предписаній министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 18-го іюня и 30-го сентября 1846 г., изготовляются и разсылаются къ начальникамъ губерній вслѣдствіе ихъ представленій; заготовленіе же плетей и притяжныхъ ремней осталось по-прежнему на обязанности губернскихъ начальствъ. Между тѣмъ о заготовленіи вновь плетей, на мѣсто приходящихъ въ негодность отъ употребленія, нѣкоторые начальники губерній входятъ съ представленіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

«Находя такія представленія несогласными съ помянутымъ высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы, на будущее время, заготовленіе плетей для наказанія преступниковъ, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ, производимо было хозяйственнымъ образомъ, по распоряженію губернскаго начальства и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, не обременяя министерство подобными требованіями».

IX.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ

21-го февраля 1858 года.

«По существующему нынѣ порядку, начальники губерній съ представленіями своими о высылкѣ новыхъ штемпелей, установленныхъ для клейменія каторжныхъ, бѣглыхъ и бродягъ, а равно объ исправленіи, въ случаѣ надобности старыхъ штемпелей, а также о доставленіи состава, употребляемаго для натиранія клеймъ, обращаются въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по департаменту полиціи исполнительной, который сносится о томъ съ департаментомъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій, по состоянію въ вѣдѣніи онаго инструментальнаго завода и главной рецептурной аптеки, въ коихъ заготовляются означенные предметы.

«По сему, признавая полезнымъ, въ видахъ сокращенія переписки, установить на будущее время по означеннымъ предметамъ прямыя сношенія губернскихъ начальствъ съ департаментомъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій, я поручаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы испортившіеся штемпеля, для клейменія каторжныхъ и бродягъ, высылались прямо въ помянутый департаментъ, который, по исправленіи ихъ на подвѣдомственномъ ему инструментальномъ заводѣ, непосредственно отъ себя будетъ возвращать штемпеля по принадлежности, и чтобы сношенія объ изготовленіи, въ случаѣ надобности, новыхъ штемпелей, а равно о доставленіи состава для натиранія клеймъ, производились также непосредственно съ департаментомъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій».

X.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній и клейменія.

Именной высочайшій указъ, данный сенату 17-го апрѣля 1863 г. [1]).

Признавъ за благо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существующей

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXXVIII, № 39,504.

нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, дабы съ тѣмъ вмѣстѣ еще точнѣе соразмѣрить кару оныхъ съ свойствомъ и степенью преступленія или проступка. Мы утвердили соотвѣтствующія сему предположенія особаго, при второмъ отдѣленіи собственной нашей канцеляріи, комитета, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнныя, и вслѣдствіе того повелѣваемъ:

I. Во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ или проступкахъ подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по гражданскому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и наказанію тѣлесному, приговаривать ихъ впредь: къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ и взысканіямъ, кромѣ тѣлеснаго.

II. Къ опредѣленному Уложеніемъ о Наказаніяхъ (Свода Зак. т. XV, часть 1) и Уставами о паспортахъ и о ссыльныхъ. (Свода Зак. т. XIV) наложенію клеймъ и штемпельныхъ знаковъ впредь никого не присуждать.

III. Опредѣленное за проступки, означенные въ статьяхъ 573, 574, 575 и 576-й того же Уложенія, наказаніе розгами, несопровождаемое другими взысканіями, замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмѣ, или кратковременнымъ арестомъ, въ постепенности, указанной въ статьяхъ 89 и 90 Уложенія, въ статьѣ VII настоящаго указа.

IV. Лица женскаго пола вовсе изъять отъ наказаній тѣлесныхъ.

V. При замѣнѣ для женщинъ, на основаніи статей 77 и 85 Уложенія, каторжныхъ работъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ работами на заводахъ, и при замѣнѣ содержанія въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, какъ для женщинъ, такъ и для людей по старости, дряхлости или инымъ причинамъ неспособныхъ къ работамъ въ ротахъ, заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, не увеличивать сроковъ работъ и заключенія.

VI. Установленные Уложеніемъ сроки работъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сократить, опредѣляя ихъ впредь въ слѣдующей постепенности: 1-я отъ трехъ съ половиною до четырехъ лѣтъ; степень 2-я отъ трехъ до трехъ съ половиною лѣтъ; степень 3-я отъ двухъ съ половиною до трехъ лѣтъ; степень 4-я отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ; степень 5-я отъ одного до полутора года. Въ тѣхъ случаяхъ, въ

которыхъ уложеніемъ опредѣляется отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, назначать вмѣсто того высшую, по первой изъ означенныхъ въ сей статьѣ настоящаго указа степеней мѣру, т. е. 4-ре года.

VII. При опредѣленіи заключенія въ тюрьмѣ, или въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ, и въ крѣпости, сроки сего заключенія, въ уложеніи назначенные, сокрощать одною третью, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, и болѣе, даже до половины.

VIII. Когда въ законѣ опредѣляются за какое-либо преступленіе или проступокъ заключеніе въ тюрьмѣ, или въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, или же кратковременный арестъ, или обращеніе въ общественныя работы, назначать сіи карательныя мѣры, не замѣняя оныхъ розгами и для виновныхъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, въ коихъ представляется явная невозможность опредѣлить одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ.

IX. Установленныя 23-го ноября 1853 года (27,722) временныя правила о замѣнѣ первыхъ четырехъ степеней отдачи въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства ссылкою на водвореніе въ Сибирь—отмѣнить, и затѣмъ преступниковъ, подлежащихъ отдачѣ въ сіи роты, приговаривать къ сему наказанію на основаніи предшедшей VI статьи настоящаго указа.

X. Изъятіе отъ всякихъ вообще тѣлесныхъ наказаній, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ нихъ по закону изъятыхъ, распространить также:

1) На церковно-служителей христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 2) на всѣ духовныя лица не христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 3) на учителей народныхъ школъ; 4) на лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ, или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; и 5) на лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности.

Сообщ. **Г. И. Студенкинъ.**

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ КАРНѢЕВЪ.

1801—1873.

Есть люди, которыхъ утрата на землѣ оставляетъ неизгладимые слѣды печали не только въ родной семьѣ, но и въ средѣ всего общества. Конечно, такихъ людей не много; но къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ скончавшійся, съ 12-го на 13-е апрѣля нынѣшняго года, въ Висбаденѣ, на 73-мъ году жизни, послѣ тяжкой болѣзни, статсъ-секретарь, тайн. сов. Василій Ивановичъ Карнѣевъ.

Покойный былъ сынъ штабсъ-капитана и родился въ 1801 году.

Въ службу Василій Ивановичъ Карнѣевъ вступилъ въ 1812 году, въ казанскую казенную палату, и чрезъ небольшой промежутокъ времени опредѣленъ былъ секретаремъ оной. Способностями своими онъ обратилъ вниманіе бывшаго въ то время предсѣдателя палаты Ермолаева, который, вскорѣ за тѣмъ, представилъ его къ опредѣленію въ должность совѣтника. Въ этой должности онъ уже сдѣлался извѣстнымъ начальнику губерніи. Когда кіевскій генералъ-губернаторъ Желтухинъ пріѣзжалъ ревизовать казанскій университетъ, ему нуженъ былъ дѣльный чиновникъ для должности правителя канцеляріи. Онъ обратился съ просьбою къ начальнику губерніи, прося указать ему на личность, которую бы онъ могъ опредѣлить на эту должность. Бывшій тогда губернаторъ Жмакинъ указалъ на покойнаго Василія Ивановича,—и Карнѣевъ на 27-мъ году своей жизни былъ уже правителемъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, сотрудникомъ и подчиненнымъ извѣстнаго въ то время своею строгостью и исполнительностью генерала Желтухина.

Въ 1827 году Кіевъ избранъ былъ центромъ склада всѣхъ продовольственныхъ и военныхъ припасовъ для арміи, приготовлявшейся къ войнѣ съ Турціею.

Для кіевскаго генералъ-губернатора, на котораго возложены были заготовка и снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ, предстояло много

труда,—и трудъ этотъ всею тягостью палъ на Карнѣева, быстрыми и бдительными разспоряженіями котораго 16 т. пароволовыхъ подводъ съ хлѣбомъ и четыре роты осадной артиллеріи на 2,000 волахъ были отправлены къ мѣсту назначенія.

Когда же, въ слѣдующемъ 1828 году, по неудовлетворительности дѣйствій въ Дунайскихъ Княжествахъ временнаго русскаго управленія, составъ онаго былъ перемѣненъ, и на мѣсто полномочнаго предсѣдателя диванов княжествъ: Молдавіи и Валахіи, графа Палена, посланъ былъ генералъ Желтухинъ, Карнѣевъ, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ былъ къ нему же директоромъ канцеляріи, на мѣсто занимавшаго эту должность барона Брунова, нынѣшняго русскаго посла въ Англіи.

Въ новой должности, кромѣ дѣлъ по управленію краемъ, на покойномъ Василіѣ Ивановичѣ, какъ на директорѣ канцеляріи полномочнаго предсѣдателя, по отсутствію въ краѣ русскаго коммиссаріатскаго и провіантскаго управленій, лежала обязанность и требовались труды и заботы: а) по движенію, расквартированію и продовольствію войскъ; б) по устройству и содержанію въ княжествахъ госпиталей на 13 т. кроватей; в) по доставленію припасовъ для войскъ, расположенныхъ за Дунаемъ; г) по прекращенію чумы въ Княжествахъ и войскахъ, тамъ расположенныхъ. Все это, въ продолженіе самаго труднаго военнаго времени 1828 и 1829 годовъ, имъ было исполнено удовлетворительно.

При ликвидаціи, за полученные отъ края реквизиціей предметы, все было уплачено, вслѣдствіе улучшенія финансоваго положенія княжествъ, изъ доходовъ края, и сверхъ того осталось 10,600,000 піастровъ свободныхъ суммъ, изъ которыхъ половина обращена была въ пользу русской казны, а другая—предоставлена княжествамъ. Вотъ чѣмъ ознаменовалъ себя покойный Василій Ивановичъ, служа при генералѣ Желтухинѣ.

При назначеніи покойнаго графа Киселева полномочнымъ предсѣдателемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, покойный Василій Ивановичъ былъ при немъ оставленъ. Если графъ Киселевъ введеніемъ въ княжествахъ преобразованій заслужилъ особое вниманіе и одобреніе не только Россіи, но и Европы, то обязанъ во всемъ покойному Василію Ивановичу Карнѣеву, безъ совѣтовъ котораго не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

Когда, по политическимъ обстоятельствамъ, наше управленіе Молдавіей и Валахіей упразднилось, Василій Ивановичъ Карнѣевъ, по прибытіи въ С.-Петербургъ, будучи еще въ чинѣ статскаго совѣтника, получилъ мѣсто директора хозяйственнаго департамента

министерства внутреннихъ дѣлъ; а въ 1836 году, съ назначеніемъ Киселева докладывающимъ по дѣламъ V отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, Карнѣевъ назначенъ управляющимъ этимъ отдѣленіемъ.

Кромѣ весьма значительныхъ работъ по отдѣленію, Карнѣевъ принималъ участіе въ 18-ти учрежденныхъ одинъ за другимъ комитетахъ, или какъ управляющій отдѣленіемъ, или какъ членъ, или какъ предсѣдатель. Вотъ эти комитеты:

1) Комитетъ, составленный изъ гражданскихъ губернаторовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія проэктовъ по всѣмъ частямъ управленія государственными имуществами. 2) Изъ членовъ государственнаго совѣта на тотъ же предметъ. 3) Изъ членовъ министерства юстиціи для предварительнаго разсмотрѣнія проэктовъ сельскаго, полицейскаго и судебнаго уставовъ. 4) Комитетъ для пересмотра лѣснаго устава. 5) О переложеніи податей съ душъ на землю. 6) Рекрутскій. 7) Изъ управляющихъ палатами — для пересмотра нѣкоторыхъ учрежденій, для начертанія положеній о составленіи разныхъ запасныхъ капиталовъ, сумма которыхъ въ 1856 г. возросла до 25 мил., въ томъ числѣ 3 мил. въ пользу отставныхъ нижнихъ чиновъ, по непосредственной иниціативѣ его, Василія Ивановича Карнѣева. 8) Объ устройствѣ сельскаго духовенства. 9) Объ отобраніи у католическаго духовенства населенныхъ имѣній. 10) Объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. 11) Объ устройствѣ евреевъ. 12) О сокращеніи переписки. 13) Объ устройствѣ продовольствія войскъ во время войны. 14) О сформированіи земскаго ополченія. 15) Объ устройствѣ почтовой гоньбы. 16) Для начертанія сѣти желѣзныхъ дорогъ. 17) Объ осушеніи болотъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга. 18) По устройству С.-Петербургскаго и Царскосельскаго уѣздовъ, подъ предсѣдательствомъ государя наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Кромѣ того, по всѣмъ комитетамъ, въ которыхъ участвовалъ П. Д. Киселевъ, на В. И. Карнѣевѣ лежала обязанность составленія предположеній, замѣчаній, а иногда и самыхъ окончательныхъ работъ.

Комитеты эти были:

а) Объ уничтоженіи лажа и объ опредѣленіи денежной единицы на серебро; б) О московско-желѣзной дорогѣ; в) Объ учрежденіи пароходства на Черномъ морѣ; г) О порто-франко въ Одессѣ; д) Кавказскій; е) Сибирскій; ж) По дѣламъ Западныхъ губерній.

Члены этихъ комитетовъ были: гр. В. О. Адлербергъ, кн. Петръ Мих. Волконскій, кн. Алекс. Сер. Меншиковъ, гр. Ег. Франц.

Канкринъ, гр. Алекс. Иван. Чернышевъ, гр. Сер. Сем. Уваровъ, дѣйств. тайн. сов. Левъ Алекс. Перовскій, гр. Алекс. Христ. Бенкендорфъ, гр. Викторъ Никит. Панинъ, обэръ-прокуроръ св. синода гр. Никол. Алекс. Протасовъ, гр. Алекс. Ѳедор. Орловъ, дѣйств. тайн. сов. Ѳед. Павлов. Вронченко, генералъ-адъютантъ Конст. Влад. Чевкинъ. Всѣ эти государственные дѣятели вполнѣ цѣнили замѣчательный умъ и обширныя способности В. И. Карнѣева.

Обширныя и разнообразныя занятія по V отдѣленію и по всѣмъ комитетамъ требовали отъ покойнаго Василія Ивановича ежедневныхъ, въ продолженіи 20-ти лѣтъ, усиленныхъ трудовъ, что не могло не отозваться на его здоровьѣ.

Г. Нарановичъ, постоянный врачъ Василья Ивановича, употреблялъ всѣ усилія, чтобы поддержать его здоровье; но за всѣмъ тѣмъ, Карнѣевъ не избѣгнулъ удара паралича, поразившаго лѣвую сторону его тѣла.

По совѣту Нарановича, а также Шипулинскаго, и другихъ русскихъ знаменитыхъ врачей, Василій Ивановичъ оставилъ отечество. Посѣтивъ Францію, Австрію и Германію, спрашивалъ совѣтовъ и искалъ помощи у врачей этихъ странъ,—но остановился на безвыѣздномъ пребываніи въ Висбаденѣ.

Постоянно занятый множествомъ дѣлъ, Василій Ивановичъ Карнѣевъ рѣдко выѣзжалъ изъ дома; но, за всѣмъ тѣмъ, кругъ знакомства его былъ великъ.

Обѣды у Киселева сблизили Василія Ивановича со всѣми министрами, а служебныя отношенія—съ другими, также вліятельными лицами; такъ напримѣръ, его часто посѣщали: гр. Мод. Анд. Корфъ [1]), Влад. Петр. Бутковъ, Коз. Григор. Рѣпинскій, Леон. Вас. Дубельтъ, кн. Пав. Пав. Гагаринъ, статсъ-секретарь Мих. Ив. Позенъ, Андр. Ѳ. Никитинъ и Мих. Ив. Лексъ. Въ болѣе же близкихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Евг. Ник. Норовымъ, Познякомъ, П. А. Колзаковымъ (адмираломъ) и Половцовымъ.

Василій Ивановичъ Карнѣевъ одаренъ былъ быстрымъ и глубокимъ умомъ. Тихая, плавная и увлекательная рѣчь отличала его бесѣду. Разговоръ его былъ всегда занимательный и пріятный. Владѣя даромъ слова, онъ отличался большимъ остроуміемъ и юморомъ. Надобно было слышать, какъ онъ всегда вѣрно и мѣтко обрисовывалъ въ разсказѣ своемъ какую-либо личность, или передавалъ что-либо, сколько-нибудь достойное осмѣянія. Касалось-ли серіознаго дѣла, онъ коротко, внятно и ясно передавалъ его, какъ бы оно ни было сложно.

[1]) Графъ М. А. Корфъ во время болѣзни оказалъ много услугъ покойному Василію Ивановичу, который исполненъ былъ за нихъ признательности. **Н. Л.**

Пріобрѣтя высокое значеніе, Василій Ивановичъ дѣлалъ много въ жизни своей добра: нѣкоторые изъ просителей даже знали, что ему можно было надоѣсть, безъ вреда для себя, постоянно являясь въ пріемную комнату V отдѣленія, чрезъ которую онъ проходилъ; сочувствуя по добротѣ своего сердца къ нуждамъ ихъ, онъ усиленно ходатайствовалъ, предъ кѣмъ нужно было, объ исполненіи ихъ просьбъ.

Къ матери своей (жившей въ Казани и умершей лишь въ 1859 г.) онъ былъ почтителенъ и любилъ ее всею силою души и помогалъ ей.

Какъ мужъ и отецъ (онъ имѣлъ 4-хъ дочерей и одного сына), онъ былъ примѣрный, заботливый. Кромѣ того, ни одинъ бѣдный, къ нему обращавшійся, не выходилъ безъ помощи, и помощи часто немалой.

Страстью его было—скупать рѣдкости: картины, античныя вещи и старинныя монеты. Отъ этого онъ лишнихъ денегъ никогда не имѣлъ, хотя получалъ весьма хорошее содержаніе.

Живя въ Висбаденѣ, Василій Ивановичъ не оставлялъ, однако-жъ, надежды на свое выздоровленіе и возвращеніе въ Россію для новыхъ трудовъ; а потому съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ слѣдилъ за всѣми производившимися у насъ реформами; но чѣмъ больше проходило время, тѣмъ больше и больше разрушалось его здоровье. Врачь Вальсгемъ постоянно, въ теченіи 8-ми лѣтъ, его лечившій въ Висбаденѣ, это видѣлъ, и употреблялъ всѣ усилія къ поддержанію силъ больнаго

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г. стала одолѣвать Василія Ивановича сильная „астма", и онъ собирался переѣхать на берега Швейцарскаго озера, не думая, что для этой жизни оставался ему слишкомъ короткій срокъ. Наступила Пасха. Въ понедѣльникъ 9-го (21-го) апрѣля онъ пріобщился св. Таинъ,—а въ четвергъ на пятницу съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) апрѣля, въ 12-ть часовъ ночи, вслѣдствіе паралича легкихъ, знаменитый дѣятель прошлаго царствованія, статсъ-секретарь Василій Ивановичъ Карнѣевъ скончался [1]).

Миръ праху твоему, государственный человѣкъ, проведшій служебное свое поприще со славою и честію для блага отечества и государства, и оставившій пріятныя воспоминанія не только въ семьѣ своей (женѣ и дочери), которыя оплакиваютъ твою кончину, но и въ бывшихъ твоихъ подчиненныхъ, а также равныхъ тебѣ сотрудникахъ, и вообще во всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ себя гражданиномъ семьи русской.

Н. А. Лебедевъ.

---

[1]) Погребеніе тѣла его совершено на Висбаденскомъ православномъ кладбищѣ, и гробъ его поставленъ рядомъ съ гробомъ сына, о потери котораго онъ горько сожалѣлъ. **Н. Л.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Дроздъ-Бонячевскій.

1799 г.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1869 г., № 9, въ статьѣ г. Максимова: „Государственные преступники", стр. 251, помѣщено примѣчаніе: „Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при тосканскомъ дворѣ коллежскаго асесора Дрозда-Бонячевскаго, предавшагося французамъ и служившаго имъ, паказана была тѣмъ, что имя и дѣянія измѣнника прибиты были къ висилицѣ".

Дроздъ-Бонячевскій измѣнникомъ не былъ и французамъ не служилъ.

Фамилія Дроздъ-Бонячевскихъ еще существуетъ; и какъ помянутый измѣнникъ былъ съ дѣдомъ моимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, которыя и приведи одного изъ нихъ къ позорному наказанію, а другаго — къ большимъ непріятностямъ по службѣ, то долгомъ считаю прилагаемыми документами снять съ Дрозда-Бонячевскаго обвиненіе въ измѣнѣ. Но предварительно считаю не лишнимъ сообщить свѣдѣнія, сохранившіяся по этому дѣлу въ памяти нашего семейства.

Дѣдъ мой — со стороны матери — статскій совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Башловскій, служилъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ августѣ 1798 года назначенъ былъ въ распоряженіе генерала отъ инфантеріи Розенберга, командовавшаго „вспомогательнымъ россійскимъ корпусомъ противу бунтующихъ французовъ, для министерской корреспонденціи".

По назначеніи главнокомандующимъ Суворова, Розенбергъ передалъ ему командованіе въ Веронѣ, гдѣ и представилъ ему всѣхъ чиновъ корпуса, въ томъ числѣ дѣда моего, и не задолго предъ тѣмъ

назначеннаго въ дипломатическую канцелярію Фукса. Подойдя къ Фуксу, Суворовъ закричалъ: „Помилуй Богъ, какой тощій! будешь ѣздить со мною верхомъ"; а дѣду: „Фу, какой толстый! я буду прятаться въ тебя, когда озябну". Вслѣдъ за этою шуткою, Суворовъ обратился къ дѣду моему, чтобъ онъ указалъ ему чиновника изъ канцеляріи, которому можно было бы дать важное порученіе. Вѣроятно, до этого представленія передано было фельдмаршалу, что дѣду моему знакомы дѣла и люди въ Италіи, такъ какъ до того онъ служилъ пять лѣтъ при миссіи въ Неаполѣ. Дѣдъ указалъ на Дрозда-Бонячевскаго, который давно и хорошо былъ ему извѣстенъ, и только что прибылъ въ канцелярію главнокомандующаго для усиленія ея изъ посольства при тосканскомъ дворѣ.

Затѣмъ, на другой день, Бонячевскому вручена была огромная сумма денегъ и поручено заготовленіе для арміи продовольствія. Порученіе это ему не удалось выполнить. Въ Италіи не все народопаселеніе было за короля и союзниковъ,—многіе были на сторонѣ французовъ и республики; и Бонячевскій для исполненія возложеннаго на него порученія встрѣтилъ неодолимыя препятствія.

Его хотѣли выдать, какъ шпіона, французамъ, хотѣли ограбить и убить. Во-время объ этомъ извѣщенный, онъ, переодѣтый въ крестьянское платье, переходилъ по ночамъ изъ деревни въ деревню, пользуясь знаніемъ итальянскаго языка, и старался достигнуть квартиры главнокомандующаго. Это удалось ему только тогда, когда Суворовъ былъ уже въ Асти и готовился къ походу въ Швейцарію.

Бонячевскій, узнавши отъ дѣда о постигшей его политической казни, представилъ ему при письмѣ оправдательную записку. Суворовъ, по донесенію котораго послѣдовала эта казнь, удостовѣрившись въ неосновательности донесенія,—такъ какъ Бонячевскій, явившись, представилъ въ цѣлости всѣ врученныя ему деньги,—представилъ дѣло его на усмотрѣніе государя императора, а его, арестованнаго, съ курьеромъ отправилъ въ Петербургъ.

Дальнѣйшая участь Бонячевскаго видна изъ прилагаемыхъ высочайшихъ указовъ, къ которымъ не лишнимъ считаю присовокупить и письмо его къ дѣду моему, при которомъ онъ представилъ оправдательную записку. Къ сожалѣнію, записка эта въ бумагахъ дѣда не сохранилась.

Передаю разсказъ этотъ, какъ слышалъ его отъ покойнаго отца моего, лѣтъ двадцать тому назадъ, не ручаясь за полную его достовѣрность.

Н. Рудыновскій.

I.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго, изъ правительствующаго сената объявляется во всенародное извѣстіе.

Въ именномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ сенату сего іюня въ 13-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, изображено: „Находящійся при тосканскомъ дворѣ министромъ статскій совѣтникъ графъ Моцениго отъ службы отставляется за невниманіе къ поведенію бывшаго при немъ коллежскаго асесора Дрозда-Бонячевскаго. Сей же, предавшись французамъ, остался съ ними и служитъ имъ. Для преданія вѣчному посрамленію и въ примѣръ (хотя мы сего и не уповаемъ) на предыдущія времена быть могущимъ подобнымъ сему гнуснымъ извергамъ, имя и дѣянія сего Дрозда-Бонячевскаго прибиваются къ висилицѣ". Правительствующій сенатъ приказали: Вслѣдствіе сего высокомонаршаго его императорскаго величества повелѣнія, огласить помянутаго измѣнника Дрозда-Бонячевскаго преступленіе во всей имперіи печатными указами; что симъ и исполняется.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.
Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюня 2-го дня 1799 года.

II.

„Милостивый государь! Какъ прежде, такъ и нынѣ я обращаюсь къ вашему высокородію, яко первому объявителю и истолкователю мнѣ моего несчастія, всепокорнѣе прося о поспѣшнѣйшемъ его сіятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому представленіи прилагаемаго при семъ моего оправданія, третьяго дня у меня въ совѣтѣ вашемъ востребованнаго. Я прилагаю оное подъ открытою печатью, дабы, ежели угодно, могли ваше высокородіе и протчіе господа совѣтники непосредственно вѣдать его содержаніе и мою невинность, и изволили бы пожаловать меня своимъ покровительствомъ и ходатайствомъ у его сіятельства; чему себя препоручая, имѣю честь быть съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и преданностію, и проч. Никита Дроздъ-Бонячевскій".

Въ Асти.
Августа 25 / Сентября 5 дня 1799 г.

Его высокородію статскому совѣтнику
Ивану Васильевичу Башловскому.

III.

(По титулѣ). Въ имянномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ сенату сего марта въ 17-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „По неосновательному донесенію въ измѣнѣ и предательствѣ французамъ во время пребыванія въ Пизѣ коллежскаго асесора Дрозда-Бонячевскаго, лишенъ онъ чиновъ и дворянства и имя его прибито къ висилицѣ: послѣ чего бывъ онъ присланъ въ Россію, хотя принесъ достаточное въ поведеніи своемъ оправданіе, но при всемъ томъ, какъ политическую казнь получившій, находится нынѣ въ Иркутскѣ подъ названіемъ малороссіянина Никиты Васильева, получая на свое содержаніе изъ казны по четыреста рублей на годъ. Мы, съ соболѣзнованіемъ внимая гласу невинности, всемилостивѣйше даруемъ ему свободу возвратиться изъ мѣста нынѣшняго его пребыванія и жить, гдѣ онъ пожелаетъ, возводя его въ прежнее дворянское достоинство и отдавъ всѣ чины его, повелѣвая изгладить имя его изъ числа преступниковъ, столь поносное наказаніе заслуживающихъ. Въ воздаяніе же претерпѣнія, имъ напрасно понесеннаго, обратить ему въ пенсіонъ тѣ четыреста рублей, кои на содержаніе въ Иркутскѣ ему производимы были". Правительствующій сенатъ приказали: Сей высокомонаршій его императорскаго величества указъ, напечатавъ, публиковать во всей имперіи: что симъ и исполняется.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ марта 19-го дня 1801 года.

Сообщ. **Н. Рудыновскій.**

Французы въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ.

1812 г.

(Разсказъ очевидца).

Будучи мальчикомъ 12-ти лѣтъ и находясь при родителяхъ своихъ во время вступленія непріятеля въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ, пребываніи его тамъ и изгнаніи оттуда, желаю я разсказать то, что осталось у меня въ памяти.

7-го іюля 1812 г., наканунѣ вступленія французовъ въ городъ, выѣхали изъ него губернаторъ графъ Толстой, вице-губернаторъ Юсуповъ, архіерей Варлаамъ, полиціймейстеръ и нѣсколько изъ зажиточныхъ жителей. На слѣдующій день удалось французамъ, посланнымъ въ погоню за уѣхавшими, воротить немногихъ изъ послѣднихъ, также и архіерея, котораго потомъ принудили продолжать служеніе беззаконному правительству.

Бывшій не задолго предъ тѣмъ въ Могилевѣ внутренней стражи генералъ Х. приказалъ начальнику гарнизоннаго баталіона, полковнику Колену, не впускать непріятеля въ городъ; вслѣдствіе чего инвалиды были разставлены на валу у Виленской заставы и встрѣтили первыхъ показавшихся конныхъ непріятелей ружейнымъ залпомъ, отъ котораго, какъ говорятъ, оказалось убитыми человѣкъ до семи.

Вскорѣ подошла непріятельская пѣхота и инвалиды наши были побѣждены; однако, бо́льшая часть ихъ успѣла уйти по дорогѣ къ Быхову. Инвалидъ, которому было приказано поджечь значительный магазинъ, у той заставы былъ убитъ; а магазинъ съ запасами достался непріятелю, который вступилъ 8-го іюля въ городъ и разсыпался по всѣмъ улицамъ. По улицѣ, гдѣ мы жили, гнались нѣсколько конныхъ французовъ за однимъ городскимъ драгуномъ, стрѣляя въ него; но драгунъ на своей маленькой лошадкѣ спустился съ такой крутизны къ мосту, что непріятель не могъ продолжать погоню за нимъ. По окончаніи войны, видѣлъ я этого драгуна, исцѣлившагося отъ полученной раны.

Малая часть французскихъ войскъ, изъ корпуса маршала Даву, расположилась въ ожиданіи его на городской площади. Тутъ я замѣтилъ, что пѣхотные офицеры отличались отъ рядовыхъ желтыми панталонами и треугольными шляпами. Одинъ изъ французскихъ офицеровъ просилъ меня купить ему бѣлаго хлѣба, ибо въ этотъ день всѣ лавки и булочныя были заперты; офицеръ далъ мнѣ монету въ 20-ть крейцеровъ, и я исполнилъ его желаніе. Товарищъ его, узнавъ, что хлѣбъ купленъ мною, сказалъ: „Эй, мальчикъ, купи и мнѣ такой же хлѣбъ“,—но я отказался отъ порученія и указалъ ему на стоявшаго тутъ другаго мальчика для посылки; этотъ взялъ деньги и не возвращался, за что второй офицеръ намѣревался меня побить, но первый защитилъ.

При въѣздѣ Даву со свитою, встрѣтилъ его губернскій предводитель дворянства Кроеръ, а по прибытіи ихъ на площадь, явился и представитель города. Тутъ Даву назначилъ контрибуцію съ жителей и приказанія его переводилъ Кроеръ на польскій языкъ. Я стоялъ невдалекѣ отъ этой группы.

На другой день, т. е. 9-го іюля, посланы 1-й и 3-й полки chasseurs à cheval въ погоню за ушедшими инвалидами и нагнали ихъ по быховской дорогѣ, близъ лѣса; тамъ, какъ говорили, присоединились къ инвалидамъ два баталіона нашихъ егерей и съ сотню казаковъ, вступившими съ французами въ бой,— они такъ усердно ихъ угостили, что, по словамъ одного французскаго офицера, у насъ квартировавшаго, изъ двухъ полковъ уцѣлѣло не болѣе ста человѣкъ.

11-го іюля 1812 г. послѣдовало сраженіе верстахъ въ 5-ти отъ Могилева съ отрядомъ изъ арміи Багратіона, подъ командою генераловъ Раевскаго и Паскевича. Пушечная пальба была слышна въ городѣ. Масса корпуса Даву находилась на бивуакахъ за Виленскою заставою, и я видѣлъ, какъ въ нее входили, направляясь къ Быховской заставѣ, непріятельскіе полки съ музыкою и знаменами на поле сраженія.

На другой день были собраны на площади русскіе плѣнные и раненные. Въ числѣ ихъ были два маіора, одинъ по фамиліи Кириловъ, другаго имя забылъ. Когда Кириловъ, раненный, доползъ до лужи и опустилъ туда свои раненныя ноги, тогда подошелъ къ нему французъ, обшарилъ его, взялъ часы, кошелекъ и сорвалъ съ него орденъ св. Георгія 4-й ст.; но, по усиленной просьбѣ, возвратилъ ему крестъ и Кириловъ спряталъ его за галстухъ. Этотъ разсказъ слышали мы отъ него самаго. Оба маіора выздоровѣли; имъ сшили коричневаго цвѣта сюртуки съ красными воротниками. Кириловъ щеголялъ безпрепятственно въ своемъ орденѣ. Они познакомились и посѣщали часто кружекъ приверженныхъ законному правительству жителей, въ числѣ коихъ былъ и мой отецъ. Кириловъ въ особенности любилъ и баловалъ меня, какъ смѣлаго мальчика.

Въ роковую для непріятеля ночь, съ 7-го на 8-е ноября, были эти два маіора спрятаны въ одномъ изъ подваловъ дома, занимаемаго отцомъ моимъ, и тамъ пробыли они до вступленія нашихъ войскъ. Вышедши изъ подвала, Кириловъ и его товарищъ взяли меня съ собою и мы трое встрѣтили казаковъ криками „ура!“ Надобно упомянуть, что, по выходѣ французовъ, бродили по городу до прихода русскихъ нѣсколько польскихъ отрядовъ; они, и въ особенности бывшій прежде въ Могилевѣ квартальный надзиратель Х., заботился усердно отыскиваніемъ тѣхъ маіоровъ, однако, къ счастію, безъ успѣха.

Послѣ поспѣшнаго выступленія непріятеля, много лазаретовъ осталось съ больными и раненными: домъ губернатора, зданія присутственныхъ мѣстъ и наша гимназія были наполнены ими. Часто бѣгалъ я въ лазаретъ, помѣщавшійся въ гимназіи, смотрѣлъ на дѣлаемыя операціи раненымъ; а болѣе бродилъ по офицерскимъ палатамъ и писывалъ за нихъ такъ называемыя Bon, т. е. требованія провизіи изъ провіантскаго склада.

Администрація французовъ въ Могилевѣ состояла изъ губернатора маркиза Делормъ, старшаго директора госпиталей Вербуа (Verbois) и интенданта; о другихъ лицахъ не упомню. Была еще учреждена родъ Garde nationale изъ разной сволочи, подъ командою

одного туземнаго чиновника. Господинъ этотъ имѣлъ страсть отрубать у двуглавыхъ орловъ, бывшихъ на вывѣскахъ или зерцалахъ, по одной головѣ, и дѣлалъ даже предложеніе — свергнуть двуглаваго орла съ высокаго шпиля ратуши, куда онъ не могъ добраться выстрѣломъ изъ пушки, въ чемъ, однако, ему было отказано.

При сборѣ французовъ выступать, вспомнилъ отецъ мой о цѣнной книгѣ, взятой у него для прочтенія однимъ изъ младшихъ директоровъ госпиталей, и послалъ меня къ нему въ іезуитскій кляшторъ; не найдя его тамъ, былъ я посланъ отцомъ къ директору Вербуа съ просьбою выручить, чрезъ посредство его, ту книгу отъ его подчиненнаго, что и было обязательно исполнено. Вербуа проѣзжалъ къ сбору мимо нашей квартиры и, увидавъ меня, спросилъ: „доставлена-ли книга?“

Французы вообще вели себя благонравно и не было ропота на нихъ; они не отказывали обывателямъ, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, ставить къ нимъ свою охранную стражу. Въ день сраженія подъ Могилевымъ, 11-го іюля, были даже двое солдатъ разстрѣляны, будто за побои своихъ хозяевъ, принесшихъ жалобы Даву. Трупы разстрѣлянныхъ солдатъ я видѣлъ самъ.

Нѣмецкихъ войскъ проходило немного,— видѣлъ я изъ нихъ нѣсколько конныхъ — въ красныхъ и бѣлыхъ мундирахъ; но ласковаго обращенія съ жителями за ними не замѣчали. Проходили тоже австрійскія войска, всѣ въ бѣлыхъ курткахъ, и у нихъ были чрезвычайно длинныя пушки. Польскія войска, особенно оставшіяся послѣ ухода французскаго гарнизона (3-го пѣхотнаго полка), не мало причиняли обидъ жителямъ; какъ примѣръ, упомяну, что четверо пѣхотинцевъ ворвались къ намъ въ домъ, потребовали денегъ и бѣлья, разложеннаго тогда на столахъ; будучи удовлетворены, угрожали, однако, возвратиться въ бо̀льшемъ числѣ и перевернуть все верхъ дномъ, какъ они выразились. Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть и о благородномъ поступкѣ въ то же время одного уланскаго вахмистра, прежде у насъ квартировавшаго, который, подъѣхавъ, совѣтовалъ отцу моему спрятать, что имѣетъ цѣннаго, ибо солдаты шалятъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что общаго грабежа не было; однѣ лишь лавки евреевъ были взломаны и товары расхищены или разбросаны.

Кстати о евреяхъ: они во время пребыванія французовъ старались въ разговорахъ избѣгать русскаго языка и объяснялись преимущественно по-польски, даже русскія деньги принимали только со скидкою. По изгнаніи же непріятеля все измѣнилось,—стали говорить по-русски и иностранная монета потеряла у нихъ нормальную цѣну.

15-го августа 1812 г., въ день именинъ Наполеона, въ Могилевѣ

было большое торжество въ каѳедральной католической церкви; во всю церковь, чрезъ дворъ ея и вдоль площади, стояло въ двѣ шеренги войско. Въ этотъ же день всѣ жители были вынуждены присягнуть на подданство Наполеону.

Вскорѣ послѣ изгнанія непріятеля и вступленія нашихъ храбрыхъ войскъ, стали прибывать въ городъ партіи плѣнныхъ непріятелей и размѣщаться кое-гдѣ; между прочимъ, въ пустомъ просторномъ, съ выбитыми стеклами, домѣ прокурора Ваккора, не вдалекѣ отъ нашей квартиры. Тамъ на обширномъ дворѣ видѣлъ я много замерзшихъ тѣлъ, сваленныхъ въ кучу, изъ которой потомъ вывозили ихъ за городъ и жгли.

К. К. Арнольди.

Подполковникъ Гебель.

1825 г.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1873 г. (т. VII, стр. 653) помѣщена біографія Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, составленная г. Баласомъ, гдѣ онъ весьма невыгодно и вмѣстѣ неправильно отзывается о генералѣ Гебелѣ, моемъ отцѣ, бывшемъ въ 1825 году подполковникомъ [1]).

Насколько отецъ мой былъ ненавидимъ или любимъ своими подчиненными, это трудно теперь доказать, такъ какъ розыскивать его сослуживцевъ и собирать о немъ отзывы поголовно—немыслимо (онъ не только давно вышелъ въ отставку, но и давно умеръ), а другихъ источниковъ я пріискать не могу. Положиться же въ этомъ случаѣ на мнѣніе одного Мат. Ив. Муравьева-Апостола тоже едва-ли будетъ справедливо; а для того, чтобы сдѣлать положительный на этотъ счетъ выводъ, надо имѣть возможность на что-нибудь сослаться, опереться на что-нибудь болѣе доказательное. Г. Баласъ самъ жалуется на разнорѣчивые толки, которые не позволяютъ ему твердо остановить-

[1]) Постоянно руководясь при изданіи «Русской Старины» полнѣйшимъ безпристрастіемъ, мы не считаемъ себя вправѣ не помѣстить возраженія г-жи Гебель на статью г. Баласа. При этомъ, однако, замѣтимъ, что нѣкоторые факты въ настоящемъ возраженіи совершенно противорѣчатъ тѣмъ извѣстіямъ, которыя сохранены о событіяхъ 1825 г. вполнѣ достовѣрными свидѣтелями того времени: такъ напримѣръ, увѣренія, приводимыя здѣсь, поручика Лишина о томъ, будто Сергѣй Муравьевъ хотѣлъ бѣжать послѣ неудачной стычки, при чемъ будто-бы свой же солдатъ прокололъ ногу его лошади (стр. 240), не могутъ быть вѣрны. Извѣстно, что Сергѣй Муравьевъ, сильно раненый въ бою, палъ безъ чувствъ, что онъ лежалъ, какъ бездыханный трупъ, и это зрѣлище вызвало самоубійство его брата Ипполита. Въ такомъ положеніи могъ-ли С. И. подниматься на лошадь, которую, по увѣренію поручика Лишина, ему будто бы подвелъ Бестужевъ-Рюминъ? Ред.

ся на чемъ-нибудь положительномъ; а что М. И. Муравьеву въ воспоминаніяхъ его о событіяхъ 1825 г. память измѣняетъ, это доказывается тѣмъ, что, по его показанію, въ „Рус. Арх." за 1871 г. (стр. 0232) сказано, что Гебель не былъ вовсе раненъ, что раны, о которыхъ говорится въ донесеніяхъ, положительная ложь; между тѣмъ, какъ по всѣмъ другимъ извѣстіямъ о томъ же событіи ясно говорится о ранахъ, нанесенныхъ Гебелю при арестѣ Муравьева, а въ указѣ объ его отставкѣ раны эти даже поименованы. Тотъ же разладъ замѣтенъ и въ послѣдующихъ показаніяхъ; но г. Баласъ, не заботясь о добромъ имени мало интересущихъ его людей, очень безцеремонно пополняетъ ихъ собственными соображеніями, основанными часто только на теоріи вѣроятности.

Понятно, что М. И. Муравьевъ, разсказывая событія, въ которыхъ братъ его былъ главнымъ дѣятелемъ, желалъ отстранить отъ него все, могущее бросить хотя легкую тѣнь на его память,—и потому дѣлаетъ его невиновнымъ въ участи, постигшей моего отца. Въ запискахъ, помѣщенныхъ въ „Рус. Арх." (стр. 270), сказано, что оба Муравьевы присоединились къ нападающимъ на моего отца и что если онъ не погибъ окончательно, то этимъ обязанъ былъ общему смятенію и тѣснотѣ мѣста; въ добавокъ, открытая дверь позволила ему выскочить изъ избы. Я не помню, чтобы отецъ говорилъ когда-нибудь, чтобы Муравьевъ нападалъ на него; но не говорилъ также, чтобы онъ сдѣлалъ малѣйшее усиліе остановить нападавшихъ. Выскакивать изъ окна Муравьеву было не зачѣмъ, такъ какъ схватка происходила въ избѣ; это отецъ мой, спасаясь отъ убійцъ, выскочилъ изъ окна, защищаясь своей шпагою; онъ дѣйствительно обязанъ былъ спасеніемъ тѣснотѣ, которая позволила ему приблизиться къ окну и лѣвой рукой за спиной толкнуть окно,—по счастью, оно едва держалось и при толчкѣ вылетѣло совсѣмъ. Это дало ему возможность выпрыгнуть изъ окна,—и тогда онъ уже только думалъ о спасеніи, такъ какъ нечего было помышлять противостоять одному цѣлой толпѣ нападающихъ. На дворѣ они попробовали-было продолжать нападеніе, схвативъ составленныя въ козла ружья и дѣйствуя прикладами, и приглашали даже солдатъ присоединиться къ нимъ, но солдаты не послушали ихъ, а отецъ мой спасся бѣгствомъ. Непонятнымъ можетъ показаться только, какъ, получивъ столько ранъ, могъ онъ бѣжать; но отецъ самъ объяснялъ это горячечнымъ проявленіемъ силы, которая иногда на нѣсколько минутъ сказывается въ людяхъ, даже очень больныхъ и слабыхъ, но находящихся въ возбужденномъ состояніи.

Не знаю, отъ какихъ бѣдъ Сергѣй Ивановичъ спасалъ моего отца, но знаю, что онъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и часто

пользовался его гостепріимствомъ. Муравьевъ-Апостолъ имѣлъ вліяніе на офицеровъ и могъ бы спасти отца, но не сдѣлалъ этого. По прибытіи въ Васильковъ, Сергѣй Ивановичъ не посылалъ никого къ моей матери, какъ говоритъ Матвѣй Ивановичъ („Рус. Арх.“, стр. 669). Онъ самъ лично отправился къ ней. Мать не разъ разсказывала намъ, какое ужасное впечатлѣніе произвелъ на нее видъ приближавшейся къ полковой квартирѣ толпы взбунтовавшихся солдатъ и присоединившейся къ ней пьяной черни. Отправивъ ранѣе дѣтей съ нянькой въ домъ городничаго, какъ болѣе вѣрное убѣжище, мать одна осталась съ отцемъ, лежавшимъ безъ движенія и сознанія. Она заперла дверь, ведущую въ его комнату, и сама стала у наружной, тоже запертой, двери, съ твердымъ намѣреніемъ не впускать по доброй волѣ никого. Муравьевъ не зналъ, куда отецъ послѣ схватки дѣвался, что съ нимъ произошло и какимъ образомъ доставленъ онъ былъ къ себѣ домой. Успокоивать мать на счетъ его дальнѣйшей участи было не зачѣмъ, такъ какъ дальнѣйшая участь его была въ волѣ Божьей,—не отъ Муравьева же зависѣло возвратить ему жизнь и здоровье. Развѣ вмѣнить ему въ заслугу, что онъ не захотѣлъ окончательно доканать полумертваго человѣка. Когда мать спросила, не затѣмъ-ли онъ ее требуетъ, чтобы она открыла ему дверь, онъ сказалъ: „Простите и не обвиняйте меня,—вѣрьте, что безъ этого нельзя было; караулъ, приставленный къ дому вашему, не позволитъ никому безпокоить васъ; выдайте намъ только полковой ящикъ—это необходимо“. Вотъ главная причина его прихода: ему деньги нужны были, такъ какъ онъ не однимъ нравственнымъ вліяніемъ, но и деньгами дѣйствовалъ. (Въ рапортѣ подполковника де-Юнкера сказано: „подполковникъ Муравьевъ не щадилъ денегъ, чѣмъ много привязалъ къ себѣ сообщниковъ и нижнихъ чиновъ). Отрицая раны моего отца, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ не желаетъ-ли дать понять, что, будучи здравъ и невредимъ, отецъ сидѣлъ покойно у себя въ квартирѣ, пока безпорядки происходили въ его полку, и что Сергѣй Ивановичъ, поставивъ къ его дому оберегательный отрядъ и суля ему безопасность, платилъ тѣмъ за его бездѣйствіе? Трудно иначе согласить эти два положенія: отсутствіе ранъ и успокоеніе матери на счетъ участи отца, когда отецъ былъ у матери въ домѣ и Муравьевъ не могъ этого не знать. Всѣ тѣ, которые знали моего отца, могли бы засвидѣтельствовать, что онъ не былъ способенъ на подобный поступокъ.

Далѣе г. Баласъ, чтобы объяснить себѣ, кажущееся ему безпричиннымъ и непонятнымъ, нападеніе офицеровъ на моего отца, не задумываясь клеймитъ его ненавистью солдатъ и грубымъ обращеніемъ съ офицерами. Если при подобномъ обвиненіи можно до-

вольствоваться собственными предположеніями, отчего не допустить, что окружающіе Муравьева друзья и сообщники хотѣли просто спасти его отъ ареста; а для этого, если бѣгство невозможно, кратчайшій путь—избавиться отъ арестующаго, будь онъ любимъ офицерами, или нѣтъ. Отецъ въ разсказахъ не разъ съ большимъ чувствомъ вспоминалъ, что изъ солдатъ, не смотря на подстрекательство офицеровъ, ни одинъ не поднялъ на него руку. Онъ присланъ былъ командиромъ въ этотъ полкъ, чтобы подтянуть его (какъ сказано въ Запискахъ Александра Гебеля). По распоряженію начальства, онъ обязанъ былъ быть съ солдатами строже обыкновеннаго; должно быть, въ исполненіе своей обязанности онъ внесъ замѣтную даже для солдатъ долю туманности, такъ какъ они не воспользовались представлявшимся случаемъ выказать ему недоброжелательство, или озлобленіе. Да если бы они, увлеченные общимъ движеніемъ, и бросились на него вмѣстѣ съ другими, можетъ быть, и тогда нельзя было бы объяснить это ненавистью къ нему. Муравьева любили, а между тѣмъ, какъ видно изъ рапорта поручика Лишина, при стычкѣ при селеніи Кованько, происшедшей между его отрядомъ и тремя эскадронами принца Оранскаго гусарскаго полка, его собственные солдаты возстали же противъ его распоряженій: когда были сдѣланы по нимъ выстрѣлы картечью и Муравьевъ, раненый въ голову, упалъ,—Бестужевъ-Рюминъ далъ ему свою лошадь; но когда нога его была уже въ стремяни, солдатъ его же команды проткнулъ штыкомъ ногу лошади, сказавъ: „Вы насъ обманули, отвѣчайте одни,—ни съ мѣста!“ Вѣдь и на этой выходкѣ солдата можно бы построить кое-какіе выводы, умѣряющіе степень, если не расположенія, то довѣрія солдатъ къ Муравьеву; но, не обладая смѣлостью соображеній г. Баласа, я не позволю себѣ видѣть въ поступкѣ солдата признакъ чего-нибудь положительнаго; это могло быть безсознательное движеніе страха при видѣ угрожавшей опасности.

Отецъ въ достаточной степени могъ пользоваться уваженіемъ офицеровъ; но Муравьевъ былъ умный, увлекательный человѣкъ; тайныя общества были въ модѣ, молодежь видѣла въ его пропагандѣ романическую, обольстительную форму: могъ-ли отецъ мой удержать ихъ въ границахъ благоразумія? Приставъ къ Муравьеву, они должны были стать противъ отца, такъ какъ склонить его въ свою сторону они не могли. При арестѣ Муравьева не отецъ мой офицеровъ, но, напротивъ, офицеры его оскорбили; а потому безразсудно взваливать на него отвѣтственность за возмущеніе Черниговскаго полка, слѣдствіемъ котораго было такъ много жертвъ. Изъ рапорта подполковника Волынскаго пѣхотнаго полка де-Юнкера видно, что приведеніе въ

дѣйствіе заговора было назначено на 1-е января; значитъ, заговоръ возмущенія существовалъ, значитъ, разсказы М. И. Муравьева, что возстаніе было не предвидѣно, не приготовлено и только оказалось свершившимся фактомъ вслѣдствіе грубости моего отца, должны рушиться [1]). Можетъ быть, не грубость отца, а арестъ Муравьева заставилъ возмущеніе обнаружиться ранѣе назначеннаго срока; но отецъ мой исполнялъ не свою волю, а только данное ему приказаніе. Онъ самъ едва не палъ жертвой исполненія своего долга. Запрещая разговаривать съ арестантами, онъ соблюдалъ существующій законъ, а не выдумывалъ собственныя правила. Жаль, что г. Балась не пожелалъ ознакомиться съ документами, на которые я ссылаюсь при моемъ опроверженіи [2]); мнѣ не пришлось бы ничего опровергать, а ему не пришлось бы чернить до сихъ поръ ничѣмъ незапятнанную память моего отца.

Въ заключеніе позволю себѣ прибавить, что трудно допустить, чтобы ненависть могла быть возбуждена человѣкомъ, который въ продолженіи десяти лѣтъ (послѣ своей отставки) управлялъ имѣніемъ, доставшимся ему отъ его родственника въ Могилевской губерніи, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, уважаемый всѣми, какъ человѣкъ добрый и особенно правдивый, бывшій благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, которыхъ онъ надѣлялъ хлѣбомъ и рабочимъ скотомъ, и за которыхъ большею частью уплачивалъ подати изъ собственнаго пенсіона, за недостаточностью доходности его имѣнія, какъ и всѣхъ могилевскихъ имѣній вообще. Всѣ знали его возвышенныя понятія о долгѣ, чести и гуманности, которыя поддерживали въ немъ, несвойственную при старческой опытности, вѣру въ добро и людей, которыя не разъ дѣлали его жертвой обмановъ и надувательствъ. Трудно допустить, чтобы подобная личность была ненавидима подчиненными.

Эмилія Гебель.

Кіевъ. Іюнь 1873 г.

Библіографамъ.

I.

Въ отвѣтъ на приглашеніе сообщить свѣдѣнія или самые журналы XVIII в., поименованные мною въ «Русской Старинѣ» 1873 года (кн. IV, стр. 582, и кн. V, стр. 733), я имѣлъ удовольствіе получить сообщенія и самыя книги:

1) Отъ Ореста Сергѣевича Балкъ (изъ Новой Ладоги) предложеніе доста-

---

[1]) Въ запискахъ Александра Гебеля («Рус. Арх.», стр. 1718) описано подробно, какъ часовой въ палаткѣ, гдѣ былъ Муравьевъ съ офицерами, подслушалъ ихъ толки о заговорѣ, въ которыхъ рѣшено было отца моего, какъ препятствіе, принести въ жертву. О какомъ же заговорѣ рѣчь? не о томъ-ли, который М. И. Муравьевъ называетъ непредвидѣннымъ, неприготовленнымъ и т. д.? **Э. Г.**

[2]) См. «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 1728. **Э. Г.**

вить мнѣ нѣкоторые журналы, имѣющіеся въ его библіотекѣ; но таковые были мною получены ранѣе изъ библіотеки г. Черкесова.

2) Отъ А. И. Кузьмина разъясненіе о сомнительныхъ журналахъ; свѣдѣнія эти, впрочемъ, мнѣ уже были извѣстны.

3) Отъ Леонида Николаевича Трефолева (изъ губернскаго города Ярославля), выписку изъ продолженія «Уединеннаго Пошехонца» 1786 года, страницы отъ 770 по 782, которою оканчивается полный годъ. При этомъ имъ же сообщено мнѣ полное содержаніе журнала, въ библіографіи вовсе неизвѣстнаго, издававшагося также въ Ярославлѣ и служившаго продолженіемъ предъидущему, а именно: «Ежемѣсячныя сочиненія на 1787 годъ»; г. Трефолевъ о журналахъ этихъ составилъ подробную библіографическую замѣтку, которая будетъ напечатана въ «Трудахъ Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета».

4) Письмо (по городской почтѣ, за подписью, которую мы не могли разобрать), въ разъясненіе нашего сомнѣнія относительно существованія нѣкоторыхъ журналовъ, указанныхъ въ словарѣ Толя; изъ числа замѣчаній этихъ, мы можемъ воспользоваться и провѣрить на самой книгѣ существованіе: «Музыкальнаго увеселенія»—1774 г., издававшагося Керцеліемъ (покорнѣйше просимъ, у кого окажется это изданіе, доставить намъ экземпляръ онаго или сообщить полныя библіографическія о немъ свѣдѣнія); объ этомъ изданіи есть указаніе въ библіографіи Сопикова, подъ № 6,331, но не какъ о журналѣ, а какъ объ отдѣльной книгѣ.

5) Письмо и книгу въ даръ (изъ Орла, подпись письма, къ сожалѣнію, мы никакъ не могли разобрать) подъ заглавіемъ: «Городская и Деревенская библіотека», часть IV, о которой мы просили и предложеніе другихъ журналовъ, но которые были уже мнѣ извѣстны.

Всѣмъ поименованнымъ лицамъ и корреспондентамъ, скрывшимъ свои фамиліи, долгомъ считаю принести глубочайшую благодарность за ихъ сочувствіе и вниманіе къ нашему библіографическому труду, приготовляемому нами къ изданію. Вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ гг. любителей старинныхъ книгъ и владѣльцевъ библіотекъ сообщить, чрезъ посредство «Русской Старины», свѣдѣнія по прочимъ моимъ библіографическимъ запросамъ, помѣщеннымъ на страницахъ этого журнала (т. VII, стр. 582 и 733).

А. Н. Неустроевъ.

II.

Въ «Русской Старинѣ» 1873 г. (т. VII) сдѣланъ вопросъ, у кого имѣются наибо́льшія собранія періодическихъ русскихъ изданій?

Если 225 названій, заключающихъ въ себѣ 723 нумера русскихъ журналовъ, полныхъ и не полныхъ годовъ, можетъ назваться значительнымъ, то таковое имѣется у меня, въ Кіевѣ, при содержимомъ мною съ 1843 года кабинетѣ чтенія «Фениксъ».

Собраніе это я, при случаѣ, не упускаю пополнять, но съ сожалѣніемъ скажу, что иногда, при назначеніи выгодной цѣны, и сбываю его по частямъ.

Желающіе могутъ, не выѣзжая изъ Петербурга, познакомиться не только съ моимъ собраніемъ журналовъ, но и самыхъ книгъ, обратясь лишь съ просьбою къ начальству Императорской Публичной Библіотеки о показаніи тѣхъ 163 списковъ, заключающихъ свыше 7,300 названій книгъ, журналовъ, брошюръ

и листовъ, кои я представилъ къ нему разновременно въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и изъ коихъ оно уже выбрало для себя до 1,500 названій, Библіотекѣ необходимыхъ, какъ у нее недостававшихъ.

Павелъ Должиковъ.

Кіевъ.

Замѣтки и поправки.

Въ статьѣ г. Баласа «С. Муравьевъ-Апостолъ», помѣщенной въ майской книгѣ журнала «Русская Старина» 1873 г., я нашелъ на страницѣ 675 слѣдующія ошибки:

1) Верховный уголовный судъ высочайшимъ манифестомъ утвержденъ не 1-го іюля, а 1-го іюня.

2) 10-го іюля состоялся не приговоръ верховнаго уголовнаго суда, а высочайшій указъ, которымъ, опредѣленныя верховнымъ уголовнымъ судомъ, наказанія для 120-ти преступниковъ, большею частью съ измѣненіями, утверждены только для 115-ти преступниковъ (а именно: наказаніе для 91-го—облегчены, для 23-хъ—оставлены, согласно приговору верховнаго уголовнаго суда, безъ измѣненія, и 1-му — увеличено); объ остальныхъ же пяти преступникахъ (въ томъ числѣ и о С. И. Муравьевѣ-Апостолѣ), которыхъ верховный уголовный судъ приговорилъ къ четвертованію, въ означенномъ выше указѣ сказано только слѣдующее: «ст. XIII. Наконецъ участь преступниковъ, здѣсь не поименованныхъ, кои, по тяжести ихъ злодѣяній, поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненій съ другими, предаю рѣшенію верховнаго уголовнаго суда, и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится».

3) 11-го іюля состоялось не высочайшее повелѣніе, а рѣшеніе верховнаго уголовнаго суда о пяти преступникахъ, на основаніи ст. XIII указа отъ 10-го іюля.

Сообщ. **Александръ Повало-Швыйковскій.**

Въ VII томѣ «Русской Старины» (изд. 1873 г.), на стр. 56, напечатано: III-й портретъ Бирона гравировалъ Вортманъ.... читай: III-й портретъ Бирона гравированъ Ив. Соколовымъ съ оригинала Каравака (см. каталогъ портретовъ Д. А. Равинскаго, стр. 23).

Въ VII т. «Русской Старины» 1873 г. (стр. 589), напечатано: коцаны (бородачи).... читай: кацаны (козы)....

„Русская Родословная книга".

Дополненія и поправки.

Выпуская въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году «Русскую Родословную книгу», первый томъ обширнаго труда одного знатока и любителя отечественной исторіи и генеалогіи, мы заявили, въ предисловіи, желанія наше и собирателя книги—имѣть дополненія и поправки къ вошедшимъ въ нее родословіямъ русскихъ фамилій. Просьба наша не осталась въ тунѣ. Собиратель «Русской Родословной книги» и редакція «Русской Старины» получили и продолжаютъ получать дополнительныя, историческія и генеалогическія, нерѣдко весьма интересныя и обширныя, свѣдѣнія, которыя и будутъ напечатаны во второмъ томѣ означеннаго труда.

Между тѣмъ, съ чувствомъ глубочайшей признательности, долгомъ считаемъ поименовать здѣсь лицъ, сообщившихъ частью дополненія и поправки къ «Русской Родословной книгѣ», частью совершенно новыя родословія:

Л. П. Батюшковъ, баронъ Бистромъ, М. Ѳ. Бороздинъ, баронъ

О. А. Бюлеръ, В. Н. Демидовъ, Г. В. Есиповъ, Дм. Жуковъ, А. А. Маринъ, гр. Г. А. Милорадовичъ, Н. П. Розановъ, Н. Ѳ. Самаринъ и Г. И. Студенкинъ.

Ред.

Сытной рынокъ въ Петербургѣ.

Въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» я нашелъ опечатку, которую желательно исправить; напечатано: «Столѣтовъ былъ обезглавленъ 12-го іюля 1736 года на Петербургской сторонѣ, у нынѣшняго Александровскаго рынка, на площади Сытнаго рынка», слово: рынка, слѣдуетъ замѣнить словомъ: парка. Кстати замѣчу: наименованіе Сытнаго рынка (какъ я самъ слышалъ отъ стариковъ-торговцевъ) произошло отъ того, что прежде на мѣстѣ нынѣшняго Сытнаго рынка была конная площадь (а на конной и эшафотъ) и первопачально, то есть, еще до основанія рынка, въ конные дни по большей части женщины — для приходящаго простаго народа — торговали, между прочимъ, съѣстными припасами, больше всего овсянымъ кисслемъ, а для прихлёбки разводили водой мёдъ и это называется сыта (настоящее имя Сытнаго рынка). Старый Сытной рынокъ—неизвѣстно когда былъ построенъ и занималъ часть нынѣшняго Александровскаго парка, Кронверкскій проспектъ и мѣсто нынѣшняго рынка, по сгорѣлъ 5-го авг. 1816 г., а взамѣнъ его былъ выстроенъ временной, который за ветхостью сломанъ въ 1866 г. Нынѣшній новый Сытной рынокъ построенъ восемь лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ сгорѣвшаго стараго, но нѣсколько дальше отъ Кронверка.

Николай Сажинъ,

торговецъ на Сытномъ рынкѣ, лавки №№ 58 и 59.

Вопросы.

Въ послѣдніе годы въ обществѣ довольно живо идетъ подписка на сооруженіе памятника великому нашему поэту Пушкину. Поэтому совершенно кстати спросить: кѣмъ и когда поставленъ былъ въ Царскомъ Селѣ, въ саду бывшаго тамъ лицея,—еще при жизни Пушкина,—камень въ честь этого поэта? На камнѣ врѣзана была надпись: Genio loci (мѣстному генію). Куда и по чьему распоряженію убранъ этотъ камень? Было бы интересно получить отвѣты на эти вопросы, тѣмъ болѣе, что объ этомъ памятникѣ мы не встрѣчали въ печати извѣстія, между тѣмъ какъ сами его видѣли въ 1833 или 1834 году.

А. В. Фр.

Поддѣлка подъ Гоголя.

(Литературный курьезъ).

Въ январьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1872 г. (т. V, стр. 87—117), помѣщены варіанты ко 2-й части «Мертвыхъ Душъ». Давая имъ мѣсто на страницахъ нашего изданія, мы тогда же объяснили, откуда поступила напечатанная нами рукопись.

«Отрывки эти», писали мы, «сохранились въ рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанію въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. въ 1857 г.). Рукопись подарена была Прокоповичемъ, на память его сослуживцу по преподаванію въ 1-мъ кадетскомъ кор-

пусѣ, полковнику Н. Ф. Я—му. Полковникъ, живя впослѣдствіи въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, познакомился съ директоромъ училищъ Могилевской губерніи, Михайломъ Максимовичемъ Богоявленскимъ, и, по его просьбѣ, охотно позволилъ снять точную копію съ своего манускрипта. Эту копію М. М. Богоявленскій — нынѣ директоръ С.-Петербургскаго Коммерческаго училища — весьма обязательно предоставилъ намъ напечатать на страницахъ «Русской Старины».

Прошелъ почти годъ. Въ ноябрѣ 1872 г. мы получили отъ Н. Ф. Ястржембскаго рукопись его собственныхъ «Воспоминаній», съ предложеніемъ—напечатать ихъ въ «Русской Старинѣ»; при этомъ въ приписки къ письму (отъ 31-го октября 1872 г.) г. Ястржембскій выразилъ удивленіе, какъ М. М. Богоявленскій, безъ его вѣдома и согласія, напечаталъ отрывки «Мертвыхъ Душъ». «А что если отрывки поддѣлка? А въ этомъ я почти не сомнѣваюсь. Н. Я.».

На просьбу нашу разъяснить основанія такого предположенія, г. Ястржембскій отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Могилевъ (губернскій), 13-го февраля 1873 г.

«Милостивый государь, господинъ редакторъ! На письмо ваше отъ 5-го февраля, за № 47-мъ, считаю долгомъ немедленно отвѣтить.

«Вы желаете знать, на чемъ основано мое предположеніе о томъ, что варіанты 2-й части «Мертвыхъ душъ», напечатанные въ «Русской Старинѣ», не принадлежатъ Гоголю.

«Отвѣчаю откровенно: варіанты эти написаны мною, тринадцать лѣтъ тому назадъ; никогда не предназначались къ печати и написаны по особому случаю, который считаю обязанностью разсказать вамъ со всею подробностью.

«Въ 1859 г., проживая въ Могилевѣ, я былъ коротко знакомъ съ М. М. Богоявленскимъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ мы съ нимъ часто спорили о нашихъ литературныхъ знаменитостяхъ. Въ одной изъ подобныхъ бесѣдъ зашла рѣчь о Гоголѣ. Оба мы, и М. М., и я, принадлежимъ къ числу страстныхъ поклонниковъ Гоголя; но М. М. восторгался имъ безусловно, а я, признавая Гоголя великимъ писателемъ за первыя его литературныя произведенія; и въ особенности за 1-ю часть «Мертвыхъ Душъ», негодовалъ за его «Переписку съ друзьями» и за 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ». Помнится, что разъ, въ оживленномъ спорѣ, я сказалъ, что нахожу 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ» крайне неудачнымъ продолженіемъ первой. Я прибавилъ, что у меня есть передѣлка трехъ первыхъ главъ 2-й части, гораздо удачнѣе произведенія Гоголя, и что М. М. не узнаетъ, Гоголь-ли это писалъ или кто другой. М. М. пожелалъ видѣть эту передѣлку, и я обѣщалъ ему отыскать ее въ хламѣ старыхъ бумагъ.

«У меня была рукопись 2-й части «Мертвыхъ Душъ» въ томъ видѣ, въ какомъ впослѣдствіи она напечатана; и я, недовольный этой 2-ю частью, передѣлалъ три первыя главы ея и сообщилъ М. М. Онъ прочелъ и объявилъ, «что это не поддѣлка подъ Гоголя, а самъ Гоголь». Я увѣрялъ его въ противномъ; онъ стоялъ на своемъ и сказалъ, что я грѣшу тѣмъ, что, имѣя у себя такую драгоцѣнность, не предаю ее печати. Я отвѣчалъ, что дорожа именемъ Гоголя, я не осмѣлюсь никогда выдать за гоголевское то, что принадлежитъ чьему-то досужему перу.

— «Такъ подарите мнѣ эту рукопись: я ее напечатаю».

— «Подарить не могу, а списать копію можете, но съ условіемъ: никогда не печатать.

«Обѣщаніе дано, и копія снята. Подлинникъ остался у меня, и, по желанію вашему, господинъ редакторъ, посылаю его вамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ былъ написанъ, съ помарками и поправками, доказывающими, что статья была написана на-скоро и вовсе не предназначалась къ печати.

«Этимъ дѣло и кончилось. Я не счелъ нужнымъ сказать М. М., что варіанты сдѣланы мною, но положительно увѣрялъ его, что ихъ писалъ не Гоголь.

«Прошло 13-ть лѣтъ, и я позабылъ о существованіи моей рукописи. Каково же было мое удивленіе, когда въ январьской книгѣ «Русской Старины» за 1872 годъ я встрѣтилъ мою статью, напечатанную слово въ слово, съ предисловіемъ отъ редакціи, въ которомъ сказано, что статья сообщена ей М. М. Богоявленскимъ, получившимъ ее отъ полковника Н. Ф. Я—го, т. е. отъ меня, и что самъ я получилъ ее отъ покойнаго Прокоповича. Въ справедливомъ негодованіи на М. М., забывшаго о своемъ обѣщаніи—не печатать эту статью, я хотѣлъ тотчасъ же написать въ редакцію «Русской Старины» и объяснить все дѣло; но удержался, разсчитывая, что читающая публика сама увидитъ неловкость поддѣлки подъ Гоголя и оставитъ ее безъ вниманія. Я ошибся.... Нашлись люди, которые, подобно М. М., не усомнились въ томъ, что варіанты принадлежатъ Гоголю. Въ іюльской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1872 годъ появилась статья г. Чижова, съ весьма серьезнымъ заключеніемъ. Г. Чижовъ видитъ въ этихъ варіантахъ полное отреченіе Гоголя отъ дикихъ идей, высказанныхъ имъ въ «Перепискѣ съ друзьями», и полагаетъ, что эта рѣзкая перемѣна въ Гоголѣ произошла вслѣдствіе извѣстнаго письма къ нему Бѣлинскаго. Онъ думаетъ, что Гоголь, подъ вліяніемъ этого письма, передѣлалъ три первыя главы 2-й части «Мертвыхъ Душъ», и что, вѣроятно, передѣлалъ бы въ томъ же духѣ и остальныя. Онъ видитъ въ варіантахъ мастерскіе эскизы, достойные пера великаго художника, и благодаритъ счастливый случай, давшій возможность заглянуть въ душу Гоголя....

«Шутка зашла слишкомъ далеко, и пора съ нею покончить.

«Я могъ позволить себѣ шутку въ дружескомъ кружкѣ, желая испытать литературное чутье человѣка, изучившаго Гоголя; но я не могу вводить въ заблужденіе читающую публику и выдавать за гоголевское то, что не принадлежитъ ему. Я раскаяваюсь въ моей неосторожной шуткѣ и оправдываю себя только тѣмъ, что я положительно увѣрялъ М. М., что варіанты не принадлежатъ Гоголю.

«Мнѣ кажется, что М. М—чу не слѣдовало печатать сообщенную мною статью безъ моего вѣдома и согласія, и что, печатая ее въ «Русской Старинѣ», онъ поступилъ опрометчиво.

«Вотъ вамъ, милостивый государь, вся истина. Судите, кто изъ насъ двоихъ болѣе виноватъ въ этомъ дѣлѣ: я или М. М. Примите и пр. Николай Ястржембскій».

Вслѣдъ затѣмъ, по нашей просьбѣ, доставлена г. Ястржембскимъ рукопись 2-й части «Мертвыхъ Душъ», съ объясненіемъ (въ письмѣ отъ 22-го февраля 1873 г.), что она списана его рукою, что съ покойнымъ Прокоповичемъ г. Ястржембскій «былъ знакомъ въ сороковыхъ годахъ, по 2-му кадетскому корпусу, гдѣ я преподавалъ механику, а онъ, кажется, русскую словесность. Отъ него я получилъ для списанія 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ», ходившую тогда по рукамъ, въ рукописи. Въ 1859 г., когда зашла рѣчь о 2-й части «Мертвыхъ Душъ» и когда я сказалъ, что М. М. Богоявленскій не узнаетъ поддѣлки подъ

Гоголя, я переписалъ имѣвшуюся у меня рукопись, и на-скоро сдѣлалъ извѣстныя вамъ вставки. Я счелъ неудобнымъ тогда же сознаться предъ М. М. въ мистификаціи, которую онъ могъ бы найти обидною для себя. Я позволилъ ему снять копію съ моей рукописи, взявъ съ него слово, что рукопись никогда не будетъ напечатана».

Рукопись, доставленная г. Ястржембскимъ, составляетъ тетрадь въ форматѣ листа и занимаетъ 74 страницы. Въ нее однимъ и тѣмъ же почеркомъ, и. дѣйствительно, кажется, его рукою, списаны первыя три главы 2-й части «Мертвыхъ Душъ» въ томъ самомъ видѣ, какъ напечатаны онѣ, по копіи М. М. Б—го, въ «Русской Старинѣ». При этомъ весь списокъ г. Ястржембскаго писанъ на одной и той же пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, и безъ всякихъ слѣдовъ вставокъ или помарокъ и передѣлокъ, кромѣ исправленія немногихъ описокъ[1]). Такимъ образомъ, чтобъ устроить свою шутку, г. Ястржембскій, судя по внѣшнему виду доставленной имъ рукописи, долженъ былъ предварительно составить тѣ измѣненія и дополненія, какія имъ признаны нужными, и потомъ своею рукою не только написать всѣ 74 страницы тетради въ листъ, но и «разрѣшить» таковую работу г. Богоявленскому. Какъ ни мало вѣроятною представилась намъ подобная шутка-monstre, тѣмъ не менѣе мы готовы уже были исполнить заявленное нами г. Ястржембскому желаніе—напечатать весь этотъ курьозъ въ «Русской Старинѣ», какъ вдругъ М. М. Богоявленскій сообщилъ намъ отыскавшееся въ его бумагахъ нижеслѣдующее подлинное письмо г. Ястржембскаго:

«14-го февраля 1861 г., Могилевъ. Дорогой мой Михайло Максимовичъ! Благодарю васъ за письмо. Вы не ошиблись, считая меня въ числѣ лучшихъ вашихъ друзей. Не я одинъ душевно жалѣю о томъ, что вы оставили Могилевъ: многіе раздѣляютъ со мною это сожалѣніе, а дѣти мои, которыя вамъ столько обязаны, вспоминаютъ объ васъ съ сердечною признательностью. Я читалъ письмо ваше къ гимназистамъ. Кто можетъ сказать бывшимъ своимъ подчиненнымъ то, что вы сказали въ вашемъ письмѣ, тотъ имѣетъ право гордиться своимъ прошедшимъ.

«Рукопись я получилъ. Напечатаніе варіантовъ «Мертвыхъ Душъ» предоставляю вашему усмотрѣнію, но прошу васъ при изданіи не упоминать обо мнѣ. Хотя я и получилъ этотъ списокъ отъ покойнаго Прокоповича въ сороковыхъ годахъ, но не вполнѣ увѣренъ, что это сочиненіе самого Гоголя, а вводить публику въ заблужденіе было бы грѣшно.

«Недоброжелатели ваши замолкли. Имъ совѣстно сказать что-нибудь про васъ, когда общественное мнѣніе все за васъ. Не отвергайте существованія этого мнѣнія на Руси, и проч. Любите меня, сколько я васъ люблю. Душевно преданный вамъ Николай Ястржембскій».

Что же все это значитъ?

Въ 1859 году г. Ястржембскій шутитъ, представляя знакомому, глубоко имъ уважаемому, будто-бы свою поддѣлку подъ любимаго автора, для чего не жалѣетъ ни времени, ни труда, и исписываетъ, едва-ли не вдвойнѣ, 74 страницы.

Въ 1861 г., когда, казалось, и время, и разлука должны были положить ко-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ лишь мѣстахъ, и то въ весьма немногихъ, встрѣчаемыя небольшія помарки должны быть приняты за поправки, такъ какъ вмѣсто трехъ-четырехъ словъ, слегка зачеркнутыхъ, стоитъ рядъ другихъ словъ. **Ред.**

пецъ шуткѣ, г. Ястржембскій предоставляетъ усмотрѣнію того же «дорогаго и любимаго» знакомаго напечатать эту же поддѣлку, не упоминая лишь о немъ, г. Ястржембскомъ, и положительно свидѣтельствуетъ, что именно этотъ списокъ (т. е. тотъ, который, по копіи принадлежащей г. Богоявленскому, и былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ») полученъ отъ покойнаго Прокоповича, наконецъ, даже указываетъ время — сороковые года — когда это совершилось.

Въ 1873 году г. Ястржембскій печатаетъ внушеніе тому же М. М. Богоявленскому, что «ему не слѣдовало печатать сообщенную мною статью безъ моего вѣдома и согласія, и что, печатая ее, онъ поступилъ опрометчиво».

Во всемъ этомъ есть дѣйствительно какая-то «прискорбная мистификація» со стороны г. Ястржембскаго; но что именно должно отнести къ ней — мы рѣшительно недоумѣваемъ: то-ли, что онъ, по его увѣренію, творилъ въ 1859 г., дополняя и исправляя Гоголя? то-ли, что онъ писалъ г. Богоявленскому въ 1861 г., увѣряя, что именно этотъ списокъ полученъ отъ г. Прокоповича, и что г. Богоявленскій можетъ его напечатать по своему усмотрѣнію, или же, наконецъ, къ области мистификаціи принадлежитъ нынѣ напечатанное покаяніе г. Ястржембскаго «въ неосторожной шуткѣ?»

Съ своей стороны г. Богоявленскій, кромѣ нѣкоторыхъ устныхъ разъясненій происшедшаго эпизода, сообщилъ слѣдующій отзывъ:

Редактору «Русской Старины». «Благодарю васъ за любезное сообщеніе «Литературнаго курьоза»; я вамъ не могу ничего на это сказать, кромѣ того, что уже вамъ мною передано. Развѣ похвастать однимъ, что я открылъ больше, чѣмъ думалъ,—я открылъ Гоголя 2-го. Жаль только, что этотъ прекрасный талантъ обнаружился нѣсколько поздно. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. М. Богоявленскій».

27-го іюня 1873 года.

Недоумѣніе, выраженное нами, г. Ястржембскій старается разсѣять новымъ письмомъ, подобно предыдущему, напечатанному въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1873 г., № 184). Повторяя уже сказанное прежде, г. Ястржембскій пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я положительно утверждаю, что статья, сообщенная мною г. Богоявленскому, написана мною и написана по особому случаю, который я объяснилъ въ письмѣ къ редактору «Русской Старины» отъ 13-го февраля нынѣшняго года. Рукопись 2-й части «Мертвыхъ Душъ», въ томъ видѣ, въ какомъ она ходила по рукамъ, до напечатанія ея въ 1855 году, была мнѣ дана для снятія копіи, въ сороковыхъ годахъ, Н. Я. Прокоповичемъ, и по этой рукописи написана мною статья съ варіантами, сообщенная въ 1859 году М. М. Богоявленскому. Сообщая ее для снятія копіи, я взялъ слово съ М. М. никогда ее не печатать, потому что она не принадлежала Гоголю. Редакція «Русской Старины» напомнила мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я-было забылъ за давностью времени. Я вспомнилъ, что дѣйствительно, въ 1861 году, я получилъ отъ М. М. письмо, въ которомъ, между прочимъ, онъ выразилъ желаніе напечатать «интересные варіанты». Помнится, я отвѣчалъ, что предоставляю это его усмотрѣнію, но прошу при изданіи не упоминать обо мнѣ, потому что я не увѣренъ, что это сочиненіе Гоголя, а вводить въ заблужденіе публику было бы грѣшно. Я полагалъ, что сказаннаго будетъ достаточно для удержанія М. М. отъ напечатанія варіантовъ, и что если онъ и рѣшится на это, то непремѣнно заявитъ, что есть сомнѣніе, Гоголь-ли это писалъ, или нѣтъ. Вслѣдствіе этого

г. Богоявленскій не напечаталъ варіантовъ въ 1861 г. Съ тѣхъ поръ я позабылъ и объ нихъ, и о моей перепискѣ по этому поводу. Вотъ почему я былъ пораженъ, когда, черезъ тринадцать лѣтъ, я встрѣтилъ на страницахъ «Русской Старины» не одни уже варіанты, но цѣлую мою статью..... Дорожа истиною, я хотѣлъ тотчасъ-же написать въ редакцію «Русской Старины», но удержался, полагая, что статья будетъ найдена публикою не заслуживающею вниманія. Но когда вслѣдъ затѣмъ появилось мнѣніе литераторовъ, съ серьезнымъ заключеніемъ, что эти варіанты доказываютъ, будто Гоголь, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, отрекся отъ идей, высказанныхъ имъ въ «Перепискѣ съ друзьями»; когда я подумалъ, что это мнѣніе можетъ укорениться въ публикѣ, и, пожалуй, перейдетъ въ учебники,—тогда я счелъ молчаніе преступленіемъ, и разъяснилъ все дѣло редактору «Русской Старины». Онъ просилъ меня прислать ему рукопись, съ которой снималъ копію М. М. Богоявленскій, и я послалъ ее немедленно. Затѣмъ, онъ просилъ позволеніе напечатать мое письмо въ ближайшей книжкѣ «Русской Старины», и я не только позволилъ, но просилъ его объ этомъ».

«Меня могутъ спросить, почему я въ свое время не сознался передъ М. М. въ мистификаціи? На это я отвѣчу, что подобное сознаніе могло бы показаться обиднымъ человѣку, утверждавшему, что онъ изучилъ Гоголя до того, что сразу узнаетъ поддѣлку подъ него. Впрочемъ, я раскаяваюсь въ томъ, что не сдѣлалъ этого сознанія; оно закончило бы мистификацію и не повело бы къ послѣдствіямъ, вызваннымъ напечатаніемъ варіантовъ.

«Съ моей стороны я спрошу: 1) Если г. Богоявленскій не былъ связанъ словомъ, даннымъ въ 1859 году, если онъ находилъ статью заслуживавшею печати, если онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что это произведеніе Гоголя,—почему же онъ не напечаталъ ее, и зачѣмъ въ 1861 г. просилъ позволенія напечатать варіанты? 2) Когда въ 1861 г. ему было предоставлено, относительно изданія варіантовъ, поступить по своему усмотрѣнію, почему онъ не печаталъ ихъ до 1872 года? 3) Почему, сообщая редакціи «Русской Старины» эти мнимо-гоголевскіе варіанты, онъ не сообщилъ ей хотя сомнѣніе, что это не произведеніе Гоголя? 4) Почему редакція «Русской Старины», вызвавшись сама напечатать мое письмо въ ближайшей книжкѣ журнала, не сдѣлала этого въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и не возвратила мнѣ мою рукопись [1])? «Наконецъ, если бы статья моя была спискомъ съ чьей-нибудь рукописи, неужели въ теченіе 13-ти лѣтъ не нашелся бы другой списокъ этой рукописи? Да и могъ-ли бы я рѣшиться выдавать за свое то, что могло быть въ другихъ рукахъ и въ чемъ меня можно было бы легко уличить?

«Я не ищу литературной извѣстности, не придаю никакого значенія написаннымъ мною варіантамъ; удивляюсь, что въ нихъ не узнана сразу неловкая поддѣлка подъ Гоголя. Повторяю уже сказанное разъ: я могъ позволить себѣ шутку съ человѣкомъ, утверждавшимъ, что онъ вполнѣ изучилъ Гоголя, но не могу позволить себѣ мистифицировать публику. Я могу заслужить упрекъ за то, что не сознался совершенно передъ М. М. Богоявленскимъ въ мистифи-

---

[1]) Рукопись послана г. Ястржембскому 30-го іюля текущаго года въ г. Могилевъ. Мы не торопились возвратить ее, дабы имѣть ее въ виду при разъясненіи настоящей мистификаціи. Въ виду могущихъ возникнуть ссылокъ на эту рукопись, въ редакціи составлено подробное описаніе внѣшняго ея вида.

Ред.

кціи, но я рѣшился лучше подвергнуться этому справедливому упреку, чѣмъ оставлять публику въ заблужденіи на счетъ Гоголя».

«Меня могутъ спросить, какимъ образомъ я могъ поддѣлаться подъ Гоголя до того, что многіе не узнали поддѣлки? На это я отвѣчу: Гоголь былъ мой любимый писатель; я долго изучалъ его, я зналъ почти наизусть всѣ его творенія, и въ особенности первую часть «Мертвыхъ Душъ»; я восхищался этою первою частью, и въ то же время страшно негодовалъ на Гоголя за его «Переписку съ друзьями» и за вторую часть «Мертвыхъ Душъ». Подъ вліяніемъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго, я часто обдумывалъ, какъ бы слѣдовало передѣлать вторую часть «Мертвыхъ Душъ», чтобъ она сдѣлалась достойнымъ продолженіемъ первой. Еще до прискорбной мистификаціи съ М. М. у меня были наброски вставокъ и передѣлокъ второй части, и я воспользовался ими, когда предстала надобность испытать, до какой степени М. М. изучилъ любимаго имъ и мною автора. Мнѣ не стоило большаго труда передѣлать три первыя главы второй части, и я это сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Имѣй я тогда больше времени, я передѣлалъ бы и остальныя главы. Я вставилъ извѣстный въ свое время всему Петербургу анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, случившійся въ 1854 году, т. е. послѣ кончины Гоголя. Я заставилъ генерала Бетрищева сказать о Михайловскомъ-Данилевскомъ то, что вмѣстѣ со многими слышалъ въ Витебскѣ, за обѣдомъ, въ 1856 году, отъ одного генерала, участвовавшаго въ отечественной войнѣ, и тоже какъ-то забытаго Данилевскимъ; я описалъ завтракъ у Петра Петровича Пѣтуха со сцены, которой, вмѣстѣ съ другими, былъ свидѣтелемъ здѣсь, въ Могилевѣ, у одного барина-сибарита, любившаго плотно поѣсть и угостить, и хвастывшагося тѣмъ, что онъ не знаетъ, что такое скука; я дополнилъ недосказанное у Гоголя примиреніе Тентетникова съ Бетрищевымъ и сватовства Чичикова. Однимъ словомъ, я, а не кто другой, написалъ варіанты, напечатанные въ «Русской Старинѣ».

«На этомъ я стою твердо—и останусь навсегда». Николай Ястржембскій».

Могилевъ, 2-го іюля 1873 г.

Въ новомъ объясненіи г. Ястржембскаго мы находимъ нѣкоторыя противорѣчія съ предыдущими: 13-го февраля онъ писалъ, что вслѣдствіе литературныхъ споровъ съ г. Богоявленскимъ, и желая надъ нимъ подшутить, передѣлалъ 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ» и проч., а 2-го іюля мы узнаемъ, что передѣлки эти были уже прежде сдѣланы г. Ястржембскимъ для удовлетворенія собственной художественной потребности—видѣть 2-ю часть поэмы Гоголя болѣе совершенною, и лишь по случаю споровъ съ М. М. Богоявленскимъ были они ему представлены. 2-го іюля 1873 года, г. Н. Я. пишетъ, что передѣлки были сдѣланы по копіи, снятой у г. Прокоповича, а 14-го февраля 1861 года г. Ястржембскій письменно утверждалъ, что именно этотъ списокъ, т. е. со всѣми его варіантами, полученъ имъ отъ Н. Я. Прокоповича..... Не менѣе загадочнымъ остается, не смотря на всѣ объясненія г. Ястржембскаго, какъ могло случиться, что человѣкъ, по лѣтамъ своимъ вполнѣ почтенный, бывшій профессоръ механики, сыгравъ шутку въ 1859 г., не только позволяетъ себѣ не разъяснить ее тогда же своему «весьма уважаемому знакомому», а еще письменно усиливаетъ въ немъ это заблужденіе два года спустя; удостовѣреніе г. Ястржембскаго, что именно «этотъ списокъ» 2-й части «Мертвыхъ Душъ» полученъ имъ отъ Н. Я. Прокоповича—давало право М. М. не обратить внима-

нія на бездоказательное сомнѣніе, въ томъ же письмѣ выраженное, что это соч. не самаго Гоголя. На это сомнѣніе г. Богоявленскій потому еще могъ не обратить вниманія, что онъ, какъ положительно удостовѣрилъ насъ 27-го іюня 1873 г., никакихъ литературныхъ споровъ съ г. Ястржембскимъ ни о Гоголѣ, ни о какомъ другомъ писателѣ, въ 1859 г., прежде и послѣ, не имѣлъ; ничѣмъ и никогда онъ не подавалъ повода г. Ястржембскому вводить его въ мистификацію. Г. Ястржембскій очень былъ къ нему любезенъ, предлагалъ ему часто книги, и такъ какъ не всѣ эти книги интересовали г. Богоявленскаго, то г. Ястржембскій предложилъ ему однажды, совершенно случайно, рукопись — то былъ списокъ 2-й части «Мертвыхъ Душъ»; никогда г. Ястржембскій не бралъ съ него слова не печатать оказавшіеся въ спискѣ варіанты, никогда до 1861 г. не заявлялъ сомнѣнія въ томъ, чтобы они не принадлежали Гоголю, а въ 1861 г. весьма обязательно предоставилъ усмотрѣнію М. М. издать эти варіанты, какъ видно изъ приведеннаго выше письма; наконецъ, если М. М. не напечаталъ ни тогда, ни послѣ до 1872 г., снятой имъ копіи 2-й части «Мертвыхъ Душъ» то только потому, что разсказанный въ одномъ изъ варіантовъ анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ могъ быть принятъ, хотя конечно ошибочно, за характеристику весьма нѣкогда извѣстнаго и сильнаго, по своему положенію, вельможи, но за нѣсколько лѣтъ до своей смерти оставшагося «не у дѣлъ»... Предоставляя, однако, самому М. М. Богоявленскому, если только онъ пожелаетъ вести эту полемику, отвѣчать г. Ястржембскому, мы отвѣтимъ лишь на вопросъ, собственно къ намъ обращенный, а именно: г. Ястржембскій, хранившій тринадцатилѣтнее молчаніе о своей мистификаціи и за тѣмъ почти годъ не разъяснявшій ее уже послѣ того, какъ «варіанты» были изданы, — ставитъ намъ въ упрекъ, почему мы сами, предложивъ напечатать его показаніе отъ 13-го февраля 1873 г., не сдѣлали этого въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ?

Отвѣчаемъ: потому, какъ мы уже говорили выше, что отыскавшееся въ бумагахъ М. М. Богоявленскаго письмо — г. Ястржембскаго отъ 14-го февраля 1861 г. своими противорѣчіями съ тѣмъ, въ чемъ онъ увѣрялъ въ «покаяніи» 13-го февраля 1873 г.,— породило въ насъ опасеніе сдѣлаться жертвою какой-нибудь «шутки» со стороны г. Ястржембскаго; вслѣдствіе этого мы рѣшились предоставить ему выступить съ своею исповѣдью на страницахъ другаго изданія, что онъ, впрочемъ, и не замедлилъ сдѣлать.

Какъ бы то ни было, однако, мы приглашаемъ читателей «Русской Старины», хотя бы до поры до времени, а именно впредь до какихъ-нибудь новыхъ данныхъ или могущихъ быть документальныхъ разъясненій этого, вполнѣ оригинальнаго литературнаго случая, признать полковника Н. Я. Ястржембскаго авторомъ напечатанныхъ въ 1872 г. дополненій, передѣлокъ и поправокъ ко 2-й части «Мертвыхъ Душъ» [1]).

Мы, впрочемъ ни сколько не сожалѣемъ, что они изданы, напротивъ, какъ мастерскіе, даже художнически набросанные очерки, они весьма интересны; но ихъ мѣсто не въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала, а въ Листкахъ изъ записной книжки «Русской Старины», въ отдѣлѣ курьезовъ, куда бы мы ихъ и

---

[1]) Наиболѣе непреложнымъ документальнымъ разъясненіемъ могъ бы послужить списокъ 2-й части «Мертвыхъ Душъ»—руки Н. Я. Прокоповича, если бы таковой оказался съ тѣми самыми варіантами, авторомъ которыхъ является теперь Н. Я. Ястржембскій. Ред.

помѣстили, если бы только хотя тѣнь сомнѣнія въ томъ, что они принадлежатъ не Гоголю, была бы намъ своевременно заявлена.

Настоящій случай даетъ намъ поводъ указать на одно обстоятельство, на которые мы обращали уже вниманіе читателей, давая имъ, въ январѣ 1873 г., отчетъ въ своей трехлѣтней дѣятельности по изданію «Русской Старины»: всѣ сообщенія, появляющіяся на страницахъ этого ежемѣсячнаго сборника, мы предпочтительно печатаемъ по подлиннымъ рукописямъ; но это не всегда представляется возможнымъ: не рѣдко оказывается, что подлинные манускрипты, либо навсегда утрачены и извѣстны въ обществѣ только по копіямъ, лишь болѣе или менѣе вѣрнымъ, либо хранятся въ недоступныхъ, по чему-либо, архивахъ. Между тѣмъ, по своему интересу и значенію, матеріалы эти могутъ быть на столько важны, что «Русская Старина», вѣрная своей задачѣ изданію любопытныхъ памятниковъ отечественной исторіи и исторіи русской литературы, не вправѣ ихъ не обнародовать. Печатая, такимъ образомъ, матеріалъ иногда по спискамъ, а не по подлинникамъ, мы всегда предпосылаемъ объясненіе, откуда, какъ и въ какомъ видѣ дошли къ намъ издаваемыя рукописи....

Все это было нами выполнено въ январѣ 1872 г. при напечатаніи любопытнаго списка 2-й части «Мертвыхъ Душъ», сообщеннаго М. М. Богоявленскимъ, и, какъ нынѣ разъяснено, введеннаго въ многолѣтній обманъ «душевно его любящимъ и уважающимъ — Николаемъ Ястржембскимъ».

Ред.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Русское общество и литература понесли новую горестную утрату въ лицѣ Ѳ. И. Тютчева, скончавшагося 15-го іюля 1873 г. послѣ продолжительной болѣзни въ Царскомъ Селѣ. Изображеніе этой прекрасной и благородной личности должно составить предметъ обстоятельной біографіи, которая напишется, когда будутъ собраны нужные для того матеріалы. Теперь возможны только краткія о ней замѣтки и выраженія скорби людей, близко знавшихъ ее и свято чтущихъ его память. Пишущій эти строки былъ въ числѣ этихъ людей; въ дни болѣзни покойнаго, онъ часто видѣлся съ нимъ и раздѣлялъ съ нимъ послѣднія, такъ сказать, капли изсякающей жизни.

Тютчевъ принадлежалъ къ числу людей, призванныхъ всѣми свойствами своей души олицетворять собою, поддерживать и возвышать интиллигенцію страны. Это достигается не одними извѣстными спеціальностями занятій; тутъ важны силы, дѣйствующія въ общемъ направленіи всесторонняго прогресса, къ какому только способенъ народный духъ. Умъ возвышенный, обширная и богатая образованность, сердце, горячо преданное отечеству, дѣлали Тютчева вполнѣ способнымъ къ подобной задачѣ. Ему дорогъ былъ каждый успѣхъ всечеловѣческаго ума, знанія, блага; но живѣйшею радостью его сердца было, когда онъ могъ привѣтствовать подобный успѣхъ въ своемъ народѣ. Онъ былъ, какъ говорится, человѣкъ современный; онъ сочувствовалъ всякой научной общественной истинѣ, содѣйствующей облегченію бѣдствій и лучшему устройству человѣческихъ отношеній; но проницательность его ума и зрѣлая опытность указывали ему и на искаженіе этихъ истинъ, на крайности ученій, прикрытыхъ ихъ именемъ, точно также, какъ и на ошибки людей, противящихся осуществленію всякой плодотворной новой идеи подъ предлогомъ опасностей, сопровождающихъ переходъ отъ застоя къ движенію, или

единственно потому, что идея эта новая. Не говоря о служебныхъ и литературныхъ трудахъ Тютчева, довольно привести на память личное значеніе, пріобрѣтенное имъ въ обществѣ, чтобы видѣть, какую высокую степень занималъ онъ посреди него въ умственномъ отношеніи. Есть люди, которыхъ взгляды на вещи, мнѣнія, простая задушевная бесѣда въ кругу людей мыслящихъ составляютъ какъ бы пропаганду ума,— пропаганду всего честнаго и великаго. Образованное общество достойно цѣнитъ это не систематическое, не преднамѣренное, невольное, инстинктивное, такъ сказать, проявленіе высшихъ способностей, вносящихъ въ среду его самымъ уже присутствіемъ своимъ ту силу, свѣтъ и вліяніе мысли, которое характеризуетъ истинную образованность. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Тютчевъ, онъ производилъ подобное дѣйствіе. Начиная съ нимъ бесѣду, вы всегда могли быть увѣрены, что услышите или сужденіе правильное и вѣрное о людяхъ и событіяхъ, интересующихъ общество, или тонкое замѣчаніе о какомъ-нибудь общемъ предметѣ, часто новое и оригинальное, или слово мѣтко обозначающее то, что въ устахъ другаго вращалось смутно и темно. Рѣчь его отличалась своеобразнымъ изяществомъ: говоря съ нѣкоторою разстановкою и медленностью, онъ поражалъ васъ или неожиданнымъ блестящимъ оборотомъ, счастливою какою-то находчивостью, или остроумною, тонкою замѣткою на случаи, подлежащіе осмѣянію. Онъ обладалъ при этомъ тою рѣдкою, если можно такъ сказать, любезностію сердца, которое состоитъ не въ соблюденіи свѣтскихъ приличій, хотя ему они очень хорошо были извѣстны, но въ деликатномъ человѣчественномъ вниманіи къ личному достоинству каждаго, къ его праву участвовать въ общемъ обмѣнѣ мыслей, мнѣній и убѣжденій, къ его не злоупотребляемой свободѣ.

Тютчевъ, какъ писатель, глубоко понималъ высокое значеніе литературы. Когда умы заняты рѣшеніемъ важныхъ задачъ практическихъ и къ участію въ общественныхъ интересахъ призываются даровитые дѣятели мысли и слова, тогда инымъ можетъ показаться, что права и самостоятельность собственно изящной литературы должны уступить мѣсто господствующимъ нуждамъ и требованіямъ времени и она остаться въ сторонѣ, чтобы ожидать своей очереди. Но чувство прекраснаго, присущее природѣ разумныхъ существъ, не можетъ угаснуть въ человѣческомъ сердцѣ, или съ нимъ должно было бы угаснуть и художественное творчество и должны были бы изчезнуть съ лица земли всѣ искусства. Чувство прекраснаго само по себѣ есть неотразимая принадлежность всѣхъ временъ и всѣхъ состояній общественности. Иначе пришлось бы утверждать, что кромѣ дикихъ, т. е. людей,

недостигшихъ полнаго человѣческаго сознанія, могутъ существовать такія общества и такія историческія эпохи, отчужденіе которыхъ отъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій они признаютъ основнымъ принципомъ для себя. Въ Тютчевѣ съ духомъ мыслителя гармонически сочеталось чистѣйшее поэтическое настроеніе. Онъ написалъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ все—содержаніе, образы, языкъ свидѣтельствуютъ о высокомъ художественномъ талантѣ. Здѣсь мы не можемъ вдаваться въ разборъ духа, направленія и красотъ его произведеній, и отлагаемъ это до другаго времени. Замѣтимъ только, что при всемъ идеальномъ настроеніи автора этихъ прекрасныхъ созданій, въ нихъ все такъ полно истинъ природы, жизни и сердца человѣческаго, что всякій, въ комъ живо чувство изящнаго, читая ихъ, какъ-будто прислушивается къ голосу, къ біенію собственнаго сердца.

Предметы служебной своей дѣятельности онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ въ широкихъ видахъ общественнаго добра и понималъ связь всякаго вопроса съ высшимъ началомъ, ведущимъ къ этому добру. Онъ обращался всегда къ существенной внутренней сторонѣ дѣла, а не къ буквѣ, которой часто приносятся въ жертву важнѣйшіе интересы общества. Послѣднее время онъ былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры. Всѣмъ, принимающимъ участіе въ судьбѣ мысли и литературы отечественной, хорошо извѣстенъ его просвѣщенный образъ мыслей относительно дѣлъ печати. Извѣстно, какъ онъ стремился поддерживать и осуществлять охранительныя мѣры въ этой административной сферѣ безъ вреда развитію и распространенію здравыхъ идей, на которыхъ зиждутся умственные и нравственные успѣхи общества.

Нѣсколько мѣсяцевъ Тютчевъ страдалъ жестокимъ недугомъ. Его духовному существу въ это тяжкое время принадлежала только часть его тѣла, другая — была отнята у него параличемъ. Но и среди, можно сказать, развалинъ его физическаго состава, его не покидали ни свѣтлая мысль, ни теплое чувство ко всему прекрасному, ни участіе въ судьбахъ дорогой ему отчизны и всѣхъ близкихъ ему существъ. Только недѣли за двѣ до своей кончины онъ началъ терять сознаніе, и здѣсь происходила уже настоящая борьба со смертью, которой упорно сопротивлялась еще его крѣпкая, хотя и потрясенная натура. Въ дни, предшествовавшіе этому, мы слышали еще изъ устъ его привѣтливыя и трогательныя слова и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передавалъ намъ свою заботу о какомъ-то бѣдномъ сиротѣ, о которомъ онъ просилъ одно высшее начальственное лицо.

Вотъ, можно сказать, предсмертное изліяніе его чувствованій въ

строкахъ, присланныхъ имъ намъ, и начертанныхъ дрожащею рукою, которыя мы съ трудомъ могли разобрать:

Бываютъ роковые дни
Лютѣйшаго тѣлеснаго недуга
И страшныхъ нравственныхъ тревогъ;
И жизнь надъ нами тяготѣетъ
И душитъ насъ, какъ кошемаръ.
Счастливъ, кому въ такіе дни
Пошлетъ всемилосердый Богъ
Неоцѣненный лучшій даръ
Сочувственную душу друга,
Кого живая, чистая рука
Коснется насъ хотя слегка,
Оцепѣненіе разсѣетъ
И сдвинетъ съ насъ ужаснаго кошмара,
И отвратитъ судебъ ударъ.
Воскреснетъ жизнь, кровь заструится вновь
И вѣритъ сердце въ правду и любовь.

За этими стихами слѣдуетъ приписка: „другъ мой, когда я васъ увижу? мнѣ страшно тяжело и грустно“.

А. В. Никитенко.

щемся, имѣть попеченіе, а они мнѣ въ томъ наиглупѣйшимъ и досаднѣйшимъ образомъ мѣшаютъ и, вмѣсто добра, стараются причинить ему существительное зло и сдѣлать чрезъ то несчастнымъ! А какъ въ самое то время разсказали мнѣ люди мои многое такое о мальчишкѣ семъ, чего я до того не вѣдалъ, а именно, что онъ крайне былъ недоволенъ тѣмъ, что я его къ себѣ на воспитаніе взялъ и меня за то даже злословилъ и ругалъ и умышленно не хотѣлъ ничему учиться, и притомъ всѣми поступками своими изъявлялъ въ себѣ злой и совсѣмъ негодный характеръ, и о томъ только давно уже помышлялъ, какъ бы ему изъ рукъ моихъ вырваться и жить одному дома и на своей волѣ,—то все сіе такъ меня вздурило, что я въ огорченіи сказалъ: «о, когда такъ, и онъ самъ себѣ добра не желаетъ, и притомъ еще такъ дурно противъ меня расположенъ, такъ и наплевать! Пускай же сестрица его и печется объ немъ какъ хочетъ, и живетъ онъ какъ себѣ хочетъ. Мнѣ же меньше хлопотъ и трудовъ оттого будетъ!» А какъ и домашніе, и родные мои были такова же о семъ мнѣнія и говорили, что Богъ еще знаетъ, не нажить бы намъ чрезъ усильное и противъ его воли стараніе о его пользѣ вѣчной отъ него себѣ ненависти и злобы, то, подумавъ-погадавъ, и рѣшился я все бросить, и дѣлу сему давъ натуральное теченіе, переслать къ нему и всѣ собранныя-было и у меня хранившіяся его деньги, которыхъ и въ самое кратковременное управленіе его деревнями успѣлъ я уже накопить до нѣсколько сотъ. Что, при случившемся вскорѣ послѣ сего вѣрной оказіи, дѣйствительно и сдѣлалъ, взявъ съ людей его, съ которыми я оныя къ нему при письмѣ послалъ, въ полученіи ихъ росписку. А симъ образомъ и отбылъ сей молодецъ изъ подъ моей власти.

Все сіе происходило въ половинѣ марта мѣсяца, котораго всю достальную половину провелъ я въ обыкновенныхъ моихъ дѣлахъ и литературныхъ упражненіяхъ, также въ неоднократномъ угащиваніи пріѣзжавшихъ ко мнѣ разныхъ гостей. И однажды, и какъ теперь помню, 21 марта, столкнулось у меня вдругъ ихъ такое множество, что составилась у меня для нихъ нарочитая пирушка и многолюдный ужинъ, и мы весь вечеръ провели въ танцахъ и въ другихъ увеселеніяхъ. Но достопамятно было притомъ то, что въ числѣ ихъ находился одинъ молодой тульскій дворянинъ, по фамиліи Тромбергъ, имѣвшій виды на дочь мою Настасью, которая около сего времени была давно уже совершенною невѣстою. За нее отыскивался-было уже женишокъ во время пребыванія нашего въ Москвѣ и пріѣзжалъ къ намъ ее посмотрѣть и себя показать. Но мнѣ какъ-то онъ не совсѣмъ показался, и потому дѣло съ нимъ не пошло въ даль. Былъ онъ изъ фамиліи господъ Гагиныхъ, изъ дворянъ Епифанскихъ. Что-жъ касается до помянутаго Тромберга, то былъ онъ малой изрядной и, можетъ быть, была бы Настасья наша и счастлива за нимъ, но, видно, въ книгахъ судебъ не написано было, чтобъ ей быть за нимъ. И потому, сколько зять мой, затѣвавшій сіе дѣло и бывшій ему руководителемъ, объ ономъ ни старался, однако, оно что-то не пошло въ даль, и такъ остановилось.

Далѣе достопамятно было, что въ самое то время, когда мы ввечеру сего дня подъ музыкою прыгали и веселились, пріѣхали къ намъ другіе неожидаемые и для насъ пріятные гости: зять тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой, Левъ Савичъ Крюковъ, съ сыномъ ея Петромъ Андреевичемъ, роднымъ племянникомъ моей тещи. Онъ служилъ тогда въ артиллеріи офицеромъ и пріѣжжалъ тогда на короткое время въ отпускъ къ матери своей, съ которою онъ давно уже не видался. Будучи у ней одинъ и всего имѣнія ея наслѣдникомъ и какъ мы знали его только мальчикомъ и отмѣнно за хорошее его поведеніе и охоту къ наукамъ любили (съ того же времени какъ дядя его, Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, взявъ его отъ матери, опредѣливъ въ артиллерійскій кадет-

скій корпусъ, его не видали), — то были мы гостю сему очень рады. Онъ выросъ уже большимъ и по наружному виду казался молодцомъ добрымъ и хорошимъ офицеромъ. Но какъ въ послѣдующій день, который они оба у насъ прогостили, поразсмотрѣли и поиспытали его короче и притомъ, разговорясь объ немъ съ г. Крюковымъ, узнали объ немъ, что характеръ его не слишкомъ былъ хорошъ, и что замѣтили они въ немъ охоту и наклонность къ питью и игрѣ картежной и совершенное нехотѣніе жить въ деревнѣ, а что всего хуже — непочтеніе къ закону, то не могли довольно натужиться о томъ, что онъ въ совершенной еще молодости своей успѣлъ такъ развратиться, что не подавалъ о себѣ всѣмъ намъ, ближнимъ его родственникамъ, ни какой хорошей надежды.

Вскорѣ за симъ стала наша зима сходить и началась половодь. Вмѣстѣ съ нею наступила и Страстная недѣля, которую провели мы въ обыкновенномъ богомоліи, говѣніи, и со всѣмъ семействомъ исповѣдовались и причащались; причемъ, съ особливымъ удовольствіемъ сердечнымъ, примѣтилъ я въ сынѣ моемъ отмѣнную приверженность къ религіи и истинное почитаніе всего, относящагося къ нравственности и къ христіанству, чему всему не могъ я довольно нарадоваться и благодарить Господа, что благословилъ Онъ стараніе и труды мои ко вперенію въ него съ малолѣтства таковой склонности. День Пасхи случился у насъ въ сей годъ 13 апрѣля, и я не помню, чтобъ когда провели мы сей день такъ весело, какъ въ сей разъ. Все семейство мое было вмѣстѣ, всѣ мы были здоровы, веселы и безъ малѣйшаго огорченія; погода была наипрекраснѣйшая, вешняя, воздухъ теплый, трава уже зеленѣла. Передъ домомъ у насъ сдѣланы были качели, всѣ мы гуляли уже по садамъ, качались, занимались пріятнымъ чтеніемъ и разговорами. Лизка съ мужемъ была также съ нами, и ни чего намъ не доставало. Словомъ, весь сей день провели мы счастливо и благополучно; а такимъ же почти образомъ провели мы и всю Святую недѣлю, съ тою только разностью, что не было почти дня, въ который бы не было у насъ гостей, или бы мы куда не ѣздили.

Какъ по прошествіи оной, открылась уже совершенная весна и начались наружныя, а особливо садовыя работы и упражненія, занялся я, по охотѣ своей, и садами, и упражнялся въ посадкѣ разныхъ деревъ и произрастеній, имѣлъ и отъ того множество минутъ пріятныхъ. Впрочемъ, во все теченіе апрѣля мѣсяца не произошло у насъ ни чего важнаго и особливаго.

По наступленіи мая мѣсяца, надобно мнѣ было съѣздить въ Тулу, для отвоза въ казенную полату нашихъ денегъ, и поѣздка сія была хотя кратковременная, но для меня очень трудная и памятная. Отъ случившагося около сего времени ненастья, непросохлыя еще совсѣмъ дороги такъ растворились и сдѣлались грязны, что въ каретѣ ѣхать и подумать было не можно, и я рѣшился ѣхать въ сей разъ въ кибиткѣ; но скоро раскаялся въ томъ, ибо меня такъ измучило и затрясло, что я, пріѣхавши въ Дѣдиловъ кормить лошадей, сдѣлался какъ дряхлый, и меня такъ всего разломило, что я ни когда еще такой усталости въ себѣ не чувствовалъ. По выѣздѣ оттуда, повстрѣчался со мною человѣкъ Андрея Михайловича, ѣдущій отъ него ко мнѣ съ письмами отъ него и отъ нашего попа приходскаго. Молодецъ раскаялся уже въ своемъ противъ меня поступкѣ и просилъ, чтобъ я его простилъ и принялъ опять въ милость. Попъ писалъ ко мнѣ тоже. Но какъ я усматривалъ, что это не его, а попово дѣло, и раскаяніе его было не чистосердечное, то и велѣлъ я человѣку ѣхать въ Богородицкъ и меня тамъ дожидаться. Самъ же, продолжая путь, хотя съ великимъ трудомъ и безпокойствомъ, но въ тотъ же день пріѣхалъ въ Тулу и остановился въ сей разъ у друга моего, Антона Никитича Сухотина, а на утріе, взявъ у хозяина карету, съѣздилъ на часокъ къ г. Юниц-

кому, который все продолжалъ быть ко мнѣ благопріятнымъ, а потомъ, сдавъ въ казенной палатѣ казну, съѣздилъ въ ряды, искупилъ кое-что для себя нужное, повидался кое-съ-кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ и, переночевавъ у г. Сухотина, пустился опять въ обратный путь и возвратился въ свое мѣсто.

Тутъ первое мое дѣло состояло въ обратномъ отправленіи человѣка Андрея Михайловича, съ письмами къ нему и къ попу нашему, Евграфу. Въ оныхъ изобразилъ я всю мою чувствительность къ первому и сказалъ, что я о принятіи деревень его въ свое управленіе напередъ подумаю и не инако къ тому соглашусь, какъ по формальной отдачѣ мнѣ ихъ въ опеку Алексинскою дворянскою опекою, и о чемъ онъ долженъ самъ стараться и тѣмъ доказать мнѣ искренность своего раскаянія. Я и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ не инако, какъ гораздо-и-гораздо о томъ подумать и никакъ не спѣшить симъ дѣломъ.

Послѣ сего вся первая половина сего мѣсяца прошла безъ всякихъ дальнихъ особливостей, кромѣ того, что матушкѣ тещѣ моей, восхотѣлось съѣздить въ Ефремовъ въ гости къ невѣсткѣ своей Матренѣ Васильевной. Она подзывала и меня съ собою; но какъ мнѣ въ такую даль ѣхать не хотѣлось, то отговорился я недосугами, а отпустилъ одну ее съ моимъ сыномъ и дочерью Настасьею; куда и проѣздили они болѣе недѣли.

Едва только они изъ сей поѣздки своей къ намъ возвратились, какъ съ первою потомъ почтою получилъ я изъ Петербурга претолстый пакетъ изъ Экономическаго Общества. По вскрытіи онаго нашелъ я двѣ толстыя, новонапечатанныя книги послѣднихъ «Трудовъ Общества», при краткомъ письмѣ ко мнѣ объ нихъ г. Нартова.

. . . . . .

О первой изъ сихъ книгъ, содержавшей въ себѣ только 6 статей, вообще можно сказать, что находилось въ ней мало добраго и такого, что бъ могло послужить въ пользу. Что-жъ касается до второй, въ которой и мое сочиненіе было напечатано, то находилось въ ней 9 піэсъ, и первая изъ нихъ была новая, необыкновенная, особаго рода, въ особливости любопытная, и такая, каковыя давно бы надобно было сообщать Обществу для свѣдѣнія публики. Она содержала въ себѣ историческое описаніе разныхъ происшествій въ Экономическомъ Обществѣ. Сію піэсу читали мы съ особливымъ любопытствомъ, похвалили за предпріятіе сіе Общество и желали, чтобъ сообщали они и впредь тому подобныя, поелику могли бы тѣмъ побуждаться многіе къ перепискѣ съ Обществомъ лучше, нежели обѣщаніями ихъ награжденій, ибо, по крайней мѣрѣ, всякій могъ бы находить тутъ свое имя и описаніе того, что онъ для Общества сдѣлалъ. Между прочимъ, упомянуто тутъ было и обо мнѣ и объявлено, что я прислалъ въ Общество разноцвѣтные пески свои и лѣчебные камни отъ разныхъ болѣзней.

Но какъ бы то ни было, и сколь сія новая задирка была ни маловажна, однако, получивъ сей осьмой подарокъ отъ Общества, совѣстно уже мнѣ было оставаться долѣе въ молчаніи. Долгъ требовалъ, по крайней мѣрѣ, увѣдомленія о полученіи оныхъ и сказанія спасиба. Итакъ, хотя я и пребывалъ еще непреклонно въ намѣреніи своемъ не ущастать своими сочиненіями, однако, рѣшился къ нимъ хоть вкратцѣ отписать и, увѣдомивъ о полученіи книжекъ, поблагодарить для пристойности. А дабы письмо не было совсѣмъ пусто, то повеселить ихъ какою-нибудь бездѣлицею и отписать хоть нѣсколько словъ о ихъ сибирской гречихѣ. Со всѣмъ тѣмъ я и симъ не слишкомъ спѣшилъ, но не прежде собрался къ нимъ писать, какъ уже по наступленіи четвертаго почтоваго дня.

. . . . . .

Теперь, возвращаясь назадъ ко времени полученія помянутыхъ книгъ, скажу, что въ самое то время занимались мы съ сыномъ помышленіями о покупкѣ се-

бѣ земли, и вотъ по какому случаю. Не подалеку отъ Богородицка и въ смежствѣ (sic) съ волостною землею, находилось нѣсколько деревень и земляныхъ дачъ, принадлежащихъ славному въ сіе время провору, буяну, игроку и богачу Семену Ивановичу Игнатьеву. Сему пролазу вздумалось распустить повсюду слухъ, что онъ намѣренъ изъ деревень сихъ людей и земляныхъ угодій распродать въ розницу столько, сколько кому угодно и выкинуть первому моду продавать людей особо и землю особо, которая, къ сожалѣнію, скоро вошла и во всеобщее обыкновеніе. И какъ мѣста, земли и угодья сіи были хорошія и весьма выгодныя, то слухъ сей вскружилъ у весьма многихъ умы и головы. Всѣмъ захотѣлось мѣста сіи видѣть и покупать. И какъ въ числѣ ихъ находились и нѣкоторые изъ нашихъ друзей и знакомцевъ, то сіи возбудили и во мнѣ съ сыномъ помышленія о покупкѣ хотя небольшой части изъ сихъ земель, а особливо въ дачахъ самой ближней къ Богородицку деревни, называемой «Олень». Обоимъ намъ весьма хотѣлось имѣть, по близости Богородицка, хотя маленькую деревеньку, а на первой случай хотя нѣсколько десятковъ десятинъ своей собственной земли. Итакъ, согласившись съ г. Алабинымъ и взявъ съ собою верховыхъ лошадей, поѣхали всѣ трое мы туда въ каретѣ, и тамъ, сѣвши на лошадей, ну ѣздить сперва вокругъ по рубежамъ, а тамъ по всѣмъ симъ деревнямъ и угодьямъ, осматривать и выбирать мѣста, для себя удобнѣйшія. Ѣздили, ѣздили, и до того доѣздились, что я, по давнишней отвычкѣ отъ верховой ѣзды и имѣя подъ собою неспокойную и тряскую лошадь, такъ измучился, и меня такъ растрясло, что не могъ почти съ мѣста сойтить, и невѣдомо-какъ радъ былъ, когда добрались мы опять до своей кареты. Но ѣзда сія вышла и тогда уже по-пустому, и труды наши выходили тщетными и напрасно потерянными, ибо хотя мы и пріискали себѣ мѣстечко, полюбившееся намъ очень, но, узнавъ о цѣнѣ, по какой хотѣлось продать ему каждую десятину, отъ высокости ея даже содрогнулись и впали въ великое сомнѣніе и нерѣшимость — торговать-ли ее, или нѣтъ? Ибо цѣна была необыкновенная, и я, судя о количествѣ потребныхъ на покупку оной денегъ, опасался, чтобъ не впасть въ долги и не навалить на себя хлопотъ множества и себя тѣмъ не разстроить.

Чрезъ два дни послѣ сего было у насъ Вознесенье, и какъ въ самый сей праздникъ случилось быть дню рожденія моего зятя, то поѣхали мы всѣ къ нему въ Ламки праздновать оный. Тамъ не успѣли мы отобѣдать, какъ увидѣли скачущаго въ коляскѣ мимо насъ командира моего г. Юницкаго, о пріѣздѣ котораго мы ничего не слыхали. Неожидаемость сія перетревожила меня чрезвычайно. Мы тотчасъ послали людей его догонять и смотрѣть, куда онъ пробирается? И какъ сказали намъ, что на волостную деревню Крутое, лежащую на большой дорогѣ къ Богородицку, то позабыли и праздникъ, и все, а закричали: «давай, давай, скорѣе, карету и лошадей!» и скакать прямою дорогою въ Богородицкъ, чтобъ успѣть пріѣхать прежде его. Скачемъ во всю прыть, поспѣшаемъ сколько можно, пріѣзжаемъ, думаемъ, что онъ уже тамъ, но узнаемъ, что его еще нѣтъ, и не бывало. Обрадовавшись тому, ну мы его ждать. Ждали, ждали и жданки всѣ прождали, но директора нашего нѣтъ. Господи! думаю и говорю я, куда же онъ дѣлся? И отъ нетерпѣливости посылаю въ Крутое объ немъ провѣдывать, и какъ между тѣмъ наступила ночь, то ложусь себѣ спать. Но что-жъ вышло? Намъ и не ума того, что и ему та-же продаваемая Игнатьевская земля вскружила также, какъ и намъ, голову, и что и онъ безъ памяти мимо насъ изъ деревни своей проскакалъ ее же осматривать, и между тѣмъ, какъ мы его ждали, всю ее успѣлъ объѣздить и осмотрѣть, и проѣхалъ въ тутошнее село Игнатьева, Кибенъ, дожидаться его пріѣзда.

Узнавъ о семъ по-утру, рѣшился я ѣхать

къ нему въ Кибенъ, дабы видѣть и Игнатьева. Князь Назаровъ присылаетъ ко мнѣ спрашивать, не поѣду-ли я въ Кибенъ, и не возьму-ли его съ собою? «Очень хорошо, милости просимъ!» Итакъ, сѣвши въ карету, ѣдемъ мы вмѣстѣ; пріѣзжаемъ въ Олень, тутъ встрѣчаемся съ Хомяковымъ и Шушериным, ѣдущими также осматривать землю; слышимъ отъ нихъ, что Юницкой торгуетъ и хочетъ купить самое сѣло. ѢдемЪ туда, встрѣчаемся съ нашимъ лѣкаремъ. Игнатьевъ и ему продажею своею вскружилъ голову. Пріѣзжаемъ въ сѣло; находимъ тамъ съ Юницкимъ и Игнатьевымъ многихъ еще другихъ: Сокорева, Темешова, землемѣра Кислинскаго и накрытый столъ. Игнатьевъ радъ, всѣхъ угощаетъ обѣдомъ. Между тѣмъ начинается говоренье о землѣ, и вкупѣ пьянство. Пьютъ всѣ вплотную. У Игнатьева то лучшее ремесло, чтобъ всѣхъ поить. Говорятъ много, а все пустяки. Игнатьевъ всѣмъ обѣщаетъ, но никому рѣшительно ничего. Я вижу, что не выйдетъ ничего и не радъ, что пріѣхалъ. Запоили-было и меня въ-прахъ. Я—говорить, что не пью; я—божиться и клясться; но статочное-ли дѣло! Не хотятъ и слушать; а пей съ ними шампанское и другія вины. Что ты изволишь! Изгага замучила отъ непривычки. Но, спасибо, Юницкой, скоро послѣ обѣда собрался ѣхать, и прямо въ Тулу. Радъ я тому невѣдомо-какъ. Игнатьевъ поскакалъ вслѣдъ за нимъ провожать его до большой дороги. Я, видя, что ничему не бывать, рѣшился ѣхать за ними вслѣдъ. Дорогою располагаюсь проѣхать одинъ, верхомъ, въ Ламки, а карету отпустить домой, за женою. Но вдругъ наѣзжаю на большой дорогѣ Юницкаго съ Игнатьевымъ, пьющихъ на разставаньѣ. Давай поить еще и меня! Хоть не радъ, а принужденъ былъ еще стаканъ выпить. Господи! какъ досадно, но нечего дѣлать! Наконецъ, разстались они, и Юницкой поскакалъ въ Тулу. По отъѣздѣ его, спрашиваю я еще Игнатьева о землѣ, но онъ отказываетъ мнѣ прямо въ Оленевской дачѣ, а предлагаетъ Дубовскую и уговариваетъ, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ въ село назадъ ночевать, а по-утру чтобъ объѣздилъ тамъ хорошенько и назначилъ самъ сколько мнѣ надобно. Симъ возжигаетъ онъ во мнѣ опять желаніе. Дубовскую его я видѣлъ и мнѣ и тамъ мѣсто очень полюбилось. Итакъ, соглашаюсь на его предложеніе. Онъ уговариваетъ меня, чтобъ я сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ на его линейку, и я, какъ напе́ст, и въ томъ его послушался, и къ нему сѣлъ, а каретѣ велѣлъ своей позади ѣхать. Везетъ насъ тройка предорогихъ и пылкихъ лошадей. Сперва ѣдемъ порядочно, потомъ немного скорѣе, а тамъ закричалъ онъ: «ну!» и въ одинъ мигъ лошади равно-какъ взбѣленились и поскакали во всю прыть. У молодцевъ, товарищей моихъ, голова натресена какъ нельзя больше, и имъ это любо. Я говорю, нельзя-ли тише, а они еще пуще. Я прошу и молю, а они только кричатъ: «погоняй!» Господи! какъ мнѣ тогда было досадно! Отъ роду моего никогда я такъ скоро не ѣзживалъ; мозгъ, истинно, ажно трясся въ головѣ, и я того и смотрѣлъ, что колесы наши разлетятся въ-прахъ. Держусь за кучера и за дрожки, чтобъ не слетѣть, и въ торопяхъ роняю изъ рукъ свою трость. Я кричу: «стой! стой! трость! трость упала!» Но куда тебѣ, чтобъ остановиться а повторяютъ только крикъ: «ступай! ступай!» Что ты изволишь! Истинно, я отчаявался даже и того ждалъ, что всѣ мы стремглавъ полетимъ и перебьемся, и проклиналъ почти самъ себя въ мысляхъ, что послушался и поѣхалъ. По счастью моему, приди наконецъ въ самой деревнѣ гора, и велѣли тише ѣхать. Тогда, не долго думая, скокъ! я съ дрожекъ долой, и «прахъ васъ побери!» говорю: «скачите, какъ хотите, а я дождусь кареты и пріѣду въ ней».

Симъ образомъ избавившись отъ страха и опасности очевидной, пошелъ я назадъ, на встрѣчу поспѣшающей за нами кареты и, отыскавъ оброненную свою трость и дождавшись кареты, сѣлъ въ нее и поѣхалъ-было вслѣдъ за ними. Но вдругъ одумываюсь и говорю самъ себѣ: «ужъ

ѣхать-ли туда? компанія тамъ пьяная, станутъ опять принуждать пить; Игнатьевъ, пьяный, — неугомоненъ; да и спать не на чемъ, и ничего съ собою нѣтъ; не лучше-ли ѣхать ночевать, поближе, въ Ламки, благо князь Кропоткинъ хотѣлъ туда пріѣхать и со мною познакомиться. Ей ей, такъ! и это будетъ и здоровѣе и лучше!» И тотчасъ закричалъ кучеру: «стой! поворачивай назадъ, и ступай въ Ламки!» Ѣду туда новою дорогою, замучившись и страдая отъ изжаги. Пріѣзжаю наконецъ, а за мною и князь на дворъ. Я радъ, нахожу тутъ и брата зятя моего, Александра Герасимовича, и узнаю, что и онъ хочетъ купить себѣ земли, и намѣренъ ѣхать вмѣстѣ съ нами на утріе ее осматривать. Итакъ, со всѣми ими провождаю я весь вечеръ и ночую тутъ спокойно.

По-утру просыпаюсь рано, бужу ночевавшаго тутъ же съ нами моего сына и Александра Шишкова. На дворѣ ненастье. Горе наше! Но такъ и быть. У Павла болитъ голова. Но такъ и быть! собираемся и пускаемся въ путь. Ѣдемъ другою дорогою, но сія того еще хуже. Пріѣжжаемъ въ Кибенъ и находимъ всѣхъ почти еще спящихъ. Собираемся, ѣдемъ всѣ верхами осматривать Дубовку и все, что нужно. Находимъ удобность, всѣ прельщаемся, всѣ о продажѣ просимъ, всѣмъ дается обѣщаніе со всѣми мытарствами, а въ самомъ дѣлѣ — никому ничего. Возвращаемся въ сѣло, обѣдаемъ, говоримъ еще, и наконецъ вылилось ничто. Видимъ, что изо всего ничего не будетъ, и быть не можетъ ни чего. Смѣемся сами себѣ и тому, что дали Игнатьеву себя подурачить и сыграть съ нами со всѣми шутку. Распращиваемся и ѣдемъ домой, и всѣ въ Ламки, и тамъ провождаемъ достальное время дня съ удовольствіемъ и ночуемъ еще тутъ, куда пріѣхала изъ Богородицка и жена моя. Александръ Герасимовичъ землю покупать раздумалъ, а и я также, и всѣ мы оставляемъ спокоемъ это дѣло, подосадовавъ за шутку сію на Игнатьева, у котораго и дѣйствительно землю сію тогда никто не купилъ и купить было не можно.

Въ послѣдующій день всѣ гости разъѣхались по домамъ, а и мы возвратились въ Богородицкъ. Но симъ и прокончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и прочее.

(Октября 30 дня 1812 года, въ Дворенинове).

Письмо 274.

Любезный пріятель! Мѣсяцъ іюнь начался у насъ въ сей годъ самымъ Троицынымъ днемъ, который праздникъ провели мы въ сей разъ очень весело, и такъ хорошо, какъ ни когда его не провождали. Всѣ мы, будучи у обѣдни въ церкви, смолвились со всѣми городскими съѣхаться послѣ обѣда всѣмъ въ нашъ паркъ или прекрасную рощу, подлѣ магазина, погулять въ оной. Съѣздъ и собраніе было превеликое, погода была наипрекраснѣйшая и наиспособнѣйшая для гулянья; итакъ, мы тамъ гуляли, пили чай, потомъ полудновали, а послѣ того утѣшались взятою съ собою музыкою, и молодежь подъ нее потанцовала. Смѣхи, издѣвки и разныя игры занимали прочихъ. Словомъ, всѣ мы были въ удовольствіи превеликомъ, а нагулявшись въ рощѣ, пошли изъ ней пѣшкомъ всѣ въ большой дворцовый садъ, ходили по оному. Музыка послѣдовала за нами, и мы, утѣшаясь оною, провели тутъ и весь вечеръ съ особливою пріятностью, и разошлись уже, когда начало смеркаться.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, случилось со мною одно, хотя ничего незначущее, но для меня очень памятное происшествіе. Вошедши въ одинъ день по-утру въ свой садикъ, нашелъ я въ немъ на одной лужайкѣ молодого барашка, привязаннаго на веревочкѣ, тоскующаго по матери, отъ которой онъ только-что отлученъ былъ и привезенъ къ намъ изъ ближней нашей деревни на убой. Бѣдненькій тосковалъ и блеялъ тутъ, какъ бы чувствуя, что жизнь его должна скоро прерваться, и какъ-то такъ жалко, что меня даже разжалобилъ. И онъ мнѣ

такъ сдѣлался жалокъ, что я рѣшился велѣть его освободить и на сей разъ помиловать. И пошедъ тотъ же часъ, приказалъ о томъ повару.

Далѣе памятно мнѣ, что я около сего времени, да и во весь сей мѣсяцъ, имѣлъ множество не только хлопотъ, но и досадъ отъ достроивающейся тогда нашей большой каменной ранжереи, и она мнѣ собою, какъ горькая рѣдька, надоѣла. Я принужденъ былъ не одинъ разъ по дѣламъ, относящимся до ней, переписываться съ моимъ командиромъ и, для смотрѣнія за работниками, то-и-дѣло ходить къ ней, и даже по подмостямъ всходить и лазить на самый верхъ оной и подвергать себя опасности. А что всего досаднѣе было, то зналъ и предвидѣлъ напередъ, что труды мои пропадутъ всѣ попустому, и изъ ней не выйдетъ ничего ибо и затѣяна она была намѣстникомъ Богъ знаетъ на что, и по великой огромности своей не могла никогда быть употребляема въ дѣло, что послѣ и дѣйствительно совершилось, и она и понынѣ стоитъ, разиня ротъ, совсѣмъ недодѣланная, и безъ всякаго употребленія, а пожрала только собою множество денегъ.

Что касается до моихъ собственныхъ съ сыномъ многоразныхъ (sic) занятій и любопытныхъ упражненій, то были они многочисленныя и, между прочимъ, относились до пронизочныхъ щитовъ, фестоновъ, до придаванія бѣлымъ пронизкамъ разныхъ колеровъ, крашенія и нестрѣнія бумагъ, и прочаго тому подобнаго. Однако, праздное время свое провождали мы съ нимъ наиболѣе въ прекрасномъ своемъ садикѣ, увеселялись тамъ красотами натуры, занимались пріятными разговорами и чтеніемъ книгъ и получаемыхъ еженедѣльно съ почтою газетъ и разныхъ журналовъ. И какъ оные доставляли намъ превеликое удовольствіе, то не жалѣлъ я на нихъ денегъ, но выписывалъ всѣ, какіе тогда ни были выдаваемы. Въ особливости же увеселялъ обоихъ насъ тогда, выдаваемый Карамзинымъ «Московскій Журналъ», котораго всегда дожидались мы съ нетерпѣливостью большою и всегда радовались когда его къ намъ приносили.

Не успѣли мы симъ образомъ въ разныхъ удовольствіяхъ провесть всю первую половину сего мѣсяца, какъ получилъ я опять повелѣніе о привозѣ въ Тулу нашихъ денегъ. Вознадобилось на что-то казенной палатѣ 5,000 оныхъ. И какъ она вздумала употребить на то наши, то и писано было ко мнѣ, чтобъ поспѣшилъ я какъ-можно и привезъ имъ помянутую сумму. Но какъ у меня у самого толикаго числа не было тогда въ наличности и въ сборѣ, то сіе поозаботило-было меня очень. Однако, поговоривъ съ секретарями своими, набрали мы сіе количество изъ разныхъ другихъ хранящихся у насъ суммъ, и я рѣшился съ ними, не медля долго, ѣхать. Вмѣстѣ со мною восхотѣлось съѣздить, отчасти для исправленія нѣкоторыхъ нужныхъ покупокъ, и моему сыну; болѣе же для того, что не удастся-ли намъ при семъ случаѣ съѣздить на нѣсколько дней въ свою деревню и отпроситься туда у директора. Къ сей послѣдней ѣздѣ побудило насъ съ нимъ не только хотѣніе полюбоваться и тамъ красотами натуры нашего собственнаго сада, но и надобности, относящіяся до переправки нашихъ хоромецъ и кое-какія другія. Итакъ, собравшись и снабдивъ себя для дорожнаго чтенія кое-какими хорошими книжками, отправились мы въ сей путь 19 числа іюня. И какъ погода случилась тогда прекрасная и дорога сухая и хорошая, то, пріѣхавъ въ тотъ еще день и довольно рано въ Тулу, остановились у Пастухова; и на утріе, сдавъ деньги и отобѣдавъ у Юницкаго, употребили мы весь тотъ день на исправленіе своихъ покупокъ и на другія надобности. И какъ г. Юницкой въ деревню съѣздить мнѣ дозволилъ, то въ наставшій послѣ сего день ранымъ-ранѣхонько и полетѣли мы въ свою милую сторонушку. И покормивъ на Вашанѣ лошадей, пріѣхали въ тотъ же день и довольно еще рано въ свое любезное Дворениново, такъ что мы успѣли еще обходить

съ нимъ всѣ наши сады и налюбоваться прелестностями всѣхъ мѣстъ, окружающихъ наше мирное сельское обиталище. Пребываніе наше въ деревнѣ въ сей разъ не продлилось хотя болѣе 5 дней, но мы въ оные не потеряли ни одного часа тщетно, но всѣ часы и минуты заняты были кое-чѣмъ. Кромѣ утѣшенія себя, при гуляньяхъ по всѣмъ мѣстамъ, пріятностями и красотати натуры, доставлявшими намъ несмѣтное множество минутъ пріятныхъ, исправили мы коикакія и дѣла многія, какъ-то: спустили нагорную нашу подлѣ большихъ хоромъ сажелку; обдѣлали при чищеніи оной вокругъ ея берега, а вынутою землею выровняли на ребрѣ горы то мѣсто, гдѣ стоитъ теперь нагорная наша и ближняя бесѣдка, которую тогда же мы тутъ построить предположили; вычистили и обрубили находящійся тутъ и донынѣ насъ водою своею довольствующій колодезь; назначили мѣсто подъ храмъ уединенія, построенный послѣ подлѣ проулка; ассигновали для построенія его лѣсъ изъ Калитинской березовой молодой рощи; произвели въ ближнемъ саду своемъ коекакія новыя превращенія мѣстъ и сдѣланія ихъ красивѣйшими; опростали мѣсто для затѣваемой постройки подлѣ маленькихъ хоромецъ; призывали плотниковъ и своего столяра Павла; говорили и совѣтовали съ ними о переправкѣ хоромецъ и о пристройкѣ къ нимъ сзади отъ сада дѣвичей, и положили все на мѣрѣ; побывали вмѣстѣ оба въ нашемъ Шаховѣ; осмотрѣли тамъ и въ другихъ мѣстахъ наши лѣсныя угодья и надавали множество приказаній своему садовнику, показывая что ему впредь дѣлать. А между тѣмъ наслышались много кое-чего чуднаго и худаго о нашемъ малолѣтнемъ сосѣдѣ Андреѣ Михайловичѣ, котораго, однако, за отлучкою, не видали сами. И наконецъ, налюбовавшись до-сыта всѣмъ-и-всѣмъ и исправивъ, сколько могли успѣть, всѣ свои нужды, 27 числа съ утра пустились въ обратный путь и, переночевавъ въ Тулѣ, пріѣхали еще рано въ Ламки, гдѣ нашли и всѣхъ своихъ, пріѣхавшихъ къ зятю моему праздновать его имянины, къ которому дню и мы своимъ возвращеніемъ изъ деревни поспѣшили. Отпраздновавъ сей праздникъ, на утріе пріѣхали вмѣстѣ, со всѣми своими, въ Богородицкъ. Тутъ встрѣченъ я былъ превеликимъ пакетомъ, полученнымъ опять безъ меня на имя мое изъ Экономическаго Общества. Присылка сія для меня тѣмъ была удивительнѣе, что не прошло еще и десяти почти дней съ того времени, какъ отправилъ я послѣднее мое письмо въ Общество, и имъ на оное отвѣтствовать еще было некогда. По вскрытіи онаго, нашелъ я въ немъ, при короткомъ письмѣ отъ г. Нартова, превеликій свѣртокъ съ сѣмянами сибирской гречихи, о которой просилъ я его уже давно, въ прибавокъ находящейся уже у меня, и на которую я не слишкомъ былъ надеженъ. Г. Нартовъ, увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ вкупѣ за присылку къ нему двухъ ящиковъ съ песками, которые давно уже были отправлены съ ѣздоками, но которыхъ (sic) я не зналъ, довезены-ли они къ нему въ цѣлости. Что касается до гречихи, то прислалъ онъ ее ко мнѣ не даромъ, а налагалъ на меня коммиссію, которую исправить былъ я еще не въ состояніи, а не преминулъ опять бомбандировать меня снова своими требованіями.

. . . . . .

Ничто мнѣ во все время корреспонденціи моей съ Экономическимъ Обществомъ такъ всегда было ни досадно и ни отяготительно, какъ всегдашнее бомбандированіе меня отъ г. Нартова о присылкѣ моделей, окаменѣлостей и другихъ подобныхъ тому вздоровъ, не упоминая уже о томъ, что всякая посылка, кромѣ письма, наводитъ множество хлопотъ и неудобностей, и потому была мнѣ скучна и отяготительна. Но и самое существо требуемыхъ вещей есть таково, что не стоитъ того, чтобъ для нихъ столько хлопотать, трудиться и убытчиться, ибо къ чему могутъ служить всѣ такія собранія и коллекціи изъ сихъ

вещей? Не сущія-ли составляютъ онѣ ребячьи игрушки, и можетъ-ли когда нибудь произойти отъ нихъ польза, сколько бъ ихъ тамъ набрано ни было? Сверхъ того, будучи самъ до такихъ вздоровъ не охотникъ, и не имѣлъ я ничего, чѣмъ бы могъ съ сей стороны услужить сему почтенному собранію. А сіе и увеличивало мою досаду.

А и въ разсужденіи второй, налагаемой на меня коммиссіи, или сочиненія о сибирской гречихѣ, былъ я далеко еще не въ состояніи оную исправить, и они спрашивали меня о семъ предметѣ еще слишкомъ рано. А оба сіи обстоятельства, не весьма для меня пріятныя, произвели то, что я не только не спѣшилъ на сіе письмо отвѣтствовать, но и вовсе оставилъ оное безъ отвѣта, и молчалъ опять нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и до самой даже осени.

Начало мѣсяца іюля ознаменовалось нѣкоторою особливостью, случившеюся со мною. Вознадобилось мнѣ съѣздить на часокъ въ с.ло Ивановское, Бобриковской волости, для посмотрѣнія строющейся тамъ, вмѣсто сгорѣвшей деревянной, каменной церкви и освидѣтельствованія дѣлаемаго кирпичниками кирпича на сіе строеніе. Итакъ, сѣвши по-утру на другой день сего мѣсяца въ карету, полетѣлъ я туда на перемѣнныхъ лошадяхъ. Я располагался-было заняться дорогою чтеніемъ взятой съ собою книжки, а вышло не то, а совсѣмъ нѣчто нечаянное и необыкновенное. Не успѣлъ я въѣхать въ Балахонскій мною регулированный лѣсъ какъ красота онаго или паче, красота всей натуры, обратила на себя мои взоры и возбудила въ душѣ моей опять тѣ удовольствія, какія недавно я имѣлъ, находясь дома въ своей деревнѣ при случаѣ хожденія моего по садамъ и утѣшенія себя красотами натуры въ оныхъ, а особливо прекрасной березы, стоящей на ребрѣ горы предъ самымъ моимъ домомъ и достопамятной тѣмъ, что посажена она тутъ покойною матерью моею, въ самый тотъ годъ, въ который я родился, и въ самое почти то время. И что же? Возбудившаяся мысль о сей березѣ, ни-думано-ни-гадано возродила во мнѣ желаніе воспѣть красоту сей березы стихами и испытать сплести въ умѣ своемъ нѣсколько строфъ въ похвалу оной. Дѣло сіе было для меня совсѣмъ необыкновенное, превосходящее почти мои силы. Не будучи рожденъ стихотворцемъ, хотя и любилъ я поэзію и съ удовольствіемъ хорошія стихотворенія читывалъ, но самъ во все 52 лѣтнее продолженіе моей жизни никогда почти въ семъ ремеслѣ не упражнялся. Нѣкоторые маленькіе опыты сплетенія стиховъ, предпринимаемые мною въ молодыя мои лѣта и чувствуемое всегда великое затрудненіе въ пріискиваніи риѳмъ, доказывали мнѣ природную мою къ тому неспособность, и меня оттого всегда отстрашивали. Но въ сей разъ возродись какъ-то вдругъ во мнѣ охота къ сочиненію стишковъ въ похвалу моей березы, и дабы избѣжать затрудненія въ пріискиваніи риѳмъ, вздумалось мнѣ сплетать стихи мои безъ нихъ, а такъ называемые бѣлые. Для избѣжанія же погрѣшностей въ стопосложеніи и для вспоможенія себѣ при семъ новомъ дѣлѣ избрать голосъ какой-нибудь изъ знакомыхъ мнѣ пѣсней и составлять стихи свои на оный,—изъ сихъ попадись мнѣ на умъ тотъ голосъ, на который поется извѣстный духовный кантъ, начинающійся словами: «Хвалу Всевышнему Владыкѣ потчися духъ мой воспѣвать», и который голосъ какъ-то мнѣ отмѣнно нравился, и я его еще нѣсколько повыправилъ и сдѣлалъ его болѣе музыкальнымъ. Итакъ, избравъ сей голосъ, ну, я, сидючи въ каретѣ, тананакать и мысленно прибирать слова къ составленію ямбическихъ стиховъ, какими помянутый кантъ покойнымъ нашимъ Ломоносовымъ изъ псалма составленъ. И какъ дѣло мое, противъ всякаго чаянія, пошло какъ-то очень скоро на ладъ, и мнѣ въ немногія минуты удалось сплести цѣлыхъ три куплета, то сіе поострило (sic) меня иттитьдалѣе. Итакъ, ну-ка я тананакать, пѣть и прибирать въ умѣ своемъ

слова далѣе и далѣе, и имѣлъ въ томъ такой неожиданный успѣхъ, что во время сей ѣзды моей туда и обратно успѣлъ сочинить цѣлую и нарочито длинную пѣсню, и занимаясь тѣмъ, не только пути сего не чувствовалъ, но весь оный провелъ съ особливымъ и неожиданнымъ удовольствіемъ душевнымъ. Упомянуть о семъ нечаянномъ и повидимому ничего незначущемъ и маловажномъ происшествіи, почелъ за нужное я для того, что оное возбудило во мнѣ охоту упражняться и далѣе въ семъ ремеслѣ и въ послѣдующія времена подало поводъ къ сочиненію многихъ, отчасти такихъ же натурологическихъ пѣсней, какова была сія, а отчасти нравственныхъ, и даже самыхъ духовныхъ пѣснопѣній, которыя, по простотѣ и нехитросплетенности своей, и не имѣли хотя отпечатковъ совершеннаго и добраго стихотворства, но доставляли мнѣ какъ при составленіи оныхъ, такъ и послѣ, и доставляютъ даже и нынѣ мнѣ тысячи минутъ восхитительныхъ и пріятныхъ и, будучи въ состояніи возбуждать въ душѣ благородныя, добрыя, пріятныя и небезполезныя чувствованія, были существительно не только мнѣ, но и многимъ другимъ полезны, и съ сей стороны достойны нѣкотораго уваженія.

И какъ помянутая пѣснь, посвященная любимой моей березѣ, была первѣйшимъ къ тому поводомъ и составляетъ равно-какъ памятникъ началу моего стихотворства, то не за излишнее почелъ я, не смотря на все ея несовершенство, помѣстить ее здѣсь отъ-слова-до-слова. Она была слѣдующая:

Се! вижу я тебя, драгая!
Прекрасная береза здѣсь:
И паки вновь тобой любуюсь,
Красавица изъ всѣхъ березъ *).

. . . . . .

*) Приведя для образца первое четверостишіе, мы опускаемъ длинный рядъ остальныхъ, неимѣющихъ ни какого значенія. Впрочемъ, два-три болѣе курьезныя, по своему содержанію, стихотворенія будутъ, въ своемъ мѣстѣ, цѣликомъ напечатаны ниже. Изд.

Прекрасная береза сія существуетъ еще и въ самое сіе время, когда я сіе пишу, и продолжаетъ ежедневно увеселять меня собою, не только лѣтомъ, но и въ самое зимнее время, а особливо когда великолѣпствуетъ она, будучи покрыта инеями. Тонкія, длинныя и гирляндами внизъ висящія и отъ малѣйшаго вѣтерка въ движеніе приходящія вѣтви, служатъ мнѣ всегдашнимъ вантометромъ или показателями, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ.

Теперь, возвращаясь къ продолженію моей исторіи, скажу, что непосредственно за помянутою моею ѣздою было у насъ освященіе небольшой церкви на островкѣ подлѣ гошпиталя, построенной вновь стараніемъ и почти всѣмъ коштомъ секретаря моего Варсобина. На процессію съѣхалось довольное число дворянства и Варсобинъ не преминулъ сдѣлать при семъ случаѣ обѣдъ и угостить ихъ, и всѣхъ насъ и городскихъ онымъ, и для простора по тѣснотѣ своего дома—въ молотильномъ сараѣ, убранномъ зеленью и травами.

На другой день послѣ сего получили мы извѣстіе, что на приближающуюся нашу Казанскую ярмонку будутъ къ намъ изъ Тулы многіе гости. Вѣсти сіи были для меня не весьма пріятны, поелику собиралась сюда цѣлая шайка такихъ людей, отъ которыхъ не могъ я для себя ожидать ни какого добра, кромѣ безчисленныхъ хлопотъ, досады, убытковъ и злодѣйствъ самыхъ. А чрезъ день послѣ того перетревожились мы, узнавъ, что они уже и ѣдутъ. Но, спасибо откупщику нашему г. Хомякову: сей, пришедъ ко мнѣ, сколько-нибудь поуспокоилъ меня, сказавъ, что всѣхъ сихъ гостей будетъ угощать онъ на свой коштъ и что всѣ труды и хлопоты съ симъ угощеніемъ принимаетъ онъ на себя, а я бы отвелъ только дворецъ и флигели онаго для помѣщенія оныхъ, чѣмъ я былъ весьма и доволенъ.

Гости сіи, дѣйствительно, въ тотъ день, послѣ обѣда и пріѣхали, и было ихъ множество. Наизнаменитѣйшимъ изъ всѣхъ

ихъ былъ новый нашъ вицъ-губернаторъ Николай Ивановичъ Вельяминовъ, фаворитъ намѣстниковъ и мужъ фаворитки его, недавно умершей. Съ нимъ былъ братъ его Степанъ Ивановичъ и своякъ вицъ-губернаторскій Петръ Николаевичъ Юшковъ, самый тотъ, который переведенъ былъ изъ Калуги и о которомъ упоминалъ я выше, и коего я въ первый еще разъ тогда видѣлъ. Мы встрѣтили ихъ всѣ у дворца, и вицъ-губернаторъ былъ хотя надменная и горделивая особа, но принялъ и обошелся со мною очень хорошо. Какъ погода случилась тогда прекрасная и они пріѣхали еще довольно рано, то, будучи ободренъ благопріятствомъ вицъ-губернатора, предложилъ я ему, не соблаговолитъ онъ погулять по нашему саду, въ которомъ никогда еще ему бывать не случалось. Всѣ они охотно на то согласились, и мнѣ по счастію удалось показать имъ всё-и-всё въ саду въ наилучшемъ видѣ и онымъ такъ ихъ очаровать, что вицъ-губернаторъ всѣмъ былъ очень доволенъ и расхвалилъ мой садъ въ-пухъ; я же наиболѣе былъ тому радъ, что своякъ его г. Юшковъ случился человѣкъ со свѣдѣніями и охотникъ до экономіи и до всего любопытнаго и хорошаго, почему и свели мы съ нимъ тотчасъ знакомство. По возвращеніи изъ саду, засѣли они играть въ карты, а мы, всѣ прочіе, начали галанить и табалу бить. Наконецъ, и уже по наступленіи ночи, пріѣхалъ и нашъ директоръ г. Юницкой съ своимъ племянникомъ и остановился тутъ же во дворцѣ. Всѣ мы тутъ ужинали и разошлись уже послѣ полуночи. Между тѣмъ пріѣхали и ко мнѣ гости: зять мой съ дочерью и г. Албычевъ, Михаилъ Николаевичъ, и которыхъ нашелъ я уже спящими. Симъ образомъ начало нашего ярмоночнаго празднества началось хорошо, и все было смирно и ладно; что и уничтожило всѣ мои бывшія еще опасенія.

Въ слѣдующій за симъ день, въ который ярмонкѣ былъ самый съѣздъ, провели мы все утро и обѣдали во дворцѣ. Между тѣмъ пріѣхали еще многіе изъ Тулы, и между прочими, г. Веницеевъ и помянутый головорѣзъ г. Игнатьевъ. Послѣ обѣда ѣздилъ вицъ-губернаторъ по городу съ визитами и между тѣмъ съ квартальнымъ офицеромъ распоряжалъ и устанавливалъ приготовленный г. Хомяковымъ и привезенный изъ Тулы небольшой фейерверкъ, для пріуготовленія его къ вечеру, въ который его сжечь хотѣли. Изъ города же заѣжжалъ вицъ-губернаторъ на часокъ ко мнѣ, а по возвращеніи его во дворецъ, съѣхались всѣ мы и вмѣстѣ съ боярынями въ оный, для смотрѣнія фейрверка, который мы и сожгли, состоявшій изъ нѣсколькихъ колесъ, бураковъ и ракетъ, и оный былъ для собравшагося на ярмонку народа въ превеликую диковинку. Между тѣмъ у насъ во дворцѣ играла музыка, и было очень весело и хорошо. У меня самого было множество ярмоночныхъ гостей, и я радъ былъ, что меня уволили отъ ужина во дворцѣ. Отъ множества ходьбы и хлопотъ я усталъ до чрезвычайности, но, по крайней мѣрѣ, радъ былъ, что не происходило никакихъ вздоровъ и сплетней.

На утріе насталъ у насъ самый праздникъ и самая ярмонка, который отпраздновали мы въ сей годъ веселѣе и съ множайшимъ удовольствіемъ, нежели во всѣ прежніе годы, и происходило въ оный слѣдующее. По-утру побывавъ и обѣгавъ всѣхъ гостей, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, былъ я у вицъ-губернатора, который былъ ко мнѣ отмѣнно ласковъ, принялъ сына моего очень хорошо и спрашивалъ, намѣренъ-ли онъ служить въ статской службѣ? И какъ сей сказалъ, что онъ съ тѣмъ и выпущенъ, чтобъ служить въ сей службѣ, то предлагалъ онъ ему самъ мѣсто и обѣщалъ помочь къ полученію перваго порожняго мѣста по губерніи въ Тулѣ. Потомъ ходилъ я съ директоромъ по садамъ, ловили въ каналахъ карповъ, и я измучился, бѣгая туда и сюда, и то за тѣмъ, то за другимъ до обѣдни. Потомъ пошли мы всѣ въ церковь, въ которой собраніе было великолѣпное, и господъ и госпожъ

великое множество и служба церемоніальная, и все происходило хорошо и все ладно, и нашъ знаменитѣйшій гость былъ всѣмъ доволенъ. Между тѣмъ, во дворцѣ приготовленъ былъ превеликій обѣдъ, на который, кромѣ насъ, мущинъ, званы были и всѣ госпожи. Однако, изъ нихъ, не всѣ были. Трактаментъ задалъ г. Хомяковъ превеликій, и всѣ угощеніемъ его были довольны. Послѣ обѣда же были танцы; но вицъ-губернаторъ собрался скоро ѣхать. Я звалъ-было его къ себѣ на ужинъ, и чтобъ ему остаться еще ночевать. Однако, онъ не остался, и наконецъ поѣхалъ, а съ нимъ и главные гости. На умѣ у всѣхъ у нихъ было завесть тутъ превеликую игру, но игроки не всѣ съѣхались, и за тѣмъ остановилось дѣло. Я былъ вицъ-губернаторомъ очень доволенъ. Онъ отзывался публично, что онъ нашелъ меня совсѣмъ не таковымъ, какъ ему сказали, и что со мною разстаться бы не хотѣлось. Словомъ, вышло нѣчто странное и мудреное и неожидаемое, и праздникъ сей веселѣе и довольнѣе былъ всѣхъ прежнихъ; потому что, во время онаго не было никакихъ шиканствъ и вздоровъ, не было гордости, своенравія и глупостей всякаго рода.

По отъѣздѣ вицъ-губернатора, получили мы свободу, и намъ всѣмъ была уже своя воля. Я усталъ на смерть, спѣшилъ домой, куда нашло ко мнѣ множество гостей. Между прочими былъ и Хомяковъ, и звалъ всѣхъ насъ къ себѣ во дворецъ на ужинъ, на что всѣ мы охотно и согласились. И какъ скоро смеркалось, то всѣ съѣхались и пошелъ у насъ пиръ горою. Скачка, пляска, пѣніе, музыка, танцы, опять фейерверкъ, гуляньe, смѣхи, а у пьяныхъ и самые вздоры. Однако, все было хорошо, все вольно, и крайне весело и ладно. Словомъ, всѣ и мущины и дамы, и госпожи, бывшія всѣ тутъ же, были довольны и веселы, и мы возвратились домой уже послѣ полуночи; а многіе изъ господъ, разъѣжжая по городу и весьма-и-весьма и подгуляли. Я самъ, проводивъ вскорѣ послѣ вицъ-губернатора своего командира, также и Веницеева и имѣя духъ спокойный, бралъ во всѣхъ веселостяхъ соучастіе, и запрыгался и затанцовался съ молодежью.

Многіе изъ гостей г. Хомякова были еще на другой день у насъ въ Богородицкѣ, но мы ихъ уже не видали. Они всю ночь во дворцѣ пропили и проиграли въ карты, и господа откупщики и игроки нѣсколько разъ между собою ссорились, дрались, напивались, обжирались и дурачились. Но вся комедія кончилась тѣмъ, что проигрался г. Чебышевъ, а въ выигрышѣ остался тотъ, о комъ никто не думалъ и не гадалъ, какой-то г. Бѣляевъ, экзекуторъ. Но ввечеру какъ отъ него, такъ и отъ меня всѣ гости разъѣхались, и у насъ все утихло.

Вскорѣ послѣ сего ярмоночнаго торжества, чуть-было не впалъ я въ искушеніе и не разстался съ своею тамбовскою деревнею. Господа Рахмановы давно уже убѣждали меня просьбою, чтобъ имъ ее продать. Какъ я на то не слишкомъ соглашался, то предлагали они мнѣ, не соглашусь-ли я имъ ее промѣнять на имѣющуюся у нихъ въ Епифанскомъ уѣздѣ деревню. Симъ смутили они меня до чрезвычайности, и такъ, что оба мы съ сыномъ на семъ камнѣ претыканія хорошохонько-было не поскользнулись. Великая отдаленность нашей тамбовской деревни и неспособность частой ѣзды въ оную, а сверхъ того, и самое чрезполосное тамъ владѣніе земли, а напротивъ того, близкость Рахмановой деревни, особенное владѣніе землями и доброта оныхъ, съ прочими выгодами, были намъ къ тому побужденіемъ. Словомъ, мы совсѣмъ были къ тому наклонны, и посылали даже человѣка деревню осматривать, который и привезъ къ намъ абрисъ всей ихъ дачи и описаніе дворовъ и жителей, и насказалъ намъ столько объ ней хорошаго, что затѣвали дѣйствительно приступить уже къ обмѣну, и оставалось только за тѣмъ, чтобъ самимъ съѣздить и оную осмотрѣть, но и къ сей ѣздѣ назначенъ былъ уже день, и мы собрались-было уже совсѣмъ туда

ѣхать, какъ пекущемуся о благѣ нашемъ Промыслу Господню благоугодно было вдругъ остановить насъ въ семъ предпріятіи и, не допустивъ насъ до сей ѣзды, разрушить всѣ наши замыслы и отвлечь насъ отъ великой ошибки и погрѣшности, о которой мы послѣ очень много, но тщетно тужить бы стали. Мы хотѣли было уже садиться въ карету и ѣхать, но вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, пріѣзжаютъ къ намъ такіе гости, для угощенія которыхъ принуждены мы были остановиться. Между прочими, случился быть съ ними и прежній нашъ исправникъ и мой другъ Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ. Сей не успѣлъ услышать, куда и за чѣмъ мы хотѣли ѣхать, какъ сказалъ мнѣ: «воля твоя, дядюшка (такъ онъ меня всегда величалъ), и ты какъ изволишь, а я, искренно любя васъ, не совѣтовалъ бы вамъ входить въ сіе дѣло. Деревню сію я коротко знаю, и все, относящееся до ней, мнѣ извѣстно, и потому могу васъ увѣрить, что вы ошибетесь и промѣняете ястреба на кукушку!» Сіе удивило насъ обоихъ съ сыномъ и побудило у него пораспросить обо всемъ, что ему объ ней извѣстно, и онъ намъ насказалъ столько всякой всячины и столько худаго, и не только невыгоднаго, но даже и самого опаснаго объ ней, что у насъ тотчасъ прошла охота ее себѣ вымѣнивать; и мы, поблагодаривъ его за то, въ тотъ же день всѣ мысли о промѣнѣ семъ изъ головы выкинули, а положили остаться при томъ, чѣмъ угодно было одарить насъ Господу. И послѣдствіе времени доказало намъ, что мы очень хорошо и сдѣлали.

Около самого-жъ сего времени сдѣлана была мною и другая, хотя и не важная, но послѣ досаду мнѣ причинившая ошибка, и я, по пословицѣ говоря, «не спросясь броду, сунулся въ воду», и послѣ тужилъ о томъ. Дѣло вотъ какого было роду. Въ числѣ купленныхъ нами въ послѣдній разъ въ Москвѣ книгъ, былъ и новый тогда еще французскій романъ, извѣстный подъ именемъ «Лолота и Фанфана». Намъ съ сыномъ случилось около сего времени вмѣстѣ оный читать. И какъ онъ обоимъ намъ и слогомъ и содержаніемъ своимъ отмѣнно полюбился, то вздумалъ я его перевесть съ тѣмъ, чтобы его напечатать; и охота къ тому припала у меня столь великая, что я на другой же день, по прочтеніи онаго, къ дѣлу сему и приступилъ и трудился надъ нимъ во всѣ праздные часы съ толикою прилежностью, что менѣе нежели въ два мѣсяца и перевелъ, пишучи прямо на-бѣло всѣ четыре части сей книги. Но сего было еще не довольно. Но какъ нѣкоторыя мѣста въ оригиналѣ мнѣ не полюбились и требовали переправки, то я оныя совсѣмъ передѣлалъ и сдѣлалъ несравненно лучшими. Но что-жъ? Не успѣлъ я сію довольно-таки важную и не безтрудную работу кончить и только-что хотѣлъ переводъ свой посылать въ Москву для напечатанія на своемъ коштѣ, какъ увидѣлъ въ газетахъ, что книга сія другими уже переведена, напечатана и уже продается. Признаться надобно, что сіе было мнѣ очень досадно, и я такъ былъ тѣмъ растроганъ, что съ сего времени заклялся переводить романы, да и почти все другое, ибо не съ одною уже книгою случилось такое же несчастіе, и мнѣ тѣмъ было досаднѣе, что хорошая сія книга была пустяками и ничѣмъ отъ сочинителя изгажена и со всѣми его погрѣшностями переведена, а моя исправленная должна была остаться тщетною и осуждена на вѣкъ стоять въ моей библіотекѣ, въ манускриптѣ и ни кѣмъ нечитаемою.

Теперь, возвращаясь назадъ къ прежнему пункту времени, скажу, что мы весь почти іюнь мѣсяцъ провели мирно, спокойно и благополучно, и что рѣдкій проходилъ день, въ который бы мы не имѣли отчасти тутошнихъ, отчасти пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ, или проѣзжихъ гостей, и у насъ какъ-то очень въ сей мѣсяцъ погостилось, и нѣкоторые изъ нихъ пробывали у насъ по нѣскольку дней сряду и подавали поводы къ многократнымъ гуляньямъ съ ними по садамъ, увеселенію ихъ нашею музыкою, къ не-

однократному, по случаю бывшихъ жаровъ, купанью въ нашей ваннѣ и къ другимъ разнаго рода увеселеніямъ. А между тѣмъ, не упускаемы были у обоихъ насъ съ сыномъ и наши литературныя и коекакія любопытныя занятія и упражненія. Словомъ, мы не видали какъ пролетѣлъ весь сей мѣсяцъ, и были довольны.

При самомъ концѣ только сего мѣсяца, встревоженъ я былъ присланною ко мнѣ изъ Тулы запискою о томъ, чтобъ мнѣ пріѣхать въ оную. Удивился я тому и не понималъ, за чѣмъ бы такимъ меня туда призывали? Но какъ ослушаться было не можно, то принужденъ былъ, оставя все, опять сей путь предпріять. Но какъ же удивился, узнавъ, по пріѣздѣ моемъ туда, что спрашивали меня совсѣмъ почти для бездѣлицы, и единственно для того, чтобъ поговорить со мною еще кое-что о производившемся у насъ строеніи проклятой нашей большой каменной ранжереи. Итакъ, не пробылъ я тогда въ Тулѣ болѣе однихъ сутокъ, а повидавшись раза два съ Юницкимъ и просидѣвъ вечеръ у друга своего любопытнаго г. Запольскаго, потомъ переночевавъ у г. Сухотина, у котораго я въ сей разъ останавливался, пустился опять въ обратный путь и въ тотъ же день къ своимъ въ Богородицкъ возвратился.

Не успѣлъ я пріѣхать, какъ вслѣдъ почти за мною въѣхалъ на дворъ и прежній мой командиръ Николай Сергѣевичъ Давыдовъ на возвратномъ своемъ пути изъ Епифани, куда онъ съ женою своею ѣздилъ для богомолья. Я былъ очень ему радъ и, помня всѣ его ко мнѣ ласки и самыя благодѣянія и одолженія, старался его всячески у себя угостить, а на другой день съ женою и съ дѣтьми своими проводилъ его въ Ламки къ моему зятю. Онъ служилъ въ сіе время въ Калугѣ и былъ предсѣдателемъ въ одной изъ палатъ тамошнихъ.

Но симъ и окончу я кстати съ концомъ іюля и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Ноября 2 дня 1812 года, въ Двориновѣ).

Письмо 275.

Любезный пріятель! Во все теченіе августа мѣсяца не произошло со мною ничего особливаго и такого, о чемъ бы стоило труда упомянуть. Все шло у насъ хорошо и тихо и мирно. Разъѣздовъ коекуды въ гости и угощеній у себя было довольно; а достопамятно было только то, что въ половинѣ сего мѣсяца былъ у насъ столь сильный морозъ, что повредилъ собою многія произрастенія и всѣ гречихи. Что касается до моихъ упражненій, то состояли они наиболѣе въ читаніи книгъ и переводѣ помянутой уже мною книги. Такимъ же точно образомъ прошла въ мирѣ и тишинѣ и вся первая половина сентября мѣсяца, и особливость была только та, что пришолъ къ намъ слухъ, что командиръ мой г. Юницкой хочетъ итти въ отставку и подалъ будто бы уже о томъ челобитную. Я дивился тому и не хотѣлъ вѣрить. Но какъ слухъ о томъ подтвердился, то вздумалось мнѣ, пользуясь его благосклонностью, выпроситься еще разъ съѣздить къ себѣ на нѣсколько дней въ деревню. И какъ онъ мнѣ въ томъ не отказалъ, то въ половинѣ сего мѣсяца и полетѣлъ я туда, взявъ опять съ собою одного только моего сына, куда на другой день и еще за-свѣтло и пріѣхали.

Къ ѣздѣ сей побуждало насъ все еще продолжающееся опасеніе, чтобъ не потерять мнѣ какимъ-нибудь образомъ своего мѣста; и намъ хотѣлось мало-по-малу поприготовлять въ деревнѣ все нужное для будущаго своего жительства, дабы, при внезапной смѣнѣ, пріѣхавъ въ деревню, не претерпѣвать въ чемъ-нибудь нужду. Слухъ о хотѣніи итти въ отставку нашего директора заставливалъ меня помышлять и о себѣ и увеличивалъ мое опасеніе. Итакъ, хотѣлось намъ воспользоваться тогдашнимъ осеннимъ и свободнымъ уже отъ полевыхъ работъ временемъ и что-нибудь въ деревнѣ сдѣлать.

По пріѣздѣ своемъ въ оную, нашли мы маленькіе хоромцы свои въ разстрой-

кѣ. Плотники начали уже производить въ нихъ кое-какія передѣлки, а печники уже пришли и хотѣли класть печи. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были въ оныхъ отъ случившагося тогда холода искать себѣ убѣжища, ибо старые большіе хоромы уже такъ обветшали, что въ нихъ не можно было никакъ жить. Итакъ, пользуясь одною цѣлою печкою, расположились мы сами жить въ предспальникѣ, а людей помѣстили въ спальнѣ, и какъ обжились, то было намъ довольно тепло и покойно. Мое первое дѣло въ сей пріѣздъ было то, чтобъ обходить съ сыномъ моимъ всю нашу усадьбу и подумать съ нимъ и поговорить, гдѣ и что намъ бы тогда сдѣлать. Моя главнѣйшая забота, кромѣ переправки хоромецъ, была о томъ, чтобъ для будущаго житья въ деревнѣ запастись заблаговременно молодою и такою вблизи двора рощицею, которая могла бы насъ довольствовать грибами, ибо обѣ прежнія разрослись уже такъ велики, что въ нихъ грибовъ уже давно ничего не родилось. Мы назначали подъ рощицу сію цѣлую десятину пашенной и прикосновенной къ старой загуменной рощѣ земли. И какъ избѣгая монотоніи, не хотѣлось мнѣ садить ее по старинному обыкновенію длинными и поперечными рядами, а, полюбивъ аглинскіе натуральные сады, обоимъ намъ хотѣлось насадить ее такимъ образомъ, чтобъ она походила болѣе на натуральный лѣсокъ, нежели на саженную рощу, и могла бы со временемъ составить нѣкоторый родъ маленькаго парка или увеселительнаго придворнаго лѣсочка, могущаго не только довольствовать насъ грибами, но и доставлять намъ удовольствіе въ прогулкахъ по оной,—то и принялся я тотчасъ дѣлать ей планъ и прожектировать, гдѣ быть въ ней лѣснымъ кулигамъ, и гдѣ и какимъ полянкамъ и лужайкамъ, и въ первый еще день успѣлъ не только оный сочинить, но и назначить всѣ кулиги и и полянки въ натурѣ, обтыкавъ ихъ ивовыми вѣточками. А какъ между тѣмъ собраны были и всѣ крестьяне съ ихъ женами, то на другой день и приступили мы къ садкѣ деревьевъ въ немъ, выкапывая оныя кое-гдѣ въ усадьбѣ и привозя изъ лѣса; и въ два дни почти всю ее на первый случай понаметали оными. Итакъ, 19 сентября 1791 года былъ достопамятенъ тѣмъ, что нынѣшній мой такъ много меня увеселяющій паркъ получилъ въ сей день первое свое основаніе.

Кромѣ сего, и почти нечаянно, вздумалось намъ, вмѣсто предпринимаемаго было чищенія нагорной сажелки, запрудить и сдѣлать себѣ еще одинъ прудъ по конецъ нашей новой рощи и употребить къ тому весь собранный народъ, и мы потрудились надъ дѣломъ симъ съ такою прилежностью, что и кончили оное со всѣмъ, не болѣе какъ въ теченіе трехъ дней. Сіи были два главныя дѣла, которыя сдѣлали мы въ сей нашъ пріѣздъ въ деревню. Но кромѣ сихъ не преминулъ я кое-что сдѣлать и въ садахъ своихъ. Я высадилъ изъ питомика (sic) своего всѣ поспѣвшія къ пересадкѣ яблонки и грушки въ свой полевой садъ, а на клину насадилъ самыя тѣ вишни, которыя составивъ почти цѣльный вишенный лѣсокъ, довольствуютъ нынѣ меня множествомъ плодовъ своихъ. Также сдѣлали мы планъ и проектъ и своему храму уединенія, существующему и понынѣ.

Наконецъ, проводивъ въ сей разъ не болѣе семи дней въ своей деревнѣ и въ теченіе оныхъ повидавшись съ пріѣзжавшимъ къ намъ молодымъ нашимъ сосѣдомъ, Иваномъ Александровичемъ Ладыженскимъ и потазавъ хорошенько ближняго своего сосѣда Андрея Михайловича за дурное его поведеніе, котораго на-силу-на-силу мы дождались бывшаго и въ сей разъ въ отлучкѣ,— 25 числа сентября пустились въ обратный путь и, повидавшись въ Тулѣ съ г. Юницкимъ, 26 числа возвратились въ Ламки, гдѣ нашли всѣхъ своихъ, а въ послѣдующій за тѣмъ день пріѣхали и въ Богородицкъ и нашли все въ порядкѣ.

Теперь достопамятно, что и въ сей разъ не успѣлъ я возвратиться изъ своего путешествія, какъ принесли ко мнѣ

съ почты опять пакетъ изъ Экономическаго Общества, котораго я всего меньше ожидалъ.

. . . . . .

Присланіе сего письма и новая сія задирка, возбудивъ меня изъ прежняго моего молчанія, вперило охоту и къ соотвѣтствованію на оное. Мнѣ казалось, что будетъ слишкомъ уже грубо и неучтиво, если я и сіе письмо оставлю безъ отвѣта, и потому со второю же почтою отправилъ я къ нимъ письмо слѣдующаго содержанія.

. . . . . .

Симъ письмомъ окончилась въ сей годъ вся моя съ Экономическимъ Обществомъ переписка, ибо съ сего времени по самое окончаніе года не получалъ я ни одного письма, равно какъ и отъ себя ничего не посылалъ. Причиною тому съ моей стороны были не столько дѣйствительные недосуги, сколько простылость моего жара и прежней охоты къ писанію, не приносящему никакой дальней пользы, а могущему только наводить труды и убытки. Итакъ, прошелъ цѣлый годъ, что я не посылалъ въ Общество ни какихъ сочиненій, а такимъ же образомъ не хотѣлъ я слишкомъ спѣшить и въ предбудущія времена, и тѣмъ паче, что не было у меня никакихъ отмѣнно хорошихъ матерій для сообщенія.

Теперь, возвращаясь къ прежнему, скажу, что начало мѣсяца октября достопамятно было тѣмъ, что 7 числа онаго совершилось мнѣ 53 года отъ рожденія и начался 54; также, что около самаго сего времени кончилъ переводъ небольшой нѣмецкой біографической книжки, подъ заглавіемъ «Жизнь Корнфикса, графа Ульфелда». Малочисленность на нашемъ языкѣ біографическихъ книгъ побудила меня къ сему предпріятію въ томъ мнѣніи, чтобъ ее напечатать. Однако-жъ, и сія книжка у меня и понынѣ еще въ манускриптѣ. Разныя обстоятельства не допустили еще меня отдать ее въ печать, хотя бы она того и стоила.

Самое начало моего 54 года ознаменовалось тою особливостью, что оба мы съ сыномъ начали переводить по книгѣ: я — французскій романъ «Зелію», а онъ еще въ первый и едва-ли не въ послѣдній разъ французскую же книжку, подъ названіемъ «Платоническое супружество». Но предпріятія обоихъ насъ были какъ-то неудачны: я едва только перевелъ половину своей книги и принужденъ былъ перестать, узнавъ, что она уже переведена другими и напечатана; а онъ переводъ свой хотя и кончилъ и оный вышелъ довольно хорошъ, но сколько разъ не испытывалъ отдавать его въ печать, но все какъ-то не удавалось; почему обѣ сіи книги и понынѣ у насъ хранятся въ манускриптѣ, и мой переводъ достопамятенъ только тѣмъ, что переводилъ я сію книгу прямо на-бѣло, не переправляя ни одного слова.

Другая достопамятность, случившаяся съ нами при началѣ сего моего, года была та, что 12 числа октября имѣли мы удовольствіе угощать у себя совсѣмъ неожидаемаго, но пріятнаго гостя. Былъ то пріятель мой и издаватель моего «Экономическаго Магазина», Николай Ивановичъ Новиковъ. Сей именитый и всей Россіи въ сіе время довольно извѣстный человѣкъ проѣзжалъ тогда изъ Москвы по какимъ-то дѣламъ своимъ *) въ степь, и мимоѣздомъ заѣхалъ ко мнѣ, и у меня ночевалъ. Я небывалому еще никогда у себя гостю сему былъ очень радъ и постарался угостить его всячески.

Третьею достопамятностью самаго сего пункта времени можно было почесть полученное нами, и всю Россію не столько огорченіемъ, сколько радостью поразившее извѣстіе о странной кончинѣ князя Потёмкина, игравшаго въ свое время толь великую ролю въ нашемъ отечествѣ.

День имянинъ моихъ провели мы очень весело и хорошо. Мы праздновали оный по-прежнему обыкновенію, и кромѣ собственнаго моего семейства, состоявшаго

*) „Въ Елецкій уѣздъ, для свиданія съ родными своими Хрущовыми". (Написано карандашомъ и другою рукою). Изд.

въ сіе время въ 10 особахъ, а именно: 8 человѣкъ моихъ родныхъ и двухъ живущихъ у насъ, для наукъ, мальчиковъ: Семена Васильевича Тутолмина и Петра Ивановича Лисенка, были у меня и всѣ городскіе, а ввечеру прогремѣла и музыка, и молодежь попрыгала и потанцовала.

Чрезъ день послѣ того наступила у насъ тогда и зима, и съ самаго начала довольно холодная. И какъ оная всѣмъ нашимъ надворнымъ работамъ положила предѣлъ, то всю достальную часть мѣсяца октября провели мы съ сыномъ болѣе въ литературныхъ и кабинетныхъ своихъ занятіяхъ; и не было ничего особливаго, кромѣ того, что 28 числа сего мѣсяца дочери моей Настасьѣ совершилось ровно 18 лѣтъ отъ ея рожденія, и она была тогда въ наилучшемъ цвѣтѣ своей юности.

Мѣсяцъ ноябрь былъ довольно достопамятенъ для меня многими и разными происшествіями, и самое уже первое число онаго памятно мнѣ тѣмъ, что мы были въ оное на освященіи церкви въ Волковѣ у госпожи Бакуниной, гдѣ было множество нашей братіи дворянъ, и угощеніе большое. Непосредственно почти за симъ повозмутили духъ мой, съ одной стороны — носящаяся молва, что г. Бобринской, для котораго, какъ извѣстно было намъ, готовились наши волости, якобы освобожденъ изъ-подневоли, въ которой онъ за шалости свои содержался, и что ему волости наши отдаются во владѣніе. Съ другой стороны носился слухъ, что вскорѣ отнимется отъ насъ нашъ намѣстникъ и опредѣлится къ намъ другой. Какъ оба сіи случая долженствовали имѣть и на мою судьбу великое вліяніе, то нельзя было, чтобъ не трогали они меня и не смущали бывшее до того спокойствіе моего духа. Къ тому-жъ, присовокупись тогда новая досада и на Варсобина, ѣздившаго въ Тулу и вновь что-то такое тамъ командиру моему на меня напутавшаго; и сей легкомысленный хохолъ (какъ я всегда сего малороссіянина въ досадѣ называлъ) опять на меня носъ свой вздернулъ и нѣкоторыми письмами своими растрогалъ чрезвычайно.

Посреди сихъ для меня непріятностей, имѣлъ я и чувствительное удовольствіе узнать и слышать, что книжку сочиненія моего «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли» не только всякіе люди, но и самые архіереи читаютъ съ удовольствіемъ и съ великою похвалою объ ней отзываются. Одинъ молодой, добрый, умный и нами очень любимый тамбовскій дворянинъ, по имени Михайло Максимовичъ Солнцевъ, пріѣзжавшій къ намъ около сего времени, увѣрялъ меня въ томъ, какъ самовидецъ, и сіе польстило очень моему самолюбію.

Другое удовольствіе имѣли всѣ мы въ исходѣ сего мѣсяца отъ того, что замужняя дочь моя Елизавета разрѣшилась опять благополучно отъ своего бремени и произвела на свѣтъ самого того единственнаго своего сына, а моего внука Николая, которымъ утѣшаемся мы еще и понынѣ, видя его порядочно служащаго въ кирасирскихъ полкахъ офицеромъ. Впрочемъ, въ особливости достопамятенъ былъ сей мѣсяцъ для меня тѣмъ, что въ теченіе онаго возобновилась или паче возродилась во мнѣ склонность къ электрицизму, доставившая послѣ мнѣ столь много пользы и пріобрѣтшая даже самую мнѣ съ сей стороны славу. Любя и уважая особенно всю ту часть физики, которая до сего предмета относится, и смастеривъ еще при началѣ жительства моего въ Богородицкѣ наипростѣйшую и съ великими еще несовершенствами сопряженную электрическую машину, не только занимался я тогда ею, но писалъ даже объ ней въ «Экономическомъ своемъ Магазинѣ». Но какъ машина сія въ бывшій пожаръ у меня съ прочими вещами сгорѣла, то съ самаго того времени почти вовсе я симъ предметомъ не занимался; а въ сей мѣсяцъ проснулась опять и такъ увеличилась и воспламенилась сія моя склонность и охота, что мнѣ отъ ней уже и отстать не хотѣлось.

и оба мы съ сыномъ моимъ почти ежедневно ею заниматься начали.

Поводъ къ тому подалъ намъ совсѣмъ нечаянный и неожидаемый случай. Одному, живущему у г. Хомякова и знакомому нѣмчанину вынокуру Грунту случилось гдѣ-то достать себѣ маленькую и особаго устроенія настольную электрическую машинку; и какъ она у него худо дѣйствовала, или паче онъ не умѣлъ съ нею обходиться, то и прислалъ онъ ее ко мнѣ съ просьбою, чтобъ ее привесть въ порядокъ, и съ тѣмъ, чтобъ она у меня хоть нѣсколько времени и погостила. Я очень былъ ей радъ и хотя была она такого устроенія, какого мнѣ видать еще не случалось, но какъ оба мы съ сыномъ имѣли предъ тѣмъ случай начитаться очень много въ достатыхъ нами новыхъ книгахъ вообще о электрицизмѣ и дѣйствіяхъ онаго въ натурѣ, а особливо при врачеваніи имъ разныхъ болѣзней и имѣли уже обо всемъ достаточное понятіе, — то не великаго труда намъ стоило привесть машинку сію въ порядокъ, исправить ея недостатки и сдѣлать къ дѣйствію способною. Но сего было еще не довольно. Но мы, пользуясь довольно изрядным ея дѣйствіемъ, стали тотчасъ затѣвать и придумывать разныя увеселительныя штучки и утѣшать ими себя и всѣхъ прочихъ, кому у насъ бывать случалось; а придѣлавъ къ ней большой штативъ, стали испытывать и врачебныя дѣйствія эликтрицизма и лѣчить онымъ разныя и кой-какія болѣзни. И какъ и самые первые опыты были намъ весьма удачны, и успѣхи превосходили даже самое наше ожиданіе, то сіе прилѣпило насъ еще болѣе къ машинѣ и подало поводъ заниматься ею ежедневно.

Между сими происшествіями нечувствительно прошелъ и весь ноябрь мѣсяцъ, котораго въ половинѣ была такая оттепель и такіе проливные дожди, что зима наша сошла отъ нихъ совершенно и сдѣлалась почти самая половодь. Однако, скоро опять начало морозить, и въ началѣ декабря напалъ вновь снѣгъ и сдѣлалась уже зима совершенная.

Начало мѣсяца декабря ознаменовалось у насъ бывшею опять самаго перваго числа переоброчкою земель. Начальнику моему восхотѣлось и въ сей разъ самому производить оную, и онъ пріѣхалъ для сего къ намъ еще наканунѣ сего дня; и сперва, будучи клеветниками надутъ, не хотѣлъ на меня смотрѣть и глядѣть; но скоро опять было у насъ съ нимъ ни лой, ни масло, и мы тотчасъ начали съ нимъ въ реэстрахъ земляныхъ отмѣчать кому какое звено отдать, безъ дальней переторжки, и развѣсили ее по сучкамъ такъ много, что въ послѣдующій день, въ который была самая торговля, производилась она почти только для проформы и до порядочнаго торга почти не доходило. Однако, все кончилось какъ-то хорошо и всѣ остались съ удовольствіемъ и Варсобину со всѣми его шильничествами не удалось ничего сдѣлать; онъ ни въ чемъ не успѣлъ, а досадилъ только многимъ. Послѣ торга угощаемы были всѣ пріѣзжіе дворяне обѣдомъ, и столъ былъ превеликій, и господа пропировали тутъ во весь день, и все шло хорошо и несравненно лучше, нежели я думалъ и ожидалъ. Въ наступившій потомъ день, директоръ собрался по-утру отъ насъ уѣхать въ Тулу, и выѣхалъ какъ скоро ободняло. Князь-городничій нашъ, по обыкновенному своему шильническому подляжничеству и раболѣпству, зазвалъ его къ себѣ на завтракъ. Меня уговорили проводить его до онаго, гдѣ будучи не могъ я довольно насмотрѣться и надивиться тому, какъ князь старался его улещивать и угощать. Это была сущая комедія и настоящее канальство.

Не успѣли мы сіе дѣло кончить и освободиться, какъ принялись мы опять за электризованье и за прочія свои литературныя упражненія. Но около половины сего мѣсяца писано было ко мнѣ отъ вицъ-губернатора, чтобъ поспѣшилъ я привезть въ Тулу деньги. А какъ я и самъ уже готовился ихъ туда отвозить, то, не долго думая, и отправился я съ

ними въ сей губернскій городъ и остановился въ сей разъ у Пастухова въ домѣ, гдѣ всегда было мнѣ покойнѣе и вольнѣе стоять, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Въ Тулѣ, въ сей пріѣздъ, не случилось со мною ничего особливаго. Я сдалъ на другой день въ казенную полату свои деньги, повидался съ г. Юницкимъ, искупилъ что было [нужно] и, препроводивъ вечеръ въ любопытныхъ разговорахъ съ бывшими у хозяина гостями, пустился я по-утру на другой день въ путь и возвратился благополучно назадъ въ свое мѣсто.

Мое первое дѣло было, по возвращеніи изъ Тулы, помышлять съ сыномъ моимъ о томъ, какъ бы намъ смастерить самимъ для себя электрическую машину, ибо имѣющуюся у насъ требовалъ винокуръ Грунтъ обратно. Стеклянный пузырь, или шаръ, у насъ уже находился. Онъ былъ, хотя не нарочно для машины дѣланный, а назначаемый для фонаря; но мы находили, что можно было по нуждѣ употребить оный и на машину. Но какъ оба мы съ сыномъ никогда машинистами не бывали, то для обоихъ насъ были важные вопросы, какъ оный утвердить на оси; также какимъ манеромъ сдѣлать для него станокъ, какъ придѣлать подушечку, какой и изъ чего сдѣлать кондукторъ, на чемъ его утвердить въ недостаткѣ стеклянныхъ столбиковъ, и какъ и изъ чего смастерить ударятельную или такъ называемую Лейденскую банку, и прочее. Но охота, любопытство и догадливость чего-и-чего произвесть не могутъ! Не успѣли мы начать о сихъ предметахъ помышлять, какъ и повстрѣчались съ нами мысли, показующія простѣйшій путь къ достиженію желаемаго. Послѣдуя онымъ, и начали мы, при помощи столяра, кузнеца и слесаря, производить все, что надобно было; и намъ удалось въ немногіе дни смастерить для себя хотя наипростѣйшаго и совсѣмъ особаго устроенія, но крайне малоцѣнную и такую машину, которою мы на первый случай, были очень довольны. Она не производила хотя такого сильнаго дѣйствія, какое производятъ обыкновенныя, съ плоскимъ стекляннымъ кругомъ и хорошими машинистами дѣланныя машины, но дѣйствіе ея было весьма умѣренное. Но для насъ слишкомъ сильнаго дѣйствія, а особливо для врачеванія электрицизмомъ разныхъ болѣзней, было и не надобно. И потому мы и не гнались уже за большимъ, а радовались тому, что удалось намъ смастерить ее самимъ безъ всякаго вспоможенія отъ машиниста, и что обошлась она намъ вся такъ дешево, что мы едвали десятую долю употребили на нее денегъ, въ сравненіи съ цѣною покупныхъ и самаго меньшаго рода машинъ. Кромѣ того, въ особливости доволенъ я былъ тѣмъ, что удалось мнѣ выдумать столь простое и нехитростное устроеніе оной, что всякому, нашему брату дворянину, самому можно у себя такія же дѣлать, если только есть у него столяръ и сколько-нибудь смыслящій слесарь. Но что всего лучше, то удалось мнѣ придѣлать къ ней подушечку, о которую стекло терётся такимъ особливымъ образомъ, что можно въ одинъ мигъ перемѣнять позитивное машины дѣйствіе въ негативное, а сіе обратно превращать въ позитивное. Слѣдовательно, таже самая машина могла производить оба помянутыя и совсѣмъ другъ другу противоположныя дѣйствія, къ чему и наилучшія тогдашнія продажныя машины были неспособны, а для негативнаго дѣйствія требовалась совсѣмъ другая и особеннаго устроенія машина.

Не могу изобразить, сколь великое удовольствіе оба мы съ сыномъ имѣли въ тотъ день, когда испытывали мы въ первый разъ дѣйствіе нашей машины, и когда увидѣли, что она, будучи и не совсѣмъ еще отдѣлана, въ состояніи уже была производить изъ кондуктора искры. Истинно, если-бъ кто насъ подарилъ какимъ большимъ подаркомъ, то едва-ль бы мы столько тому обрадовались, какъ полученному въ домогательствѣ нашемъ помянутому успѣху. Оный воспламенилъ въ насъ еще болѣе охоту и рвеніе къ

скорѣйшему ея отдѣлыванію и къ снабденію ея всѣми нужными потребностями, а особливо разными инструментами, необходимо надобными при лѣченіи машиною разныхъ болѣзней, изъ которыхъ посчастливилось мнѣ нѣкоторые совсѣмъ вновь самому выдумать и тѣмъ усовершенствовать свою машину.

Не успѣли мы ее окончить и къ лѣченію ею болѣзней сдѣлать ее способною, какъ и начали мы испытывать дѣйствіе ея надъ нѣкоторыми больными и недомогающими отъ разныхъ болѣзненныхъ припадковъ. И какое же неизъяснимое удовольствіе имѣли мы, получивъ и при первыхъ опытахъ тому успѣхи, превосходящіе даже самое наше чаяніе съ ожиданіемъ. Не одному, а нѣсколькимъ помогли мы отъ глазныхъ болѣзней, другимъ отъ головной боли, и т. д.; но никто насъ такъ не обрадовалъ и не удивилъ, какъ старикъ нашъ гошпитальный надзиратель. Сему бѣдняку случилось пораженному быть легкимъ ударомъ паралича. И какъ мы, о томъ въ самый тотъ же день узнавъ, спѣшили испытать надъ нимъ дѣйствіе своей машины, то и были такъ счастливы, что въ тотъ же самый день ему и помогли и возстановили по прежнему его здоровье, и чему не что иное, какъ скорость лѣченія и незапущеніе сей болѣзни было причиною.

Между тѣмъ, какъ все сіе у насъ происходило и мы съ своею машиною возились и занимались, начиналось чрезъ посредство зятя моего опять небольшое дѣльцо, относящееся до дочери моей Настасьи и ея замужества. Нѣкто изъ зарайскихъ помѣщиковъ, изъ фамиліи господъ Квашниныхъ, знакомый родственницы зятя моего, княгини Крапоткиной, имѣлъ на нее виды. И какъ намъ хотѣлось его, а ему ее узнать, то сіе и подало поводъ къ пріѣзду его къ намъ незадолго до праздника Рождества Христова, вмѣстѣ съ сестрами своими, и я съ нимъ познакомился. Со всѣмъ тѣмъ, изъ свиданія сего ничего еще тогда не вышло и ни какого формальнаго сватовства начато еще не было.

Къ празднику Рождества Христова съѣхались и собрались въ кучку ко мнѣ всѣ мои ближайшіе родные, и я, будучи окруженъ ими, провелъ праздникъ сей вмѣстѣ съ ними довольно весело. А что всего лучше, то всѣ мы были около сего времени веселы, здоровы и спокойны духомъ. Кромѣ своихъ родныхъ, посѣтили насъ въ сей день многіе изъ городскихъ нашихъ друзей и знакомыхъ. Князя же, городничаго нашего, не было въ сіе время дома, а онъ, оставя у насъ обѣихъ своихъ княженъ, ѣздилъ съ женою своею въ Москву. И какъ къ вечеру набралось у насъ народа довольно, то, повеселивъ ихъ сперва своею машинкою и разными увеселительными электрическими игрушками, созвали потомъ музыкантовъ и подъ звукъ ихъ музыки таки-довольно потанцовали и весь вечеръ провели весело.

Что касается до достальныхъ дней сего года и первой половины нашихъ Святокъ, то провели мы хотя и сіи дни хорошо, однако, не совсѣмъ по-святошному и не слишкомъ весело. Причиною тому были столкнувшіеся кое-какіе недосуги и дѣлишки по деревнямъ, занимавшіе меня хлопотаніями и писаніемъ писемъ и другихъ нужныхъ бумагъ, по случаю пріѣжжавшихъ ко мнѣ степныхъ мужиковъ. Однако, рѣдкій вечеръ проходилъ, чтобъ у насъ кого не было. Въ одинъ изъ оныхъ приводилъ ко мнѣ нашъ лѣкарь одного пріѣжжаго къ нему учителя, живущаго у г. Грекова и родомъ изъ Саксоніи, прозывающагося Яномъ, съ которымъ, какъ съ свѣдущимъ и любопытнымъ человѣкомъ, не могъ я во весь вечеръ довольно наговориться. И о чемъ и о чемъ мы съ нимъ ни говорили! А въ другой вечеръ заѣхалъ къ намъ и ночевалъ у насъ совсѣмъ неожиданный гость, нашъ бывшій прежній губернаторъ Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ, ѣхавшій тогда въ Москву лѣчиться отъ страшной ипохондріи, которою онъ мучился. Съ нимъ также были у насъ безконечные обо всемъ разговоры, и я показывалъ ему, какъ любопытному и любящему всякія художества человѣку, свою машину,

и она ему такъ полюбилась, что онъ сдѣлалъ ей честь и самъ на ней полѣчиться.

А 27 числа доставилъ намъ съ сыномъ возвратившійся изъ Москвы человѣкъ нашъ, посыланный туда съ каретою для передѣлки, безконечное удовольствіе, привезя съ собою намъ опять цѣлую партію новыхъ книгъ и разныхъ другихъ нужныхъ намъ вещей. И что-жъ это, какая началась тогда для насъ потѣха, какое перебираніе, пересматриваніе, разбираніе и читаніе! Словомъ, для обоихъ насъ было сіе лучше всякихъ святошныхъ игръ и увеселеній, и мы весь сей день и вечеръ провели съ отмѣннымъ удовольствіемъ.

Что касается до самаго послѣдняго дня сего года, то оный весь почти препроводилъ я, по обыкновенію своему, въ счисленіяхъ и счетахъ всякаго рода, и дѣлалъ изъ приходныхъ и расходныхъ книгъ особаго рода выписки и рекапитуляціи, заготовлялъ для записокъ будущаго года бумаги, и располагался вновь какъ что̀ записывать, и всѣмъ тѣмъ сей годъ окончилъ.

Итакъ, прожилъ я сей годъ довольно хорошо и благополучно, и провелъ его болѣе въ разныхъ литературныхъ и любопытныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ. Библіотека моя никогда не имѣла столь дружнаго и многова приращенія, какъ въ сей годъ. Къ ней прибавилось болѣе 300 воломовъ, или переплетовъ книжныхъ; а чтеніе мое въ сей годъ было такъ многочисленно, что въ теченіи всего года, по запискамъ моимъ, прочтено мною до 220 книгъ. Что-жъ касается до сочиненій, то въ сей годъ занимался я ими очень немного и знаменитѣйшими изъ нихъ были «Анекдоты о князѣ Потемкинѣ». Напротивъ того, на переводы употреблено трудовъ гораздо болѣе. Болѣе же всего занимался я переписываніемъ на-бѣло нѣкоторыхъ изъ моихъ прежнихъ сочиненій и переводовъ. А не было недостатка и въ другихъ любопытныхъ упражненіяхъ, выдумкахъ, открытіяхъ и занятіяхъ.

Но симъ дозвольте мнѣ, вмѣстѣ съ заключеніемъ сего года, и сіе мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь, и прочее.

(Ноября 3 дня 1812 года. Дворениново).

1792 годъ.

Письмо 276.

Любезный пріятель! Тысяча семь сотъ девяносто второй годъ начали мы препровождать, находясь въ прежнемъ своемъ мѣстѣ, и по благости Господней, были всѣмъ своимъ семействомъ здоровы, а можно сказать и благополучны. Ни что въ особенности насъ не огорчало. Я хотя и начиналъ уже стариться, сначала сего года пошелъ уже хотя 19,443-й день моей жизни, и меня хотя звали старикомъ, однако, я самъ въ себѣ не чувствовалъ еще никакой важной перемѣны и примѣтныхъ слѣдовъ слабостей, съ старостью сопряженныхъ. Шолъ мнѣ хотя шестой десятокъ лѣтъ, но я былъ еще свѣжъ, бодръ, здоровъ и могъ еще работать и тѣломъ, и душою. Жена моя была такова же, какъ прежде, всегда жаловалась на частые болѣзненные припадки, но также не начинала еще старѣться. Большая и замужняя дочь моя, предъ недавнимъ до сего временемъ, какъ уже я упоминалъ, родила третьяго ребенка, и отъ родовъ не совсѣмъ еще оправилась. Она продолжала по-прежнему жить съ мужемъ и часто съ нами видѣться. Сынъ мой, сей милый и любезный мой рожденный другъ, другой я, и тотъ, съ которымъ всѣ мысли и желанія мои симпатизировали, и который составлялъ наилучшее веселіе и утѣху дней моихъ, былъ также хотя не совершенно здоровъ, и частыми своими болѣзненными припадками насъ неизреченно озабочивалъ, но около сего времени находился нарочито въ хорошемъ состояніи и дѣлилъ съ нами свое время. Обѣ мои незамужнія большія дочери, Настасья и Ольга росли, какъ кисли, и часъ-отъ-часу въ душевныхъ и тѣлесныхъ совершенствахъ воз-

ростали. Обѣ онѣ были уже совершенныя невѣсты, и я обѣими ими, а особливо склонностью ихъ къ литературѣ и музыкѣ, былъ весьма доволенъ. Меньшая дочь моя Катерина росла также, и хотя медленно, но становилась лучше. Была и она уже полуневѣстою. Что-жъ касается до моей тещи, то и сія хотя часъ-отъ-часу начинала становиться слабѣе и дряхлѣе, однако, все еще была на ногахъ, могла съ нами всюду ѣздить и съ пріятностью дѣлить время. Словомъ, все мое семейство доставляло мнѣ радость и утѣху, и я тысячу причинъ имѣлъ почитать себя счастливымъ и благополучнымъ и благодарить за то моего Господа!

Со всѣмъ тѣмъ, годъ сей начали мы не всѣ вмѣстѣ, но зятя моего съ его женою и дочери моей Настасьи не было съ нами. Сія находилась у сестры своей въ Ламкахъ, а вмѣсто ихъ были у меня мои внучаты, дочь и новорожденный сынъ моей дочери. Первая доставляла намъ уже много забавъ и утѣшенія, и мы всѣмъ семействомъ своимъ ее очень любили и не спускали ее почти съ рукъ своихъ. Кромѣ сихъ, находились при мнѣ оба ученика мои, Тутолминъ и Лисенко, да обѣ княжны Назаровы.

Впрочемъ, и самый сей первый день сего года не прошелъ безъ того, чтобъ мнѣ не заниматься своею электрическою и не совсѣмъ еще тогда отдѣланною машиною; но я всѣ праздныя минуты, оставшіяся мнѣ отъ посѣщенія кой-кого меня въ сей день, употреблялъ на приведеніе ее отъ-часу въ лучшее совершенство и на придумываніе кой-чего къ оной. И достопамятно, что въ самый сей день отдѣлали и пробовали мы нововыдуманный мною, вмѣсто Лейденской банки, ударительный стаканъ; и какъ онъ удался очень хорошо, то не могли имъ довольно навеселиться. Придумалъ я также употребленіе изолированной, оловянной тарелки, для поклажи на оной всякой всячины, также и средство къ произведенію прекрасной иллюминаціи; а наконецъ, получилъ первыя мысли къ сдѣланію обманной картины. Кромѣ разныхъ затѣевъ съ нею, и въ сей день лѣчили мы уже и своею машиною кой-кого, и между прочими и самую мою тещу, простудившуюся въ сей день у обѣдни, по случаю бывшей великой стужи; также казначея нашего, г. Лопухина, отъ трясенія руки и боли въ плечѣ, и обоимъ имъ помогла она удивительнымъ и скорымъ образомъ. А таковыя и многія уже дѣлаемыя кой-кому ею вспоможенія и начинали уже мало-по-малу прославлять, и слухъ о электрическомъ и весьма удачномъ моемъ лѣченіи разноситься повсюду.

Впрочемъ, бывшій у насъ уѣздный нашъ судья г. Дьяковъ, правящій тогда городническую должность, уговорилъ меня съѣхаться съ нимъ и другими вмѣстѣ на вечеринку въ сей день къ городскому головѣ кущу Санину. Тутъ нашли мы всѣхъ нашихъ городскихъ въ собраніи, но количество ихъ было не велико. Съ ними мы тутъ сидѣли, говорили, пили чай, курили табакъ, лакомились всякими ягодами, а которымъ хотѣлось, тѣ пили пуншъ, вина и пиво, и прочее; и въ томъ прошелъ весь вечеръ, и увеселеній ни какихъ не было. Да и всѣ Святки сего года протекли у насъ тихо, и совсѣмъ не такъ, какъ въ прежніе годы; ибо пріѣжжихъ никого не было, а сами мы занимались болѣе учебными и любопытными упражненіями; а отъѣзжали только изъ города въ гости къ г. Албычеву, Михаилу Николаевичу, другу моего зятя и вкупѣ моему, у котораго ночуя, провелъ вечеръ очень весело, будучи утѣшаемъ шутками и издѣвками г. Ильина, Ивана Алексѣевича, заставлявшаго насъ не одинъ разъ до слезъ смѣяться. А на утріе ѣздили всѣ мы въ гости къ пріятелю нашему, г. Челищеву и женѣ его Аграфенѣ Михайловнѣ, весьма нами всѣми любимой; а отъ нихъ заѣзжали къ госпожѣ Бакуниной, гдѣ нашли всѣхъ хозяевъ почти больными. Однако, и тутъ провели мы вечеръ, безъ скуки, въ разговорахъ съ зятемъ ея г. Верещагинымъ; а домой отыскались мы уже наканунѣ Крещенья, гдѣ отъ пріѣхав-

шаго къ намъ съ нашей стороны г. Лисенко услышали, что простушка-племянница моя, дочь покойнаго брата моего Михайла Матвѣевича, разошлась съ повѣсою ея мужемъ, г. Бѣгичевымъ.

День Богоявленія Господня достопамятенъ былъ для насъ тѣмъ, что мы узнали впервыя дарованія и достоинства вновь опредѣленнаго въ соборъ нашъ молодаго священника Ѳедота, который въ сей день во время обѣдни говорилъ проповѣдь. Онъ поразилъ всѣхъ насъ удивленіемъ и превзошелъ всѣ наши чаянія и ожиданія. Проповѣдь и сама по себѣ была прекрасная, но говорилъ онъ ее съ такими чувствіями и съ такими граціями, что и вся церковь возгремѣла похвалами. Однимъ только старымъ попамъ была она не весьма пріятна по причинѣ зависти. Что-жъ касается до насъ, то мы всѣ его съ сего времени очень полюбили. Онъ посвященъ былъ къ намъ изъ коломенскихъ семинарскихъ штудентовъ, былъ воспитанникомъ и ученикомъ друга моего отца Іеронима, зналъ францускій и нѣмецкій языкъ, былъ довольно ученъ и начитанъ, имѣлъ многія свѣдѣнія; а какъ при всемъ томъ, имѣлъ тихій и кроткій и очень добрый характеръ, то чрезъ короткое время послѣ того и сдѣлался намъ съ сыномъ не только наилучшимъ нашимъ собесѣдникомъ, но и сотоварищемъ въ нашихъ ученыхъ занятіяхъ, но даже и самымъ другомъ, и мы въ сотовариществѣ съ нимъ провождали весьма многіе пріятные часы и минуты.

Послѣдующій день былъ у меня прямо гостиной: ко мнѣ съѣхалось какъ-то множество гостей, и мы, по случаю дня рожденія моего вкупѣ и въ замѣнъ Святокъ, такн-довольно повеселились. И какъ многіе изъ гостей у насъ и ночевали, то ввечеру была у насъ музыка и танцы. А машинѣ моей было въ сей день отмѣнно много дѣла: во весь оный принуждена была она дѣйствовать и либо увеселять гостей, либо лѣчить больныхъ. Мы лѣчили ею очень многихъ, и умножающееся часъ-отъ-часу количество удачныхъ вылѣчекъ придавало ей отъ-часу болѣе уваженія, а меня къ ней наивяще привязывало такъ, что я въ сей день вздумалъ основать записку и вести порядочный журналъ всѣмъ лѣченіямъ и удачнымъ вылѣчкамъ, число которыхъ простиралось уже болѣе двадцати, и она производила удивленія достойныя вещи, что́ все, какъ легко можно заключить, производило мнѣ превеликое удовольствіе.

Кромѣ сего достопамятно, что около самого сего времени затѣвалась у госпожъ дамъ нашихъ самопропзвольная и безъ малѣйшей нужды дальная ѣзда въ Москву и оттуда въ Ростовъ для богомолья, и въ сей день происходили у нихъ по сему предмету совѣщанія и уговоры о томъ, когда ѣхать. Я смотрѣлъ на сіе пустое и отъ женскихъ прихотей только происходящее предначинаніе косыми глазами, и мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, оттянуть ѣзду сію до великаго поста; самъ же и не помышлялъ имъ сотовариществовать въ оной. Однако, разныя обстоятельства побудили меня дать наконецъ согласіе свое на то, чтобъ ѣхать въ скоромъ времени. Нетерпѣливость зятика моего къ скорѣйшему разсоренію денегъ на покупки много при томъ подѣйствовала. Къ нему прислали изъ оброчной его деревни тысячу рублей денегъ и ему хотѣлось сжить ихъ какъ-возможно скорѣе съ рукъ. Мнѣ же наиболѣе для того на сію поѣздку согласиться не хотѣлось, что увозили они отъ меня съ собою и моего сына и лишали меня на нѣсколько недѣль пріятнаго его сотоварищества, и согласился наиболѣе уже для того, чтобъ отказомъ своимъ не навесть женѣ моей огорченія.

Вскорѣ послѣ сего, и прежде еще ихъ отъѣзда, получили мы радостное извѣстіе о заключенномъ у насъ съ Турками въ Яссахъ мирѣ; но вкупѣ съ симъ, и другое извѣстіе, что командиръ мой собирается опять ѣхать къ намъ, для раздѣла съ винными откупщиками награбленныхъ ими на продажѣ вина денегъ, ибо въ откупѣ ихъ имѣлъ и онъ тайное

соучастіе. Наконецъ, въ послѣдующій за симъ день, что̀ случилось 13-го генваря, поѣхала жена моя съ дѣтьми въ Москву и въ Ростовъ, и мы ихъ со слезами на глазахъ проводили. Мнѣ въ особливости чувствительно было разставаться съ моимъ любезнымъ Павломъ. Слабое его здоровье и частое недомоганье наводило на меня превеликій страхъ, и я трепеталъ духомъ, чтобъ въ путешествіе сіе чего съ нимъ не сдѣлалось. Я не одинъ разъ утиралъ глаза мои при провожденіи онаго; хотѣлъ-было охотно проводить его до Ламокъ, но ожидаемый пріѣздъ господина Юницкаго меня удержалъ. Зная интриги и коварство Варсобина, казалось мнѣ, что весьма будетъ не ловко, если онъ пріѣдетъ безъ меня. Итакъ, жертвовалъ я своимъ удовольствіемъ опасенію, чтобъ бездѣлицею не подвергнуть себя какому злу. Въ Москвѣ на разныя покупки отпустилъ я хотя довольно денегъ, такъ-что числомъ простиралось до шести сотъ, но достопамятно, что книги ни одной не велѣлъ себѣ купить, и произошло сіе отъ того, что въ минувшемъ годѣ истратилъ я на нихъ такъ много денегъ, что въ сей разъ совѣстно мнѣ было даже самого себя, чтобъ терять на то еще множайшія.

Проводивъ своихъ въ путь, стали мы дожидаться господъ тульскихъ. Однако, ни въ тотъ, ни въ другой, ни въ третій день послѣ сего, они еще не бывали, и мы не могли ихъ никакъ дождаться. Между тѣмъ, происходили безпрерывныя требованія въ Тулу разныхъ вещей. Переслали уже множество кореньевъ, капусты, сѣна, овса; но всего еще было мало (давай еще!), и требованія были даже безстыдныя: всякому директору хотѣлось отъ насъ всѣмъ довольствоваться.

Наконецъ, и уже въ 4-й день, прискакали ко мнѣ, и то не они, а два неожидаемые гостя: сперва нѣкто г. Челищевъ, и къ самому обѣду; а потомъ, не-думано-не-гадано, бобриковскій мой управитель, меньшой братъ г. Верещагина, забывшій давно свою должность и небывшій у меня уже нѣсколько лѣтъ. Оба они пріѣзжали, думая найтить уже тутъ нашихъ откупщиковъ, и льстясь надеждою, не удастся-ли имъ сорвать отъ нихъ что-нибудь, когда станутъ они дуванъ дуванить или дѣлить нажитые откупомъ прибытки. И какъ тульскихъ господъ еще не было, то расположились они у меня, до пріѣзда ихъ, остаться. Но я имъ и радъ былъ, и нѣтъ, поелику оба они были ни рыба, ни мясо, и молодцы такого разбора, что мнѣ болѣе скуки, нежели удовольствія производили. Оба они изволили у меня ночевать, поелику получено было вѣрное извѣстіе, что на утріе господа наши откупщики будутъ.

Однако, и въ сей день мы съ ними и собравшимися ко мнѣ всѣми городскими нашими ихъ съ утра до вечера ждали и дождаться не могли. Наконецъ, наступилъ уже десятый часъ, и мы заключили, что они не будутъ, и потому князь городничій нашъ поѣхалъ домой, а за нимъ разошлись и прочіе. Но мы съ г. Челищевымъ и Верещагинымъ не успѣли поужинавъ начать раздѣваться, какъ прибѣжали къ намъ изъ дворца, съ увѣдомленіемъ, что директоръ пріѣхалъ. Итакъ, ну-ка мы опять одѣваться и иттить туда, и пробыли тамъ часа два, и возвратились домой уже послѣ полуночи. Ихъ пріѣхало только двое: нашъ директоръ и г. Хомяковъ.

Послѣдующій за симъ воскресный и вкупѣ праздничный откупщицкій день препровожденъ весь почти въ веселостяхъ, и былъ для всѣхъ веселѣе, нежели я думалъ и ожидалъ. По-утру проснувшись поздно, спѣшили мы одѣваться и пойтить въ замокъ. Тамъ господа хотя поздно легли, но встали довольно рано, и тотчасъ пошли у насъ разныя дѣла; но все было хорошо и порядочно, все смирно и ладно. Симъ образомъ продолжалось покуда стали служить обѣдню, и тогда поѣхали мы всѣ въ церковь, а отслушавъ обѣдню, опять въ замокъ; и послѣ водки, ѣздилъ я съ директоромъ къ ранжереи, которую онъ еще, по отдѣланіи ея, вчернѣ не видалъ, и былъ оною доволенъ. Обѣдъ былъ въ замкѣ

для всѣхъ городскихъ, но постороннихъ никого, кромѣ вышеупомянутыхъ, не было. Тутъ у господъ началось питье, но мы съ директоромъ поудалились, онъ въ спальню, а я—домой. Передъ вечеромъ ѣздили мы всѣ на островокъ смотрѣть гошпиталь, который мы также въ минувшее лѣто перестроивали, и его директоръ, по перестройкѣ, также еще не видалъ. Онъ былъ не менѣе имъ доволенъ. Тамъ зашли мы къ лѣкарю, пили кофей, а господа продолжали пить. Отъ него заходили къ старику переплетчику Баннiеру и пробыли почти съ часъ, пересматривая всѣ работы его вещи. Возвращаясь въ замокъ, заѣжжали мы осматривать также богадѣльню, и какъ и тутъ найдено все въ порядкѣ, то возвратились мы въ замокъ, и пошло далѣе у господъ питье и веселье. По наступленіи же ночи, потребовали пѣвчихъ, а тамъ захотѣлось и моей музыки. Въ самое продолженіе играніи оной, прискакалъ неожиданно и г. Игнатьевъ, Семенъ Ивановичъ, и тѣмъ компанія еще болѣе развеселилась, пошло прыганье, ораніе, кричаніе, пѣніе и играніе на инструментахъ духовой музыки, и не-думано-не-гадано, музыканты мои были такъ счастливы, что господа вздумали ихъ одарить, и дали имъ цѣлыхъ 25 рублей, чего они отъ роду своего не видывали. Игры было довольно-предовольно, и самъ директоръ нашъ даже развеселился. Наконецъ, былъ ужинъ, но послѣ онаго игра все продолжалась, и все шло весело и хорошо. Нѣкоторые изъ господъ были очень подъ куражемъ, и мы опасались, чтобъ не произошло какого вздора, однако, все шло и кончилось хорошо.

Счотъ, для котораго они пріѣхали, отложенъ былъ до послѣдующаго дня. Они, вставши по-утру, заперлись наглухо, и такъ, что не пускали никого даже и въ сѣни. Мы пріѣхали въ свое время съ Верещагинымъ, но принуждены были ѣхать обратно и пробыть все то время дома, покуда они дуванъ дуванили. По чему имъ на брата досталось, было еще неизвѣстно. Это составляло таинство недовѣдомое, а говорили иные, что награблено было столько, что досталось на всякаго тысячъ по пяти. Всѣ-то сіи денежки получены съ нашихъ волостныхъ мужичковъ, съ дозволенія директора грабить имъ ихъ, какъ хотѣли; но за то получалъ и онъ свою часть. Намъ же бы хотя спасибо сказали за то, что воровать имъ не мѣшали; однако, они и того не сдѣлали, хотя мы держали ту корову за рога, которую они доить изволили. Но, правду сказать, я съ моей стороны такъ мерзилъ прибытками сего рода, что не согласился бы принять, если бы они что̀ и давать мнѣ вздумали.

По окончаніи дувана, впущены были, наконецъ, и мы, и тутъ пошли завтраки и питье, и кой-какія дѣла. Но лошади были готовы, и директоръ нашъ спѣшилъ къ своей госпожѣ боярынѣ женѣ. Князь звалъ насъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Дочери его, маленькой княжны, было въ сей день рожденье. Юницкой заѣжжалъ къ нему, а я и не подумалъ зазывать его къ себѣ. Противъ глупой гордости былъ и самъ я неуважителенъ. Князю же былъ и резонъ льстить, и смѣха достойнымъ образомъ предъ нимъ изгибаться. Ему что-то они по откупу давали за дозволеніе давать имъ волю плутовать въ городѣ, какъ хотѣли. Я и далъ ему волю угощать. Однако, обѣдать у него Юницкой не остался и поспѣшилъ ѣхать; а и я раскаявался, что остался, ибо было скучно. По счастью обѣдали рано, и я, пріѣхавъ домой, послѣ обѣда засталъ своихъ еще обѣдающихъ; а князь, послѣ меня, весь день пробылъ у купца Силичева, и пили тамъ до положенія ризъ. Симъ образомъ кончилось и въ сей разъ пребываніе г. Юницкаго въ Богородицкѣ. Въ наши волостныя дѣла входилъ онъ мало, да и то излегка, ибо на умѣ его были однѣ денежки. Варсобинъ и тутъ не могъ утерпѣть, чтобъ чего не сдѣлать и не наушничать; но, по счастью, все шло хорошо и не было ничего досаднаго.

Чрезъ день послѣ того обрадованъ я былъ полученіемъ перваго письма отъ моего сына, увѣдомлявшаго меня, что

они до деревни нашей доѣхали благополучно и поѣхали далѣе въ Москву. Но радость моя много уменьшена была досаднымъ извѣстіемъ, что Алексинская опека наваливала на меня наконецъ опеку надъ Андреемъ Михайловичемъ и, допустивъ его испортиться, вздумала мнѣ его препоручить. Сіе меня чрезвычайно озаботило и смутило. Необходимость заставливала меня ѣхать въ Алексинъ и домой въ деревню, и ѣзда сія наводила на меня превеликую заботу. Со всѣмъ тѣмъ, сколько ни великое нехотѣніе имѣлъ я къ сей поѣздкѣ, но принужденъ былъ рѣшиться на оную. Однако, положилъ не прежде въ сей путь отправиться, какъ, отпраздновавъ напередъ приближающійся день имянинъ старушки моей тещи, которую я не инако, какъ бы родную мать всегда любилъ и почиталъ, и стеченіе обстоятельствъ сдѣлало то, что праздникъ сей былъ у насъ несравненно громче и веселѣе, нежели мы думали и ожидали. Ибо, во-первыхъ, наѣхало къ намъ множество гостей, родныхъ и посторонніхъ, а сверхъ того, ни-думано-ни-гадано, явись балансёръ, равно какъ бы нарочно для сего дня въ нашъ городъ пріѣхавшій и къ намъ съ вопросомъ представшій, не угодно-ли намъ посмотрѣть на его хитрости и искусство? Князь и всѣ мы охотно на то согласились и велѣли ему ввечеру приходить. Итакъ, былъ у насъ вечеръ театральный. Собраніе было нарочито большое. Музыка у насъ во весь день гремѣла, машина увеселяла, пушечка ея производила громъ, колокольная игра звенѣла, и все шло хорошо и было весело. Всѣ гости у насъ обѣдали, а многіе и ужинали, и весь сей день препровожденъ и конченъ хорошо и съ удовольствіемъ.

Я располагался-было тотчасъ послѣ праздника сего въ путь свой отправиться, но случившаяся прескверная погода принудила меня еще на день ѣзду мою отсрочить. Къ тому-жъ, хотѣлось мнѣ дождаться писемъ отъ моего сына, которыя и получилъ и порадовался, узнавъ, что они до Москвы доѣхали благополучно. Но далѣе сего я не сталъ уже медлить. И какъ съ ѣздою сею сопряжены были нѣкоторыя особенныя происшествія, и она сдѣлалась мнѣ очень памятною, то и опишу ее въ подробности.

Отправился я въ сей путь уже въ исходѣ генваря, и именно 28-го числа онаго, въ 8 часовъ утра. Ѣхать мнѣ было въ возочкѣ своемъ очень тепло. Я все читалъ книгу, и потому и не видалъ какъ доѣхалъ до Дѣдилова. Тутъ съѣхался я съ секретаремъ своимъ Щедиловымъ и пообѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Дорога была не такъ дурна, какъ я думалъ, и мы пріѣхали въ Тулу еще въ сумерки, и мое первое дѣло было заслать на почту. У Пастухова, къ которому я присталъ, нашолъ я г. Сокольникова, и мы съ нимъ много кое-чего поговорили. Письмы московскія слугѣ моему на почтѣ не отдали, и ихъ взялся уже выручить Пастуховъ. По-утру, на другой день, поѣхалъ я на Сокольниковыхъ санкахъ и вмѣстѣ съ нимъ къ директору. Но вѣдалъ бы, не ѣздилъ. Во-первыхъ: молодая его кобыла едва-было насъ не расщелкала. Во время ѣзды нашей, гдѣ ни возьмись, людцы г. Веницеева скачутъ тройкою позади насъ, и лошади ихъ бьютъ и мчатъ, какъ вихрь. Наша кобыла ну-ка за ними; на-силу-на-силу укротили. И-то помогло уже то, что тѣ наскакали на людей и на сани; ихъ опрокинули, убили и сами повалились, и тѣмъ преградили улицу. Во-вторыхъ, директора не засталъ я дома, куда-то уѣхалъ за городъ. Итакъ, по условію, заѣхалъ я къ г. Сокольникову и у него провелъ весь день и вечеръ, и тутъ чего-и-чего мы съ симъ умнымъ и любопытнымъ человѣкомъ ни говорили! Компанію нашу пріумножилъ Пастуховъ, пріѣхавшій съ почты. Онъ обрадовалъ меня, привезя съ Москвы письма и извѣстія объ нашихъ. Мы просидѣли у него долго и, возвратясь на квартеру, легли спать уже поздно.

Въ послѣдующій день первое мое дѣло было послать провѣдать, пріѣхалъ-ли директоръ, чтобъ ѣхать къ нему про-

спться, а между тѣмъ писать къ сыну въ Москву письма. Посланный привезъ извѣстіе, что директоръ уже въ городѣ. Итакъ, одѣвшись, поѣхалъ я къ нему, но засталъ его еще спящаго. Пріѣхать изволилъ часа два за полночь, и проспалъ даже до десяти часовъ. Уже я его ждать, уже ждать, не встаетъ! Ажно скучилось, и скучилось бы еще болѣе, если бы не подошолъ Никитскій протопопъ Гаврила. Радъ я ему, и ну, говорить съ нимъ о всякой всячинѣ. Мужикъ умный и разговоры пошли у насъ съ нимъ такіе, что ну-поди, и о чемъ, о чемъ мы съ нимъ ни говорили: и о книгахъ, и о политикѣ, и обо всемъ и обо всемъ. Присовокупился-жъ къ тому еще одинъ новоопредѣленный засѣчный офицеръ. Наконецъ, выходитъ нашъ дюкъ; я прошусь у него, и онъ отпускаетъ на недѣлю. Послѣ чего, поговоривъ съ нимъ еще кое-о-чемъ, поѣхалъ я на квартеру. Мятель и непогода поднялась страшная; не знаю какъ и ѣхать; но, по счастію, между тѣмъ какъ мы обѣдали, непогода поутихла, и я собравшись пустился въ путь къ Алексину.

Доѣхавъ до села Вафрамѣева, стали мы въ пень, и не знали какъ проѣхать въ село Луковицы къ господамъ Арсеньевымъ, роднымъ братьямъ тетки Матрены Васильевны, къ которымъ хотѣлось заѣхать на перепутьѣ у нихъ ночевать. Принуждены были нанять мужика въ проводники и дать гривну, и по-милости его уже кое-какъ по бездорожицѣ дотащились до Луковицъ. Я проѣхалъ прямо на дворъ къ старшему брату генералу Дмитрію Васильевичу. Но, хвать, его нѣтъ дома. Ахъ, какая бѣда!—«Но, гдѣ-жъ онъ?»—«У братаде своего Василья Васильевича».—«Ну, слава Богу! говорю, человѣкъ знакомый, тутъ же обо дворъ, у него быть же! Итакъ, ступай къ нему». Хозяева мнѣ рады, Дмитрій Васильевичъ также, унимаютъ ночевать. Я радъ. Гляжу, смотрю, Ѳома Васильевичъ Хотяинцовъ на дворъ. Человѣкъ знакомый, любезный, умный и такой, съ которымъ есть о чемъ поговорить. Ну-ка мы въ разговоры, и разговоры разные о всякой всячинѣ, и все любопытные и хорошіе. Дмитрій Васильевичъ собирается въ ночь ѣхать на свадьбу женить Филимонова. Хозяинъ же на утріе имянинникъ. Всѣ приступили меня унимать, чтобъ на сей день остаться у нихъ обѣдать. Мнѣ и хочется, и нѣтъ. Но что дѣлать! принужденъ былъ дать слово, и тѣмъ паче, что всѣ мнѣ были очень рады. Но не успѣли мы разболтаться, какъ, глядимъ, еще гости. Анна Васильевна Крюкова съ дѣтьми, а за нею сестра зятя моего Катерина Герасимовна съ невѣсткою и золовкою. Итакъ, полонъ домъ гостей. Дмитрій Васильевичъ подзываетъ меня ночевать къ себѣ и отправляетъ лошадей моихъ къ себѣ на дворъ. Я соглашаюсь. Старичокъ сѣлъ съ боярынями играть въ карты, а мы съ Ѳомою въ залу, и ну, опять съ нимъ говорить, и о чемъ о чемъ мы ни говорили! Словомъ, весь вечеръ проводилъ я съ удовольствіемъ, а послѣ ужина поѣхалъ дѣйствительно ночевать къ Дмитрію Васильевичу, и онъ такъ мнѣ радъ, что отдумалъ даже ѣхать на свадьбу. Итакъ, мнѣ ночевать было хорошо и очень спокойно.

По-утру на другой день стали мы съ Дмитріемъ Васильевичемъ соплетать невинную ложь и затѣянное дѣло, которымъ бы можно было ему отговориться отъ ѣзды, и выдумали небывальщину. Онъ отправилъ нарочнаго туда съ письмомъ. Между тѣмъ пришелъ къ намъ Ѳома Васильевичъ и пилъ съ нами чай. Но скоро ушелъ. Мы, оставшись дома, провели все утро въ разныхъ и пріятныхъ разговорахъ, и Дмитрій Васильевичъ показывалъ мнѣ многія достопамятныя бумаги и секретныя инструкціи, съ какими посылалъ онъ бывалъ отъ императрицы въ разныя мѣста, для изслѣдованія истины, подписанныя самою императрицею. И все утро прошло хорошо.

Какъ настало время обѣдать, то поѣхали мы съ нимъ къ имяниннику. Тамъ

уже была громада людей, и всѣ въ торжественномъ одѣяніи и убранствѣ. Первое дѣло было сѣсть за карты, а мы съ Ѳомою за разговоры. Обѣдъ былъ поздный. Прождали все еще гостей, госпожъ Хотяинцовыхъ, которыя наконецъ и пріѣхали, а вскорѣ за ними подъѣхалъ еще лѣкарь уѣздный, родомъ изъ Ирляндіи, съ которымъ я при семъ случаѣ спознакомился. Всѣ хозяева и гости старались всячески уговорить меня, чтобъ я остался у нихъ ночевать. Однако, я не согласился, но, отобѣдавъ, напившись кофе и наѣвшись сластей, отправился далѣе въ путь свой.

Ѣзда была очень тяжела по причинѣ навалившагося многаго снѣга. Ѣхать не близко, и мы ѣхали долго, и не прежде пріѣхали въ Алексинъ, какъ уже въ часъ ночи. Я присталъ у одного тамошняго мѣщанина Варагушина, человѣка знакомаго моему стряпчему и покойному брату. Но тутъ случилось странное: хозяинъ и хозяйка, люди очень добрые, но первый страдалъ удивительною болью въ животѣ и почти ему несносною. Бабка накидывала ему горшки, но ничто не помогало. Со мною случился мой врачебный камень. Я вздумалъ его имъ полѣчить, но и онъ не дѣйствовалъ. Я его лѣчитъ припарками, но и то не помогало. Боль ужасная, рвота, мужикъ почти умираетъ, проситъ попа, послано было за всѣми родными, и тѣ плачутъ и рыдаютъ, а хозяйка сходитъ почти съ ума. Я самъ дивлюся, сомнѣваюсь, уже не похудѣло-ли ему отъ камня. Однако, какъ стали просить, чтобъ дать ему еще, то согласился я дать другой пріемъ, и уже побольше, и сей, къ великому удивленію всѣхъ, ему тотчасъ помогъ. Онъ успокоился, заснулъ и боль прошла вся, и онъ спалъ всю ночь спокойно.

Между тѣмъ, посылалъ я своего Василія въ городъ провѣдывать о дѣлѣ, и онъ привелъ ко мнѣ самаго секретаря Пашина, который, по счастію, случился человѣкъ знакомый, зять Богородицкаго купца Санина. По дружбѣ его ко мнѣ, онъ уже вездѣ обѣгалъ и выправлялся, и я узналъ, что нѣтъ въ городѣ протоколиста, и что у него всѣ опекунскія дѣла заперты и справиться не по чему. Сіе меня нѣсколько огорчило. Я напоилъ его чаемъ, пуншемъ и водкою, и радовался, что онъ будетъ мнѣ великимъ въ семъ дѣлѣ помощникомъ. Что касается до квартиры, то была она не очень спокойна, собою хотя-бъ и такъ, и сякъ, но холодна и угарна. Но — какъ быть: принужденъ былъ довольствоваться.

На утріе не успѣлъ наступить день, какъ сталъ я помышлять о начинаніи дѣла и послалъ искать санокъ. Повѣренный мой бросился къ Алексинскому первому купцу и головѣ Маслову, который былъ мнѣ отчасти знакомъ. Сей, услышавъ, что я пріѣхалъ, велѣлъ меня звать къ себѣ пить чай. Однако, было сіе въ то время, когда пилъ я свой собственный. Купецъ не пронялся тѣмъ, но прибѣжалъ самъ ко мнѣ и повторилъ званьѣ. Однако, я отговорился, но принужденъ былъ дать обѣщаніе пріѣхать къ нему обѣдать. Онъ снабдилъ меня санками, и я первый выѣздъ учинилъ къ уѣздному секретарю. Однако, начало было неудачно: секретарь, подгулявши ночью, еще спалъ, а сказали: будто бы онъ пошелъ въ судъ. Я проѣхалъ туда, но тамъ ни бѣшенной собаки, одинъ только дневальный. Спасибо, что и во всемъ городѣ былъ тогда одинъ только суда сего засѣдатель, да и тотъ — ни рыба, ни мясо, даже не было и городничаго. Должность его поручена была уѣздному судьѣ г. Хмырову, но и его не было: — поживалъ себѣ дома. Не нашедъ никого въ судѣ, я въ магистратъ, но и тамъ ни кого. Что дѣлать? Ступай къ засѣдателю! хоть ничего не значитъ, но надобно честь сдѣлать. Я къ нему. Вхожу въ переднюю, ни кого нѣтъ. Вхожу въ другую, гляжу, смотрю знакомый человѣкъ, г. Тутолминъ. «Ба! откуда взялся? гдѣ хозяинъ?» — «Вотъ тотчасъ придетъ». Гляжу, входитъ жена г. Тутолмина, съ своею сестрою. Обѣ знакомыя, обѣ сестры, обѣ родня, хотя далеко, обѣ дочери друга моего Осипа Васильевича Гурьева. «Ма-

тушки мои, здравствуйте! радуюсь, что васъ вижу». Госпожи мнѣ рад*и*, сажаютъ меня и подчиваютъ. Наконецъ, выходитъ и хозяинъ, и подлинно, «ни то, ни сё святое!» Но того мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ онъ женатъ былъ на свояченицѣ г. Тутолмина, и также дочери г. Гурьева, и мнѣ сдѣлался чрезъ то сродни. Примѣчаю я это и радуюсь, спознакомливаюсь съ нимъ, говоримъ, толкуемъ о дѣлѣ. Онъ жалуется на судей, а самъ ничто. Приходитъ секретарь, бѣгаетъ, выправляется о протоколистѣ, о дѣлѣ вексельномъ и о прочемъ. Протоколиста нѣтъ, уѣхалъ куда-то, рыскаетъ иногда недѣли по двѣ. Безъ него дѣлать нечего. Думали, думали и рѣшились наконецъ на томъ, чтобъ мнѣ ѣхать въ деревню, а они тотчасъ ко мнѣ отправятъ для описи имѣнія моего племянника, какъ скоро судьи съѣдутся, и что будетъ сіе во вторникъ, а не прежде. Вижу я, что перемѣнить сего не можно, и хоть не радъ, а готовъ и я. Думаю и говорю самъ себѣ: «лучше дома всѣ сіи дни проживу, а не тутъ; по крайней мѣрѣ, кормъ будетъ непокупной и квартера не наемная». На томъ и положили.

Посидѣвъ у нихъ и распрощавшись, заѣхалъ я къ секретарю, который звалъ меня къ себѣ неотступно, и очень былъ мнѣ радъ. Звать меня къ себѣ побудило его болѣе то, что ему хотѣлось меня угостить и напоить чаемъ. Но я принужденъ былъ дожидаться его долго, а между тѣмъ наговорились съ нимъ до-сыта. Отъ него поѣхалъ я опять на квартеру и, приказавъ убираться и людямъ обѣдать, поѣхалъ съ нимъ къ Маслову по данному обѣщанію. Ежелибъ я зналъ, что такъ скоро отправлюсь, то не далъ бы ему обѣщанія у него обѣдать, дабы не потерять чрезъ то многова времени. Но какъ слово было уже дано, то перемѣнить было не чѣмъ. Я не засталъ его дома, но послали тотчасъ за нимъ. Ждать я его поджидать! Домъ превеликій, прекрасный и найлучшій во всемъ Алексинѣ. Поелику въ немъ было хорошо и тепло, то радъ я и готовъ былъ хоть нѣсколько часовъ ждать. Наконецъ, прибѣгаетъ хозяинъ, принимаетъ меня ласково, услаждаетъ разговорами и суетится о обѣдѣ. Мужикъ умный, любопытный и свѣдущій! Чтобъ не скучно намъ было однимъ обѣдать, то приглашаетъ онъ еще старичка, тамошняго казначея г. Бабанина. Старичокъ умный, словоохотливый, прекрасный и похожій во многомъ на дѣда Авраама Семеновича. Ну-ка мы всѣ говорить и разсуждать о всякой всячинѣ, и минуты пролетали съ удовольствіемъ и непримѣтно. Наконецъ пошли обѣдать. Присовокупилась къ намъ и хозяйка, баба изрядная и неглупая. Обѣдъ купеческій, но сытный и хорошій. Хозяинъ угощаетъ, подчиваетъ наливками и едва не напоилъ меня пьянымъ. Послѣ обѣда просятъ меня, чтобы дождаться кофея, но кофея хоть бы не было,—самый жидкій, купеческій, но хорошо все. Между тѣмъ приходитъ магистратскій секретарь Брычевъ, малый бойкій, умный, но пьяный и вѣтренный, и я говорю съ нимъ о своихъ дѣлахъ по магистрату.

Наконецъ, пришло время мнѣ уже и ѣхать. Я распрощиваюся съ купцомъ, а потомъ съ хозяевами на квартерѣ. Сажусь въ свой возочикъ и пускаюсь въ путь. Хоть не слишкомъ было уже рано, однако, я надѣюсь, что успѣю еще за свѣтло уѣхать далеко. Но — бѣда наша! Изъ всѣхъ бывшихъ со мною, никто не знаетъ домой дороги, а я всѣхъ меньше. Какъ быть? Надобно проводника. Хотѣли-было взять хозяина, но случился попутчикъ, взявшійся проводить насъ до половины дороги. Рад*и* мы тому и, подхватя, пустились въ путь. Дорога была весьма не хороша. Бывшія на тѣхъ дняхъ мятели такъ ихъ занесли, что и самыя большія вездѣ были не натерты, а тутъ по большей части были проселочныя, слѣдовательно, и того еще хуже. Ѣзда была трудная и тяжелая. Однако, противъ чаянія, еще засвѣтло доѣхали мы до Нѣмцова. Но какъ тутъ надлежало намъ сыскивать другого проводника,

то принуждены мы были оставаться. Изъ мужиковъ ни кто не ѣхалъ и не нанимался. Что̀ дѣлать? Принуждены сыскивать десятскаго, и самого почти неволею брать. Покуда мы о томъ суетились, наступила ночь и понесла заметь. Дорога отъ Нѣмцова была уже совсѣмъ неторная, а заметь и послѣднюю занесла. Ѣхать мы и тащиться кое-какъ! Дотащились до Татарского — слава Богу! Думаемъ, что доведетъ проводникъ насъ благополучно и до дома. Но не тутъ-то было! Не успѣли выѣхать изъ Татарского и сдѣлаться темно, какъ потерялъ и проводникъ нашъ дорогу, и мы рады были уже, что доѣхали кое-какъ до Домнина. Ночь была уже тогда совершенная, темнота превеликая, заметь сильная, а морозъ того жесточе. Думаю, не ночевать-ли тутъ? Люди совѣтуютъ ѣхать. Просимъ проводника, онаго намъ и сыскиваютъ. Дорога уже совсѣмъ не лѣтняя и намъ незнакомая. Но не успѣли мы съ новымъ проводникомъ выкарабкаться кое-какъ изъ Домнина, какъ на встрѣчу намъ мужикъ Анны Николаевны изъ Дворенинова, везущій въ Домнино овесъ. Слава Богу, на что сего лучше! Этотъ проводникъ всего вѣрнѣе, и самъ только что ѣхалъ. Уговариваемъ его воротиться съ нами. Онъ соглашается и повелъ насъ благополучно. Покуда было еще поле, всё ѣхали мы еще хорошо; но какъ скоро доѣхали до луговъ и перелѣсковъ, дорога у насъ и пропала. Вездѣ казалась дорога, а гдѣ ни ступи—по-колѣно. Горе на насъ превеликое! Мѣсили-мѣсили, бродили-бродили, но нигдѣ дороги не найдешь! Что дѣлать? Давай общій совѣтъ! Положили, ѣхать прямо на заводъ, а тамъ уже прудами до дома. Ну, ступай! Ѣхали, ѣхали, и покуда дорога еще была перелѣсками, такъ все еще кое-какъ тащились. Но не успѣли поровняться съ Квакинымъ и выбраться на поле, какъ и та пропала. Искать, искать, бродить, ходить по полю, но не тутъ-то было! Не успѣемъ найтить твердое мѣсто, похожее на дорогу, какъ опять пропадаетъ, а заметь и вѣтеръ становятся отъ-часу сильнѣе. «Что̀ ребята дѣлать? говорю я своимъ людямъ; проѣздимъ мы всю ночь, промучимся, а толку не будетъ. Хоть не далече, но и на двухъ верстахъ замерзнуть можно. Какъ думаете?» — «Не знаемъ, говорятъ; но какъ бы не доѣхать? дальнее-ли мѣсто? и на своихъ уже земляхъ». Опять поѣхали, опять потащились и опять сбились съ пути и плутать начали. Стужа превеликая, заметь сильная. «Нѣтъ, говорю, друзья, жаль мнѣ васъ, деревня у насъ подъ бокомъ, поѣдемъ-ка лучше въ Квакино и ночуемъ. Лучше будетъ и безопаснѣе!» Люди хотя нехотя, но соглашаются на то охотно. Итакъ, повернули мы къ деревнѣ. Но и тамъ едва нашли дворишко, гдѣ бы намъ кое-какъ переночевать. Иной дворъ безъ двора, у другаго изба тѣсна, иной далече, за вершинами и за буераками, а и всѣхъ только пять дворовъ. Наконецъ, па-силу-на-силу нашли, и на-силу по огородамъ и по оврагамъ кое-какъ доѣхали до двора. И тутъ не до чая уже и не до дальнихъ разборовъ и прихотей, а давай скорѣе какъ-нибудь ужинать и ложиться спать. Итакъ, вмѣсто дома, принуждены мы были ночевать въ Квакинѣ, въ деревнѣ, лежащей только версты за три отъ насъ, и такой, въ которой мнѣ во весь вѣкъ бывать не случалось. Но до чего не доводитъ случайность! Переночевавъ въ Квакинѣ, и какъ скоро разсвѣло, пустились мы въ путь свой далѣе. Въ ночь сію, и послѣднія дороги такъ замело, что мы до самаго дома брели бредкомъ, и всё ѣхали цѣликомъ и прокладывали дорогу. Легко можно заключить, каково мнѣ сіе было скучно и досадно, и сколько трудовъ и безпокойствъ надѣлалъ мнѣ Андрей Михайловичъ своимъ опекунствомъ!

По пріѣздѣ своемъ, въ домѣ нашолъ я хоромцы свои хотя топленные, но холодноватые. Напившись чаю и обогрѣвшись, мое первое дѣло было послать къ племяннику своему сказать о своемъ пріѣздѣ. Онъ и не преминулъ ко мнѣ чрезъ часъ явиться. Но какъ удивился я, уви-

дѣвъ его одѣтаго самымъ страннымъ образомъ: не то въ тулупѣ, не то въ казакинѣ, не то въ шубѣ, и одѣяніе его было Богъ-знаетъ какое! Но удивленіе мое сдѣлалось еще болѣе, когда онъ въ своемъ шутовскомъ нарядѣ, безъ всякаго уваженія меня и нарочно какъ презирая, началъ по горницѣ у меня расхаживать и хорохориться какъ-бы какой лордъ и мнѣ совсѣмъ набитый братъ. Я, удивляясь, сказываю ему за чѣмъ пріѣхалъ, а онъ и того еще пуще и власно-какъ-бы насмѣхаясь мнѣ, началъ смѣяться и говорить, что напрасно я вхожу въ такія хлопоты. Досадно мнѣ сіе невѣдомо-какъ было, но я крѣпиться, я говорить и такъ, и сякъ, но онъ и въ устъ (sic) не дуетъ. Гляжу, смотрю, тащитъ изъ-за пазухи бумагу. Что-бъ такое? Послѣдній указъ о опекунствѣ, въ которомъ написано, что малолѣтніе, достигши 14-ти лѣтъ, имѣютъ право избирать себѣ попечителя для совѣта и защиты. Признаться надобно, что указа сего мнѣ никогда еще до того видѣть не случалось и что оный посмутилъ меня. Я легко могъ усмотрѣть, что онъ на самый сей указъ и надѣялся, какъ на каменную стѣну, и потому-то такъ бурлилъ и кутилъ. Однако, смущеніе мое не долго продолжалось. Я тотчасъ усмотрѣлъ, что тутъ же, во второмъ пунктѣ, сказано, что малолѣтній не прежде вступаетъ въ распоряженіе имѣніемъ своимъ, какъ на восемнадцатомъ году. Оный и доказывалъ, что онъ все еще малолѣтнымъ и имѣніемъ своимъ управлять не можетъ. Я старался ему сей пунктъ внушить и изъяснить. Но онъ не хотѣлъ, а часъ-отъ-часу болѣе меня и словами, и поступками своими раздосадовать старался, и наглые и грубые поступки его до того, наконецъ, дошли, что сколько я былъ ни терпѣливъ, но вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія, и далъ ему за его неучтивство къ себѣ и совершенное непочтеніе изрядную на словахъ гонку. Молодецъ мой опѣшилъ и струсился. Примѣтя сіе, я гонять его еще. Но дитя сіе не таково было, чтобъ можно было ласкаться привесть его въ разсудокъ. Во всѣ дурноты и пороки былъ онъ уже слишкомъ погруженъ, и потому, натурально, все сіе не могло ему пріятнымъ быть. Что у него на умѣ было, того уже не знаю, но то было примѣтно, что хотѣлось ему какъ-можно скорѣе отъ меня уйтить. Я унимать его у себя обѣдать, но статочное-ли дѣло! Я такъ и сякъ, но не тутъ-то было! Ушолъ-таки, сказавъ, что онъ будетъ послѣ обѣда и, сѣвши въ санки, запѣлъ и поѣхалъ со двора. Сіе одно уже доказываетъ, каковъ былъ молодецъ!

Такимъ образомъ, оставшись, обѣдалъ я одинъ, и все ожиданіе мое послѣ обѣда было тщетно. Видно, куда-нибудь лизу далъ! Сіе происшествіе привело меня въ смущеніе. Я не могъ предвидѣть, что́ воспослѣдуетъ далѣе, но весьма бы радъ былъ, если-бъ поспѣшествовало бы оно къ тому, чтобъ я могъ отъ опекунства сего отдѣлаться и избѣжать отъ взятія къ себѣ въ домъ такого негоднаго ребенка, съ которымъ неминуемо буду имѣть безконечныя безпокойства и досады; ибо, по всему видимому, не было въ немъ добра ни на волосъ.

Препроводивъ весь вечеръ въ писаніи превеликаго письма въ Москву къ своему сыну, въ которомъ описывалъ шуточнымъ образомъ всѣ свои происшествія, ночевалъ я въ холодноватомъ своемъ кабинетѣ. Но, проснувшись по-утру, скоро увидѣлъ, что мнѣ никакъ не можно было исполнить того, что́ положилъ-было я ввечеру сдѣлать, то-есть послать нарочнаго въ Серпуховъ для отданія письма моего на почту. Шумъ, услышанный мною на дворѣ, и холодъ въ комнатѣ скоро возвѣстили мнѣ, что на дворѣ ужасная непогода и буря. Оная, и дѣйствительно, была столь сильная и вьюга такая страшная, что о посылкѣ въ дальній путь и помыслить было не можно, буде не хотѣть явнымъ образомъ подвергать опасности жизнь посланнаго. Словомъ, мятель во весь день была столь сильная, какой нѣсколько лѣтъ не бывало, и снѣга несло и сверху, и снизу такъ много, что за десять сажень ничего было не

видно. Сіе причиною было, что я весь сей день, случившійся въ день самаго праздника Срѣтенія Господня, препроводилъ одинъ одинёхонекъ и въ превеликой скукѣ. Стужа и холодъ выгнали меня совсѣмъ изъ моего новаго и просторнаго кабинета. Я переселился уже въ новый мой залъ, но и тамъ принужденъ былъ сидѣть всё у печки и читать книгу. По счастію, случилась тогда со мною очень занимательная, Мейснеровъ «Алцибіадъ»; и если-бъ не она, то пропалъ бы со скуки, а занимаясь чтеніемъ оной, и не видалъ какъ летѣло время.

Между тѣмъ, не преминулъ я велѣть распровѣдывать о своемъ ближнемъ сосѣдѣ племянничкѣ, и увидѣлъ, что я въ мнѣніи и ожиданіи своемъ не ошибся: урылъ еще тогда же, какъ отъ меня возвратился, куда-то! Во всемъ домѣ видно запрещено было сказывать о томъ, куда онъ поѣхалъ, а нужда такая—что ужасть! Узнали только, что поспѣшность его была такъ велика, что малому, который съ нимъ поѣхалъ, не далъ путемъ и пообѣдать, но давай-давай скорѣе лошадей! Садись въ санки и скачи куды зря! Я очень любопытенъ былъ знать, гдѣ-бъ онъ въ такую страшную непогоду и мятель находился и тдѣ-бъ сидѣлъ, ибо ѣхать было никакъ не можно. Но всѣ мои распровѣдыванія были тщетны. Сіе обстоятельство и несумнѣнность, что онъ положилъ бѣгать и укрываться, произвело то, что я не зналъ уже чѣмъ дѣло сіе кончится и чтѣ воспослѣдуетъ впередъ, и не сдѣлаетъ-ли все сіе суду и опекѣ остановки?

Непогода и стужа продолжалась во всю ночь, но къ утрему утихла. Небо прояснилось. Содѣлался день красный, но морозъ еще вдвое сильнѣе и жесточе; такъ что не было почти терпѣнія. А какъ хоромцы мои и безъ того были не очень теплы, то сіе и гораздо меня безпокоило. Дровишки скверныя, нигдѣ и ничего не уконопачено и вездѣ несло. Однако, думаю и говорю себѣ: «какъ быть! я немногіе дни какъ-нибудь пробьюся».

Вставши и обогрѣвшись чаемъ, первымъ дѣломъ моимъ было послать провѣдать объ Андреѣ Михайловичѣ; но его не было еще дома, и ни кто не зналъ куда онъ уѣхалъ. Посланный мой привелъ ко мнѣ его стряпчаго и всѣхъ злыхъ дѣлъ наставника Ѳедю. Но съ бездѣльникомъ чтó можно было говорить? Немного погодя, смотрю, попъ ко мнѣ на дворъ. Сего я давно уже дожидался, и тѣмъ паче, что хотѣлось мнѣ отъ него точнѣе у знать о лѣтахъ моего племянничка, поелику онъ его крестилъ. Но — хвать! лѣтъ сихъ не знаетъ точно и его благословеніе, а говоритъ только на-угадъ, что ни у отца его и ни у него нигдѣ не было о томъ записано. Но какъ знать о томъ необходимо было нужно, то думать мы съ попомъ и гадать какъ быть? Вспомнилъ, наконецъ, попъ, что крестилъ онъ его въ самый тотъ день, какъ освящаема была Савинская церковь, и что онъ пріѣзжалъ крестить его оттуда. И какъ то число, въ которое сіе освященіе было, подписано въ той церкви на крестѣ, то взялся попъ нарочно туда съѣздить и списать со креста. Радъ я тому, что случился крестникомъ его столь достопамятный монументъ. «Ради Бога, батюшка, съѣзди, говорю я попу, и разрѣши мое сумнѣніе, и буде подлинно уже немного времени остается быть ему въ опекѣ, то чтó и входить въ пустыя хлопоты». Попъ мой дрожитъ отъ стужи; я обогрѣваю его водкою и протуриваю въ Савинское. Самъ же сажусь за прежнее свое упражненіе, за считаніе старосты и прикащика и за чтеніе книгъ. Скука такая, не читаются и книги. Послалъ прикащика на заводъ закупать рыбы. Жду судей изъ Алексина, но судьи не ѣдутъ, да и быть имъ скоро не можно. Сижу у печки, топлю ее самъ, дровишки нарублены слишкомъ долгими, все не ладится. На-силу-на-силу истопили и обогрѣлись. Объ Андреѣ Михайловичѣ все еще не было слуху. Иные говорили, что поѣхалъ онъ въ Котово къ пріятелю своему прикащику тамошнему, съ которымъ была у него дружба; иные видѣли

его за Котовымъ; но ни кто подлинно не вѣдалъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ и попъ мой пьянымъ-пьянёхонекъ, на-силу говоритъ. Никогда я его такимъ не видывалъ. Но какъ бы то ни было, но, по крайней мѣрѣ, подаетъ мнѣ записку, списанную съ креста. «Подай-ка, подай, батюшка, посмотримъ». Но что-жъ? Глядь, анъ — въ самомъ дѣлѣ родился онъ въ 1775 году и окрещенъ 20-го октября. Я считать сколько ему тогда было уже лѣтъ и нахожу, что, не смотря на весь его малый ростъ, шолъ ему тогда дѣйствительно семнадцатый годъ, и что оставалось только восемь или девять мѣсяцовъ до срока того, когда онъ долженъ вступить самъ въ управленіе имѣніемъ своимъ. «Вотъ какая диковинка! говорю; къ чему же входить въ хлопоты и стоитъ-ли уже того, чтобъ симъ пакостнымъ опекунствомъ и заниматься». Попъ пьяненькій меня уговариваетъ, чтобъ я его хоть на короткое время къ себѣ взялъ и его повоздержалъ нѣсколько; но я думаю совсѣмъ тому противное. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можно было мнѣ изъ него, такого развращеннаго и испорченнаго мальчишки, въ теченіи восьми мѣсяцовъ сдѣлать? Могло-ль выйтить изъ того что-нибудь хорошее, кромѣ однѣхъ скучныхъ хлопотъ, крайнихъ досадъ и безпокойствъ, а безъ всякой пользы. «Не наживу-ли я тѣмъ думалъ и говорилъ я тогда самъ себѣ, отъ него только вѣчной вражды, да и только всего? Дѣла же никакого не сдѣлаю, и не выйдетъ-ли, по пословицѣ говоря, что синица море зажигала, моря не зажгла, а славы надѣлала».

Отпустя попа, обогрѣвши его пуншемъ, думать я и гадать, какъ быть и что дѣлать. Говорю и совѣтую съ своимъ Василіемъ, но тотъ столько же знаетъ. Уже хочется мнѣ какъ-нибудь отбиться отъ опекунства; уже я и радъ, что племянничекъ мой ушелъ и уѣхалъ; уже бы я и желалъ, чтобъ судъ не могъ безъ него войтить въ опись, и мнѣ бы можно было какъ-нибудь съ честью отдѣлаться; уже сажусь я и пишу чорное доношеніе въ опеку; но все дѣло какъ-то не клеилось. Бросаю опять все, хватаю книжку, сажусь спиною къ печкѣ и провожу весь вечеръ въ уединеніи и скукѣ. Судьи мои не бывали и не было объ нихъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, никто не зналъ, когда они будутъ. И весь послѣдующій день прошелъ въ тщетномъ ожиданіи судей. Не было ни о комъ ни малѣйшаго слуха, а и объ Андреѣ Михайловичѣ столько же. Только стали говорить, что видѣли его въ Похвисневѣ, въ Таруской его деревнѣ. Впрочемъ, былъ у меня въ этотъ день попъ и дьяконъ, но посидѣли не долго. Отъ скуки, досады и отъ стеченія всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, рѣшился я долѣе въ деревнѣ своей не жить, но въ послѣдующій день отправиться въ Богородицкъ, а оставить тутъ своего стрянчаго, ибо видно было по всему, что ничему и ни какому дѣлу не бывать.

Принявъ намѣреніе сіе, написалъ я Василію своему вѣрющія письма, также для московскихъ нашихъ описаніе и сталъ собираться въ путь. Итакъ, едва послѣдующій день насталъ, какъ, снабдивъ Василія нужными наставленіями и приказавъ ѣхать въ Алексинъ, отправился самъ въ путь довольно еще рано, такъ что пріѣхалъ еще въ 10 часовъ въ Ѳедешово къ г. Кислинскому, къ которому положилъ заѣхать. Хозяева мнѣ были очень рады и не отпустили безъ обѣда. Но за симъ обѣдомъ промедлилъ я до 3-го часа, такъ что въ Тулу пріѣхалъ уже ночью, и становлюсь опять у Пастухова.

Въ послѣдующій день, сколько мнѣ ни хотѣлось поспѣшить и ранѣе ѣхать домой, но необходимо надлежало побывать у Юницкаго и явиться. Мятель превеликая! Но что дѣлать? Принужденъ былъ ѣхать опять въ санкахъ и зябнуть дорогою, а того болѣе у него, въ холодномъ залѣ. Дожидался, дожидался его вставанія, да и сталъ. Наконецъ, изволилъ выттн. Говоритъ, говоритъ, я спѣшу отъ него, а онъ велитъ еще посидѣть, авось-де еще что вспомню. А чего вспомнить? Ничего! Досадно мнѣ, но пособить не чѣмъ. Завелъ я рѣчь о электрической

машинѣ, и попалъ, спасибо, на струну говорить. Разговоръ начался прелюбопытнѣйшій, и я такъ много насказалъ ему о машинѣ и лѣченіи, что онъ заслушался, и такъ ею прельстился, что, имѣя самъ у себя машину, но незнающій, что̀ съ нею дѣлать, просилъ меня невѣдомо-какъ о сообщеніи ему моего перевода и о написаніи книжки о электрицизмѣ. Слава Богу, дружба такая! Я даю обѣщаніе. Но, пора ѣхать. Откланиваюсь, спѣшу, пріѣзжаю къ хозяину, расчитываюсь съ нимъ въ деньгахъ, которыми онъ мнѣ былъ долженъ, обѣдаю, сажусь въ возочикъ свой и отъѣ*жж*аю.

Въ Дѣдиловѣ пріѣхали мы уже передъ вечеромъ. Однако, я напился только чаю и, покормивъ съ часъ лошадей, пустился далѣе въ свой путь. Ѣхать было очень дурно и не скоро. Снѣга навалило пропасть, мѣсится, ухабъ на ухабѣ, обмеркаю въ Крутомъ, ѣду уже ночью и бреду бредкомъ. Наконецъ, пріѣзжаю и нахожу дома своихъ всѣхъ здоровыми. А тѣмъ день сей и кончился, и я путешествіе свое окончилъ, которое было совсѣмъ пустое и наведшее мнѣ только множество скуки, а никакого дѣла изъ того не вышло, и опека моя такъ и осталась, чему я и радъ былъ.

Но симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября 8 дня 1812 года. Двореніново).

Письмо 277.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ странствовалъ, находилась и жена моя съ дѣтьми все еще въ своемъ путешествіи. Помянутая жестокая стужа и мятель застала ихъ возвращающихся уже изъ Ростова, на дорогѣ, и они претерпѣли отъ ней великую нужду и безпокойство. Какъ около того времени, какъ я возвратился въ Богородицкъ, по расчоту времени, надлежало и имъ уже скоро къ намъ быть,—то и начали мы ихъ со дня на день уже поджидать. Но прошелъ день, другой, третій, и еще столько же, но ихъ не было и въ появѣ. Наконецъ, 9-го числа настала у насъ тогда уже и масляница, но объ нихъ не было и слуху. «Господи! говорили мы между собою, что̀ за диковинка, что они не ѣдутъ! Давно-бъ имъ пора уже быть». И ожиданіе наше содѣлалось нетерпѣливымъ. Уже начали мы посматривать въ окошко, не ѣдутъ ли? Уже начали ожидать каждый часъ и въ каждую минуту и отъ-часу болѣе удивляться тому, что они не ѣхали. Уже не одинъ разъ, при услышаніи шума отъ саней, пріѣзжавшихъ къ намъ около сего времени многихъ и разныхъ гостей, выбѣгали мы почти на крыльцо встрѣчать, думая, что то наши и, обманувшись, съ огорченіемъ возвращались. Нетерпѣливость наша увеличилась до того, что я загадывалъ уже о пріѣздѣ ихъ по геомантіи пунктированіемъ и досадовалъ, что и сія наука не прежде пріѣздъ ихъ предвѣщала, какъ въ третій день масляницы, хотя и въ сей разъ, къ превеликому удивленію моему, не солгала, а сказала истинную правду. Ибо не успѣли мы, занимаясь безпрерывно почти пріѣзжавшими гостями, препроводить двухъ первыхъ дней нашей масляницы и пройтить почти уже весь и третій, и когда, по наступленіи въ оной уже вечера, перестали уже мы и ждать,—какъ вдругъ закричали: что наши, наши пріѣхали съ Москвы! Нельзя изобразить, какъ сильно я имъ обрадовался. Я, кинувъ случившихся у насъ тогда гостей и позабывъ все, бросился на крыльцо встрѣчать оныхъ и искалъ глазами моего сына, который былъ для меня всѣхъ дороже. Съ какимъ удовольствіемъ обнималъ я его, выскочившаго прежде всѣхъ изъ повозки, того никакъ пересказать не можно! Бѣдняжка чуть-было въ Москвѣ не умеръ, но, по счастію, ему полегчѣло и они всѣ, къ неописанному нашему обрадованію, возвратились благополучно.

И тогда превратилось у насъ все въ домѣ и изъ прежней тишины и безмолвія сдѣлался радостный шумъ и волненіе. Пошли разборы, разговоры, разсказыванія,

показыванія и распрашиванія. Вслѣдъ за ними пріѣхали къ намъ еще гости, нѣкоторые изъ городскихъ нашихъ. Но намъ не до гостей было. Мы совсѣмъ почти объ нихъ позабыли. Сынъ навезъ мнѣ изъ Москвы множество всякой всячины: ландкартъ, книгъ и другихъ разныхъ вещицъ, и все хорошихъ. Надобно было всё пересматривать, надобно было ему всё показывать. Изъ книгъ накупилъ онъ самъ собою множество французскихъ и русскихъ, и всѣ онѣ были такъ хороши, что я былъ ими весьма доволенъ и не могъ довольно ими навеселиться. Въ такихъ же разсматриваніяхъ провели мы и все утро послѣдующаго дня и часы сіи были для меня очень веселы. Прочее-жъ время дня сего было у насъ шумное и прямо масляничное. Къ обѣду пріѣхали къ намъ и Ламковскіе, а послѣ обѣда съѣхались всѣ почти городскіе наши друзья и знакомцы поздравлять ихъ съ пріѣздомъ, и мы для дня сего ввечеру немного и потанцовали и были веселы. Единое только уменьшало наше удовольствіе, что Павелъ мой былъ не очень здоровъ и чувствовалъ въ себѣ еще великую слабость. А на другой день ѣздили мы сами по гостямъ, по зву и безъ зва, а для сдѣланія контравизитовъ. По возвращеніи же ввечеру домой, стали всѣ помышлять о составленіи на утріе затѣваемаго уличнаго маскарада и ѣзды по городу во многихъ саняхъ. Сію затѣю мы въ послѣдующій день, и дѣйствительно, произвели въ дѣйство. И какъ она была особаго рода, то и опишу я сіе наше необыкновенное катанье въ самой подробности.

Мы набрали сколько можно болѣе лошадей, саней и людей и составили сущую серенаду. Сперва ѣхалъ верхомъ капельмейстеръ мой, въ черкескомъ платьѣ и татарской шапкѣ. За нимъ двое верховыхъ лакеевъ, въ красныхъ сюртукахъ, съ медвѣжьею опушкою, а за ними ѣхали большія сани, запряженныя пятью тройками или 15 лошадьми. Каждою тройкою управлялъ форрейторъ, ѣхавшій на средней лошади и одѣтый также въ красный теплый сюртукъ. Кучеръ же сидѣлъ на саняхъ, одѣтый въ хорошее ямское платье *). Кромѣ его, сидѣло въ саняхъ восемь человѣкъ музыкантовъ, съ валторнами и флейтраверсами. Къ симъ же санямъ, сзади, прицѣплено было другихъ восемь саней, изъ которыхъ были одни другихъ меньше. Сіи санки покрыты были разноцвѣтными коврами, и на нихъ сидѣли всѣ наши госпожи, дѣвицы и кавалеры, сколько набралось ихъ для сей серенады. Я сидѣлъ въ послѣднихъ и лучшихъ санкахъ и заключалъ всю процессію и все шествіе. Предлинный рядъ лошадей, красные сюртуки на нихъ ѣдущихъ, бѣлыя попоны, покрывающія коренныхъ, и потомъ куча музыкантовъ и производимый ими гармоническій звукъ, а тамъ предлинный и смѣшной рядъ нашихъ санокъ, производили прекрасное и вкупѣ смѣшное, пріятное и такое зрѣлище, какова никому изъ тамошнихъ жителей видать никогда еще не случалось. Почему и не удивительно, что едва только мы съ процессіею сею показались въ городѣ, какъ со всѣхъ сторонъ побѣжали къ намъ люди и поскакали сани и всѣ кучами и толпами послѣдовали за нами и умножали огромность зрѣлища. Однихъ саней съ катающимися по городу мущинами и женщинами набралось десятковъ пять или болѣе, а пѣшаго народа превеликое множество. Тѣ, соединяясь съ взводами и рядами, ѣхали отчасти позади насъ, отчасти по сторонамъ, стараясь другъ друга выпереживать, а сей бѣжалъ по бокамъ и не могъ насытиться зрѣніемъ. Происходило сіе въ масляничную субботу, послѣ обѣда, когда весь народъ гулялъ и катался. Мы, поѣхавши отъ дома, проѣхали прямо въ городъ, и онымъ, большою улицею проѣхавъ, возвратились назадъ чрезъ торговую площадь въ нашу слободу, и оною опять уже назадъ. И можно сказать что катанье сіе было и для самихъ насъ очень весело и забавно, а для тамошнихъ городскихъ жителей служило матеріею для всеобщихъ разговоровъ, и такимъ памятникомъ, о которомъ безсомнѣнно и

*) и одѣтый въ красномъ плащѣ.

понынѣ еще разсказываютъ они другъ другу.

Что касается до послѣдняго дня масляницы, то былъ онъ прямо шумный и прощальный, и все какъ въ городѣ, такъ и у насъ въ домѣ находилось въ движеніи. По-утру всѣ были въ церкви, а послѣ обѣда начались разъѣзды по гостямъ и прощанья обыкновенныя. Къ намъ пріѣзжали опять многіе изъ города, а потомъ вздумали всѣ боярыни еще такимъ же образомъ покататься по городу, какъ наканунѣ; и смѣховъ и шуму веселаго было довольно. Въ вечеру же ѣздили всѣ на часокъ къ молодому нашему попу, въ гости. Сей, предъ недавнимъ до того временемъ, привезъ изъ Коломны молодую свою жену, женщину умную, порядочно воспитанную и столь прекрасную и любви достойную, что едва-ли кто во всемъ Богородицкѣ изъ женщинъ могла въ красотѣ съ нею сравняться. И какъ боярыни наши всѣ ее полюбили, и она пріѣзжала съ матерью звать всѣхъ къ себѣ, то и восхотѣли всѣ сей любви достойной четѣ сдѣлать посѣщеніемъ своимъ удовольствіе.

Такимъ образомъ провели мы всю тогдашнюю масляницу отмѣнно весело и хорошо, и всѣмъ семействомъ заговѣлись ввечеру въ мирѣ и удовольствіи, и ничего не было такого, что бъ могло возмущать духъ нашъ. По наступленіи жъ первой недѣли великаго поста, все утихло и пріуныло; мы всѣмъ домомъ начали говѣть, и молодой нашъ попъ долженъ былъ отправлять въ домѣ у насъ обыкновенное служеніе.

Въ семъ богомоліи прошла у насъ вся первая недѣля великаго поста, которую, кромѣ онаго, препроводилъ я въ безпрерывныхъ занятіяхъ, и отчасти въ чтеніи книгъ, отчасти въ разныхъ писаніяхъ; а не менѣе занимался и своею машиною и лѣченіемъ на оной людей разныхъ. Кромѣ сего, имѣлъ я и хлопоты, по случаю оказавшейся въ одномъ селѣ Бобриковской волости прилипчивой и столь опасной болѣзни, отъ которой цѣлые дворы вымирали, и я принужденъ былъ употреблять всѣ возможнѣйшія средства и старанія къ пресѣченію оной, посылалъ туда лѣкаря и нѣкоторыхъ изъ моихъ подкомандующихъ, для дѣланія распоряженій, нужныхъ для предосторожности, и на-силу-на-силу пресѣкъ сіе зло, наводившее на меня великую заботу. Кромѣ сего, самого меня смущало и озабочивало слабое здоровье моего сына, которое, чрезъ ѣзду его въ Ростовъ, не только не поправилось, но, какъ казалось, сдѣлалось еще хуже. Я не могъ взирать на него безъ того, чтобъ не обливалось сердце мое кровью и туча страшныхъ мыслей не пролетала сквозь мою голову. Впрочемъ, и самъ я около сего времени мучился жестокимъ кашлемъ, отъ котораго при помощи машины и другихъ средствъ на-силу избавился.

Во всѣ достальные дни текущаго тогда февраля мѣсяца не было у насъ почти ничего въ особливости достопамятнаго, кромѣ того, что оба мы съ сыномъ спознакомливались отъ-часу болѣе съ электрицизмомъ, къ чему съ одной стороны помогало намъ много славное Бертолоново сочиненіе о электрицизмѣ, которое мы съ нимъ, привезенное имъ изъ Москвы съ собою, читали, и весьма многое изъ него заимствовали, а съ другой стороны дѣлаемые самими нами всякій день опыты лѣченіемъ машиною своею разныхъ болѣзней и дѣлаемыми при томъ замѣчаніями. И какъ колчество оныхъ и удачныхъ вылѣчекъ со всякимъ днемъ увеличивалось, то и началъ я около сего времени всему-всему порядочную записку и составлять всему электризованію моему совершенную почти исторію, которой цѣлыхъ три тома и понынѣ хранятся въ манускриптѣ въ моей библіотекѣ. Сверхъ того, во все сіе время занимаясь и придумываніемъ коечего вновь, къ нашей машинѣ относящагося, привели ее предъ прежнимъ еще въ лучшее состояніе. Кромѣ сего, 27-е число февраля было достопамятно тѣмъ, что съ онымъ совершилось 19,500 дней моей жизни. Слѣдовательно съ онымъ прожилъ я на свѣтѣ половину двадцатой тысячи дней. И стеченіе обстоятельствъ произвело, что я случайно и

праздновалъ оный какъ бы нарочно. Ибо, какъ въ самое сіе время случились у насъ быть родные наши Кислинскіе со всѣмъ своимъ семействомъ, а сверхъ того съѣхались еще многіе изъ нашихъ городскихъ и пріѣзжихъ пріятелей, то набралось случайнымъ образомъ людей множество. И потому былъ у меня обѣдъ большой, а ужинъ и того больше, и сборный; и мы провели день и вечеръ сей довольно весело.

А послѣдній день сего мѣсяца ознаменовался полученіемъ мною опять изъ Экономическаго Общества пакета, съ посылкою и письмомъ отъ г. Картова. Посылка состояла въ одной книгѣ подъ заглавіемъ «Руководство къ хлѣбопашеству, г. Рогенбуко», а письмо слѣдующаго содержанія:

«Государь мой, Андрей Тимоѳеевичъ! При семъ посылаю къ вамъ отъ Общества новонапечатанную книгу о земледѣліи, увѣдомляя, что сочиненіе ваше о подниманіи ключей напечатано въ 45 части, которую скоро вамъ сообщу. Собраніе наше процвѣтаетъ, и трудами своими и новыми изобрѣтеніями заслужило безпристрастную похвалу во всей Европѣ. Сожалѣтельно только, что мы отъ господъ дворянъ нашихъ не получаемъ ни какихъ извѣстій ни о хлѣбопашествѣ, ни о прочихъ частяхъ домостроительства, сколько я ни старался заводить переписку. Въ Россіи, конечно, находятся хорошіе хозяева и знатоки земледѣлія. Не знаю причины, которая удерживаетъ ихъ имѣть сношеніе съ Экономическимъ Обществомъ, которое труды каждаго пріемлетъ благопріятно и старается соотчичамъ своимъ оказать пристойную похвалу и, по требованіямъ, доставлять наставленія. Изъ печатающихся книгъ нашихъ усмотрите, сколь мало изъ Россіянъ присылаютъ къ намъ извѣстія, да и собраніе наше въ Петербургѣ составлено все почти изъ иностранныхъ, которые трудятся, а наши земляки не хотятъ удостоить возвѣщеніемъ своихъ хозяйственныхъ наблюденій или примѣчаній. Сколько ни задаемъ задачъ, не получаемъ по сію пору отвѣтовъ; даже по «Начертанію», напечатанному и обнародованному о намѣстничествахъ, не имѣемъ еще ни строчки...

. . . . . .

Получивъ письмо, преисполненное столь многими жалобами, ласками и самыми убѣдительнѣйшими просьбами, что оставалось мнѣ дѣлать? Можно-ли было не тронуться оными и продолжить далѣе свое жестокосердіе? Можно-ли было пребыть долѣе непреклоннымъ? Я прочитывалъ его нѣсколько разъ, и чѣмъ болѣе читалъ, тѣмъ болѣе увеличивалась прежняя моя охота къ перепискѣ съ Обществомъ, и скоро вся досада моя на него исчезла, какъ дымъ. Усердіе патріотическое къ общей пользѣ возродилось вновь, и я рѣшился возобновить опять мою переписку съ онымъ, не взирая ни мало на то, что отъ всего того не можетъ произойтить ни какой пользы. Со всѣмъ тѣмъ, не хотѣлось мнѣ прежняго намѣренія своего совсѣмъ оставить, но при семъ случаѣ сказать имъ, когда не все, такъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько изъ того, о чемъ хотѣлось-было мнѣ имъ хорошенько изъяснить, еслибъ не отвергнуто было ими желаніе мое къ повѣренной перепискѣ и сказать, когда не прямо все, такъ мимоходомъ, вскользь, или только такъ намекнуть, чтобъ могли они о прочемъ уже сами догадаться.

Такимъ образомъ, расположившись къ нимъ писать, не сталъ я долго медлить, а заготовивъ предлинное письмо, отправилъ оное въ Петербургъ въ самый день Благовѣщенья, то есть 25 марта, и ровно чрезъ 25 дней послѣ полученія письма изъ Петербурга. Оно было слѣдующаго содержанія:

. . . . . .

«Перо мое слабо къ изображенію вамъ совершенно всего того, что я относительно къ вамъ чувствую, равно какъ и собственнаго моего негодованія на то, что господа наши россійскіе домостроители толико нерадивы и толь мало труды и старанія Общества, справедливую похвалу отъ всего свѣта пріобрѣтшаго

уважаютъ и желаніямъ его соотвѣтствовать стараются. Хотя домостроительная наука и находится у насъ въ сущемъ еще младенчествѣ, но нельзя статься, чтобъ въ нынѣшнія, часъ-отъ-часу болѣе просвѣщающіяся времена, не было у насъ весьма многихъ любопытныхъ, знающихъ, рачительныхъ и такихъ домостроителей, которымъ бы изъ опытности многихъ, весьма нужныхъ и такихъ вещей не было извѣстно, которыя достойны сообщены быть для свѣдѣнія всему обществу. Но что̀ собственно удерживаетъ ихъ отъ того, о томъ едва-ли можно сказать что̀-нибудь рѣшительное. Причины могутъ быть весьма многоразличны и неодинакія. Иныхъ удерживаетъ, можетъ быть, недостатокъ нужныхъ способностей къ описыванію всего имъ извѣстнаго, другихъ недостатокъ смѣлости и отваги пуститься въ сіе нужное дѣло; третьихъ недостатокъ охоты къ предпринииманію трудовъ, съ тѣмъ сопряженныхъ; а иныхъ предпочитающихъ пользу свою — общественной; можетъ быть, и самое нехотѣніе давать то знать другимъ, что̀ имъ самимъ принесло пользу. Легко статься можетъ, что тѣмъ, которые могли-бъ писать, недостаетъ нужныхъ экономическихъ свѣдѣній и опытностей, а тѣмъ, которые въ томъ недостатка не имѣютъ, недостаетъ способности къ писанію или охоты и усердія къ отечеству. А въ разсужденіи иныхъ, можетъ быть, и нѣкоторыя особыя черты ихъ характеровъ дѣлаютъ тому помѣшательство. Словомъ, причины могутъ быть многоразличныя; а вообще можно рѣшительно опять сказать, что государство наше слишкомъ еще молодо къ тому, чтобъ можно было отъ домостроителей нашихъ ожидать чего-нибудь дальнѣйшаго.

«Что касается до неполученія на заданные вопросы отвѣтовъ, о которомъ вы упоминать изволите, то я, прочитавъ оные, съ самаго начала сего ожидалъ, и теперь вижу, что я въ мнѣніи своемъ и въ заключеніяхъ о причинахъ, которыя всѣхъ недопускать до того будутъ, не обманулся. Мнѣ казалось, что и всѣмъ, также какъ и мнѣ, мѣшать будетъ наиболѣе то обстоятельство, что о всѣхъ, упоминаемыхъ въ «Начертаніи», матеріяхъ требуется извѣстіе относительно до цѣлыхъ намѣстничествъ. А какъ намѣстничества наши не такъ малы, чтобъ можно было безъ особливыхъ какихъ̀ поспѣшествующихъ тому случайностей какому-нибудь приватному человѣку имѣть совершенное и точное обо всѣхъ вещахъ относительно до цѣлаго намѣстничества свѣдѣніе, а особливо когда извѣстно, что рѣдкое намѣстничество найтиться можетъ такое, котораго въ уѣздахъ не было бы ни въ чемъ изъ относящихся какъ вообще до хозяйства, такъ и до всѣхъ заданныхъ многочисленныхъ вещахъ разности; но, напротивъ того, о многихъ намѣстничествахъ сказать можно, что во всѣхъ почти уѣздахъ ихъ находится разнообразіе,—то съ трудомъ и такіе люди найтиться могутъ, кому бы всѣ оныя разности были извѣстны, и которые бы смѣло могли описывать все безъ опасенія, чтобъ не насказать, чего нескладнаго, съ истиною несообразнаго, и не сдѣлать какой важной ошибки, и чрезъ то не подвергнуть себя порицанію и отъ знающихъ людей справедливому осмѣянію. Все сіе заключаю я по себѣ самомъ. Я сколько ни помышлялъ о желаемомъ вами съ моей стороны удовлетвореніи хотѣнія Общества и сколь усердіе мое въ семъ случаѣ было ни велико, но признаюсь, что всякій разъ, при начинаніи сего дѣла, находилъ я себя совершенно не въ силахъ на всѣ вопросы въ разсужденіи всего намѣстничества нашего отвѣтствовать, ибо оное все мнѣ, какъ приватному человѣку, далеко не коротко знакомо; а потому и принужденъ былъ сіе дѣло оставить. Сверхъ того, есть нѣкоторыя другія обстоятельства, мѣшавшія и мѣшающія мнѣ и понынѣ входить въ подобное тому дѣло, еслибъ я въ силахъ былъ произвесть оное. Легко могло-бъ статься, что не угодилъ бы я чрезъ то нѣкоторымъ людямъ и навлекъ бы на себя еще болѣе неудовольствія, нежели какія я уже, къ огорченію, претерпѣлъ за труды, мною изъ усердія къ обществен-

ной пользѣ предпринимаемые, и что того удивительнѣе—отъ такихъ людей, которымъ, по-надлежащему, долженствовало бы меня поощрять еще къ тому и поспѣшествовать сему полезному дѣлу своимъ покровительствомъ. Но что о томъ говорить! Не одинъ разъ доводимъ я былъ до того, что вознамѣревался уже совсѣмъ бросить свое перо. Единое только усердіе мое къ общей пользѣ убѣждаетъ меня сего не дѣлать, и всѣ таковыя препоны не болѣе уважать, сколько онѣ достойны. А всходствіе того, не премину я и впредь все то отъ времени до времени сообщать, что за нужное и возможное къ сообщенію находить буду; равно какъ приложу возможнѣйшее стараніе о доставленіи въ Общество и требуемыхъ натуралій, какія только набрать могу....»

. . . . . .

Письмо сіе отправилъ я по обыкновенной почтѣ и все, находящееся въ ономъ, упоминалъ не для того, чтобъ отъ того могли произойтить какія-нибудь слѣдствія, но чтобъ, по крайней мѣрѣ, г. Нартовъ зналъ, что я къ молчанію имѣлъ свои причины; а сверхъ того, хотя бъ нѣчто малое вѣдалъ, что мнѣ въ писаніи дѣлаются препоны и помѣшательства. Впрочемъ, хотя я не говорилъ отъ кого именно, но думалъ, что онъ легко можетъ догадаться, что происходитъ то отъ моихъ начальниковъ и командировъ, а особливо отъ самого намѣстника; ибо и сей бездѣльниками и негодными клеветниками доведенъ былъ до того, что мнѣ однажды упрекнулъ, для чего упражняюсь я въ писаніи, которое слово было мнѣ весьма чувствительно и несносно; и о семъ-то намекалъ я стороною въ письмѣ моемъ.

Что касается до сдѣланнаго обѣщанія прислать къ нимъ разныхъ натуралій, то учинилъ я сіе почти по-неволѣ, изъ единой благопристойности; но спѣшить тѣмъ никакъ былъ не намѣренъ, ибо вѣдалъ, что дѣло сіе составляетъ сущіе пустяки и навесть только могло множество хлопотъ, а пользы произойтить никакой не могло; а оставилъ сіе до поры и времени. Такимъ образомъ,ославъ къ нимъ свое обширное писаніе и, изъяснивъ въ ономъ ту великую ошибку, которую учинило Общество при задаваніи своихъ вопросовъ, расположился я опять на нѣсколько времени молчать, къ чему помогало много и наступившее вешнее, къ писанію и безъ того неспособное, время.

Теперь, возвращаясь назадъ, надобно мнѣ пересказать о томъ, что въ теченіи того времени у насъ происходило, которое прошло между полученіемъ отъ Нартова вышепомѣщеннаго письма и отправленіемъ моего на оное отвѣта, или, лучше сказать, въ теченіи всего марта мѣсяца. Самое начало онаго достопамятно мнѣ было тѣмъ, что обрадованъ я былъ полученіемъ латерна-магика или волшебнаго фонаря, котораго у меня до сего времени не было. Зять мой, ѣздившій на короткое время опять въ Москву, купивъ его, привезъ его ко мнѣ въ подарокъ. Не могу изобразить, какъ много оба мы съ сыномъ обрадованы были сею бездѣлкою, и сколько надѣлала она намъ собою удовольствія, и напротивъ—сколько и хлопотъ, работъ, трудовъ и затѣевъ новыхъ. Ибо какъ оптическая сія игрушка была самая маленькая, дешевая, во многомъ весьма недостаточная и неисправная, то и принуждены мы были ее исправлять и придумывать все, что могло только служить къ приведенію ея въ лучшее совершенство. И поелику труды наши не потеряны были тщетно, то коликими же и удовольствіями наградила она насъ за труды наши. Словомъ, она присовокупила къ прежнимъ нашимъ упражненіямъ превеликое множество новыхъ по отношенію къ ней; но за то и получили мы новую вещицу, которою могли и себя, и пріѣзжающихъ къ намъ гостей занимать и веселить.

Съ другой стороны достопамятно было начало сего мѣсяца тѣмъ, что я впервыя выдумалъ и основалъ тѣ разборные на разные классы приходовъ и расходовъ денежныхъ тетради, которыя съ того времени всякій годъ продолжаю и понынѣ, и каковыя для всякаго хозяина отмѣнно полезны, хотя и ни у кого еще нѣтъ ихъ въ обыкновеніи дѣлъ.

Въ-третьихъ, достопамятны были первые дни сего мѣсяца тѣмъ, что никогда почти такое множество гостей ко мнѣ не пріѣзжало, какъ въ сіе время: таки гость за гостемъ, да и только всего! И не успѣвалъ одинъ со двора съѣхать, какъ другой въѣзжалъ на дворъ, и сіе нѣсколько дней сряду продолжалось безпрерывно, такъ что и самые уже казенные конюха дивились тому, что къ намъ такой большой пріѣздъ былъ. Да и я иногда самъ уже и не радъ имъ былъ, поелику я, за угощеніемъ ихъ, отсталъ почти отъ всѣхъ своихъ дѣлъ и упражненій; и, подлинно, дивиться было надобно, какъ я и при толь частыхъ помѣшательствахъ могъ успѣвать множество дѣлъ исправлять. Но, правду сказать, и не пропадала у меня ни же одна праздная и свободная минута времени, но употребляема была на какія-нибудь литературныя, либо любопытныя и художественныя занятія.

Наконецъ, около 8-го числа сего мѣсяца, потребованъ я былъ опять съ нашими денежками въ Тулу, и я отвезъ ихъ 15-ть тысячъ и провелъ въ путешествіи семъ трое сутокъ, которое достопамятнымъ сдѣлалось мнѣ двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, тѣмъ, что я нашелъ всю Тулу и всѣхъ въ ней занимающихся превеликими пріуготовленіями ко встрѣчѣ, пріему и угощенію графа Безбородки, бывшаго въ тогдашнее время первымъ министромъ и важнѣйшимъ вельможею, и всѣхъ равно какъ на цыпочкахъ его дожидавшихся. Но онъ благополучно проѣхалъ на Смоленскъ, и всѣ пріуготовленія, стоившія болѣе 1,000 рублей, остались тщетными. Во-вторыхъ, что я, въ сію мою бытность въ Тулѣ, разстался и распрощался на вѣкъ съ другомъ моимъ и бывшимъ прежнимъ нашимъ сотоварищемъ Антономъ Никитичемъ Сухотинымъ, отъѣзжавшимъ тогда со всѣмъ своимъ семействомъ на житье въ Володиміръ. Мы разстались съ нимъ со слезами на глазахъ, и мнѣ не удалось уже болѣе никогда его и все его семейство видѣть.

По возвращеніи моемъ, долженъ я былъ опять всякій почти день имѣть дѣло со многими пріѣзжавшими къ намъ гостями, и не только съ своими городскими, но и пріѣзжими, и какъ наподрядъ все еще съ господами генералами, и можно сказать, что у насъ въ сіе время не только погостилось, но и погенералилось. Не успѣлъ я, по возвращеніи своемъ, сбыть съ рукъ заставшихъ у себя проѣзжихъ и пріѣзжавшихъ къ намъ гостей, и только что обрадовавшись тѣмъ, думалъ взять хоть на нѣсколько дней покой, какъ, гляжу смотрю, князь нашъ городничій въ двери и сказываетъ, что скоро будетъ генералъ Леванидовъ, и чтобъ я велѣлъ въ замкѣ для пребыванія его отпереть покои, и все нужное приготовить. Сіе меня, встревоживъ, принудило скорѣе одѣваться и ждать сего новаго незнакомаго и знаменитаго гостя. Однако, не только тотъ, но и послѣдующій за тѣмъ день прошелъ у насъ въ тщетномъ ожиданіи, и мы не прежде его дождались, какъ передъ вечеромъ третьяго дня, и когда мы перестали его уже почти ждать. Сей гость назывался Андреемъ Яковлевичемъ и служилъ тогда по арміи генералъ-поручикомъ. Я не прежде о его пріѣздѣ узналъ, какъ по въѣздѣ его уже въ замокъ. И какъ я былъ уже одѣтъ, то и поѣхалъ тотчасъ къ нему. Со всѣмъ тѣмъ, онъ повстрѣчался уже со мною въ воротахъ замка, идущій съ княземъ осматривать нашу церковь. Поелику онъ обо мнѣ съ хорошей стороны предваренъ былъ отъ самаго нашего намѣстника и отъ нашего вицъ-губернатора Вельяминова, то обошолся онъ со мною дружески и весьма благопріятно, поцѣловался и обрекомендовался со мною; и какъ казалось, оба мы другъ друга въ сію минуту полюбили. Всѣ мы пошли въ нашу церковь, и онъ, какъ любопытный и съ великими свѣдѣніями человѣкъ, осматривалъ все въ ней находящееся съ особеннымъ вниманіемъ и хвалилъ всѣ мои выдумки и затѣи, относящіяся до ея украшенія. Оттуда возвратились въ замокъ, напились чаю, и тогда пошло у насъ съ

нимъ дѣло. Слово за слово, и разговоры начались безконечные, и матерія многоразличныя. Я — показывать ему садовую нашу съ рисунками книгу; я — показывать пески; я — сказывать ему то, сказывать другое! Дошло до «Экономическаго Магазина». Онъ его знаетъ, получалъ при газетахъ, и оный у него въ почтеніи, но не зналъ, что я его писалъ. Сіе насъ еще болѣе познакомило другъ съ другомъ. Онъ ласкается ко мнѣ, проситъ къ себѣ моего дружества, предлагаетъ переписку со мною дружескую, и мы весь вечеръ провождаемъ у него съ удовольствіемъ.

По возвращеніи домой, едва я только съ домашними своими отъужинавъ, началъ раздѣваться, какъ закричали: «гости! гости!» И кто-жъ? Другой генералъ, Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, съ племянниками своими и Львомъ Савичемъ Крюковымъ и его женою. Гости сіи были намъ уже и не во-время. Надлежало ухъ угощать, готовить вновь для нихъ ужинъ и, за всѣмъ тѣмъ, не спать часу до втораго. Наконецъ, на-силу-насилу, мы ихъ уложили.

Оба знаменитые гости наши не долго у насъ пробыли. Не успѣлъ послѣдующій день настать, какъ генералъ Левонидовъ собрался ѣхать, и едва его засталъ. Онъ принялъ меня и въ сей день со всѣми изъявленіями своей ласки и благопріятства. Я поднесъ ему прекрасную коллекцію тамошнихъ песковъ и оду Слѣпцова, списанную для него, и разстался съ нимъ съ удовольствіемъ. При самомъ отъѣздѣ своемъ повторилъ онъ еще разъ свою просьбу о начинаніи съ нимъ переписки дружеской и увѣрялъ, что она будетъ ему полезна.

Возвратясь домой, занялся я другимъ своимъ превосходительнымъ гостемъ и старался его всячески угостить. Но и сей въ то же утро отъ насъ поѣхалъ. Но товарищи его, за сдѣлавшеюся уже распутицею, остались у насъ на весь сей день, который провели мы съ ними довольно пріятно. А не успѣлъ сей день кончиться и настать другой, какъ, глядимъ, катитъ къ намъ третій генералъ въ гости. Сей былъ также человѣкъ знакомый и никто иной, какъ прежній нашъ губернаторъ Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ. Онъ ѣхалъ или, паче сказать, по распутицѣ тогдашней тащился изъ Москвы, со всею своею фамиліею, женою и дочерьми, и мы имѣли тогда случай еще впервыя видѣть молодую его, вторую жену, и съ обѣими его старшими дочерьми познакомиться. Всѣ онѣ были благопріятныя, милыя и любви достойныя особы. Всѣ обласкались съ моими домашними чрезвычайно, а дочери въ единый мигъ сдружились съ моими. Я очаровалъ ихъ показываніемъ всѣхъ моихъ штучекъ какъ электрическихъ, такъ и прочихъ. Жена, и онъ и дѣти были любопытные и любящіе все куріозное люди, а таковымъ и хорошо всѣ показывать. Генеральша, будучи великая мастерица играть на фортопіанахъ, играла на нашихъ, и мы слушали игру ея съ удовольствіемъ. Мы угостили ихъ обѣдомъ, и они разстались съ нами съ сожалѣніемъ и звали невѣдомокакъ къ себѣ, въ ихъ Баловнево, куда они тогда по распутицѣ тащились.

Не успѣли мы сихъ гостей спустить со двора, какъ пріѣхали новые, для празднованія вмѣстѣ съ нами дня имянинъ жены моей, который былъ на утріе. Итакъ, и въ сей день было у насъ людно, шумно и довольно весело. Одно только дѣлало удовольствіямъ моимъ великое помѣшательство то, что сынъ мой опять-было жестоко занемогъ и слегъ-было совсѣмъ въ постель. Я невѣдомо-какъ страшился, не поразила-ли и его свирѣпствующая около сего времени въ городѣ особаго рода лихорадочная и довольно опасная болѣзнь, ибо отъ оной многіе умирали; да и мы въ домѣ своемъ лишились сапожника, малаго весьма молодаго и добраго; и потому употребляли все возможное къ уничтоженію его болѣзни и, по счастію, имѣли въ томъ нарочитой успѣхъ, такъ что онъ опять скоро пообмогся и намъ въ сей день сотовариществовалъ, который достопамятенъ былъ съ другой стороны и тѣмъ, что мы въ оный полу-

чили вдругъ три важныя извѣстія, поразившія насъ собою. Первое было о злодѣйскомъ умерщвленіи шведскаго короля Густава III въ маскарадѣ; второе, что римскій императоръ Леопольдъ вдругъ также и скоропостижно умеръ; а третье, что и сама наша императрица была что-то не очень около сего времени здорова, и всѣ съ трепетомъ душевнымъ опасались, чтобъ усиливающаяся около сего времени злодѣйская французская революція, чрезъ агентовъ и сообщниковъ своихъ, не произвела чего и надъ нею также, какъ она тѣхъ сбыть съ рукъ своихъ злодѣйски постаралась. Легко можно заключить, что всѣ сіи три извѣстія подавали намъ поводъ ко многимъ разговорамъ.

Всѣ достальные 12 дней мѣсяца марта и нашего великаго поста, по причинѣ продолжающейся во все сіе время половоди и распутицы совершенной, провели мы на большую часть одни и въ разнообразныхъ занятіяхъ. Я продолжалъ возиться съ своею машиною и придумывалъ къ ней еще кое-что, а особливо врачебные инструментики, которые были тѣмъ нужнѣе, что лѣченіе машиною продолжалось у насъ почти безпрерывно, и такъ, что иногда человѣкъ по десяти или пятнадцати на одинъ день лѣчивались, и успѣхи въ помоганіяхъ становились отъ часу громче. Кромѣ сего, занималъ насъ много собою и фонарь волшебный. А кромѣ его сдѣлали мы у себя еще оптическій теремокъ, который куріозностью своею также удивлялъ и занималъ многихъ. А сынъ мой раскрашивалъ въ сіе время ландкарты и апостоловъ, украшающихъ собою и нынѣ его кабинетъ. Наконецъ, не забывали мы съ нимъ и чтенія, а я также своего пера, которое не лежало ни одного дня праздным, но что-нибудь писало и не уставало.

Между сими разными занятіями нечувствительно приблизилась и Страстная недѣля, съ которою кончился и мартъ мѣсяцъ. Мы провели оную въ обыкновенномъ богомоліи, равно какъ въ новой реформѣ и убираніи своего кабинета къ наступающему празднику.

Но симъ дозвольте мнѣ кончить и сіе письмо мое и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября 11 дня 1812 года. Дворенино).

Письмо 278.

Любезный пріятель! День пасхи случился у насъ въ сей годъ 4-го апрѣля. И какъ все мое семейство было въ совокупленіи у меня и все здорово, а притомъ и погода, ровно какъ нарочно для сего великаго праздника, была ясная и хорошая, то провели мы сей день довольно весело. Но оный одинъ только во всю Святую недѣлю и былъ, въ который пользовались мы хорошею погодою, а въ прочіе она была такая дурная и такая перемѣнная, и весна наша вскрылась въ сей годъ такъ медленно и такъ дурно, и открытіе ея соединено было съ столь многими снѣжными и дождевыми непогодами, что мы давно такой дурной весны не видали, — и потому не только всю Святую недѣлю, но и всю почти Ѳоминую провели мы не слишкомъ весело; къ чему много поспѣшествовало то, что оба мои внучаты, жившіе у насъ, были не очень здоровы; у мальчишки болѣли что-то глаза, а у внуки моей росла на шеѣ какая-то шишка, которую мы никакъ и ничѣмъ истребить не могли и боялись, чтобъ бѣдняжкѣ отъ ней не умереть. Кромѣ того, причинялъ мнѣ и хохолъ, командиръ мой, нѣкоторыя досады и неудовольствія глупыми своими требованіями и поступками, объ которыхъ узнавалъ я отъ пріѣзжающихъ изъ Тулы. Къ характеру сего человѣка не могъ я никакъ примѣниться: то былъ онъ ко мнѣ друженъ и благопріятенъ, то опять Богъ-знаетъ что, и ни рыба, ни мясо, и то-и-дѣло перемѣна, то добрая, то худая, и происходило все то наиболѣе отъ страннаго его характера. Словомъ, если бъ не помогали намъ съ сыномъ наши разнообразныя занятія, доставлявшія намъ всегда многія минуты пріятныя, и которыми занимались мы и въ

самую дурную погоду, то былъ бы для насъ сей періодъ времени, продолжавшійся почти во весь апрѣль мѣсяцъ, очень скученъ и непріятенъ. Но любезныя книги, писаніе и рисованіе претворяли его въ пріятный. Симъ образомъ, въ мирѣ и тишинѣ, провели мы цѣлыхъ двѣ трети сего мѣсяца. Но 21 числа онаго, и въ самое то время, когда мы, по случаю съѣхавшихся ко мнѣ многихъ для тогдашняго праздника гостей, только-что развеселились-было при играніи музыки и пѣнія пѣвчихъ, какъ вдругъ перетревоженъ я былъ прискакавшимъ ко мнѣ изъ Тулы нарочнымъ курьеромъ съ повелѣніемъ, чтобъ я тотчасъ ѣхалъ въ Тулу и привозилъ бы съ собою всѣ деньги, сколько ни находится у меня въ наличности. «Господи помилуй! воскликнулъ я, прочитавъ ордеръ; опять деньги! На нашихъ денежкахъ они съ ума сошли и какъ бы ни какихъ ни гдѣ тамъ у нихъ не было, и изволь смотрѣть! повези-ста ихъ теперь въ такую пропастную грязь и совершенную еще распутицу!» Со всѣмъ тѣмъ, присылка нарочнаго за ними курьера и притомъ требованіе отъ насъ вѣдомости о хлѣбѣ и повелѣніе, чтобъ привезъ я съ собою и секретаря моего Щедилова, приводило меня въ нѣкоторое сомнѣніе и побудило, не смотря на все позднее тогдашнее время, послать въ тотъ же мигъ за Щедиловымъ. По приходѣ его, ну-ка мы съ нимъ оба ломать себѣ голову, помышляя о томъ, за чѣмъ бы насъ обоихъ, и съ такою скоростью, въ Тулу спрашивали? Клали такъ и сякъ, но все много находили непонятнаго. Болѣе-жъ всего думали, что, конечно, наши денежки назначены для отсылки къ нашему намѣстнику, о которомъ сказывали намъ, что онъ отправленъ съ войскомъ въ Польшу для занятія оной, и что на подъемъ дано ему 10 тысячъ. Но на что спрашивали о хлѣбѣ, и на что моего Прокофья Егоровича, сего мы не понимали? Но какъ бы то ни было, но ѣхать намъ надлежало, и ѣхать скоро. Итакъ, говорю я Щедилову, чтобъ онъ тогда же послалъ за крестьянскими лошадьми подъ свою кибитку, и вставалъ бы на утріе по-ранѣе, для сочиненія хлѣбной вѣдомости. Но покуда ее писали и переписывали, покуда привели крестьянскихъ лошадей и собрались съ деньгами и все уложили, до тѣхъ поръ прошло у насъ все утро и мы не прежде выѣхали, какъ часу въ девятомъ. Отъ безпрерывнаго дождя, ливша го во весь прошедшій день и во всю ночь, грязь вездѣ растворилась превеликая, и ѣхать намъ такъ было дурно, что мы съ нуждою къ половинѣ дня дотащились до Дѣдилова. Тутъ, покормивъ лошадей и подъ сильнѣйшимъ еще дождемъ, потащились мы далѣе и заботились невѣдомо-какъ о томъ, какъ переѣхать намъ Упскую гать и рѣку Упу. Моста чрезъ ее было еще не сдѣлано, а перевозъ былъ самый скверный и топь подлѣ его и по всей длинной гати превеликая. По величинѣ дня надѣялись мы пріѣхать въ Тулу еще рано; но сей счотъ дѣланъ былъ безъ хозяина. Не успѣли мы доѣхать до Моржовки, какъ хрящъ, подъ кибиткою, ось! Экое горе! Что дѣлать? По счастію, случилось это близёхонько подлѣ новой тутъ, только-что поселенной деревенки.—«Бѣги, братецъ, въ дворики сіи, говорю я конюху, и ищи оси». Конюхъ побѣжалъ, а я, между тѣмъ, думаю, гдѣ тутъ быть осямъ, и можно-ли у мертвыхъ пчелъ искать каѳуна. Со всѣмъ тѣмъ счастіе послужило намъ въ сей разъ: мы не только нашли тутъ ось, но ось добрую, ось новую, ось не дорогую; а что всего лучше, хозяинъ двора выбѣжалъ къ намъ и съ пилою и съ топоромъ и самъ все нужное приладилъ и придѣлалъ. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были промедлить тутъ не мало времени. Наконецъ, незадолго до захожденія солнца, дотащились мы кое-какъ до Упской гати. Тутъ, услышавъ, что черезъ перевозъ въ каретѣ переправиться никоимъ образомъ было не можно, поѣхали мы на мостъ, сдѣланный въ селѣ Языковѣ; но тутъ, къ крайнему нашему огорченію, нашли, что моста нѣкоторая часть была разо-

брана, чтобъ не ѣздили. Что дѣлать? Посылаю къ самому помѣщику, велю просить дозволенія переѣхать черезъ мостъ, просить, чтобъ мостъ велѣно было починить. Тотчасъ высланы были люди, отпрягли карету, и кое-какъ на себѣ перетащили. Ладно! Но все сіе задержало насъ опять на нѣсколько времени. Солнце уже садилось, а намъ надлежало еще объѣзжать далеко въ сторону одну рѣчку. Указали намъ гдѣ ѣхать. Дорога такая скверная, все на гору и подлѣ водоронъ, того и смотри, что полетишь стремглавъ. Принужденъ былъ выходить изъ кареты и мѣсить по грязи пѣшкомъ, чтобъ не опрокинуться. Лошади притомились, шли уже худо; ѣхать было еще далеко, дурно, грязно и по незнакомой дорогѣ. Тащиться мы часъ, тащиться другой, наступила уже ночь, и если бъ продлилось ненастье, то не знаю уже какъ бы намъ ѣхать; но, по счастью, небо прочистилось и сталъ свѣтить мѣсяцъ. Ради мы были уже и тому, и при свѣтѣ луны переправились чрезъ двѣ рѣчки; но въ Тулу не прежде пріѣхали, какъ уже въ одиннадцатомъ часу. Лошади на-силу насъ дотащили. Уже располагался-было я у Николы Зарытова ночевать, но мнѣ отсовѣтовали. Великую трудность имѣли мы ѣдучи и по Тулѣ. Мостовая скверная, дорога въ рядахъ изрыта была вся, на-силу проѣхать. Наконецъ, пріѣзжаю къ Пастухову. Всѣ давно уже тутъ спали. Я не велю никого будить и, дождавшись на-силу поотставшей кибитки, спѣшу ложиться спать. Надѣясь застать въ Тулѣ ужинъ; поѣли мы въ Дѣдиловѣ все, что ни взято было у насъ съ собою на дорогу; остался одинъ только ломтикъ ветчины. Я раздѣлилъ и сей съ товарищемъ своимъ Щедиловымъ. Итакъ, ужинъ былъ у насъ въ сей день прямо философскій, и очень, очень не дурной. Я радъ былъ, что дозалился до постели, и спалъ какъ убитый.

Зная, что г. Юницкой спитъ долго, располагался-было я выспаться отъ трудовъ по-утру хорошенько; но не то вышло. Лишь только начало разсвѣтать, какъ разбудилъ меня соловей, висящій въ клѣткѣ, въ той горницѣ, гдѣ я спалъ. Хозяинъ, будучи великимъ охотникомъ до птицъ всякаго рода, имѣлъ ихъ тутъ множество всякихъ. Сей проклятый соловей поднялъ преужасно звонкій и безпрерывный крикъ, столь пронзительный, что разбудилъ бы и мертваго. Мнѣ спать еще очень хотѣлось, а онъ, какъ за языкъ повѣшенный, то-и-дѣло оретъ и кричитъ. Что ты изволишь! Ни когда не былъ мнѣ такъ досаденъ соловей, какъ въ сіе утро. Не даетъ спать, да и только всего! И я истинно не знаю, что за удовольствіе держать его у себя въ комнатахъ? Сколь пріятно весною пѣніе его надворное, столь отяготительно оно въ комнатахъ. Отъ громкаго его свиста жужжало даже въ ушахъ, а трескъ и крикъ его былъ такъ звонокъ, что не слышно было за нимъ, что говорятъ люди.

Одѣвшись и повидавшись съ хозяиномъ, поѣхалъ я съ Щедиловымъ къ директору. Хохолъ заставилъ меня еще съ-часъ дожидаться своего вставанія, да и разгузынился-было еще, для чего я не скоро пріѣхалъ. Досадно было мнѣ то невѣдомо-какъ, и я уже зубъ-за-зубъ схватился съ нимъ за то. Потомъ пошло у насъ дѣло. Онъ показываетъ мнѣ полученную изъ Петербурга бумагу, и она разрѣшила все наше сумнительство, но ввергнула въ новое недоумѣніе. Было то письмо отъ Василья Степановича Попова къ губернатору, въ которомъ прописывалось, что Императрицѣ угодно знать, сколько всей Богородицкой суммы въ сборѣ, сколько ей въ употребленіи, гдѣ достальная хранится, или роздана она въ долги, на комъ именно, и подъ какимъ закладомъ, и нѣтъ-ли еще какихъ продуктовъ, и на-сколько именно цѣною? И какъ нужно было для сего знать, сколько у насъ какого хлѣба, то для сего и надобенъ былъ я. Господа хотѣли-было объ ономъ и о самыхъ деньгахъ сущую чуху написать, однако, я не совѣтовалъ и предлагалъ столь убѣдительныя причины, что они на то согласились. Итакъ, мы съ директоромъ ѣздили въ казенную

полату. Тамъ всѣ о томъ только и думали и помышляли. Письмо Попова содержало въ себѣ для всѣхъ непроницаемую загадку. Деньги велѣно было всѣ собрать, чтобъ были всѣ налицо, и буде бы можно въ золотѣ и серебрѣ. А съ начала въ письмѣ было упомянуто, что доходы Богородицкой и Бобриковской волости входятъ въ вѣдомство московскаго директора экономіи. Многіе думали, что сіе написано было ошибочно, а другіе говорили совсѣмъ не то, а что та особа, которой назначены волости, будетъ, конечно, жить въ Москвѣ, и ей деньги будутъ доставляемы. Другіе полагали инако, но никто не зналъ истины, а всѣ единогласно говорили, что, по всему видимому, волостямъ нашимъ приближается конецъ. Меня заставили писать и сочинять примѣрную форму вѣдомости, и съ моей взяла образецъ и вся казенная полата. Но въ сей день ничего не было кончено.

Юницкой велѣлъ мнѣ пріѣзжать къ себѣ обѣдать. Но какъ обѣда сего было долго дожидаться, то съѣздилъ я изъ полаты къ другу своему Петру Ивановичу Запольскому, и мы съ нимъ о тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ кое-что, съ часъ времени, покалякали. Отъ него заѣзжалъ я еще въ аптеку, для запасенія себя нѣкоторыми матеріалами для лѣкарствъ, а оттуда проѣхалъ уже къ Юницкому. Его еще не было дома. Наконецъ, пріѣхалъ и онъ съ Темешовымъ, и мы обѣдали. А послѣ обѣда еще кое-что писали, а тамъ отпустилъ меня Юницкой до послѣдующаго дня на квартеру, а самъ поѣхалъ опять въ полату.

Возвратясь къ Пастухову, я въ тотъ день никуда болѣе не ѣздилъ, а далъ и себѣ, и лошадямъ своимъ отдохновеніе. А на другой день поѣхали мы опять къ директору. Ни то доволенъ онъ былъ моимъ присовѣтованіемъ, ни то иное что; но въ сей день было у насъ съ нимъ ни лой, ни масло, и онъ раздобрился даже до того, что велѣлъ пріѣзжать опять обѣдать, и не только мнѣ, но и Щедилову; но домой не прежде насъ отпустилъ, какъ по отправленіи курьера петербургскаго, который тутъ жилъ и дожидался. Итакъ, онъ поѣхалъ въ полату, а я въ ряды покупать что мнѣ было надобно. И, по исправленіи всѣхъ нуждъ своихъ, заѣхалъ въ полату, гдѣ между тѣмъ, готовили отправленіе, и лгали, и воровали всячески, чтобъ скрыть Давыдовскія шалости и проказы. Тутъ Верещагинъ, увидѣвъ меня, приступилъ съ неотступною просьбою, чтобъ мнѣ обѣдать въ сей день у него, и выпросилъ даже на то дозволеніе у Юницкаго. Итакъ, я обѣдалъ уже у него, а къ Юницкому заѣзжалъ уже послѣ обѣда. И будучи, наконецъ, отъ него отпущенъ, пошелъ съ Щедиловымъ уже пѣшкомъ до квартеры, гдѣ выкормивъ лошадей, и хотя поздно, но отправились въ тотъ же день въ обратный путь, и успѣли еще пріѣхать ночевать въ Дѣдиловъ. Тутъ нашли уже всѣхъ спящихъ, и ужинъ былъ у насъ и въ сей день весьма легкій. Кусокъ жареной, холодной говядины составилъ все наше кушанье, но, по крайней мѣрѣ, спать намъ было хорошо, и мы довольны были, что туда поспѣли. Упу переѣхали мы опять по тому же мосту, но мостили его уже сами, и дорога была уже суха. По-утру же встали мы такъ рано, что успѣли поспѣть еще къ чаю въ Ламки, гдѣ нашелъ я всѣхъ своихъ, и съ ними уже возвратился въ Богородицкъ.

Симъ образомъ кончилъ я и сіе мое путешествіе благополучно. Привезенныя съ собою вѣсти о письмѣ Попова и сужденія многихъ о предстоящей важной перемѣнѣ съ нашими волостьми не весьма были пріятны моимъ роднымъ и подавали поводъ всѣмъ намъ ко многимъ разговорамъ, опасеніямъ и къ самому ожиданію того, что съ нашими волостьми воспослѣдовать имѣетъ.

Вскорѣ послѣ сего наступилъ май мѣсяцъ. Оба мы съ сыномъ съ нетерпѣливостью дожидались сего наилучшаго и пріятнѣйшаго мѣсяца въ году. Но начало онаго въ сей годъ было такъ холодно, что и похожаго не было на весн

почему принуждены мы были вооружаться терпѣніемъ, а между тѣмъ, заниматься своими прежними комнатными упражненіями и сводить знакомство съ нѣкоторыми пріѣзжими къ намъ въ городъ дворянскими, намъ до того незнакомыми, фамиліями, жившими тутъ довольно долгое время для пользованія больныхъ своихъ отъ нашего лѣкаря. Къ числу сихъ пріѣзжихъ фамилій принадлежали въ особливости фамиліи господъ Емельяновыхъ и Рѣдкиныхъ, съ которыми въ короткое время такъ мы спознакомились и сдружились, что они очень часто бывали у насъ, а мы у нихъ, и они во всѣхъ нашихъ великихъ увеселеніяхъ брали соучастіе, и мы знакомствомъ, ласками и дружествомъ ихъ были весьма довольны.

Между тѣмъ 3 числа мая имѣлъ я удовольствіе получить опять толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества, съ 45 частью «Трудовъ» онаго. Я не сомнѣвался, что находилось при оной какое-нибудь письмо, но удивился, не нашедъ никакова. Сіе случилось еще въ первый разъ, что, при присылкѣ книги, ничего ко мнѣ было не писано, и я не понималъ, что̀ бъ это значило? Не досугъ-ли было г. Нартову; отлучка-ли его была тому причиною, или то, что я послѣднимъ моимъ письмомъ такъ его смутилъ, что онъ не зналъ, что̀ мнѣ на оное отвѣтствовать? Словомъ, я не зналъ, что̀ думать; но, наконецъ, полагалъ болѣе то, что причиною сему молчанію было то, что о присылкѣ въ скоромъ времени сей книги г. Нартовъ писалъ ко мнѣ въ предслѣдовавшемъ письмѣ, слѣдовательно, повторять о томъ не было нужды. Но какъ бы то ни было, но книга прислана одна и содержала въ себѣ множество піесъ, и между прочими мою о подниманіи ключей. Нельзя сказать, чтобъ я при усмотрѣніи сочиненія своего напечатаннымъ чувствовалъ какое-либо особливое удовольствіе. Я такъ уже къ сему привыкъ, что меня сіе ни мало уже не трогало, и я смотрѣлъ на оное, напечатанное съ самаго начала, весьма хладнокровно.

Первое вешнее тепло началось у насъ не прежде 5 числа сего мѣсяца. Въ сей впервыя выходили мы съ сыномъ моимъ прогуливаться въ сады наши, и оный достопамятенъ былъ и тѣмъ, что въ оный привезли къ намъ изъ Тулы первое извѣстіе о гоненіи, воздвигнутомъ въ Москвѣ на господъ Мартинистовъ, и что самый ихъ глава г. Новиковъ взятъ и куда-то сосланъ; а книги его и весь домъ опечатанъ. Сіе услышавши, поразился я сожалѣніемъ о семъ моемъ и всегда благопріятствовавшемъ мнѣ знакомцѣ и пріятелѣ, а вкупѣ и порадовался тому, что Богъ отвелъ и сохранилъ меня отъ того, что я не входилъ съ нимъ никогда ни въ какую тѣсную связь, а по носящимся о какой-то ихъ сектѣ сомнительствамъ, всегда имѣлъ къ нему недовѣрку и при всѣхъ случаяхъ отъ повѣреннаго съ нимъ обхожденія удалялся и бѣгалъ отъ него, какъ отъ огня.

11 число сего мѣсяца имѣли мы опять случай быть со всѣмъ семействомъ своимъ на освященіи одной вновь въ волостномъ нашемъ селѣ Іевлевѣ построенной каменной церкви. Освящалъ ее одинъ изъ коломенскихъ протопоповъ Андрей Ивановичъ Ласкинъ, а угощаемы всѣ мы обѣденнымъ столомъ въ большомъ раскинутомъ шатрѣ были секретаремъ моимъ Щедиловымъ, подъ смотрѣніемъ и попеченіемъ котораго церковь сія была строена. Мы провели тамъ таки-довольно времени, и я съ умнымъ, любопытнымъ и свѣдущимъ о многомъ протопопомъ симъ не могъ довольно наговориться, и постарался самъ его всячески угостить, когда онъ ко мнѣ на другой день заѣхалъ.

Наилучшее, теплѣйшее и способнѣйшее къ гулянію вешнее время настало у насъ не прежде 12 числа сего мѣсяца. А какъ мы съ сыномъ онаго съ нетерпѣливостью дожидались, то и не преминули мы онымъ колико можно болѣе пользоваться. И съ самаго сего времени и начались у насъ съ нимъ почти ежедневныя гулянья по садамъ тамошнимъ—когда уединенныя утреннія, соединяемыя съ увеселеніями себя красотами натуры, ког-

да въ сотовариществѣ съ дѣтьми моими и пріѣжжающими къ намъ тутошними и посторонними гостьми. Всѣ они, а особливо лѣчащіеся и въ Богородицкѣ для того жившіе, брали въ прогулкахъ и вешнихъ забавахъ и утѣшеніяхъ нашихъ живѣйшее соучастіе и почитали себя въ семъ отношеніи весьма намъ обязанными. Не рѣдко собиралось насъ превеликое общество, и мы утѣшались не только гуляньемъ по нашимъ садамъ прекраснымъ, но и играющею въ нихъ по вечерамъ маленькою моею духовою музыкою, а иногда пѣвчими нашими, поющими пріятныя пѣсни. Словомъ, съ сей стороны городокъ нашъ въ сіе время походилъ на такой, куда съѣзжается народъ для питья водъ и лѣченія себя оными.

Что касается до приватныхъ и особенныхъ нашихъ прогулокъ, то въ особливости памятенъ мнѣ былъ 19 день сего мѣсяца. Въ оный вся натура была въ наипрекраснѣйшей своей вешней одеждѣ. Послѣ бывшаго предъ тѣмъ дождя все было живо, все весело, все смѣялось, вездѣ тепло, вездѣ пріятно, а особливо въ прекрасномъ густомъ лѣсочкѣ, находящемся въ моемъ собственномъ садикѣ. Тутъ не мѣшалъ гулять и вѣтерокъ самый. Лужочки внутри онаго были какъ бархатные, съ низкою травою; деревья всѣ развернулись, и листъ ихъ былъ еще нѣженъ и хорошъ. Птицъ цѣлые хоры гремѣли повсюду. Небо чистое и ясное. Блескъ и сіяніе солнца веселое. При входѣ въ садъ наполнялась вся душа нѣкакимъ неизобразимымъ весельемъ. Нельзя было утерпѣть, чтобъ по зеленой муравѣ не поваляться, ее не облобызать и ею не полюбоваться. Цвѣтовъ цвѣло повсюду великое множество. Всѣ яблони и вишенныя деревья унизаны были ими. Мы были въ саду по-утру, были послѣ обѣда, были и ввечеру. Въ полдни были у насъ съ дѣтьми сущія рѣзвости, было читаніе, и бѣганіе, и игры, и смѣхи. Сама старушка-матушка, а нхъ бабушка, была съ нами. Словомъ, нѣсколько часовъ сряду провели мы въ саду, прямо въ чистомъ и непорочномъ удовольствіи и въ веселіи совершенномъ, а передъ вечеромъ собравшись всѣ ходили мы вмѣстѣ, со всѣми пріѣзжими, въ большой садъ гулять, гдѣ была и музыка. Были съ нами тамъ и самыя больныя старушки, весь вечеръ проводили мы тамъ въ наипріятнѣйшемъ гуляньѣ, продолжавшемся вплоть по самую ночь. И послѣдующій за симъ день, по случаю бывшей такой же прекрасной погоды, препровожденъ былъ нами не съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ и предслѣдующій, и сей день содѣлался достопамятнымъ мнѣ одною особливостью. По-утру, какъ скоро совершенно ободняло, ушолъ я одинъ въ маленькій свой пріятный садикъ любоваться, по обыкновенію моему, утренними красотами и прелестями натуры. И тутъ, вдругъ приди мнѣ мысль, сочинить вешнюю пѣснь саду и возродись опять охота къ стихотворству. Я тотчасъ сбѣгалъ за записною своею книжкою, и ну соплетать стихи, и по-прежнему не въ рнемахъ, а для лучшей удобности—бѣлые. Работа моя была такъ удачна, что въ немногія минуты сочинилъ я 3 куплета, и тотчасъ побѣжалъ показывать ихъ моему Павлу. И какъ они ему и прочимъ дѣтямъ полюбились, то прибранъ былъ тотчасъ къ нимъ и голосъ, и мы пропѣли ихъ съ скрипкою. Минуты сіи были для меня безцѣнныя, дѣти просили меня, чтобъ я продолжилъ свой трудъ далѣе, и аспидная доска и грифель помогли мнѣ сочинить и еще нѣсколько куплетовъ и воспѣть въ нихъ красоту природы въ цвѣтущей яблонѣ. Пѣснь сія была слѣдующаго содержанія:

Вотъ! опять тебя я вижу
Въ самой лучшей красотѣ,
Садъ любезный, садъ пріятный,
Кладязь радостей, утѣхъ!

. . . . . .

Сіе было мое второе натурологическое сочиненіе стихами. Я помѣстилъ оное здѣсь для единаго любопытства и доказательства, съ какими чувствіями увеселялись мы красотами натуры въ сіе время. И могу сказать, что мы въ семъ

отношеніи провели весну сего года весело и пріятно.

Въ наступающій, непосредственно почти за симъ, Троицынъ день, затѣвали было мы опять, по прошлогоднему, собравшись всѣ вмѣстѣ, ѣхать гулять въ прекрасную нашу рощу, и съ пріѣхавшими къ намъ разными гостьми, собралось-было насъ и довольно. Но сдѣлавшійся сильный вѣтръ воспрепятствовалъ намъ ѣхать въ оную, и мы принуждены были заниматься уже въ домѣ разными увеселеніями и музыкою. А въ концѣ сего мѣсяца былъ у насъ съѣздъ, пиръ и такое же гулянье въ саду въ Ламкахъ у моего зятя, угощавшаго у себя многихъ свадебныхъ гостей, пріѣзжавшихъ къ нему со свадьбы меньшаго брата друга его г. Албычева, Василія Николаевича, на которую и они съ дочерью моею ѣздили. И мы въ большомъ его садѣ не только гуляли, но даже и обѣдали подъ тѣнью густыхъ скрытыхъ аллей, въ оном находящихся, и были во весь день очень веселы.

Сколько хороша и пріятна была намъ вторая половина мѣсяца мая, столь дурна и непріятна была первая половина іюня. Холоды, вѣтры и перепадающіе то-и-дѣло дожди и ненастьицы дѣлали ее совсѣмъ почти неспособною къ гуляньямъ, и мы принуждены были большую часть времени заниматься уже кое-чѣмъ, сидючи въ комнатахъ; но, съ другой стороны, намъ очень не скучно было, по случаю еще умножившихся разныхъ пріѣзжихъ дворянскихъ фамилій въ нашъ городъ, которыхъ набралось такое множество, что кареты у насъ по городу то-и-дѣло разъѣзжали. Всѣ онѣ съѣхались лѣчиться отчасти у нашего лѣкаря, а отчасти у меня, на нашей машинѣ, почему

былъ у насъ всякій день пріѣздъ многимъ гостямъ. И для насъ было сіе не только не скучно, но и весело, ибо всѣ къ намъ невѣдомо-какъ ласкались, и за наши угощенія ихъ и лѣченіе были весьма намъ благодарны; и потому мы и не видали какъ пролетало время.

Изъ числа сихъ пріѣзжихъ господъ, никто такъ для насъ занимателенъ и пріятенъ ни былъ, какъ одинъ Одоевскій помѣщикъ Александръ Сергѣевичъ Ждановъ. Былъ онъ человѣкъ молодой, умный, любопытный, отчасти ученый, хорошаго, тихаго и кроткаго характера, но, къ сожалѣнію, не очень здоровый. Онъ, пріѣхавши лѣчиться къ нашему лѣкарю и нанявши квартерку въ нашей слободѣ, неподалеку отъ насъ, не преминулъ весьма скоро познакомиться съ нами, а особливо съ моимъ сыномъ, и мы его такъ полюбили, что хаживалъ онъ къ намъ почти ежедневно, и нерѣдко по нѣскольку часовъ дѣлилъ съ нами время, бравъ даже соучастіе въ нашихъ литературныхъ и ученыхъ упражненіяхъ, а въ хорошее время и во всѣхъ нашихъ прогулкахъ. Словомъ, знакомство у насъ съ нимъ сдѣлалось самое короткое, и мы сотовариществомъ его весьма довольны.

Кромѣ сего, достопамятно, что въ началѣ сего мѣсяца пріѣзжалъ къ намъ въ Богородицкъ опять нашъ г. директоръ, ни для чего иного, какъ только обходить и осмотрѣть все. Почему онъ и пробылъ у насъ одни только почти сутки, и на другой же день, отобѣдавъ у меня и будучи всѣмъ доволенъ, отъ насъ опять уѣхалъ. Какъ онъ и въ сей разъ былъ ко мнѣ хорошо расположеннымъ, то воспользовался я симъ случаемъ и выпросился у него опять въ отпускъ на нѣсколько дней въ свою деревню, куда у всѣхъ у насъ давно уже на умѣ было сею весною съѣздить. Но прежде, нежели мы въ сей путь отправились, чуть-было не претерпѣли мы великаго несчастія. Въ одно утро вдругъ перетревожили и перестращали насъ люди, прибѣжавъ безъ памяти намъ сказывать, что одна изъ нашихъ людскихъ избъ на дворѣ загорѣлась. Господи! какъ смутился я, сіе услышавъ, и какою опрометью побѣжалъ смотрѣть гдѣ и что загорѣлось. Но, по особливому счастію, успѣли мы сбѣжавшимися людьми пожаръ сей захватить въ самомъ его началѣ и не допустить огню взять силу и распространиться.

Вскорѣ послѣ сего, и именно 14 числа іюня, и расположились мы отправиться

въ любезное свое Дворениново, въ которомъ мы такъ давно не были. Въ сей разъ ѣхали мы въ него не столько для нуждъ, ибо сихъ ни какихъ дальнихъ не было, сколько для увеселенія, и чтобъ въ тогдашнее лучшее время повеселиться красотами своихъ природныхъ мѣстъ; почему и согласились ѣхать туда всѣ, кромѣ одной матушки-тещи, находившейся тогда въ Ламкахъ, а сверхъ того взять съ собою туда и музыкантовъ нашихъ, съ ихъ инструментами. Всѣ пріѣзжіе, а особливо лѣчившіеся у насъ, разставались съ нами съ превеликимъ сожалѣніемъ, а изъ всѣхъ ихъ чувствительнѣе разставался съ нами помянутый г. Ждановъ, свыкшійся съ нами такъ, какъ бы съ ближними своими родными, и увѣрявшій насъ съ клятвою, что ему насъ такъ было жаль, какъ бы родныхъ.

Мы выѣхали изъ Богородицка послѣ уже обѣда и не намѣрены были въ сей день ѣхать далѣе какъ до Ламокъ, куда пріѣхали мы уже въ сумерки и нашли нашихъ тамъ благополучными. Одна только малютка внука моя отъ продолжающейся болѣзни своей часъ-отъ-часу худѣла и таяла какъ воскъ, и я, не надѣяся застать ее по возвращеніи своемъ живою, и распрашивался съ нею въ мысляхъ своихъ не инако какъ на вѣкъ. По-утру на другой день поѣхали мы отъ нихъ довольно рано, такъ что поспѣли кормить лошадей и обѣдать въ Калмыки, а ночевать на Валотю; ибо въ Тулѣ мы совсѣмъ не останавливались, а заѣхали только на минуту въ ряды, для искупленія нѣкоторыхъ намъ нужныхъ вещей.

Въ послѣдующій день встали мы довольно рано. Утро было наипрекраснѣйшее, и какъ мы не имѣли нужды спѣшить и расположились заѣхать въ Федешово и у тамошнихъ родныхъ нашихъ отобѣдать, то напились порядочно чаю и пріѣхали въ Федешово часу еще въ девятомъ. Тутъ нашли мы не только хозяевъ дома, но и пріѣзжихъ изъ Москвы, отъ которыхъ наслышались много о московскихъ происшествіяхъ, и вмѣстѣ съ ними порадовались, что Мартинистамъ заглянули подъ хвостъ, и пагубный ихъ замыслъ въ началѣ разрушили. Отобѣдавъ и посидѣвъ у нихъ, продолжали мы свой путь, и хотя уже вечеркомъ, но пріѣхали въ свое Дворениново благополучно.

Пребываніе наше въ сей разъ въ деревнѣ продлилось цѣлыхъ 9 дней, которые всѣ провели мы въ разныхъ трудахъ и гуляньяхъ по садамъ и рощамъ, и всякій день заняты были столь многими дѣлами, что и не видали какъ пролетѣли оные. Во всѣ ясные и хорошіе дни не выходили мы почти изъ садовъ, въ которыхъ тогда впервыя еще раздавались звуки нашей маленькой духовой музыки, и одинъ разъ даже и обѣдали въ саду, въ крытой своей къ воротамъ дорогѣ. По вечерамъ же имѣли мы съ дѣтьми наипріятнѣйшія прогулки по всѣмъ мѣстамъ нашей усадьбы. Ѣздили также однажды и въ Шахово и ловили тамъ рыбу, а въ Двориниовѣ вычистили въ сей разъ и запрудили нагорную нашу сажелку; а во время перепадавшихъ дождливыхъ дней, прибирали переправленныя свои хоромцы, обивали ихъ обоями и украшали картинами, переносимыми изъ хоромъ старыхъ и дѣлали ихъ къ житью отъ-часу удобнѣйшими. Не преминули мы также и въ ближнемъ саду своемъ произвесть кое-какія поправленія и дѣлишки, образовали большую круглую еловую поляну; сдѣлали на ней для сидѣнія большую, полукаменную сидѣлку; прокладывали и прочищали коегдѣ новыя дорожки; положили основаніе небольшому, уединенному храмику, подлѣ проулка, и прочее, и прочее.

Между сими разными производствами садовыхъ дѣлъ, случилось въ третій день нашего пріѣзда нѣчто особливое. Однажды, сидючи подъ группою прекрасныхъ нашихъ березъ, подлѣ основаннаго храма уединенія, разговорились мы съ сыномъ моимъ о красотѣ предметовъ, окружающихъ сіе мѣсто, и о тѣхъ украшеніяхъ, которыми вознамѣревались мы украсить сей ревиръ. Говоря о разныхъ монументахъ, назначиваемыхъ въ оное, вдругъ сказалъ мнѣ онъ: «а здѣсь, батюшка, подъ сими великолѣпными и пыш-

ными березами, и посреди самыхъ оныхъ надобно современемъ сдѣлать настоящій монументъ, и хорошо бы его посвятить основателю сего сада». Мысль сія была для меня такъ поразительна, что слезы удовольствія навернулись на глазахъ у меня. Я легко могъ выразумѣть, что слова сіи значили, и догадаться, что онъ намѣренъ былъ, по смерти моей, въ семъ мѣстѣ сдѣлать мнѣ памятникъ. Я одобрилъ душевно сію мысль и возжелалъ, чтобъ оный и не совсѣмъ былъ пустой, но чтобъ положено были въ него или подъ нимъ и дѣйствительно что-нибудь оставшееся послѣ существованія моего. И на случай, если сіе современемъ исполнится, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего зарылъ дѣйствительно подъ березами сими, въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубоко, клочки моихъ волосъ и нѣсколько выпавшихъ зубовъ. Такимъ же образомъ, бывши въ самый сей день въ нашей церкви, выбралъ и назначилъ я самъ то мѣсто, гдѣ хотѣлось бы мнѣ быть по смерти погребенну.

Во все время тогдашняго нашего пребыванія въ деревнѣ, ни въ который день мы такъ ни веселились, какъ въ пятый, случившійся тогда 21 іюня. Оный былъ 7,777 день отъ рожденія моего сына. Въ оный, послѣ обѣда, пили мы чай въ саду на новой своей полукаменной сидѣлкѣ, которую мы самымъ тѣмъ и обновили. Между тѣмъ, подъ группою березъ, гдѣ нѣкогда будетъ, можетъ быть, мой монументъ, играли музыканты наши на флейтраверсахъ дуэты, и птички пѣніемъ своимъ акомпанировали онымъ. Потомъ ходили мы всѣ гулять въ нашъ нижній садъ, при играніи всей нашей духовой музыки, а вечеръ сего дня проведенъ нами очень весело. Смѣхи, игры, пріятные разговоры и истинное душевное удовольствіе господствовало въ сердцахъ всѣхъ, и мы были прямо счастливы.

На другой день послѣ сего, привезли къ намъ изъ Богородицка кой-какія вещи, для украшенія нашего сада приготовленныя, и вмѣстѣ съ ними газеты и журналы, политическій и московскій, также же книгу, присланную ко мнѣ вновь изъ Экономическаго Общества, съ письмомъ г. Нартова, содержаніе котораго было слѣдующее:

. . . . . .

«...Что-жъ касается до изъясненныхъ вами причинъ, удерживающихъ отъ описанія намѣстничествъ по обнародованной задачѣ, то я съ симъ согласенъ; почему и, кажется, полезнѣе бы было и легче дѣлать частныя описанія округ, или городовъ, о коихъ можно имѣть способнѣе свѣдѣніе, нежели о всемъ пространномъ намѣстничествѣ. Я сіе мнѣніе собранію предлагалъ, и думаю, что по оному выдетъ новая перемѣна...»

. . . . . .

Письмо сіе хотя было мнѣ не противно, но не произвело дальнаго удовольствія, но напротивъ того возобновленнымъ бомбандированіемъ меня о присылкѣ вещей въ минеральный кабинетъ возбуждена была паки досада моя на сіи крайне отяготительныя для меня, а совсѣмъ пустыя требованія, почему и не спѣшилъ я отвѣтствованіемъ на оное, и отлагалъ то съ одной почты до другой.

Между тѣмъ имѣли мы время разсмотрѣть и прочесть присланную ко мнѣ книгу и нашли въ ней много хорошаго, но много и пустаго. Наилучшая и полезнѣйшая статья была о новооткрытой аглинскимъ садовникомъ г. Форзитомъ древесной садовой и самой дешевой мази, которая намъ съ сыномъ такъ полюбилась, что мы тотчасъ положили ее составить и испытать надъ нашими скорбными деревьями, и она дѣйствительно оказалась послѣ весьма полезною и столь для садовъ нужною, что мы ее и понынѣ еще употребляемъ. Что касается до моего, въ сей части напечатаннаго сочиненія, то было оно о новомъ средствѣ, поспѣшествующемъ лучшему урожаю спаржи. Впрочемъ, и въ сей части, на концѣ, помѣщена была большая статья о всѣхъ происшествіяхъ въ Обществѣ, бывшихъ въ 1790 и 791 году, и которая была очень любопытна и достойна чтенія.

Чрезъ день послѣ сего заѣжжалъ къ

намъ ѣдущій изъ степной своей деревни родственникъ нашъ Иванъ Аѳанасьевичъ Арцыбышевъ и опечалилъ всѣхъ насъ привезеннымъ извѣстіемъ о кончинѣ малютки внуки моей Александры Петровны. Бѣдняжка не могла никакъ перенесть болѣзни, которою давно она страдала. Была она милый и любезный ребенокъ, и намъ всѣмъ очень было жаль ее. Что касается до ея бабушки, а моей жены, отмѣнно ее любившей, то она извѣстіемъ симъ чрезвычайно огорчилась, и съ самой той минуты начала поспѣшать нашимъ отъѣздомъ, хотя и безъ того хотѣли мы уже скоро назадъ ѣхать. Итакъ, пробыли мы въ деревнѣ одинъ только день послѣ сего, и хотя мирную и спокойную деревенскую жизнь успѣли такъ полюбить, что не хотѣлось намъ съ нею и разстаться, но принуждены были, противъ хотѣнія, собираться, и въ десятый день пребыванія нашего въ обратный путь и отправились. Мы выѣхали изъ двора, напившись только чаю, и для поспѣшности не стали заѣжжать уже въ Ѳедешово, а проѣхали прямо большою дорогою до Сулемы, гдѣ покормивъ лошадей и пообѣдавъ, пустились далѣе. Тутъ на дорогѣ застигла насъ престрашная громовая туча, отъ которой на-силу уплелись мы въ Погромное, и въ ней болѣе часа отсиживались; почему и въ Тулу пріѣхали уже поздно и остановились ночевать у Пастухова. Переночевавъ въ Тулѣ и погулявъ по-утру у Пастухова въ саду и напившись чаю, пустились мы далѣе въ-свои, съ безпокойными мыслями о томъ, что господа тульскіе собирались опять ѣхать къ намъ на ярмонку. Сіе и знали мы отъ хозяина нашего Пастухова, и вѣсти сіи были намъ непріятны. Что касается до ѣзды нашей, то продолжалась она своимъ чередомъ, и мы, покормивъ въ Дѣдиловѣ лошадей, доѣхали еще рано до Ламокъ. Тутъ нашли мы всѣхъ погруженныхъ въ печали и горюющихъ о потерянiи милой и любезной нашей Алексаши, которую намъ всѣмъ такъ было жаль, что я самъ не могъ воздержаться, чтобъ нѣсколько разъ не обтирать кулакомъ навертывающіяся слезы, всякій разъ какъ ни приходила она мнѣ на память. Что касается до хозяина, то нашли мы его занимающагося пріуготовленіями къ празднованію на Петровъ день своихъ имянинъ. И какъ мы пріѣхали только за день до онаго, то не разсудили уже ѣхать въ Богородицкъ, а остались тутъ дожидаться онаго.

Праздникъ сей у зятя моего, отмѣннаго охотника строить у себя пиры, былъ и въ сей годъ многолюдный, и гостей съѣхалось много. Но было всѣмъ не слишкомъ весело. Гости, на большую часть, засѣли послѣ обѣда играть въ карты, а мы, прочіе, валандались безъ дѣла и читали даже отъ скуки книги. Къ тому же, и сама хозяйка отъ грусти и печали была весьма нездорова, и мы боялись, чтобъ она не слегла даже въ постелю. Со всѣмъ тѣмъ мы у нихъ тутъ ночевали, и не прежде въ Богородицкъ возвратились, какъ въ послѣдній день іюня мѣсяца.

Симъ образомъ кончилось наше путешествіе, а съ нимъ окончу я и сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и прочая.

(Ноября 12 дня 1812 года. Дворенинново).

Письмо 279.

Любезный пріятель! Во все теченіе мѣсяца іюля не произошло у насъ почти ничего важнаго, и въ особливости достойнаго замѣчанія. Мы продолжали жить по-прежнему — заниматься множествомъ разныхъ дѣлъ и безпрерывнымъ почти лѣченіемъ на машинѣ моей больныхъ, не только простолюдиновъ, приходящихъ и пріѣзжающихъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ толпами, но и самыхъ благородныхъ, какъ тутъ пользующихся отъ лѣкаря обыкновенными лѣкарствами, такъ и нарочно за тѣмъ только къ намъ въ Богородицкъ и пріѣзжающихъ, чтобъ полѣчиться у меня на машинѣ. Толико-то славна она сдѣлалась удачными своими дѣйствіями! Словомъ, никогда не было у насъ такого большого съѣзда лѣчащихся дворянскихъ фамилій, какъ въ сіе время, и мы всякій день посѣщаемы отъ нихъ были.

Легко заключить, что чрезъ самое сіе имѣли мы случай свести и основать многія новыя знакомствы съ людьми, до того намъ незнакомыми, показывать имъ разныя услуги и одолженія, и тѣмъ самымъ пріобрѣтать себѣ отъ нихъ и дружбу, и благодарность. И какъ лѣченіе мое всѣмъ вообще не стоило ни полушки, и я за труды мои награждаемъ былъ единымъ чистымъ и душевнымъ удовольствіемъ, что многимъ изъ нихъ удавалось мнѣ дѣйствительно и лучше всѣхъ иныхъ лѣкарствъ помогать, то и не опасался я ни мало нажить отъ сего какое-нибудь нареканіе; но съ сей стороны былъ совершенно спокоенъ.

Впрочемъ, пребываніе у насъ въ городѣ толь многочисленнаго дворянства и частые къ намъ пріѣзды подавали натурально поводы и къ частымъ съѣздамъ и гуляньямъ по садамъ нашимъ, а особливо въ вечернее время. Что касается до дневнаго, то по бывшимъ во все почти теченіе сего мѣсяца страшнымъ и несноснымъ почти жарамъ было оно къ гуляньямъ совсѣмъ неспособно. Одинъ только помянутый г. Ждановъ, котораго, и по возвращеніи своемъ изъ деревни, нашли мы все еще живущаго въ Богородицкѣ, по особливой его къ намъ ласкѣ и благопріятству, посѣщалъ насъ ежедневно и, много разъ у насъ обѣдая, бралъ соучастіе и въ дневныхъ нашихъ садовыхъ препровожденіяхъ времени, и съ нимъ не однажды купывались мы въ нашей прекрасной ваннѣ, или, забравшись въ какое-нибудь тѣнистое въ саду моемъ мѣстечко, на дерновыхъ канапе послѣ обѣда отдыхали, или читали вмѣстѣ книги, или провождали время въ пріятныхъ дружескихъ и любопытныхъ разговорахъ.

Теперь надобно сказать, что толь частое сего молодаго и достойнаго человѣка къ намъ хожденіе нечувствительно подало поводъ нѣкоторымъ изъ нашихъ городскихъ къ заключеніямъ — не имѣетъли онъ какихъ видовъ на дочерей моихъ, а особливо на старшую изъ нихъ, Настасью. А признаться надобно, что и у самихъ насъ бродили не одинъ разъ о томъ такія же мысли. Обстоятельство, что хотя онъ во все сіе время и продолжалъ лѣчиться у нашего лѣкаря, но болѣзнь его была совсѣмъ не слѣглая и почти непримѣтная, и даже такая, что не стоило-бъ ему для оной такъ долго жить у насъ въ Богородицкѣ,—подавало намъ и самимъ поводъ къ заключеніямъ, что не сопряжено-ли его пребываніе у насъ и толь частое къ намъ хожденіе и оказываемое всему моему семейству особое почтеніе и ласки съ какими-нибудь иными намѣреніями. Но какъ во всемъ его поведеніи не замѣчали мы ни малѣйшаго худаго, сумнительнаго и подозрительнаго, и онъ всѣмъ своимъ нравственнымъ характеромъ всѣмъ намъ отъчасу болѣе нравился, а по состоянію достатка своего могъ быть и добрымъ женихомъ для моей Настасьи,—то и не опасались мы отъ него ничего, а принимали его у себя всегда съ удовольствіемъ и съ каждымъ почти днемъ ожидали, не начнетъ-ли онъ чрезъ кого-нибудь сватовства, или самъ предлагать себя намъ въ семьянина.

Впрочемъ, бывшая у насъ 8 числа ярмонка была и въ сей годъ довольно достопамятна не только пріѣздомъ къ самимъ намъ великаго и такого множества гостей, что мы едва могли ихъ помѣстить въ своемъ домѣ, но пріѣздомъ и господъ тульскихъ, квартировавшихъ опять во дворцѣ нашемъ. Ихъ наѣхало въ сей разъ еще больше прошлогодняго. Главнымъ изъ нихъ былъ опять нашъ вицъ-губернаторъ Вельяминовъ, а угощалъ ихъ всѣхъ опять на своемъ коштѣ откупщикъ нашъ Иванъ Васильевичъ Хомяковъ. Мы, собравшись всѣ, ожидали-было пріѣзда ихъ еще къ обѣду въ навечеріи праздника или въ самый ярмоночный день. Но все наше ожиданіе было тщетное. Обѣдъ прошолъ, а ихъ не было; сталъ приближаться вечеръ, но объ нихъ не было еще и слуху. Привезли фейерверкъ, привезли и музыкантовъ казенныхъ изъ Тулы, но о самихъ ихъ ни

кто не зналъ. Наконецъ, пріѣхалъ уже и Юницкой, а ихъ все еще не было. Къ Юницкому тотчасъ пришелъ Хомяковъ и поднялась у нихъ превеликая брань и счеты. Юницкому досаденъ былъ сей праздникъ. Ему жаль было денегъ и расходовъ, которые ставились на счеты; Хомяковъ неуступчивъ, слово за слово, и чуть-было не до ссоры; однако, помирились. Наконецъ, пріѣхали и тульскіе, а мы, между тѣмъ, успѣли уже отслушать праздничную всенощную, гдѣ превеликое было собраніе дворянъ и госпожъ. Съ вицъ-губернаторомъ пріѣхали въ сей разъ братъ его Степанъ, оба брата Игнатьевы, Михайла Васильевичъ Хомяковъ, еще нѣкто Головинъ, Ченцовъ и многіе другіе, а наконецъ, богачъ Александръ Ѳедоровичъ Хомяковъ, для котораго они наиболѣе и пріѣжжали, ибо имъ хотѣлось его обыграть. Словомъ, гостей было довольно, и знаменитѣйшіе изъ нихъ ходили въ садъ гулять, хотя было уже темно. Наконецъ, сожженъ былъ для ярмонки фейерверкъ, а во дворцѣ большой и многолюдный ужинъ, и я уже поздно возвратился къ своимъ домашнимъ. Наконецъ, насталъ и самый день праздника. Оный препроводили мы и въ сей годъ довольно весело, однако, и не безъ скуки, по причинѣ недостатка вожделѣнной вольности и связанности рукъ, по случаю пріѣзда господъ тульскихъ. Все утро провели мы во дворцѣ въ поздравленіяхъ и поклонахъ. Полученіе въ самое сіе утро извѣстія, что намѣстнику нашему, за успѣхи его при занятіи войсками нашими Польши, данъ орденъ Андреевскій — подавало къ тому еще болѣе повода. Потомъ были мы всѣ у обѣдни, а изъ церкви пошли всѣ во дворецъ, и тамъ обѣдали съ приглашенными туда же господами. Столъ былъ огромный, и угощеніе доброе. Сидѣло за столомъ до 40 человѣкъ, а многимъ не достало и мѣста. Музыка гремѣла, а послѣ обѣда танцы, но скоро разошлись, и у господъ началась игра. Передъ вечеромъ же съѣхались опять всѣ, а между тѣмъ, множество гостей съѣхалось ко мнѣ, и молодежь завела танцы. По съѣздѣ во дворецъ, возобновились тамъ всѣ роды увеселеній: были танцы, игра въ карты, пѣніе и пляски родовъ разныхъ; а какъ смерклось, то сожженъ былъ еще фейерверкъ, и весь дворецъ иллюминованъ. Все же кончено напослѣдокъ ужиномъ, который былъ очень поздній, такъ что мы домой возвратились послѣ полуночи, уставши на смерть отъ танцевъ и принужденности. Что-жъ касается до господъ игроковъ, то сіи не переставали играть ни на минуту, не только во весь день, но и во всю ночь на пролётъ, такъ что они вовсе и спать не ложились, и сіе удивило всѣхъ, а особливо въ разсужденіи старичка-богача Александра Ѳедоровича Хомякова, котораго истинно бить было некому. Четверо молодцовъ сваталось вокругъ его и старались обыграть, но все какъ-то не удавалось. Игра все шла, какъ медъ тянется. Сколько ни надрывались, но не могли ничего сдѣлать, изъ подгулявшихъ былъ одинъ только лишь князь, и сей былъ, какъ зюзя, ажно гадко!

По наступленіи слѣдующаго за симъ дня, хотѣлъ-было вицъ-губернаторъ ѣхать рано; но игра, неоконченная еще, задержала и протянула долго, и не кончилась бы и еще долго, еслибъ не надлежало было ѣхать. Итакъ, распрощались, поѣхали всѣ къ князю на завтракъ, а мы, проводивъ гостей, ради-ради были, что прошла вся сія тревога. Отъ бывшаго безпокойства отдыхали мы цѣлый день раздѣвшись и отдохнуть не могли. У насъ во весь день былъ г. Ждановъ, а ввечеру — тульскій капельмейстеръ, г. Сокольниковъ и фейерверчной мастеръ. Итакъ, симъ кончился нашъ праздникъ, который доставилъ намъ не столько удовольствія, сколько хлопотъ и безпокойства.

Чрезъ день послѣ сего, былъ у насъ собственный свой праздничекъ, доставившій намъ несравненно болѣе удовольствія. Въ оный была средняя дочь моя Ольга имяниницею. Побывавъ по-утру у обѣдни, по случаю воскреснаго дня, и пообѣ-

давъ кое-съ-кѣмъ у насъ бывшими, уклонились мы послѣ обѣда отъ превеликаго и до 30 градусовъ простиравшагося жара въ свой нижній садъ, и тамъ, сидючи и лежучи въ тѣни при водахъ, читали книги, а потомъ купались въ ваннѣ. Передъ вечеромъ-же былъ у меня знакомецъ мой, епифанскій помѣщикъ г. Григоровъ, Николай Сергѣевичъ, съ двоюроднымъ братомъ своимъ г. Бородинымъ, человѣкомъ молодымъ, хотѣвшимъ видѣть мои сады и перенять изъ нихъ что-нибудь для себя. Такъ, по крайней мѣрѣ, они тогда говорили, а въ самомъ дѣлѣ было у нихъ совсѣмъ другое на умѣ, и г. Бородину хотѣлось видѣть дочерей моихъ. Итакъ, случилось, что тогдашняя имянинница моя ему въ особливости понравилась, и онъ замышлялъ уже за нее свататься. Но намъ, тогда видѣвшимъ его еще въ первый разъ, всего того и на умъ не приходило, а я водилъ ихъ по садамъ безъ всякаго размышленія; а боярыни, съ барышнями, ѣздили между тѣмъ гулять въ магазинную рощу. А послѣ ужина сожгли мы для имянинъ Ольгиныхъ у самихъ себя небольшой фейерверчекъ, состоявшій въ нѣсколькихъ колесахъ, и бездѣлкою сею навеселились болѣе, нежели большимъ, ибо все было у насъ весело, все пріятно, все хорошо и все ладно. Словомъ, вечеръ былъ очень хорошій и пріятный.

Чрезъ два дни послѣ сего, проводилъ я сына моего, поѣхавшаго отъ насъ на нѣсколько дней въ наше Дворенниново. Причина ѣзды сей была экономическая: еще въ послѣднюю нашу тамъ бытность горевали мы съ сыномъ своимъ о томъ, что во всѣхъ садахъ нашихъ было очень мало плодовитыхъ деревъ породъ хорошихъ, а все были очень посредственныя и старинной разводки, и совѣтуя о томъ, какъ бы сему злу пособить и снабдить оные всѣми лучшими породами плодовъ, какіе тогда наиболѣе славились и были намъ извѣстны, — положили, чтобъ ему, по наступленіи времени къ листочнымъ прививкамъ, пріѣхать самому, привезть съ собою листочковъ всѣхъ лучшихъ и славнѣйшихъ породъ и развить ими всѣ находящіяся въ садахъ моихъ молодыя и къ тому способныя яблонки. А какъ около самаго сего времени и прививались вездѣ прививки, то и предложилъ я ему сіе нужное дѣльце. Ему хотя и не слишкомъ уже-было хотѣлось предпріять сіе путешествіе, однако, зная самъ надобность замышляемаго дѣла, согласился принять на себя сей трудъ. Итакъ, снабдивъ его листками хорошихъ породъ яблоней и поручивъ постараться достать чрезъ Пастухова и въ Тулѣ наилучшія и славнѣйшія породы, отправилъ я его, придавъ ему человѣка три, умѣющихъ прививать, на воспоможеніе. И онъ и выполнилъ коммиссію сію какъ нельзя лучше, и прожившіи въ деревнѣ болѣе недѣли, превратилъ множество молодыхъ яблоней изъ дурныхъ въ хорошія, и положилъ чрезъ то основаніе всѣмъ лучшимъ породамъ, находящимся нынѣ въ садахъ моихъ, и всѣ онѣ съ самого сего времени и начали поправляться и приходить въ лучшее съ сей стороны состояніе. Онъ пробылъ въ семъ отсутствіи отъ меня почти съ двѣ недѣли, которое время занимался я уже одинъ въ Богородицкѣ разными своими занятіями, а особливо лѣченіями больныхъ на своей машинѣ, и пользовался только пріятнымъ сотовариществомъ г. Жданова, съ которымъ многія минуты провели мы съ особливымъ удовольствіемъ. А между тѣмъ не было недостатка и въ гостяхъ. Множество и сихъ пріѣзжало къ намъ въ сей періодъ времени, и я едва успѣвалъ ихъ у себя угащивать. Въ сихъ происшествіяхъ прошелъ нечувствительно весь іюль мѣсяцъ, а предъ самымъ концемъ онаго перетревожены мы были извѣстіемъ, что ѣдетъ къ намъ нашъ тогдашній тульскій губернаторъ и скоро будетъ. Но мы со всѣми городскими цѣлыхъ два дни его, одѣвшись и убравшись, дожидались, и въ-прахъ тѣмъ измучились, а дождаться не могли. Онъ изволилъ проѣхать въ Епифань и насъ промучилъ понапрасну.

Въ теченіи мѣсяца августа важныхъ

происшествій было еще того меньше, и онъ весь прошелъ безъ всякихъ особливостей. Мы продолжали жить по-прежнему, занимались своими дѣлами, разъѣзжали кое-куда въ гости, а болѣе того сами ихъ у себя угащивали. Въ пріѣзжаніи ихъ къ намъ не было и въ сей мѣсяцъ недостатка. Но не одинъ разъ доходило до того, что я инымъ уже и не радъ былъ, потому что они отнимали у меня время и мѣшали заниматься своими дѣлами. Великая разница имѣть дѣло съ такимъ гостемъ, съ которымъ можно заняться о чемъ-нибудь интересными и пріятными разговорами, и съ такимъ, съ которымъ говорить совсѣмъ нечего, и который сидѣніемъ своимъ только отягощаетъ хозяина и нагоняетъ на него скуку.

Кромѣ обыкновенныхъ и нестоющихъ упоминанія происшествій, было нѣкоторою особливостію то, что я въ самое то время, когда собирался я писать въ Петербургъ отвѣтъ на послѣднее письмо ко мнѣ отъ г. Нартова, вдругъ удивленъ былъ полученіемъ еще письма изъ Экономическаго Общества. Случилось сіе 22 августа, и въ самое то время, когда замышляли мы съ Павломъ отправиться въ путь въ отдаленную свою тамбовскую деревню. Съ превеликимъ любопытствомъ распечатывалъ я оное, желая узнать, о чемъ бы такомъ оно было, и нашелъ, что оно все наполнено было возлагаемыми на меня коммиссіями и заданными лично мнѣ разными вопросами. Какъ все сіе было первое и необыкновенное дѣло, то удивился я тому не мало и не зналъ, что бъ побудило Экономическое Общество задавать мнѣ такія задачи, и другого не находилъ, что произошло сіе единственно для побужденія меня писать, и поелику имъ нужны были всѣ мои сочиненія, о чемъ бы они ни были, но для меня были они не всѣ равны.

. . . . . .

По отправленіи сего письма, стали мы съ сыномъ помышлять о затѣваемой нами ѣздѣ въ степную нашу тамбовскую деревню. И какъ къ сему потребно было выпросить дозволеніе у моего командира, то хотѣлъ-было я съѣздить самъ для сего въ Тулу. Но какъ отъ пріѣ*жж*ихъ изъ Тулы услышалъ, что директоръ нашъ собирался около сего времени ѣхать въ свою деревню, а съ другой стороны—получено было извѣстіе, что къ намъ скоро будетъ нашъ губернаторъ, то рѣшился проситься въ сей отпускъ у командира моего письменно, и отправилъ сіе письмо въ Тулу съ своимъ сыномъ, которому хотѣлось въ сіе время побывать въ Тулѣ, сколько для своихъ надобностей, столько для выполненія давнишняго своего желанія срисовать съ нѣкоторыхъ улицъ тульскихъ проспективическихъ видовъ; къ чему побуждало его наиболѣе то, что знакомецъ нашъ Пастуховъ имѣлъ у себя сына, искуснаго въ гравировкѣ, и который брался вырѣзать рисунки сіи на мѣди и послѣ отпечатать. И какъ сыну моему въ сію его бытность въ Тулѣ дѣйствительно удалось, удосужившись, снять видъ съ крѣпости и торговой площади съ стороны отъ завода, то сіе впослѣдствіи времени онъ и выполнилъ и имѣющійся у насъ и понынѣ эстампъ или печатный рисунокъ его работы служитъ тому памятникомъ. Изъ сего путешествія возвратился онъ ко мнѣ уже 30 числа августа и, противъ всякаго чаянія, привезъ ко мнѣ и дозволеніе на отлучку.

Что касается до насъ, то мы въ самое сіе время и уже нѣсколько опять дней сряду дожидались къ себѣ пріѣзда губернаторскаго и на-силу-на-силу, наконецъ, въ сей день его дождались передъ вечеромъ. Былъ тогда губернаторъ у насъ генералъ-маіоръ Андрей Ивановичъ Лопухинъ, человѣкъ средственныхъ достоинствъ и дарованій, и потому и не слишкомъ всѣми былъ и уважаемъ. Онъ пріѣхалъ тогда къ намъ, вмѣстѣ съ своею женою, боярынею взрачною и красивою, и съ предсѣдателемъ гражданской палаты, Петромъ Ивановичемъ Свѣчинымъ и его женою и двумя барышнями. Всѣ мы ввечеру ходили въ садъ и много веселились, и я у губернатора во дворцѣ ужиналъ и заговорилъ ихъ всѣхъ въ-пухъ. Губернаторъ пробылъ у насъ не долѣе какъ до

обѣда въ послѣдующій день, и по-утру, обходивъ всѣ суды и расправу, былъ вмѣстѣ со мною въ нашей церкви у обѣдни, а губернаторша между тѣмъ удила въ сажелкахъ нашихъ рыбу. Какъ между прочимъ разговорились мы о электрицизмѣ, и губернатору съ Свѣчинымъ отмѣнно восхотѣлось видѣть мою машину, то пригласилъ я ихъ къ себѣ въ домъ и показывалъ имъ оную, и они восхотѣли сами на ней поэлектризоваться. Потомъ возвратились мы во дворецъ и обѣдали всѣ вмѣстѣ, и послѣ обѣда губернаторъ тотчасъ отъ насъ и поѣхалъ, отзываясь обо мнѣ весьма довольнымъ. Но я болѣе доволенъ былъ тѣмъ, что мнѣ удалось при семъ случаѣ г. Свѣчина преклонить себѣ въ дружбу, и изъ врага сдѣлать себѣ пріятеля; ибо до сего времени онъ мнѣ, самъ истинно не зная за-что, какъ-то все неблагопріятствовалъ, а съ сего времени по самую свою смерть былъ онъ ко мнѣ всегда благорасположеннымъ.

Все сіе случилось въ самый послѣдній день августа мѣсяца, который, кромѣ сего, былъ достопамятенъ тѣмъ, что я, при случаѣ сниманія съ садовъ своихъ послѣднихъ яблокъ, вздумалъ всѣмъ имѣющимся у меня породамъ яблокъ дѣлать описанія и всѣ оныя срисовывать красками съ натуры и учинилъ даже тому начало описаніемъ грушовки. И сіе послужило основаніемъ тѣмъ многимъ яблочнымъ книгамъ, которыя и понынѣ у меня въ библіотекѣ хранятся.

И какъ симъ кончился тогда нашъ августъ мѣсяцъ, то дозвольте мнѣ симъ и сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 14 дня 1812 года, въ Двореніновѣ).

ѢЗДА ВЪ ТАМБОВЪ.

Письмо 280.

Любезный пріятель! Мѣсяцъ сентябрь сего года достопамятенъ ѣздою моею въ тамбовскую, или паче въ кирсановскую мою деревню. И какъ путешествіе сіе продлилось во все теченіе онаго, то и займу я все сіе письмо описаніемъ онаго. Въ деревню сію съѣздить уже нѣсколько лѣтъ сряду я собирался; но разныя препятствующія обстоятельства не допускали меня до того, даже до сего времени. Присутствіе мое въ оной было весьма нужно. Я былъ въ ней хотя за четыре года передъ симъ, но былъ зимою, на нѣсколько только дней, и при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ мысли мои заняты были однимъ межеваньемъ, толь многіе годы продолжавшимся, и по безчисленнымъ хлопотамъ и безпокойствамъ тогда къ окончанію приводимымъ. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ не можно было не только что-нибудь видѣть, или сдѣлать нужныя съ отмежеванною мнѣ землею распоряженія, но я и самую ее не инако видѣлъ, какъ покрытую глубокимъ снѣгомъ, и бродя по обширнымъ пространствамъ, утопая по колѣно въ ономъ. Въ лѣтнее же время въ деревнѣ сей не былъ я уже около 15-ти лѣтъ. Все сіе давно уже побудило меня въ ней побывать, и тѣмъ паче, что человѣкъ, которому у меня приказана была сія деревня, былъ весьма безтолковый, нерачительный, балмочный и неспособный къ выполненію моихъ заочныхъ распоряженій, а особливо относительно до полученной вновь земли, составляющей наилучшее сей деревни сокровище. Итакъ, желая наконецъ какъ-нибудь отъ мѣста своего и отъ должности хотя на мѣсяцъ оторваться и, побывавъ въ сей деревнѣ въ лѣтнее время, сдѣлать какъ съ помянутою землею, такъ и во всемъ прочемъ нужныя распоряженія, — употребилъ я все возможное къ тому, чтобъ меня въ сей годъ туда отпустили. И получивъ увольненіе на 29 дней, рѣшился я предпріять въ шестой разъ путешествіе въ сію отдаленную и лучшую мою деревню.

Въ сей разъ отправился я въ сей путь не одинъ, а такимъ же образомъ имѣя сотоварища, какъ то при первомъ и второмъ путешествіи было; но сотоварища несравненно лучшаго и для меня пріятнѣйшаго, нежели какъ всѣ тогдашніе были. Въ первый разъ предпринималъ я

путешествіе сіе въ сотовариществѣ съ покойнымъ дядею, старичкомъ добрымъ, умнымъ, до излишества скупымъ и любящимъ очень говорить, но говорить такъ, чтобъ одного его слова слушали и ему въ томъ не мѣшали, и который разговорами своими чаще мнѣ надоѣдалъ, нежели производилъ удовольствіе, хотя, впрочемъ, я любилъ и почиталъ сего старичка искренно. При второмъ путешествіи ѣздилъ со мною сынъ его, а мой двоюродный братъ, который незадолго до сего переселился также уже въ вѣчность. Сей сотоварищъ только что со мною ѣздилъ, а впрочемъ не имѣлъ я отъ него ни какой отрады въ скукѣ и утѣшенія. Былъ человѣкъ добренькій, но съ которымъ трудно было дѣлить время. Онъ не такъ былъ отъ натуры устроенъ и не такія имѣлъ свойства и дарованія, чтобъ можно было съ нимъ о чемъ-нибудь благоразумномъ поговорить, что-нибудь вмѣстѣ почитать, или чѣмъ-нибудь мысленно и душевно повеселиться. Кромѣ нѣсколькихъ пустыхъ шутокъ, принуждающихъ иногда меня противъ хотѣнія усмѣхаться, не пользовался я отъ него ничѣмъ инымъ во все время путешествія нашего въ сію деревню и самого жительства въ оной; слѣдовательно, и онъ сотоварищъ мнѣ былъ не очень хорошій; а я болѣе утѣшенія имѣлъ, ѣздивши послѣ того три раза одинъ, и въ сотовариществѣ только съ книгами, помогавшими мнѣ прогонять скучное дорожное время. Но въ сей разъ отправлялся я въ путь сей съ такимъ человѣкомъ, котораго сотоварищество было мнѣ напріятнѣе всѣхъ прочихъ. Особливое единомысліе, единочувствованіе и единодушіе, господствовавшее между нами, производило то, что мнѣ съ нимъ не только никогда не было скучно, но, напротивъ того, всегда было весело. Всѣ наши дѣла, всѣ почти мысли и чувствованія имѣли толь великое сходство между собою, что нерѣдко сами мы тому удивлялись. Къ сему, кромѣ ближайшаго родства, присовокуплялась и привычка жить вмѣстѣ и раздѣлять между собою не только свое время, но и всѣ почти упражненія. Къ чему одинъ изъ насъ былъ охотникъ, къ тому-жъ былъ и другой; въ чемъ одинъ любилъ упражняться, въ томъ и другой не меньше находилъ удовольствія; что одного увеселяло, тѣмъ же утѣшался и другой. Словомъ, между обоими нами было великое и рѣдкое сходствіе; но что и не удивительно, потому, что былъ онъ сынъ—мой, сынъ, воспитанный самимъ мною и по всѣмъ обстоятельствамъ составляющій для меня наивеличайшее сокровище въ свѣтѣ и производящій знатнѣйшую часть моего благополучія въ сей жизни.

Съ таковымъ-то товарищемъ и природнымъ своимъ другомъ и собесѣдникомъ отправлялся я въ сей отдаленный путь. Я бралъ его съ собою сколько для компаніи, а болѣе для того, что онъ никогда еще въ сей деревнѣ не былъ и ее не зналъ, и что ему, какъ будущему ея господину, давно уже пора было имѣть объ ней точное понятіе. Мнѣ хотѣлось не только ее ему показать, но и всѣ новыя распоряженія въ оной вмѣстѣ съ нимъ и съ общаго согласія и совѣта сдѣлать, дабы онъ тѣмъ свободнѣе могъ впредь продолжать начатое.

Чтобъ спокойнѣе намъ было ѣхать и обыкновенныя суровости погоды намъ менѣе надоѣдали, а особливо слабому здоровью моего сотоварища менѣе были вредительны, то избрали мы для путешествія сего одну изъ нашихъ каретъ и устроили ее такъ, чтобъ намъ не только въ ней сидѣть, лежать и спать было можно, но чтобъ и солнце, и вѣтеръ насъ колико меньше безпокоили. А чтобъ не терпѣть намъ ни въ чемъ нужды, то запаслись мы съ избыткомъ всѣми нужными дорожными провизіями; а для защищенія себя отъ суровости осеннихъ погодъ — довольнымъ количествомъ всякаго, и лѣтняго, и осенняго платья, и нагрузили всѣмъ тѣмъ превеликую кибитку, такъ что пяти лошадямъ только впору было везти оную, а шесть человѣкъ людей и девять лошадей составляли прочую нашу дорожную свиту.

Въ путь сей вознамѣрились мы отпра-

виться 3-го числа сентября, но нечаянныя обстоятельства побудили насъ отложить отъѣздъ нашъ еще на одни сутки. Сперва, вдругъ занемоги у меня мой спутникъ, и занемоги такъ, что я въ прахъ-было перепугался. Но не успѣлъ сей болѣзненный припадокъ сколько-нибудь укротиться, какъ взойди вдругъ престрашная туча, съ сильными громовыми ударами и проливнымъ дождемъ, помѣшавшимъ намъ даже все нужное въ повозки свои укладывать, и удивившая насъ необыкновенностью своею въ такое позднее уже лѣтнее время. Все сіе было намъ хотя и непріятно, однако, мы тогда сіе ни мало не уважили. Но послѣ увидѣли, что сими препятствіями, при самомъ уже началѣ, судьба власно какъ насъ останавливала отъ сей ѣзды или, по крайней мѣрѣ, предвозвѣщала намъ, что имѣть мы будемъ въ путешествіи семъ много непріятностей, препятствій и неожиданностей. Но сего было еще недовольно, а надобно было присовокупиться къ тому еще одной препонѣ. Уже было у насъ все собрано и все въ повозки укладено; уже ѣхали мы прощаться съ нашимъ городничимъ, и оставалось только пообѣдать, и потомъ запрягать лошадей и ѣхать,—какъ вдругъ сказали намъ, что пріѣхалъ въ городъ г. Жд а новъ, тотъ милый и любезный молодой человѣкъ, о которомъ упоминалъ я въ предыдущихъ моихъ письмахъ и съ которымъ мы съ перваго почти свиданья такъ сдружились, какъ бы вѣкъ жили, и его въ мысляхъ своихъ прочили въ женихи дочери моей Настасьѣ. Сей молодой человѣкъ ѣздилъ тогда на нѣсколько времени въ свою деревню и, по заключеніямъ нашимъ, наиболѣе для того, чтобъ посовѣтоваться съ родными своими о замышляемомъ имъ за дочь мою сватовствѣ. Онъ писалъ къ намъ изъ деревни, что скоро пріѣдетъ опять къ намъ лѣчиться, но мы сколь ни усердно его дожидались, но все ожиданіе наше было до сего дня тщетно.

Какъ мы его всѣ искренно любили, а по вышепомянутой причинѣ, имъ и интересовались, то извѣстіе о его пріѣздѣ въ самый тотъ день, какъ мы отъѣжжали, чрезвычайно насъ смутило. Мы жалѣли, что имѣть будемъ столь короткое время его видѣть и, поговоривъ другъ съ другомъ, рѣшились пожертвовать тѣмъ днемъ дружеству къ сему человѣку, да и надобности съ нимъ видѣться. А чтобъ чрезъ сію отсрочку потерять какъ можно меньше времени нашей ѣзды, то вздумали лошадей нашихъ въ тотъ же часъ отправить верстъ за 60 впередъ и велѣть тамъ себя дожидаться, а самимъ взять мужичьихъ лошадей и, препроводивъ весь тотъ день съ родными своими и съ помянутымъ другомъ, пуститься въ послѣдующій день, съ свѣтомъ вдругъ, и перемѣнными лошадьми замѣнить то, что теряли мы своею отсрочкою.

Сіе какъ было вздумано, такъ и сдѣлано. Всѣ наши родные были тѣмъ довольны, а помянутый гость еще того болѣе. Со всѣмъ тѣмъ, дѣло сіе, само по себѣ ничего нестоющее, имѣло во все путешествіе наше такое вліяніе, и произошли отъ того такія послѣдствія досадныя и непредвидимыя, что еслибъ могли мы оныя тогда предвидѣть, то едва-ль бы мы на то пустились, а лучше бы поѣхали на своихъ лошадяхъ.

Такимъ образомъ, по-утру въ 4 день сентября, распрощавшись со всѣми своими съ слезами насъ провожавшими родными и съ помянутымъ нашимъ пріятелемъ, отправились мы въ свой путь. Солнце было еще очень низко, утро красное, погода наипріятнѣйшая, а дорога самая гладкая и добрая. Отъ перепадавшихъ въ послѣдніе дни тучками дождей не было на ней ни пыли, ни грязи, а по случаю свозки съ полей хлѣбовъ отъ многой ѣзды была она такъ углажена какъ скатерть. Словомъ, мы ѣхали хотя очень скоро, но почти не чувствовали, что ѣхали, и намъ оставалось только веселиться красотою утра и осенними прелестьми природы. Осень тогда только что начиналась. Поля были хотя пусты и отъ хлѣбовъ обнажены, но широкая большая дорога украшена была еще по сторонамъ

множествомъ осеннихъ цвѣтовъ разнаго рода. Лѣса великолѣпствовали еще въ своемъ лѣтнемъ одѣяніи и готовились облекаться въ осеннюю, еще того прекраснѣйшую, одежду. Нѣсколько изъ нихъ видимы намъ были въ лѣвой сторонѣ. Нѣкоторые находились еще въ своей юности, и густотою своею прекрасный видъ представляющіе, а другіе, напротивъ того, были старые и достигшіе уже до своей дряхлости. Сіи были остатками отъ такихъ же другихъ, предъ недавнимъ временемъ срубленныхъ. Алчные винокуренные заводы превратили въ пепелъ въ единое лѣто то, что росло болѣе ста лѣтъ. Итакъ, гдѣ недавно были прекрасныя старинныя дубравы, видны тогда были единые засохшіе пни отъ срубленныхъ и стоявшихъ на нихъ громадъ. По великости оныхъ и по упругому противоборству ихъ противъ всѣхъ бурей и вихрей, казалося, что древесамъ симъ цѣлые вѣка не могли бы ничего сдѣлать, но остріе сѣкиры и рука земледѣлателя и винокура въ состояніи была въ единый часъ низложить всю пышность сихъ громадъ и, повергнувъ на землю, въ нѣсколько часовъ предать огню и пламени, для насыщенія ненасытнаго корыстолюбія заводчика, и все существованіе ихъ невозвратно уничтожить. Смотря на огромные пни ихъ, и потомъ на оставшую часть лѣса, изъ такихъ же огромныхъ древесъ состоящую, и вѣдая, что скоро и весьма скоро дойдетъ и до нихъ очередь, и что и они такимъ же образомъ и на тоже самое посѣкутся и истребятся,—не могъ я смотрѣть на нихъ безъ чувствованія нѣкотораго къ нимъ сожалѣнія. «Вѣрно, вѣщалъ я умственно къ нимъ, тѣ предки, которые васъ заводили и которые съ толикими трудами васъ берегли, не думали того, чтобъ вы такой жалкій конецъ получили! Безсомнѣнно, не пользуясь вами, утѣшали они себя тою мысленною надеждою, что множество изъ потомковъ ихъ воспользуются лучше громадами вашими, что послужите вы весьма многимъ людямъ на храмины для житья, или на другія нужныя зданія, а вѣтви ваши на обогрѣваніе ихъ членовъ. А того вѣрно имъ на умъ не приходило, что всѣ труды и старанія свои, сопряженные съ воспитаніемъ и содержаніемъ вашимъ, они для того только употребляли, чтобъ нѣкогда одному изъ потомковъ ихъ васъ въ единый годъ срубить и, пережегши васъ при варенія вина, вырученныя за него деньги промотать, или поставивъ на карту и проиграть!»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ углубясь, препроводилъ я нѣсколько минутъ въ молчаніи и провелъ бы еще и болѣе, еслибъ спутникъ мой не извлекъ меня изъ моей задумчивости, сказавъ: «посмотрите-ка, батюшка, на небо, какъ прекрасно и великолѣпно оно теперь. Истинно стбитъ того, чтобъ имъ полюбоваться». Я послѣдовалъ тотчасъ его приглашенію и нашелъ, что было оно дѣйствительно тогда самое картинное. Смѣсь разноцвѣтныхъ и разной величины облачковъ; нѣжные оныхъ колера; солнце, катящееся путемъ своимъ посреди оныхъ и производящее въ нихъ не только разные оные колера, но и длинные прямые лучи по атмосферѣ, нѣкакимъ прозрачнымъ и тонкимъ туманомъ покрытой; наконецъ, самыя открывающіяся вдали прекрасныя голубыя и пурпуромъ украшенныя дальки, перемѣшанныя съ напріятнѣйшею вдали бѣлозеленою, живѣйшею зеленью,—представляли очамъ нашимъ такое зрѣлище, которымъ я не могъ налюбоваться довольно. Любуясь симъ зрѣлищемъ натуры и сообщая другъ другу свои о томъ мысли, не успѣли мы препроводить нѣсколько минутъ въ сихъ напріятнѣйшихъ для насъ разговорахъ, какъ новый предметъ и новое зрѣлище представилось глазамъ нашимъ и все наше вниманіе къ себѣ обратило. Повстрѣчалась съ нами цѣлая кучка возовъ, нагруженныхъ снопами послѣдняго съ полей хлѣба. Всѣ онѣ взгромождены были очень высоко и тягость ихъ была такъ велика, что колеса стенали подъ оною, а лошади сдва въ силахъ были везти оные. Мы тотчасъ усмо-

трѣли, что вся кучка сихъ возовъ хлѣбныхъ принадлежала одному, и какъ казалось, незажиточному и немногосемейному поселянину, ибо первую, везущую сокровище его, лошадь велъ онъ самъ, власно-какъ въ нѣкакомъ торжествѣ, а вторую—вела его подруга, а прочихъ—его дѣти, разныхъ возрастовъ мальчишки и дѣвчонки. Все сіе побудило насъ думать, что находился онъ тутъ со всѣмъ своимъ семействомъ, ибо на послѣднихъ возахъ увидѣли мы самыхъ малѣйшихъ дѣтей его, сидящихъ на верху возовъ, и всѣ ѣхали они съ такими лицами, на которыхъ явно изображалась радость и удовольствіе. Зрѣлище сіе имѣло въ себѣ нѣчто нѣжное, трогательное и такое, чего собственно словами изобразить не можно. Мы смотрѣли на оное любуясь; провожали ѣдущихъ далеко своими глазами и начали тотчасъ потомъ говорить о жизни поселянъ нашихъ, о претрудной ихъ работѣ, безпрерывныхъ трудахъ во все теченіе лѣта, о терпѣливомъ переношеніи оныхъ и о томъ похвальномъ ихъ обыкновеніи, что они дѣтей своихъ обоего пола, съ самаго малолѣтства, пріучаютъ къ работѣ и къ трудамъ. Послѣ чего не преминули мы поговорить и о малюткахъ, сидѣвшихъ на возахъ, и о томъ удовольствіи, какое чувствуютъ они, послѣдуя на поле за отцами своими изъ доброй воли. «Безсомнѣнно, говорили мы, сидючи они на сихъ громадахъ, не вѣдомо-какія высокія мысли о себѣ имѣютъ; но хорошо когда дорога гладка и возъ идетъ прямо; но что, ежели дорогѣ случится иттить по косогору, или колесу попасть въ рытвину, и всему возу повалиться на бокъ, — какой опасности при семъ случаѣ могутъ подвержены быть сіи бѣдняжки?»

Сіе привело на память намъ то жалкое зрѣлище, которое спутнику моему случилось за день до того видѣть въ нашемъ Богородицкомъ гошпиталѣ. Не малолѣтнему ребенку, но одному уже взрослому, хотя молодому еще поселянину, случилось такимъ же образомъ ѣхать на возу съ хлѣбомъ и, по непростительной неосторожности, имѣть тутъ же при себѣ хлѣбную косу, съ такъ называемымъ крюкомъ или гребелками. Возъ сей, въ одномъ дурномъ мѣстѣ, извалился, и несчастіе хотѣло, чтобъ упалъ онъ на самую ту сторону, съ котораго боку привязана была помянутая коса, острыми губьями и спицами своими обращенная прямо къ ѣдущему на верху воза. Самое сіе обстоятельство и произвело все бѣдствіе. Крестьянинъ, полетѣвшій съ возу, попалъ на самыя сіи острыя спицы, и паденіе было столь сильно, что одна изъ нихъ воткнулася въ него болѣе нежели на четверть аршина и, воткнувшись въ опасное мѣсто, тамъ переломилась, и такъ глубоко, что ее совсѣмъ было не видно, ибо совсѣмъ на-сквозь конецъ зубца или спицы не вышелъ, а и другой такъ глубоко въ тѣлѣ переломился, что его совсѣмъ не видно было, и ранка сжавшись казалась маленькою. Со всѣмъ тѣмъ была она самая опасная: зубецъ прошелъ немного повыше луна сквозь обѣ ноги, и въ такомъ мѣстѣ, что въ случаѣ если-бъ не поспѣшить его вытащить, то неминуемо бы человѣку сему и очень скоро умирать долженствовало. Но самое сіе учинить было очень трудно и почти невозможно, ибо отломокъ лежалъ такъ глубоко, что его едва чрезъ давленіе пальцомъ ощупать было можно. Словомъ, несчастный сей былъ при концѣ жизни и опасность была такъ велика, что родные его приготовили онаго уже совсѣмъ къ смерти. Но, по особливому милосердію судебъ къ сему несчастному, случилось тому священнику, который приготовлялъ его къ смерти, быть благоразумному человѣку. Онъ уговорилъ родныхъ его отвезть раненаго ни мало не медля, къ намъ въ Богородицкъ и искать вспоможенія отъ нашего волостнаго лѣкаря. Сей самъ удивился странности случая и особливости раны. Самому ему никогда еще не случалось видѣть таковой, и онъ самъ почиталъ больного столь опаснымъ, что не инако, какъ отъ опасной и сумнительной съ нимъ операціи, должно было ожидать успѣха; а въ случаѣ неудачи, самой смерти. Животолюбіе больного было столь велико, что

онъ отважился дать себя рѣзать, кромсать и отыскивать зубецъ во внутренности тѣла. И при сей-то самой операціи, по приглашенію отъ лѣкаря, случилось быть моему спутнику и самолично все происходившее видѣть. Операція была столь страшная, и зрѣлище для нѣжнаго и чувствительнаго его сердца столь поразительное, что онъ едва оное могъ вытерпѣть, но за то награжденъ былъ человѣколюбивымъ сочувствованіемъ той радости, которую почувствовалъ больной при удачномъ успѣхѣ операціи и при извлеченіи изъ него, хотя съ превеликимъ трудомъ, сего страшнаго осколка. «Братецъ, говорилъ онъ бывшему съ нимъ родному своему брату: я посулилъ лѣкарю цѣлый возъ хлѣба, а теперь готовъ ему отдать весь послѣдній; отдадимъ, братецъ, онъ изъ мертвыхъ меня воскресилъ!» Тако отъ радости, не помня самъ себя, онъ говорилъ. Но бѣднякъ не зналъ, что лѣкарь нашъ не такова былъ свойства, чтобъ таковыя пріобрѣтенія были ему нужны.

Сіе-то, какъ недавно бывшее происшествіе, пришло намъ тогда на память и подало поводъ къ разговорамъ о томъ. Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ то о томъ, то о другомъ разговаривали, лошади мчали насъ съ великою поспѣшностію, и мы не видали какъ доѣхали до первой станціи.

Маленькая было то и бездѣльная деревнишка, сидящая при крутомъ оврагѣ, и потому называющаяся Крутою. Лошади свѣжія были тутъ же для насъ приготовлены, и въ одинъ мигъ ихъ перепрегли, такъ что не промедлили мы тутъ и получаса. Какъ помянутый оврагъ надлежало намъ переѣжжать, и онъ былъ крутъ и дорога на спускѣ не очень ровна, и притомъ внизу шла чрезъ косой мостъ съ надолбами, то, имѣя издавна обыкновеніе выходить и не при столь дурныхъ переѣздахъ, учинилъ я то при семъ и подавно, и тѣмъ паче, что лошади были мужицкія и незнакомыя. Обоимъ намъ не хотѣлось безъ всякой нужды подвергать и жизнь, и здоровье свое опасности, и мы не сочли себѣ за трудъ перейтить оврагъ и мостъ сей пѣшкомъ и взойтить на противоположный крутой берегъ. И какъ хорошо было, что мы сіе сдѣлали! Карету нашу удалось еще кое-какъ спустить, и переправить благополучно чрезъ мостъ; но большую и грузную кибитку нашу не успѣли начать спускать, какъ одна изъ крестьянскихъ лошадей, случившаяся на припряжѣ, начала бѣситься и, вздуривъ и прочихъ, понесла и стала бить такъ, что сводившіе ихъ люди принуждены были сами спасать отъ нихъ свою жизнь и пустить кибитку на произволъ случая, а сей весьма былъ для ей неблагопріятенъ. По косинѣ дороги потеряла она свое равновѣсіе, полетѣла въ одну сторону торчма и со всего размаху грянула съ такою силою бокомъ объ надолбы, что трескъ раздался по всему оврагу и достигъ до ушей нашихъ. «Эхъ! возопили мы оба, увидѣвъ всё сіе съ горы: какая бѣда! конечно, колесо совсѣмъ изломалось». И съ великою поспѣшностью сбѣжали съ горы осматривать лежащую на боку грузную кибитку нашу. Мы увидѣли весь верхъ ее разломанный въ части, но колесо показалось намъ еще цѣлымъ и ничѣмъ не повредившимся. «Ну, слава Богу! говорили мы: хоть оно цѣло». И рады были уже и тому. А что касалось до верха кибиточнаго, то мы скрутили оный кое-какъ веревками, и могли еще продолжать путь свой до такого селенія, гдѣ была кузница и гдѣ надѣялись мы посковать какъ-нибудь всѣ переломавшіяся дуги. Итакъ, паденіе сіе не великую намъ сдѣлало остановку, и мы не промедлили и четверти часа. Со всѣмъ тѣмъ, была она мнѣ весьма непріятна. Таковая нечаянная и при самомъ началѣ путешествія случившаяся остановка казалась равно какъ бы предвозвѣщающею, что путешествіе наше будетъ не совсѣмъ благоуспѣшно и что остановокъ такихъ будетъ много. Въ мнѣніи семъ я и не обманулся, какъ то окажется изъ послѣдствія.

Выбравшись на гору, пустились мы попрежнему въ путь и вскорѣ всю досаду на случившееся позабыли. Открывающіяся часъ-отъ-часу болѣе въ лѣвой сторонѣ

вдали прекрасныя мѣстоположенія привлекли къ себѣ наше зрѣніе и всѣ помышленія. Я, любуяся оными, искалъ глазами одной извѣстной мнѣ прекрасной рощи и, къ удивленію моему, не могъ никакъ найтить оной. Я не понималъ, куда она дѣлася. Но изумленіе мое было еще того болѣе, какъ повстрѣчалось съ глазами моими такое зрѣлище, какова я никогда еще не видывалъ, хотя часто ѣжжалъ сею дорогою. Было то нѣсколько десятковъ кривыхъ, голыхъ и ни къ чему годныхъ большихъ деревъ, стоящихъ въ разсѣяніи и въ превеликой отдаленности другъ отъ друга. Всѣ они представляли очамъ не только дурное, но весьма скучное зрѣлище, и никогда такого я не видывалъ. Не понимая, что̀ и сіе значило, до тѣхъ поръ находился я въ изумленіи, покуда, взъѣхавъ на одинъ пригорокъ, не увидѣлъ самыхъ мельчайшихъ кустовъ, разсѣянныхъ между сими дрянными деревьями. Тогда разрѣшилось мое сомнѣніе, и я, узнавъ сіе мѣсто, мысленно возопилъ: «Ахъ! ажно и ты, прекрасный лѣсъ, служившій толико лѣтъ украшеніемъ сей дороги, подвергся такому-жъ несчастному жребію, какому подвергаются всѣ почти лѣса въ нынѣшній несчастный для нихъ періодъ времени. Пожралъ и тебя огнь въ винокуренныхъ печахъ и заводахъ, не спасла и тебя красота твоя и способность прекрасныхъ деревъ твоихъ къ строенію хоромному! Увы! погибъ и ты, и не осталось почти и слѣда красотъ твоихъ, кромѣ сихъ негодныхъ и скаредныхъ деревъ, означающихъ только бытіе твое! Обманулись и въ разсужденіи тебя предки, заводившіе и хранившіе тебя! Не принесъ и ты ни малѣйшей пользы обитателямъ окрестностей сихъ, но, вмѣсто того, послужилъ только къ поспѣшествованію ихъ распутству и развращенію, яко плодовъ всегдашняго пьянства! Самому владѣльцу твоему, оказавшему къ тебѣ сіе жестокосердіе, не великую принесъ ты пользу, и далеко не помогъ выкрутиться изъ-подъ бремени долговъ, отягощавшихъ его выю. Долги его остались столь же многочисленны, какъ до того были, и также тяготятъ теперь сына, какъ тяготили отца!»

Сіе послѣднее говорилъ я потому, что владѣлецъ сего лѣса былъ мнѣ отчасти знакомый человѣкъ. Будучи сыномъ сенатскаго секретаря, наслѣдовалъ онъ послѣ отца великое имѣніе, и не только многія тысячи денегъ, нажитыя такъ, какъ секретари наживаютъ, но и прекрасныя деревни. Со всѣмъ тѣмъ, всего того не надолго сыну его стало. Молодому сему человѣку возмечталось, что никого его богатѣе и никого знатнѣе нѣтъ. Онъ восхотѣлъ удивить всю Москву непомѣрнымъ своимъ щегольствомъ и пышностью выѣздовъ. Карета была не карета, и цугъ не цугъ! Всему надлежало быть выписному, всему богатому, всему несравненному! Что касается до его гардероба, то съ платьемъ его не знали куда дѣваться, а чулки и башмаки всякій день надобны были перемѣнные! Рубахи и манжеты выписныя! Словомъ, онъ восхотѣлъ себя вести не такъ, какъ приличествовало оберъ-секретарскому сыну и полудворянину, но какъ французскому дюку, или принцу крови! А за то и прожилъ онъ все отцовское богатство очень скоро. А какъ того стало уже мало, то вошелъ онъ въ долги, и столь великіе, что̀ уплатить ихъ не было ни какой возжности. Въ сей-то крайности восхотѣлъ онъ помочь себѣ заведеніемъ винокуреннаго завода и продажею беззаконною вина. Но и симъ онъ себѣ ни мало не помогъ, а разорилъ только крестьянъ и перевелъ лѣса всѣ. А, наконецъ, окончивъ жизнь, оставилъ уплачивать долги свои малолѣтнему сыну, а въ примѣрѣ своемъ—новое доказательство той вѣчной истины, что неправое созданіе прахъ есть! Мнѣ все сіе наиболѣе было знакомо, что онъ женатъ былъ на родной племянницѣ и наслѣдницѣ умершаго друга моего, Ивана Григорьевича Полонскаго. И мы, разговаривая объ немъ съ сыномъ моимъ, дивились правосудію Господню, наказующему всегда неправды и хищенія, когда не на самомъ виновникѣ, такъ на дѣтяхъ и внучатахъ его!

Какъ скоро проѣхали мы сіе скучное мѣсто и выѣхали на того еще скучнѣйшую степь, въ которой во всѣ стороны, кромѣ пустыхъ хлѣбныхъ полей, ничего было не видно, то принялись мы съ спутникомъ своимъ за чтеніе. Газеты иностранныя, полученныя мною въ день моего отъѣзда, были съ нами, и намъ надлежало поспѣшить прочесть оныя, дабы можно было отослать ихъ назадъ къ любопытному нашему лѣкарю, съ подвощиками. Итакъ, мы, продолжая путешествіе наше тѣлами нашими въ Тамбовъ, пустились душами и мыслями своими путешествовать по всей Европѣ, перелетать умственно изъ одного царства въ другое и обозрѣвать душами нашими все то, что, за мѣсяцъ до того и меньше, происходило во всемъ свѣтѣ; а за симъ и не видали, какъ прискакали мы на вторую станцію, въ село Михайловское.

Огромное селеніе сіе принадлежало къ той же Богородицкой волости, надъ которой я начальствовалъ, и было одно изъ знаменитѣйшихъ въ оной; но ни которое изъ всѣхъ не сидѣло на столь прекрасномъ мѣстѣ, какъ оно. Посреди онаго находился огромный, пышный, глубокій и широкій долъ, раздвоившійся въ правой сторонѣ на два рукава и окруженный со всѣхъ сторонъ пышными и красивыми огромными буграми и холмами, увѣнчанными кое-гдѣ кучками прекрасныхъ рощицъ и лѣсочковъ, индѣ предлинными рядами дворовъ обитателей онаго, а одинъ изъ нихъ имѣлъ на хребтѣ своемъ небольшую, но изрядную деревянную сельскую церковь. Посреди помянутаго широкаго дола, извиваясь протекала славная рѣка Непрядва; она тутъ— уже нарочитой величины и въ самомъ селѣ въ семъ соединилась съ другою небольшою, но не менѣе достопамятною рѣчкою, называемою Ситкою. Обѣ сіи рѣчки знамениты тѣмъ, что на берегахъ и въ окрестностяхъ оныхъ происходило нѣкогда то славное Мамаево побоище, которое столь достопамятно въ россійской исторіи, и о послѣдней рѣчкѣ есть и понынѣ еще преданіе словесное, что кровопролитіе на берегахъ оной было столь велико, что вся она текла почти кровью, и что воду изъ ней пить ни коимъ образомъ было не можно. Вѣдая все сіе, съ нѣкакимъ особливымъ чувствованіемъ смотрѣлъ я на обѣ сіи рѣчки и на окрестности и мѣстоположенія тѣ, гдѣ нѣкогда цѣлая Россія была въ собраніи, гдѣ множество ея князей и разныхъ народовъ, позабывъ всѣ внутреннія свои несогласія и вражды, съ славнымъ единодушіемъ противоборствовали несмѣтнымъ тысячамъ восточныхъ народовъ, приходившихъ для конечнаго погубленія и разрушенія всей Россіи, и гдѣ одержали они толь славную и великую надъ ними побѣду и восторжествовали еще въ первый разъ надъ татарами и ихъ гордыми князьями. Я преселялся мысленно въ тѣ отдаленные прежніе вѣка и времена, когда не было еще въ сихъ мѣстахъ никакихъ селеній, а одинъ только кавыль свисталъ, развѣваемый вѣтромъ по пустымъ и необозримымъ степямъ. Я воображалъ себѣ тѣ разные и многочисленные народы, которые съ столь дальнихъ и обширныхъ мѣстъ и разныхъ странъ были тогда въ сихъ окрестностяхъ въ собраніи. Воображалъ безчисленныя толпы конницы, разныя тогдашнихъ народовъ одежды и убранства, обыкновенные тогда ихъ станы и свойственныя тогдашнимъ временамъ военныя ополченія, смятенія и шумы, а наконецъ, вообразивъ себѣ страшный и на-вѣки незабвенный день битвы, мнилъ умственными очами видѣть безчисленныя толпы ратниковъ, скачущихъ другъ противъ друга и поражающихъ себя мечами, стрѣлами и копьями. Я мнилъ слышать странные ихъ военные вопли, стонъ убиваемыхъ и поражаемыхъ; видѣть мертвые трупы, валяющіеся съ коней и подавляемые другими; кровь, повсюду текущую и обагряющую землю. «Почему знать, думалъ я и восклицалъ самъ въ себѣ въ мысляхъ далѣе: можетъ на страшной битвѣ сей былъ кто-нибудь или нѣсколько человѣкъ изъ собственныхъ моихъ и тѣхъ отдаленныхъ предковъ, о коихъ никакого свѣдѣнія до

меня не достигло! Можетъ-быть, и изъ нихъ кто-нибудь обагрилъ мѣста сіи своею кровью, можетъ-быть и ихъ кости согниваютъ въ землѣ здѣшнихъ окрестностей, или разсѣяны по степямъ и полямъ обширнымъ. Людей и народовъ было много, и народы сіи были самые тѣ, отъ коихъ произошли ближайшіе и извѣстные мнѣ предки мои».

Собравшаяся толпа обитателей сего огромнаго села и окружившая мою карету воспрепятствовала мнѣ далѣе въ помышленіяхъ такихъ упражняться. Были то отчасти начальники того села, дожидавшіеся уже моего пріѣзда и пріуготовавшіе нѣкоторые плоды и снѣди для поднесенія мнѣ на дорогу, а отчасти разные просители, желавшіе того чтобъ я разобралъ нѣкоторыя ихъ между собою распри и оказалъ обижаемымъ другими защиту и покровительство. Съ особливою охотою вышелъ я для сего изъ кареты и препроводилъ въ разбирательствахъ сихъ все то время, покуда перемѣняли лошадей и запрегали новыхъ.

Какъ все было уже готово, то, распрощавшись съ сими мужичками, отправился я далѣе. Мы переѣхали славную Непрядву тутъ по мосту и, выбравшись на гору, пустились гладкою и прекрасною дорогою чрезъ ту часть ровнаго и окомъ необозрѣваемаго Куликова поля, которую намъ тутъ переѣзжать доводилось. Лошади свѣжія и хорошія мчали насъ такъ скоро, что мы со спутникомъ своимъ, возобновивъ прежнее дорожное чтеніе, и не видали какъ доѣхали до села Зиновьева.

Селеніе сіе нарочито велико, сидитъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ посреди себя нарочитой величины прудъ, изогнувшійся дугою, почему и оно поселено полукружіемъ и имѣетъ посреди себя изрядную деревянную церковь, построенную за прудомъ и придающую всему селу не малую красу. Мы проѣхали большое село сіе неостанавливаясь, и смотря на небольшой господскій домикъ, находящійся за прудомъ, поговорили только съ сыномъ своимъ о томъ, какъ судьба или Провидѣніе Господне распоряжаетъ оными. Село сіе принадлежало, прежде сего, одному славному у насъ въ Россіи игроку, обогатившемуся отъ игры картошной и пустившему весьма многихъ простачковъ по-міру. Но что-жъ изъ всего его богатства вышло? Изъ всѣхъ его дѣтей осталась одна только дочь, да и та сущая каррикатура! Но какъ бы то ни было, но она влюбись въ одного иностранца доктора! А сей, не побрезговавъ ея безобразіемъ, на ней, по желанію ея, женился и, наживъ съ нею дѣтей, по скорой ея кончинѣ, владѣлъ тогда симъ ея селомъ и всѣмъ имуществомъ, ни мало въ отечествѣ своемъ не помышляя, чтобъ онъ изъ сущаго бѣдняка сдѣлался богатымъ россійскимъ помѣщикомъ и владѣльцемъ деревень.

Выѣхавъ изъ сего села, и поворотивъ влѣво съ большой Лебедянской дороги, очень скоро добѣжали мы и до другаго, не малаго господскаго селенія, называющагося почти также, а именно — Зиновкою. Сіе, въ пріятномъ безпорядкѣ, сидитъ на берегу одного глубокаго и искривленнаго буерака, на которомъ запруженъ прудъ, имѣющій столь прекрасный и картинный видъ, что мы, переходя пѣшкомъ черезъ плотину, не могли довольно онымъ налюбоваться. Впрочемъ, и селеніе, и самый господскій дворикъ, противъ плотины на бугрѣ построенный, не заслуживали дальнаго вниманія, кромѣ того, что дворъ имѣлъ вокругъ себя городьбу, складенную изъ простого плитняка и очень просто и некрасиво. Проѣхавъ сіе селеніе, надлежало намъ переѣзжать опять ровное и пустое поле и ѣхать часа два мѣстами, неимѣющими ни какихъ достопамятностей и увеселительныхъ видовъ; почему и занимались мы болѣе чтеніемъ. Единый только жаръ и сіяніе солнца насъ нѣсколько обезпокоивало. Мы принуждены были впервыя воспользоваться нововыдуманными гардинами въ каретѣ, и были ими довольны. Былъ тогда уже сентябрь, но погода столь теплая, какъ бы въ іюлѣ, и было не только тепло, но даже знойно.

Подъѣзжая къ селу Ивановскому, версты за три показались намъ остатки кошолокъ, украшавшихъ съ сего мѣста прежде сего всю большую дорогу, и мы пожалѣли о томъ, что онѣ съ-года-на-годъ уменьшались и исчезали, и что правительство не пеклось о поддержаніи сего крайне полезнаго замѣчанія (sic) степныхъ дорогъ. Какъ по приближеніи къ помянутому селу, по причинѣ весьма гладкой дороги, мчались мы весьма быстро, то лошади наши безъ намѣренія произвели пакость и причинили вредъ одному поселянину. Случилось такъ, что стадо того села паслось близко подлѣ дороги, и одной молодой скотинѣ, глупѣйшей и простоумнѣйшей изъ всѣхъ, [пришлось] лежать посреди самой дороги и, не думая ни о чемъ, пережовывать свою съѣденную пищу. Глупость сего теленка была такъ велика, что не успѣлъ онъ отскочить отъ скачущихъ на него прямо лошадей, а мальчишка форейторъ, не многимъ чѣмъ умнѣйшій самаго теленка, не имѣлъ столько разума и проворства, чтобъ лошадей благовременно поостановить; итакъ, онѣ прямо на него и наскакали, и бѣдный теленокъ попалъ не только подъ припряжныхъ, но и подъ самыя колеса, и мы почувствовали только толчокъ въ каретѣ и застонанье сей бѣдной молодой скотины. Такъ скоропостижно все сіе произошло! Какъ случай сей былъ ни мало нами неожидаемъ, то изумились оба мы, почувствовавъ стонъ и толчокъ и не видѣвъ происходившаго, не знали, что о томъ думать. Наконецъ, догадывались мы, что переѣхали какую-нибудь скотину, но какую собственно и какъ, того не успѣли и видѣть, — такъ скоро продолжалась ѣзда наша! Вскорѣ послѣ сего, доѣхали мы до села Ивановскаго, гдѣ дожидались насъ уже собственныя наши лошади, и гдѣ надлежало намъ обѣдать. Между тѣмъ, покуда приготовляли намъ на скорую руку, по-дорожному, что-нибудь поѣсть, ибо варить было уже поздно и некогда, пошли мы съ сотоварищемъ своимъ прохаживаться по улицѣ и въ-округъ церкви. Церковь въ селѣ семъ каменная, стоитъ посреди села, и прямо деревенская. Строившіе ее не имѣли о архитектурѣ ни малѣйшаго понятія, и наружныя ея украшенія такъ дурны и такъ глупы, что гораздо бы лучше было, еслибъ ихъ вовсе дѣлано не было, а складена бы она была просто и безъ всякихъ глупыхъ вычуровъ. Во внутренности церкви мы не были, но думать надобно, что и внутри она не лучше своей наружности, или еще хуже; ибо прихожане ея состояли изъ однихъ только мужиковъ, изъ которыхъ иные были и довольно зажиточные и семьянистые, къ каковымъ принадлежалъ и хозяинъ того двора, въ которомъ мы пристали.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ въ-округъ церкви и по кладбищу ходили и о простотѣ деревенской жизни между собою разговаривали, увидѣли мы съ западной стороны поднимающуюся синюю тучку и услышали вдали гремѣніе грома. Тучка сія увеличивалась съ каждою минутою и казалась иттить на насъ. Сіе побудило насъ поспѣшить возвращеніемъ своимъ на квартеру, дабы успѣть до нашествія тучи пообѣдать. Однако, возставшая вдругъ жестокая буря не дала намъ столько времени. Мы не успѣли добраться до квартеры и расположиться въ сѣняхъ ѣсть наши дорожные пироги и окрошку, какъ туча уже очутилась надъ нами. Страшная молнія разсѣкла ее отъ верха до самаго низа, и громъ гремѣль почти безпрерывно. Словомъ, тучa сдѣлалась не только важная, но и страшная, и мнѣ никогда еще не случалось видѣть такой страшной и долголящейся молніи, какую я видѣлъ въ сей разъ. Мы принуждены были затворить всѣ двери въ сѣняхъ, однако, и сіе не много помогло. Буря съ небольшимъ дождемъ гудѣла во всѣ скважины стѣнъ и, придавая еще болѣе ужаса, прогнала насъ въ жаркую и душную избу. Тутъ словоохотливый старикъ, хозяинъ нашъ, разсказывалъ намъ, что и за день передъ тѣмъ была у нихъ жестокая гроза, и въ сосѣдствѣ нѣсколько дворовъ выжгла.

Сіе еще болѣе насъ устрашило и привело въ такое изумленіе, что намъ и ѣда на умъ не пошла, но мы очень скоропостижно обѣдъ свой кончили и въ сей разъ обѣдали прямо по-дорожному. Но сколь много удивились и обрадовались мы, когда въ самое то время, когда мы, сидючи въ избѣ, съ каждою минутою ожидали величайшихъ громовыхъ ударовъ, пришли къ намъ сказывать, что туча вся уже прошла и нѣтъ ни какой болѣе опасности. Извѣстіе сіе показалось намъ столь странно, что мы не хотѣли оному сперва вѣрить; но, выбѣжавъ на дворъ, скоро увѣрились въ томъ, увидѣвъ тучу, въ самомъ дѣлѣ всю разсѣвшуюся. Никогда еще не случалось мнѣ видать тучи, столь скоро находящей и столь скоропостижно уничтожающейся. А какъ и дождя было очень мало, и скоро потомъ небо прочистилось, и день сдѣлался опять красный и пріятный, то удовольствіе наше было тѣмъ болѣе. Тогда, не имѣя уже нужды такъ спѣшить, дали мы людямъ своимъ волю по произволенію своему обѣдать, и столько времени на то терять, сколько хотѣли; но сіе было и къ статѣ, потому что между тѣмъ приговоренный кузнецъ чинилъ нашу кибитку и сковывалъ изломанныя ея дуги.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, имѣлъ я досугъ вступить съ старикомъ-хозяиномъ въ разговоры. Я не могъ довольно налюбоваться великости его семьи. Было у него два сына, такихъ же стариковъ, каковъ онъ самъ, болѣе десяти внучковъ и множество правнучатъ. Словомъ, одного мужескаго полу душъ слишкомъ двадцать, а женскаго почти столько-жъ. Онъ былъ, какъ Авраамъ, почитаемъ и любимъ всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ и держалъ оное въ должномъ подобострастіи. Я не могъ, чтобъ не похвалить старика за то, что онъ дѣтей своихъ не допускаетъ дѣлиться, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что благоразумный сей старикъ самъ тѣмъ веселился, и равно какъ въ славу себѣ то ставилъ, что у него столько дѣтей, внучатъ и правнучатъ. При вопросѣ, не бываетъ-ли въ семьѣ его какихъ несогласій и раздоровъ, какъ то многочисленнымъ семействамъ бываетъ свойственно, — показалъ онъ мнѣ свой нарочито толстый посошокъ и сказалъ только: «а это что?» давая тѣмъ знать, что онъ умѣетъ ихъ держать въ уздѣ. Сіе увеличило еще болѣе мое о семъ старикѣ хорошее мнѣніе. Я не могъ, чтобъ не похвалить его и за сіе, и съ удовольствіемъ препроводилъ въ разговорахъ съ нимъ болѣе часа времени. Между прочими разговорами, разсмѣшилъ онъ меня разсказываніемъ, какъ онъ во время послѣдней ярмонки былъ у насъ въ Богородицкѣ и видѣлъ впервыя отъ роду бывшую тогда у насъ иллюминацію и маленькій фейерверкъ. Какъ начали зажигать разставленныя по желѣзной кровлѣ дворца плошки, то простодушному крестьянину сему съ его внукомъ не инако показалось, что дворецъ загорѣлся. Смѣшно было, какъ разсказывалъ онъ чувствованное тогда имъ обо мнѣ сожалѣніе, а того смѣшнѣе, какъ онъ по-своему сталъ разсказывать о усмотрѣнныхъ потомъ имъ ракетахъ, бураках, швермерахъ, фонтанахъ и колесахъ. Какъ ничего подобнаго не случалось ему никогда видѣть, то привели они его въ крайнее и пріятное удивленіе, и тѣмъ паче, что онъ уже увидѣлъ, что былъ это не мнимый имъ пожаръ, а увеселительные огни и потѣха. Сими разговорами онъ такъ меня занялъ, что я и не видалъ, какъ прошелъ цѣлый часъ времени, который въ ожиданіи отдѣлки кузнеца былъ бы безъ того мнѣ очень скученъ. Наконецъ, починили и исправили такъ мою кибитку, что, безъ всякаго опасенія, можно было пуститься съ нею въ дальній путь. Но не успѣло сіе горе миновать, какъ новое обстоятельство насъ начало озабочивать. Люди подступили къ намъ сказывать, что хотя они и думали, что, при упаденіи кибитки, колесо ничѣмъ не повредилось, однако, въ томъ обманулись, и теперь усмотрѣли, что и у него одна спица надломилась, да и все оно какъ-то не очень крѣпко сдѣлалось. Я велѣлъ поукрѣпить его заблаговремен-

но обыкновенными рваньми и надѣялся, что сіе поможетъ дойтить ему до мѣста.

Но сія остановка была еще и въ сей разъ не послѣдняя, а явилась новая. Мы начали уже запрегать лошадей и хотѣли ѣхать, какъ вдругъ является предъ меня того села сотскій, мужикъ ражій, грубый и великій горланъ, и требуетъ, чтобъ мы заплатили за теленка, котораго мы у него задавили. Тогда узнали мы впервыя, что былъ то теленокъ, а не баранъ, какъ мы сначала думали. Люди наши вздумали-было отъ того отпираться и отклёпываться; мнѣ, однако, совѣстно было имъ подражать и мужика оставить въ неудовольствіи и накладѣ. Я велѣлъ ему теленка своего мнѣ представить, дабы видѣть, чего бы онъ стоилъ, ибо я, по словамъ его, заключалъ, что онъ задавленъ до смерти. Сіе требованіе было ему не вѣсьма пріятно. Онъ признался, что теленокъ еще живъ, и что только-что пораненъ. И какъ для самаго того я еще усильнѣе восхотѣлъ его видѣть, то нехотя принужденъ онъ былъ за нимъ ѣхать и привезть его ко мнѣ въ телѣгѣ; и тогда, къ удовольствію моему, оказалось, что теленокъ ни мало такъ не опасенъ, какъ онъ сначала сказывалъ, и что лошади повредили только его лядвеи и ноги своими копытами и произвели ничего нестоющія раны. Итакъ, принужденъ былъ мужикъ всѣ дальнія свои требованія оставить и накланялся еще мнѣ, когда далъ я ему нѣсколько алтынъ денегъ на покупку нужнаго вина для смоченія ранъ или, лучше сказать, ему на пропой въ кабакѣ. Все сіе задержало насъ долѣе, нежели я сначала думалъ, и мы не прежде изъ сего села выкрутились, какъ гораздо уже за полдень. Я отпустилъ отсюда привозившихъ меня лошадей и не преминулъ нѣсколько строкъ написать съ ними о себѣ къ своимъ домашнимъ роднымъ.

Продолжая отъ села сего путь на своихъ дорожныхъ лошадяхъ, поѣхали мы уже не такъ скоро. Но какъ дорога была хороша, то какъ ни поздно мы выѣхали, но успѣли доѣхать почевать до села Малинокъ, принадлежащаго знакомому мнѣ г. Крюкову и отстоящаго отъ города Донкова только за 12 верстъ. Дорога отъ села Ивановскаго до сего мѣста шла, по большой части, по ровнымъ мѣстамъ и на всей не было ни какихъ трудныхъ переправъ, кромѣ одной вершины, да и чрезъ ту переѣздъ былъ изрядный. Во все продолженіе оной упражнялись мы съ товарищемъ своимъ въ чтеніи коекакихъ книгъ, взятыхъ съ собою на дорогу. Сими запаслись мы довольно; и какъ между прочими былъ съ нами и послѣдній мѣсяцъ издаваемаго въ Москвѣ политическаго журнала, полученный въ навечеріи нашего отъѣзда, то, почитавъ онаго нѣсколько, принялись мы за исторію государствованія императора Карла V. И какъ она была очень любопытна и занимательна, то читали мы ее съ превеликимъ удовольствіемъ; и занявшись тѣмъ, не видали какъ проѣхали всѣ скучныя и никакихъ хорошихъ видовъ неимѣющія мѣста. Когда же солнце начало уже склоняться къ западу, то открывшіеся намъ въ лѣвой сторонѣ лѣса, рощи и дубравы, а за ними долы, холмы и прекрасныя мѣстоположенія—отвлекли насъ отъ чтенія и заставили собою любоваться. Вечеръ былъ тогда наипрекраснѣйшій, небо чистое и испещренное только изрѣдка, въ западной сторонѣ, мелкими облачками и полосками изъ оныхъ. Солнце свѣтило ясно и вечерними лучами своими всему краю сему небеснаго свода придавало уже пурпуровый видъ, а лѣса, и за ними холмы, позлащало. И тѣ, и другіе представляли тогда очамъ прекрасныя зрѣлища. Первые, будучи прекрасными и большими дубовыми чистыми рощами, извивались своими закраинами и то къ дорогѣ приближались, то удалялись отъ ней пространными полукружіями и составляли какъ бы амфитеатры. Будучи всѣ еще зелены, густы и непрозрачны и освѣщаемы уже съ боку низкимъ вечернимъ солцемъ, казались они отмѣнно красивыми, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выдающіеся ихъ мысы были рѣдки и сквозь ихъ видны были освѣщенныя луговыя поляны. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ дубровы сіи перерывались и въ прогалины между собою открывали вдали пріятные долы, а за ними отлогіе холмы, украшенные пріятною ржаною зеленью. Наконецъ, проѣхавъ оное, увидѣли мы въ лѣвой сторонѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ дороги, сперва одинъ верхъ прекрасной каменной церкви, а потомъ и все село, сидящее нѣсколько за горою и имѣющее прекрасное положеніе мѣста. Видъ сего села съ его прудами имѣетъ въ особливости пріятный видъ; и, какъ казалось, то принадлежало оно какому-нибудь знатному барину, ибо все похоже было на то въ ономъ. Таковымъ точно и почиталъ я его, покуда изъ любопытства не спросилъ о томъ у жителей сихъ окрестностей, и тогда съ чувствованіемъ нѣкоего особливаго соболѣзнованія услышалъ, что оно дѣйствительно сначала было таковымъ и принадлежало одному зажиточному дворянину, но тогда, какимъ-то образомъ, перешло въ купеческія руки. Сказывающій мнѣ о томъ не сомнѣвался, что причиною тому было мотовство и долги, чему легко можно было и повѣрить. Роскоши и непомѣрное мотовство большей части нашихъ дворянъ скоро произведетъ то, что большая часть нашихъ селъ и деревень принадлежать будутъ фабрикантамъ, купцамъ, подьячимъ, секретарямъ, докторамъ и лѣкарямъ, и не мы, а они господами и владѣльцами будутъ.

Симъ образомъ, любуяся отмѣнною красивостью тамошнихъ окрестностей, ѣхали мы, ни мало не воображая себѣ, что чрезъ небольшое число лѣтъ послѣ того сдѣлаются мѣста сіи для насъ интереснѣйшими, и что въ тамошнемъ краю и неподалеку оттуда родилась, воспитана и возростала та, которая назначена была Провидѣніемъ Господнимъ быть подругою моему сыну и произвесть отъ него тѣхъ драгоцѣнныхъ мнѣ потомковъ и продолжателей моего рода, для которыхъ наиболѣе и пишу я сію исторію. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ помянутаго села, потерлись мы еще подлѣ другаго экономическаго села, называющагося Маленькими Малинками. Сіе не имѣло въ себѣ ничего достопамятнаго и хорошаго, какъ отъ селъ такого рода и ожидать того не можно. Нѣтъ въ нихъ ни порядка въ строеніи и ни какихъ другихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго ока. Сіе мѣсто проѣхали мы уже при самомъ почти захожденіи солнца, а отсюда до ночлега ѣхали уже зарею. Но какъ дорога была прекрасная, то мы достальное разстояніе переѣхали скоро и доѣхали до села Большихъ Малинокъ еще засвѣтло. Такимъ образомъ весь переѣздъ въ сей первый день нашего путешествія простирался до 80 верстъ. Мы могли бы доѣхать и до города Донкова, какъ намъ сперва и хотѣлось, по позднее вечернее время и обстоятельство, что въ темнотѣ надлежало переѣзжать весьма большой и крутой оврагъ, впереди находящійся, меня отъ того удержало. Къ тому-жъ, извѣстно было мнѣ, что въ Донковѣ не такъ легко можно было отыскать хорошую квартеру, а особливо ночью. Итакъ, сіе меня и убѣдило остаться ночевать тутъ, и тѣмъ паче, что надѣялись мы получить себѣ хорошую квартеру у одного добродушнаго и степеннаго мужичка, задушевнаго друга того, у котораго мы обѣдали въ селѣ Ивановскомъ, и который при отъѣздѣ нашемъ намъ его раза три рекомендовалъ и просилъ, чтобы мы у него стали, и спросивъ только Данилу, сказали ему, что намъ велѣлъ стать у него Тихонъ, увѣряя, что мы будемъ имъ довольны.

Мы и въ самомъ дѣлѣ мужичкомъ симъ были довольны. Онъ былъ степеннѣйшій изъ всего села, которое было господское, хлѣбное и довольно изрядное, имѣло въ себѣ деревянную церковь и небольшой господскій домикъ. Расположившись ночевать, велѣли мы себѣ тотчасъ варить чай и готовить ужинъ. А между тѣмъ, какъ все сіе готовили, любовались мы съ спутникомъ своимъ красотою и великолѣпіемъ вечерняго неба, отмѣнно тогда хорошимъ и пріятнымъ. Весь огромный сводъ неба въ сей сторонѣ украшался наиживѣйшимъ пурпуромъ, а маленькія и равно какъ бы рѣдѣвшія и горящія облачка и

полоски, изображающія тысячу разныхъ фигуръ, равно какъ бы провожали закатившееся за горизонтъ дневное свѣтило и всему зрѣлищу придавали особливую пріятность. Мы, будучи увѣрены, что на красоту сей зари въ самую тужъ минуту смотрятъ и оставшіеся въ Богородицкѣ наши милые родные и также тѣмъ любуются, какъ мы,—не премпнули о семъ вспомнить и пожелать имъ заочно всякаго добра. Наступившая темнота и холодъ вечера прогнали насъ потомъ съ надворья подъ смиренный кровъ кроткаго поселянина. Добродушная старушка, хозяйка того дома, предложила намъ свои сѣни, какъ обыкновенное ихъ лѣтнее обиталище. Мы и расположились-было сначала въ оныхъ, но вѣтерокъ, провѣвающій сквозь неплотныя стѣны, и опасеніе, чтобъ оттого не простудиться, побудили насъ перейтить въ избу, которая сначала показалась намъ не очень душною и жаркою, но послѣ сдѣлалось намъ несноснѣе еще сѣней. Отъ теплоты оной, а того болѣе отъ вкуснаго и хорошаго чая съ сливками, которыя намъ сварили, а наконецъ, отъ прекрасной куриной похлёбки, показавшейся намъ очень вкусною, такъ мы распотѣли, что не знали какъ намъ на дворъ показаться, а того паче—спать въ первый разъ въ каретѣ; и мы принуждены были уже кое-какъ себя напередъ прохлаждать и заняться, между тѣмъ, разговоромъ съ хозяиномъ. Наконецъ, прохладивъ себя, сколько было можно, пошли мы въ дорожную свою спальню и закрывшись легли въ каретѣ спать, приказавъ не прежде себя будить, какъ при разсвѣтаніи дня, дабы намъ при свѣтѣ удобнѣе было переѣзжать тотъ страшный и крутой оврагъ, о которомъ я упоминалъ выше. Сколь ни спокойно мы улеглись, однако, спать намъ далеко не таково хорошо было, какъ мы думали. По непривычкѣ спать на дворѣ, и вышедши изъ тепла, боялись мы, чтобъ не простудиться; но скоро сдѣлалось намъ такъ душно, что мы и теплу были не рады. Сія духота была намъ такъ несносна, что мы принуждены были то-и-дѣло просыпаться и прохлаждать себя сколько-нибудь впусканіемъ надворнаго воздуха, а сіе и было причиною, что не люди насъ, а мы ихъ, спавшихъ подъ каретою, разбудили, какъ стало только начинать свѣтать.

Такимъ образомъ въ 5 день сентября отправились мы очень рано въ свой путь далѣе. Утро было въ сей день туманное и холодноватое. Не спавши почти всю ночь, или спавши, но очень безпокойно, на разсвѣтѣ разоспались-было мы очень сладко, какъ оврагъ принудилъ насъ проснуться, обуваться, одѣваться и выходить изъ кареты, ибо въ ней не хотѣлъ я никакъ отважиться переѣзжать. Со всѣмъ тѣмъ, спускъ былъ въ сей разъ гораздо лучше и спокойнѣе противъ прежняго, разрытъ и проложенъ по инымъ мѣстамъ. Итакъ, спустились мы спокойно, а поднялись потомъ, хотя и съ трудомъ, на превеликую гору, на которую входя пѣшкомъ, видѣлъ я тутъ страшныя и преужасныя рытвины, сдѣлавшіяся въ горѣ отъ водороинъ. Поднявшись на гору, пустились мы далѣе въ свой путь по высокимъ, но весьма ровнымъ мѣстамъ къ Донкову. Туманъ препятствовалъ намъ видѣть вдаль и принуждалъ любоваться одними только деревьями, коими обсажена дорога. Нигдѣ ихъ такъ много ни удѣлѣло, какъ тутъ: индѣ цѣлые ряды изъ нихъ великолѣпствовали, и сіе произошло оттого, что сажены были тутъ не березки, а осинки. Деревья сіи выросли тутъ уже въ хорошее бревёшко, и нигдѣ я не видывалъ такихъ прямыхъ и густыхъ осинъ, какъ тутъ, и произошло сіе оттого, что сажены онѣ и росли не часто, а на просторѣ, и сажень на 30-ть одна отъ другой. Тутъ опять я воскликнулъ: «Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибъ вездѣ дороги симъ образомъ украшались деревьями!»

Въ городъ Донковъ пріѣхали мы еще очень рано и въ самое то время, какъ туманъ разошолся и просіявшее солнце обѣщало намъ краснѣйшій день. Мы нашли сей бѣдный степной городишко въ прежалкомъ состояніи. Онъ и издавна былъ на городъ непохожимъ, а бывшій

за годъ до того пожаръ сдѣлалъ его и того еще худшимъ. Тогда начиналъ онъ хотя выстраиваться по плану регулярно, но—бѣдное тамъ регулярство, гдѣ жители живутъ въ крайнемъ убожествѣ и имѣютъ во всемъ нужномъ, а особливо въ строельномъ лѣсѣ, недостатокъ! Повсюду видны были только безпорядочныя кучи навоза; повсюду пустыри, заросшие бурьяномъ; а домики и дворишки плетневые, покрытые кое-какъ соломою, разбросанные кое-гдѣ, стояли по одиночкѣ и въ такомъ еще безпорядкѣ, что ни улицъ, ни площадей различить и распознать не можно. Немногіе только домики видны были въ сторонѣ, похожіе сколько-нибудь на городскіе, да и тѣ, повидимому, принадлежали судьямъ, откупщикамъ, а не городскимъ мѣщанамъ. Со всѣмъ тѣмъ, еслибъ не выведены были въ ближнихъ окрестностяхъ и послѣдніе лѣса винокуренными заводами, то, можетъ бы, онъ сколько-нибудь и построился лучше, нежели какъ былъ прежде, какъ то всегда бываетъ съ мѣстами, посѣщенными пожарами.

Мы проѣхали сей городишко не останавливаясь и, спустившись съ крутой и огромной горы, переправились чрезъ рѣку Донъ, по мосту. И проѣхавъ чрезъ слободу, на другомъ берегу противъ города находящуюся и изъ мизернѣйшихъ двориковъ состоящую, и выбравшись въ чистое поле, пустились влѣво по дорогѣ къ Ранибургу. Тутъ ѣхали мы цѣлыхъ 18 верстъ обширнѣйшею и такою равниною, что ни въ которую сторону ничего было не видно. Одинъ только Донковъ видѣнъ былъ потому, что сидѣлъ на высокомъ берегѣ, гораздо возвышеннѣйшемъ предъ сею равниною. И какъ во время сего переѣзда дѣлать было нечего, то упражнялись мы съ спутникомъ своимъ въ безпрестанномъ чтеніи, покуда доѣхали до села Толстова, обратившаго на себя наше вниманіе и заставившаго собою любоваться.

Село сіе принадлежитъ графу Толстому, и красиво не столько своимъ мѣстоположеніемъ, сколько величиною своею и находящимися въ немъ разными зданіями. Мы въ ономъ въ сей разъ не останавливались потому, что было очень рано, и мы надѣялись еще доѣхать до села Остапова, и хотѣли уже тамъ кормить лошадей и обѣдать. Но не такъ сдѣлалось, какъ мы думали и гадали. Не успѣли мы отъ села отъѣхать съ версту, какъ вдругъ закричали намъ сзади: «стой! стой!» Случилось сіе въ самое то время, когда мы съ спутникомъ своимъ разговаривали о красотѣ и расположеніи около села, и я ему разсказывалъ, что большая дорога лежала прежде не чрезъ самое село, а поодаль онаго, и что самое то мѣсто, гдѣ мы тогда ѣхали, было прежде сего сумнительно и не безопасно отъ воровъ, по причинѣ, что стояло тутъ, на большой вершинкѣ дворика два однодворческихъ, о которыхъ носилась дурная молва, такъ что проѣзжающіе по самой только крайней нуждѣ останавливались кормить или ночевать, и что сами мы, однажды будучи принуждены въ семъ мѣстѣ ночевать, почти всю ночь не спали изъ опасенія. Столь сумнительно было сіе мѣсто.

Все сіе было причиною, что помянутый крикъ сзади, поразившій уши наши, привелъ обоихъ насъ въ превеликое изумленіе. «Что такое? что такое?» спросили мы и бросились смотрѣть изъ оконъ назадъ. Но какое горе и досада поразила насъ обоихъ, когда увидѣли мы кибитку нашу въ самой вершинкѣ присѣвшею однимъ угломъ на бокъ, и услышали, что заднее ее, сумнительное колесо, вдругъ совсѣмъ разсыпалось и разломилось. «Ахъ, какая бѣда!» воскликнули оба мы, и тотчасъ, выскочивъ изъ кареты, побѣжали несчастіе сіе смотрѣть. Досадовали, тужили, горевали; но всѣмъ тѣмъ не могли ничего помочь. Какъ далѣе ѣхать ни одного шага было не можно, то горе наше услаждалось еще сколько-нибудь тѣмъ, что случилось сіе не на полѣ и не въ степи, а противъ самыхъ помянутыхъ двориковъ, гдѣ надѣялись мы найтить кормъ для лошадей и столько воды, чтобъ

ихъ напоить можно было, хотя мы оной нигдѣ въ вершинѣ не видали. Съ другой стороны радовались мы тому, что несчастіе сіе случилось не въ дальнемъ разстояніи отъ помянутаго села, и мы надѣялись достать въ немъ колесо, вмѣсто разломавшагося.

Такимъ образомъ, расположившись тутъ обѣдать и кормить лошадей, придвинули мы карету нашу ко двору, а кибитку оставили тамъ, гдѣ она изломалась, ибо ее съ мѣста сдвинуть было не можно. Потомъ стали помышлять о доставаніи колеса. Другого не оставалось, какъ посылать искать оное въ помянутое село, ибо тутъ въ деревнишкѣ не только кибиточнаго большаго, но и телѣжнаго колеса достать было не можно, а мы рады были и тому, что достали сѣна и овса. О самой водѣ мы уже немного говорили, хотя и принуждены были употреблять ее изъ лужи, или небольшой калдобины въ вершинѣ, и то далеко отъ селенія найденной. Со всѣмъ тѣмъ, какова она ни была, но я велѣлъ варить себѣ чай и готовить потомъ обѣдать, а между тѣмъ отправилъ человѣка въ село доставать колесо.

Какъ, по случившейся тогда ясной и весьма жаркой погодѣ, самимъ намъ, подъ открытымъ небомъ быть было не спокойно, то искали мы себѣ убѣжища на дворѣ того однодворца, противъ котораго мы остановились. Изба была у него хотя изрядная, но въ ней такъ душно и жарко, что и помыслить о томъ, чтобъ въ ней сидѣть, было не можно. Но что касается до сѣней, которыя обыкновенно служатъ крестьянамъ вмѣсто лѣтней комнаты, то они были такъ дурны, такъ загромощены, что и въ нихъ мѣста найтить было не можно. Не услужливый хозяинъ тотчасъ велѣлъ опростать и сколько-нибудь прибрать для насъ свою клѣтчонку, противъ избы стоящую. Тотчасъ перетащенъ былъ туда столъ изъ избы, и хотя была она нарочито темна (ибо свѣтъ дневной проходилъ въ нее только сквозь маленькое вол[о]ковое окошечко, да и оное то-и-дѣло заслоняла влѣзающая и вылѣзающая опять назадъ превеликая кошка),—однако, въ тогдашней нуждѣ мы и сей квартеркѣ были очень рады. По меньшей мѣрѣ, было тутъ прохладно, а и темноту сколько-нибудь уменьшало свѣтящее прямо въ окошечко наше солнце.

Такимъ образомъ, расположившись въ сей конуркѣ и усѣвшись за столомъ на лавкѣ, слѣпленной кое-какъ изъ дощечекъ, начали мы съ товарищемъ своимъ, въ ожиданіи чая, провождать скучное время въ чтеніи. Но не успѣли нѣсколько страницъ прочесть, какъ постигло меня новое горе и озаботило еще больше, нежели испортившееся колесо. У спутника моего сдѣлалось помраченіе въ глазахъ, припадокъ, которому онъ давно былъ подверженъ, и за которымъ обыкновенно послѣдовала сильная головная боль, продолжающаяся нѣсколько часовъ сряду. Мы помогли-было ему своею электрическою машиною и ласкались надеждою, что онъ отъ сего зла совсѣмъ освободился; но сей случай доказалъ мнѣ, что мы въ надеждѣ своей обманулись. Сколь чувствителенъ былъ для меня сей случай и какъ глубоко поразилъ онъ мое сердце, того изобразить не можно. Для полученія о томъ нѣкотораго понятія, надобно быть самому нѣжно любящимъ отцомъ, имѣющимъ одного только и достойнаго сына, и быть въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ я въ то время. Словомъ, минута сія была для меня очень прискорбна. Дорого-бъ я тогда заплатилъ, еслибъ могъ имѣть при себѣ свою машину. Но какъ ей не было, то старался я напоить его скорѣе чаемъ и уклась спать, какъ къ единому средству къ его облегченію. Чай нашъ, по худобѣ (sic) воды, былъ со всячинкою, а деревнишка такая хорошая, что мы не чаяли найтить въ ней и лозоваго деревца, котораго листья надобны были мнѣ для лѣченія моего сына. Итакъ, принуждены мы были прикладывать къ заболѣвшей головѣ его капустные листья. Сими снабдила насъ добросердечная и услужливая хозяйка, но они мало помогли. Но, на-

конецъ, къ великому моему обрадованію, нашли какой-то кустокъ и лозоваго дерева и принесли къ намъ вѣточку онаго. Тотчасъ оборваны были съ ней листья и привязаны къ головѣ больнаго. Послѣ чего уклали мы его въ каретѣ.

Успокоивъ его симъ образомъ сколько-нибудь, возвратился я въ свою темную клѣтушку съ унылымъ духомъ и старался разсѣять смутныя мысли чтеніемъ пріятной книжки. Но, признаюсь, что и самое чтеніе не могло меня совершенно занять, такъ что я, положивъ книгу, сталъ говорить съ хозяиномъ и обозрѣвать все его житьё-бытьё и пожитки. Бѣдное самое оно было, хотя и принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ поселянъ, которыхъ однихъ можно почесть въ нашемъ отечествѣ вольными! Бѣдняки сіи называли себя дворянами, хотя въ самомъ дѣлѣ были они только однодворцы и никогда не принадлежали къ числу дворянскаго корпуса. Онъ сказывалъ мнѣ, что прежде сего была тутъ цѣлая деревня, состоящая болѣе нежели изъ 20 дворовъ, и что вся она, за нѣсколько уже лѣтъ, сошла въ другое мѣсто, и что ихъ тутъ только три дворика осталось. Впрочемъ, показался онъ мнѣ мужикомъ изрядным и не походилъ на вора и разбойника. Велика-ли его семья — я не спрашивалъ, а видѣлъ только множество дѣтей обоего пола и разнаго возраста. Всѣ они, особливо дѣвчонки, были сколько-нибудь лучше крестьянскихъ. Платьецо и юпчонки было на нихъ изрядное и не похожее на крестьянское, а такое, какое носятъ въ дворянскихъ домахъ дворовыхъ людей дѣти; а такое-жъ имѣли и взрослыя женщины. Что касается до мущинъ, то они ни чѣмъ не отличались отъ крестьянъ. Были у нихъ такія же бороды, такое же платье и такая же обувь; почему и лучшая ихъ нажить, которую я видѣлъ тутъ развѣшанную по шестамъ, состояла только изъ нѣсколькихъ шубъ, кафтановъ, юпокъ, тѣлогрѣекъ и тому подобнымъ. Во всемъ видна была простота и весьма небогатое состояніе, а тому же и отвѣтствовало и все строеніе двора. Не было въ немъ ничего особливаго и могущаго свидѣтельствовать о его преимуществѣ передъ крестьянами, или чтобъ было вниманія достойное, не смотря хотя и могъ онъ въ свое время употреблять на себя и предпринимать всё, что ему угодно; ибо не отправлялъ онъ ни боярщины, ни подводъ и не платилъ ничего и ни кому, кромѣ однѣхъ обыкновенныхъ податей государю.

Между тѣмъ какъ я симъ образомъ то о томъ, то о другомъ съ хозяиномъ разговаривалъ, имѣлъ посланный мною въ сіе время исполнить свою коммиссію и ко мнѣ возвратиться. Онъ обрадовалъ меня, сказавъ, что хотя съ превеликимъ трудомъ, но колёса досталъ, и что принужденъ былъ ходить къ самому графу и умолять его, чтобъ онъ продалъ намъ ихъ изъ подъ своей кибитки, ибо, кромѣ его колесъ, не можно было отыскать никакихъ иныхъ во всемъ его селѣ. Мы принуждены были на мѣсто ихъ отдать оба свои и придать еще 5 рублей денегъ, что было хотя и слишкомъ дорого, но мы, по крайней мѣрѣ, довольны были тѣмъ, что достали и что несчастіе сіе не произвело намъ ни какой остановки.

Покуда новыя наши колёса прилаживали и оси подстригали и кибитку приводили въ состояніе, поспѣлъ нашъ обѣдъ. Живыя курицы, взятыя нами съ собою, снабдили насъ вкуснымъ и хорошимъ обѣдомъ. Пошелъ будить моего больнаго спутника, нашелъ я его уже проснувшимся и чувствующимъ отъ головной боли своей нѣкоторое облегченіе. Я обрадовался тому несказанно, и обѣдъ показался мнѣ вдвое слаже, нежели какимъ я его быть чаялъ. Пообѣдавъ и выкормивъ лошадей, стали мы собираться въ путь. И какъ опытность намъ доказала, что кибитка наша была тяжеле самой кареты, то разсудили мы въ упряжи нашей произвесть перемѣну и въ каретѣ оставить только четырехъ лошадей, а подъ кибитку запречь пять, и чрезъ то уровнять сколько-нибудь наши повозки.

Мы отправились въ путь въ обыковенное время. И какъ день былъ довольно

еще великъ, погода ясная, а дорога хорошая и гладкая, то успѣли въ тотъ же еще день переѣхать сорокъ верстъ и доѣхать до города Ранибурга. На семъ переѣздѣ ѣхали мы чрезъ два огромныя селенія. Первое изъ нихъ было село Остапово, отстоящее отъ Толстова 10 верстъ, а второе село—Головинщино, отстоящее отъ сего 10, а отъ Ранибурга за 20 верстъ. Положеніе мѣстъ между помянутыми тремя селами было довольно изрядное, и мѣста не походили на степныя. Мы ѣхали на большую часть вдоль протекающей въ сихъ мѣстахъ рѣчки, окруженной долинами, холмами и пригорками, украшенными кой-гдѣ пзрядными рощицами и лѣсочками; переѣзжали нѣсколько разъ по мостамъ рѣчки, и со взорами нашими встрѣчались часто пріятныя мѣстоположенія. До послѣдняго изъ сихъ селъ доѣхали мы таки-благополучно; но тутъ начала нападать на насъ новая забота. Новокупленныя наши колёса подъ кибиткою были далеко не таковы плотны и надежны, какъ прежнія, но гораздо тонѣе и слабѣе; сверхъ того, стояли они долго безъ дѣйствія и пообсохли; а сіе и было причиною, что не успѣли мы на нихъ поѣхать, какъ они и стали подъ тяжестью нашей кибитки накатываться и шины на нихъ ослабляться и терять свои твозди. Мы хотя и старались подкрѣпить ихъ рваньми, но сіе мало помогло. А не успѣли мы до сего села доѣхать, какъ шина на одномъ колесѣ лопнула и оторвался отъ ней немалый шматъ. Люди наши хотя сего не уважили, а думали, что ежели положать еще рвани, такъ дѣло тѣмъ и кончится; но я не то думалъ, а предвидя, что и сіи колёса наведутъ намъ много хлопотъ, озабочивался тѣмъ очень, и охотно бы велѣлъ починить оное кузнецу; но, по несчастію, во всемъ селеніи ономъ ни кузницы, ни кузнеца не было, и я принужденъ былъ отложить сіе до Ранибурга. До сего города оставалось намъ ѣхать еще цѣлыхъ 20 верстъ. И хотя было уже не очень рано, но, надѣясь на доброту дороги, пустились мы на сей переѣздъ. Дорога, въ самомъ дѣлѣ, была хороша и шла безпрерывною ровною степью, такъ что мы множество верстъ ѣхали, не видѣвъ ничего, кромѣ неба и окомъ необозрѣваемыхъ хлѣбныхъ полей и въ лѣвой сторонѣ плоскій долъ, съ извивающеюся по оной рѣчкою.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ мы ни спѣшили, однако до Ранибурга не прежде могли доѣхать, какъ уже по захожденіи солнца и въ самыя сумерки. Городъ Ранибургъ, сидючи на возвышенномъ мѣстѣ, по конецъ сей обширной ровнины, видѣнъ былъ уже издалека и болѣе нежели верстъ за десять, и мы любовались уже издалека его видомъ. Но, подъѣжжая къ самому городу, принуждены мы были проѣзжать напередъ сквозь одно построенное бирибердою, кое-какъ, и столь обширное однодворческое сѣло, что въ длину простирается оно болѣе нежели на двѣ версты. Село сіе сидитъ внизу подъ самымъ городомъ и достопамятно потому, что нѣкогда все сіе мѣсто было подъ водою, составляющею преогромный прудъ, имѣющій пособіе сущаго озера. Было сіе въ то время, когда мѣсто сіе принадлежало славному князю Меншикову, толико знаменитому въ россійской исторіи. Двѣ нарочитой величины рѣчки, стекающіяся въ семъ мѣстѣ, перепружены были предлинною плотиною и произвели столь великій прудъ, что на оном на парусахъ въ судахъ можно было плавать. Жители ранибургскіе разсказывали мнѣ, что помянутая плотина и понынѣ видна, и ежели-бъ захватить прорванное мѣсто, то все сіе село залило бы водою.

Проѣхавъ оное, переѣжжали мы одну изъ помянутыхъ рѣкъ по мосту, и рѣка была въ семъ мѣстѣ нарочито велика и протекала подлѣ самой крутой и высокой горы, на которой крѣпость Ранибургская построена. Она имѣла съ сей стороны въ особливости величественный видъ, и какъ внутри крѣпости находящіяся каменныя зданія, такъ и высокіе бастіоны и глубокіе рвы, которыми она окружена, извлекали отъ каждаго къ ней нѣкакое почтеніе. Я не могъ безъ особ-

ливаго чувствованія и почтенія взирать на сіи мѣста, освященныя нѣкогда присутствіемъ величайшаго въ свѣтѣ монарха, и на сіи бастіоны, собственными его руками закладываемые. Я приводилъ себѣ на память все извѣстное мнѣ о томъ, и пренося умъ свой въ прошедшія отдаленныя времена, мнилъ въ умѣ своемъ, какъ на яву, видѣть, какъ нѣкогда великій нашъ Преобразитель Россіи, съ любимцами и вѣрными служителями своими, по сему красивому и пышному хребту горы повелѣвающей необозримою окомъ равниною, расхаживалъ, какъ избиралъ лучшее для крѣпости мѣсто, оное самъ расчерчивалъ, суетился, работалъ, и, наконецъ, собственными своими руками закладывалъ, и по заложеніи, на всякомъ бастіонѣ цилъ за отсутственныхъ друзей своихъ здоровье, и послѣ того тутъ же писалъ къ наилучшему своему другу и любимцу письмо, увѣдомляя его о томъ, не такъ какъ подданнаго, но какъ нѣжнолюбимаго друга, и всѣхъ бывшихъ при немъ генераловъ и другихъ знатныхъ особъ заставливалъ приписывать имена и поклоны свои князю Меншикову; и какъ сіи всѣ будучи подгулявшими, всякій, какъ умѣлъ, на своемъ природномъ языкѣ, привѣтствія свои и поклоны князю изъявляли. Все сіе воображалъ я въ умѣ своемъ и смотрѣлъ съ такою жадностію на земляные валы, въ хорошемъ еще состояніи находящіеся, что досадовалъ даже на лошадей, промчавшихъ насъ слишкомъ скоро мимо мѣстъ, столь много достопамятныхъ. Но бѣдныя сіи твари, перетащившія грузныя повозки наши толь длинное въ сей день разстояніе, жаждали уже своего покоя, да и намъ, за наступающими уже сумерками, долго медлить было не можно.

Нельзя изобразить сколь въ отмѣнномъ и лучшемъ видѣ нашедъ я въ сей разъ сей городокъ предъ тѣмъ, какъ я его знать началъ. Лѣтъ за 15 до того, составленъ онъ весь былъ изъ единой только кривой слободы изъ населенныхъ мизерныхъ двориковъ, и не столько походилъ на городъ, сколько на село или на хорошую деревню. Однако, только деревянная церковь, находящаяся посреди онаго, великостью своею придавала ему сколько-нибудь важности. Самая помянутая крѣпость находилась тогда въ совершенномъ небреженіи и видны въ ней только были бѣлѣющіеся брандмауры и стѣны обвалившихся палатъ внутри оной, въ прежнія времена построенныя и сдѣлавшіяся потомъ толико достопамятными содержаніемъ въ нихъ въ заточеніи Антона Ульриха, герцога брауншвейскаго, толь извѣстнаго въ нашемъ отечествѣ. Зданія сіи находились тогда въ совершенномъ обветшаніи и въ жалостнѣйшемъ состояніи. Видѣвшіе ихъ разсказывали мнѣ, что всѣ внутренніе покои самихъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ содержался герцогъ, исписаны были почти всѣ карандашемъ, и что черты сіи не истреблены еще были всѣми суровостьми погодъ. Я охотно желалъ видѣть ихъ самолично, но никогда не допустилъ меня до того случай.

Что касается до нынѣшняго состоянія городка сего, то было оное несравненно лучше. Послѣ опустошенія пожарнаго, сталъ онъ уже за нѣсколько лѣтъ выстраиваться по плану и получилъ уже тогда свою форму; состоялъ изъ многихъ прямыхъ и поперечныхъ порядочныхъ улицъ, а и самые домики были, хотя не богатые, но изрядные, и нѣкоторые складенные даже изъ кирпича. Въ крѣпости же два старинныхъ каменныхъ корпуса не только оправлены, но и довольно хорошо отдѣланы, и въ нихъ находились тогда присутственныя мѣста. Самыя въѣздныя въ крѣпость вороты порядочно обдѣланы, а одинъ только третій корпусъ стоитъ и понынѣ еще непокрытымъ, что и нехудо для доказательства старины оныхъ и всѣхъ бывшихъ тутъ достопамятностей.

Какъ было уже поздно и въ городѣ квартеру отыскать было трудно, да и огня для варенья пищи раскласть было не можно, то проѣхали мы весь оный и остановились за рѣкою въ предмѣстіи онаго, во дворѣ одного однодворца. И

какъ наступила ночь, то велѣли мы поспѣшать грѣть себѣ чай и варить ужинъ. Колёсы наши такъ были слабы и шины на нихъ такъ ослабли и изломались, что необходимо надобно было лѣчить ихъ кузнецу. Я не позабылъ, конечно, о семъ и велѣлъ отыскивать онаго. Его и нашли, но онъ ночью не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ работать. Итакъ, принуждены мы были отложить починку сію до села Иловаго, гдѣ надѣялись найтить кузнеца и кузницу.

Между тѣмъ, какъ люди обо всемъ вышеупомянутомъ старались, ассигновали мы себѣ квартеру въ маленькихъ сѣняхъ однодворческой хижины. Къ намъ внесли туда столъ и поставили въ уголокъ. Но признаться надобно, что квартерка была очень безпокойна: изо всѣхъ угловъ несло и дуло; мы принуждены были обвѣшивать стѣны епанчами; но и сіе помогло, но мало, а вмѣсто того, получили другое безпокойство: атаковали насъ прусскіе тараканы, и цѣлыя толпы ихъ проявились, ползующія по столу и повсюду. Что ты изволишь! Я весьма-и-весьма ихъ не долюбливалъ, и гости сіи были мнѣ весьма непріятные; другого не оставалось, какъ вооружиться на нихъ жестокостью, и такъ, ну-ка, мы оба ихъ табакирками и чѣмъ ни попало бить. По счастью, знали мы весьма удобное къ тому средство, надносяна нихъ смертоносное имъ орудіе съ верху, а не съ боку, и на-силу-на-силу мы ихъ столько уменьшили, что они дали намъ спокойно напиться чаю и поужинать, а тамъ удалились мы опять въ свою карету.

Симъ образомъ кончился второй день нашего путешествія. А въ третій, пустившись въ путь еще до-свѣта, и по прекрасной и гладкой дорогѣ долетѣли очень рано до села Иловаго, гдѣ дожидалась насъ новая досада. Мы надѣялись навѣрное найтить тутъ кузнеца, но нашли только кузницу, а кузнецъ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ. Горе напало на насъ превеликое и тѣмъ паче, что и колесо наше стало уже слабѣть и портиться; но какъ опособить было нечѣмъ, а обѣдать тутъ было еще слишкомъ рано, то поѣхали мы далѣе до селенія, называемаго Хоботомъ, и тутъ расположились кормить своихъ лошадей. И какъ въ самомъ семъ мѣстѣ повстрѣчался съ нами ѣдущій изъ Козловской моей деревни мужикъ къ намъ въ Богородицкъ, то между тѣмъ, покуда варили намъ чай и готовили обѣдать, написали мы съ нимъ къ домашнимъ своимъ письмецо и отправили.

Съ сего мѣста, пообѣдавъ и выкормивъ лошадей, поворотили мы вправо и поѣхали прямо въ Козловскую нашу деревнишку, въ село Ендовище, съ которою хотѣлось мнѣ сына моего познакомить. И хотя ѣхать было не близко и мы по худобѣ колеса болѣе тащились, нежели ѣхали, однако, съ едва уже дышущимъ колесомъ успѣли къ ночи поспѣть въ свою деревню. Тутъ самая неволя заставила насъ на цѣлыя сутки взять отдохновеніе, ибо другого не оставалось, какъ запасаться новыми колесами подъ кибитку, и для покупки оныхъ отправить нарочнаго въ г. Козловъ, а самимъ, между тѣмъ, заняться осматриваніемъ всего въ нашей маленькой и ничего почти незначущей деревенькѣ, или частички помянутаго села Ендовища. Къ вечеру привезли къ намъ, по счастію, и колёса, а вмѣстѣ съ посланнымъ прилетѣлъ къ намъ оттуда и другъ нашъ Яковъ Кузмичъ Кузминъ, заговорившій насъ по-привычкѣ своей до безконечности; но мы ему были очень рады, и вмѣстѣ съ нимъ отъужинали и тутъ ночевали.

Въ послѣдующій день пустились мы съ утра въ дальнѣйшій путь и поѣхали чрезъ Козловъ, въ которомъ городѣ хотѣли-было мы обѣдать, но, не хотя въ убытокъ привесть гостя своего, хотѣвшаго насъ угощать у себя въ Козловѣ обѣдомъ, заѣхали къ нему на часокъ и пустились далѣе, и обѣдали уже на Польномъ-Воронежѣ, а ночевать поспѣли въ Выселки Чолновскіе, а тамъ, вставши поранѣе, успѣли къ обѣду прилетѣть къ славному нашему городу Тамбову.

Въ семъ городѣ въ сей разъ мы не останавливались, а проѣхавъ оный, рас-

положились обѣдать и кормить лошадей на лугу, за рѣкою Цною; ибо мы, въ сей разъ рѣшились ѣхать прямою дорогою на село Расказы; но вѣдали бы, лучше поѣхали [бы] на Кузменки. Крайне песчаная и отяготительная дорога отъ самаго Тамбова до Расказъ такъ бѣдныхъ лошадокъ нашихъ измучила, что онѣ едва насъ къ ночи до помянутаго села дотащили; а при самомъ въѣздѣ въ оное, надобно было еще постигнуть насъ одному несчастію: надобно переломиться подъ кибиткою нашею оси и навесть намъ новыя хлопоты. Переночевавъ въ семъ сёлѣ, отстоящемъ отъ Кирсановской нашей деревни не болѣе какъ верстъ на 30, не знали мы, что̀ дѣлать? До мѣста хотѣлось намъ доѣхать скорѣе, а лошади наши такъ притомились, что нельзя было на нихъ никакъ поспѣшить. Итакъ, подумавъ, рѣшился я лошадей подъ свою карету нанять и пустились съ сыномъ моимъ напередъ, а своимъ велѣли за собою ѣхать. На дорогѣ, ѣдучи мимо того мѣста, гдѣ у насъ, во время Петровскаго межеванія, съ Пашковымъ происходили споры, показывалъ я сыну моему самое то мѣсто, гдѣ были у насъ тогда таборы и мы со всѣмъ своимъ ополченіемъ тогда, въ сотовариществѣ со многими дворянами, ночевали и вечеръ провели такъ весело. Наконецъ, переѣхавъ всю нашу обширную и скучную степь, доѣхали мы до той огромной и пышной долины, вдоль которой, извиваясь, протекала наша рѣка Панда, и гдѣ тотчасъ представились зрѣлищу нашему прекрасныя мѣстоположенія и прелестные виды натуры, со всѣми холмами и буграми, окружающими сію рѣку, и селеніями, сидящими на берегахъ ея, и спустившись внизъ сей широкой долины, наконецъ, около полудня, доѣхали и до своей деревни благополучно.

Симъ образомъ кончилось наше шестидневное тогдашнее путешествіе. А что̀ съ нами происходило во время тогдашней бытности тамъ, о томъ перескажу вамъ въ письмѣ будущемъ, а теперешнее дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

Конецъ XXVII части.

(Ноября 17 дня 1812 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXVIII.

Въ Дворениновѣ. Начата 1812 г. ноября 18 дня, кончена ноября 27 дня 1813 г.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

Продолженіе 1792 года и 54 моей жизни и путешествіе въ Тамбовъ.

Письмо 281.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего письма, описывая путешествіе наше въ Кирсановскую нашу деревнѣ, остановился я на томъ, что мы съ сыномъ моимъ, наконецъ, въ оную 10 числа сентября 1792 года пріѣхали. Теперь разскажу я вамъ, что̀ мы въ оной дѣлали и какъ препровождали свое время. Какъ сыну моему никогда еще бывать въ ней не случалось, то, пообѣдавъ излегка, спѣшили мы съ нимъ обходить и осмотрѣть всю нашу тогдашнюю тамъ

усадьбу и полюбоваться прекрасными положеніями мѣстъ, видимыхъ съ оной. Сыну моему, какъ любителю красотъ натуры, они весьма полюбились. Онъ расхвалилъ оныя въ-прахъ, а не менѣе любовался онъ и нашею дубовою рощею, позади двора нашего находившеюся. Впрочемъ же, надобно сказать правду, что не чѣмъ было ему полюбоваться. Дома у насъ тамъ никого не было, да и дворишка — самый тѣсный и пакостный; а нельзя сказать, чтобъ и бѣлая избёнка, въ которой мы имѣли тогда свое обиталище, была весела и довольно спокойна. Со всѣмъ тѣмъ, мы были ею довольны и, расположившись въ ней ночевать, успѣли еще въ тотъ же день не только всё-и-всё ближнее осмотрѣть, но написать еще и къ домашнимъ нашимъ роднымъ письма, для отправленія ихъ на утріе, съ ѣдущими въ Тамбовъ людьми.

Теперь скажу, что какова неблагоуспѣшна была вся ѣзда наша до сего мѣста по бывшимъ въ продолженіи оной разнымъ остановкамъ и непріятностямъ, таково же неблагоуспѣшно было и все наше пребываніе тогда въ сей деревнѣ, и самый первый день жительства нашего въ ней начали уже мы провождать не очень весело. У сына моего что-то, съ самаго утра, побаливала голова, можетъ быть оттого, что оба мы спали не очень покойно; а тутъ повстрѣчалась съ нами тотчасъ забота о нашей кибиткѣ. Ее довезли къ намъ такъ разломавшеюся и столь въ худомъ состояніи, что мы за необходимое находили отправить ее тотчасъ назадъ въ село Расказово, для починки и приведенія въ такое состояніе, чтобъ могла она послужить намъ и при обратномъ путешествіи. Между тѣмъ, какъ мы пили свой чай, отправляли помянутыхъ людей въ Тамбовъ и съ кибиткою въ Расказово, и я занялся разговорами съ сошедшимися къ намъ нашими крестьянами,—прилетѣлъ къ намъ нашъ приходскій попъ Александръ и занялъ насъ своими раздабарами. О характерѣ сей духовной особы имѣлъ уже я случай въ моихъ прежнихъ письмахъ говорить. Онъ былъ почти умнѣйшая особа изъ всего тамошняго околодка и достоинъ былъ особливаго почтенія и уваженія, еслибъ излишняя приверженность къ питью не портила всего дѣла; а сверхъ того имѣлъ онъ въ себѣ много свойственнаго іезуитамъ, что также было не слишкомъ хорошо. Со всѣмъ тѣмъ, когда бывалъ онъ трезвъ, то никогда не было съ нимъ скучно и можно было заниматься обо всемъ съ нимъ разговорами. А какъ самое сіе случилось и въ сей разъ, то заговорилъ онъ насъ во все утро и мы продержали его у себя до обѣда, распрашивали его обо всѣхъ сосѣдяхъ и обо всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ, которыя всѣ были ему въ подробности извѣстны. Но, пообѣдавъ съ нимъ и отпустивъ его отъ себя, вознамѣрились тотчасъ приступить къ началу выполненія главной цѣли или намѣренія, для которой мы наиболѣе тогда въ сію деревню пріѣхали.

Оное состояло въ томъ, чтобъ переселить всю мою тамошнюю деревню на иное мѣсто, ибо какъ мѣстоположеніемъ тогдашней нашей усадьбы и самымъ расположеніемъ дворовъ на ней, а особливо господскаго былъ я крайне не доволенъ, поелику вся длинная слобода деревни моей не только сидѣла на неровномъ и косогористомъ мѣстѣ, но и внутри и снаружи стѣснена была такъ, какъ нельзя больше. Внутри всѣ пакостные дворишки крестьянскіе сидѣли другъ съ другомъ въ такомъ стѣсненіи, что не было имъ никакого простора; спереди, въ самой близости подлѣ дворовъ, прилегалъ скверный оврагъ, а за нимъ уже чужая слобода; а сзади, вплоть почти къ огородамъ ихъ, прилегали чужія пашенныя земли и общественная съ другими владѣльцами выгонная земля, съ которою не можно было дѣлать ни какихъ распоряженій; словомъ, вся крестьянская усадьба была со всѣхъ сторонъ сжата и не только не имѣла ни какихъ удобностей, но и недостатокъ въ доброй водѣ. Что-жъ касается до господской усадьбы и двора, то была она еще того хуже: вся она на-

ходилась между концомъ оной слободы дворовъ крестьянскихъ и помянутою рощею, и со всѣхъ сторонъ была такъ стѣснена, что никуда, ни на одинъ шагъ распространить ее было не можно, и руки съ сей стороны совершенно были связаны.

При таковыхъ обстоятельствахъ, давно уже хотѣлось мнѣ всю деревню сію переселить на иное мѣсто, и какъ крестьянскимъ дворамъ, такъ и господской усадьбѣ дать болѣе простора, да и расположить все порядочнѣе и лучше. Но до того времени и помыслить о томъ было не можно, потому что во всей тамошней обширной и въ чрезполосномъ владѣніи съ многими другими владѣльцами состоящей дачи не имѣлъ я нигдѣ такого просторнаго куска земли, въ единственномъ моемъ владѣніи состоящемъ, которое бы удобно было къ такому поселенію; почему и принужденъ былъ я, до поры до времени, вооружаться терпѣніемъ и довольствоваться прежнею усадьбою. Но какъ тогда имѣлъ я у себя въ двухъ мѣстахъ отмежеванную мнѣ, за 4 года передъ тѣмъ, въ единственное мое владѣніе купленную изъ казны землю и въ обоихъ кускахъ были мѣста, удобныя и къ поселенію,—то и помышляли мы съ сыномъ, пріискавъ гдѣ-нибудь на сихъ земляхъ способное къ поселенію деревни мѣсто, на оное, буде не вдругъ всю деревню и тогда же переселить, такъ, по крайней мѣрѣ, назначить, расчертить и учинить переселенію деревни при себѣ хотя начало.

Итакъ, чтобъ воспользоваться колико можно болѣе временемъ, расположились мы еще въ тотъ же первый день пребыванія нашего тамъ, сѣвши верхомъ на лошадей, ѣхать въ нашу степь и, осмотрѣвъ наши отмежеванныя земли и замѣчая мѣста, удобныя къ поселенію, повыбрать къ тому способнѣйшія. Земли сіи лежали въ двухъ мѣстахъ: одно и меньшее звено, состоящее только во стѣ десятинахъ, лежало не далѣе, какъ версты за три отъ нашего поселка, и вымежевано намъ было внутри и посреди чрезполоснаго нашего общаго съ другими владѣнія; а другое лежало по конецъ нашихъ общихъ земель и верстъ 6 или 7 отъ селенія, и вымежевано длинною и узкою полосою поперёшною изъ земель, завлаженныхъ сосѣдями изъ степи, и звено сіе было самое большое и состоявшее болѣе нежели изъ тысячи десятинъ. Въ обоихъ ихъ находились нѣкоторыя мѣста, удобныя къ поселенію, но я помышлялъ больше о ближнемъ, маленькомъ звенѣ. Тутъ, въ одномъ углѣ онаго, было соединеніе двухъ огромныхъ овраговъ или вершинъ, съ протекающими по онымъ небольшими хотя, но почти не пересыхающими водяными ручейками. Одинъ изъ нихъ назывался Большимъ Ложечнымъ, былъ огромный и съ одной стороны или бока имѣлъ берега крутые, гористые, высокіе, поросшіе мѣстами мелкимъ кустарникомъ, а другой и противуположный бокъ онаго былъ низменный и весьма отлогій и покрытый наилучшими и хлѣбороднѣйшими распашными землями, а въ самомъ низу, подлѣ ручья, покосною землею. Что-жъ касается до другого, впадающаго въ него съ южной стороны оврага, называемаго Лѣснымъ Ложечнымъ, то сей былъ также большой, простирающійся далеко въ степь, съ обѣихъ сторонъ крутоберегой и имѣющій внутри себя небольшіе роднички, а всю верхнюю часть, покрытую нарочитой уже величины лѣсочкомъ, изъ котораго и намъ довольный участокъ былъ отмежеванъ. Нижняя же и разлатая его часть и самое его устье было обнаженное луговое и весьма удобное къ запруженію тутъ большаго пруда, и тутъ-то, подлѣ самаго устья и соединенія обоихъ сихъ овраговъ, находилось хотя низменное, но весьма спокойное и удобное и самое лучшее во всей дачѣ мѣсто къ поселенію деревни. Мѣсто сіе было у меня еще съ самого перваго нашего пріѣзда въ сію деревню замѣчено въ особливости, и я признаюсь, что, прельщаясь онымъ и желая получить его въ особенное свое владѣніе, при самой еще первой покупкѣ изъ казны земли, въ прошеніи моемъ именно оное означалъ и приуро-

чивалъ. А какъ при рѣшеніи нашего спорнаго дѣла, опредѣлено было мнѣ изъ общаго владѣнія вымежевать 100 десятинъ, яко за тройную цѣну мнѣ проданную землю, то, будучи самъ въ канторѣ межевой и имѣвши всѣхъ тѣхъ, коимъ долженствовало сіе звено на планѣ назначивать нарѣзкою своими друзьями и пріятелями, и могъ я самъ, какъ хотѣлъ, назначивать сію нарѣзку, и потому и назначилъ ее такъ, чтобъ помянутое напудобнѣйшее къ поселенію деревни мѣсто и самое соединеніе обоихъ оныхъ враговъ вошло въ мое стодесятинное звено. Послѣ чего оно мнѣ такъ было и отмежевано.

Итакъ, желая прежде всего показать сыну моему сіе мѣсто, пустились мы къ оному и объѣхали съ нимъ напередъ по межѣ все сіе звено вокругъ. Тутъ подосадовалъ и побранилъ я своего безтолковаго и балмочнаго прикащика, что онъ чрезъ лѣсъ не прорубилъ по межѣ, какъ было отъ меня приказано, широкой просѣки, а и межи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, перепортилъ и провелъ криво и дурно и съ нѣкоторыми ненадобными прихватками. А паче всего досадовалъ и бранилъ я его за невыполненіе точь въ точь приказанія моего, относящагося до промѣна пашенныхъ земель съ сосѣдми; ибо какъ въ рѣшительномъ опредѣленіи сказано было именно, что въ случаѣ, если въ черту сего звена, кромѣ моихъ собственныхъ, войдутъ какіе участки земель, состоящіе во владѣніи другихъ помѣщиковъ, моихъ деревенскихъ сосѣдей и совладѣльцевъ, то бы намъ, на мѣсто оныхъ, отдать имъ такіе же точно участки въ другихъ мѣстахъ изъ моихъ пашень, въ общемъ владѣніи состоящихъ. А участковъ такихъ находилось тутъ много; то и приказано было отъ меня прикащику сіе непремѣнно выполнить, и всячески и какъ можно скорѣе постараться всю землю свести въ свое владѣніе и размѣняться съ сосѣдями въ ихъ участкахъ и отдавать имъ изъ моихъ земель въ иныхъ мѣстахъ тамъ, гдѣ только они сами похотятъ. И сіе не только было сначала приказывано, но и послѣ въ каждый годъ накрѣпко подтверждаемо. Но молодецъ сей, по небреженію своему и по глупому неблаговременному жалѣнію своихъ земель, приказанія сего во всѣмъ его пространствѣ не выполнилъ и промѣнялъ только весьма немногіе; а прочіе и множайшіе нашелъ я все еще находящіяся во владѣніи моихъ сосѣдей. Признаюсь, что сіе упущеніе его было мнѣ крайне досадно, и тѣмъ паче, что я съ самаго начала сталъ опасаться, чтобъ обстоятельство сіе не сдѣлало мнѣ въ намѣреніи и предпріятіи моемъ остановки и помѣшательства. Но какъ льстился я надеждою, дѣломъ симъ какъ нибудь, употребляя, по пословицѣ говоря, и лисій хвостъ и волчій ротъ, уладить, то, побранивъ и поругавъ дурака своего прикащика, поѣхали мы осматривать точнѣе то мѣсто, гдѣ затѣвалъ я запрудить прудъ и поселить деревню. Сынъ мой какъ ни прельщался прекрасными положеніями мѣстъ, видимыми съ прежней нашей усадьбы, и сколько ни жаль ему было съ сею для сего разстаться; но какъ увидѣлъ сіе мѣсто и всѣ угодья, съ нимъ сопряженныя, то принужденъ былъ признаться, что оно несравненно и во всемъ лучше и преимущественнѣе прежней, и потому не только соглашался на мое предпріятіе, но сталъ говорить о томъ, какъ бы намъ поспѣшить произведеніемъ намѣренія своего въ дѣйство.

Всходствіе чего, положивъ непремѣнно перевести сюда всю свою деревню, назначили ей уже и новое имя, разсудивъ назвать ее Павловкою, по имени моего сына, и тотчасъ потомъ тутъ же стали думать съ нимъ и помышлять, гдѣ бы намъ назначить мѣсто подъ дворъ господскій, и гдѣ подъ слободы и дворы крестьянскіе, и какъ бы сіи и тотъ лучше расположить. Сей восхотѣлось намъ снабдить хотя небольшими, но порядочными хоромцами, для пріѣзда. Предположивъ сіе, стали мы выбирать наилучшее и удобнѣйшее подъ нихъ мѣсто, а тамъ стали думать о томъ, гдѣ бы намъ, по близости къ нимъ, завесть садъ, гдѣ запрудить на первый случай небольшой, а со временемъ другой и огромный прудъ; гдѣ на-

значить мѣсто подъ гуменикъ, огороды и прочее, и прочее, что̀ нужно было для усадьбъ.

Обдумавъ на первый случай вскользь обо всемъ томъ, проѣхали мы далѣе въ пространство общественной нашей дачи, и сынъ мой не могъ довольно налюбоваться великою обширностью оной. Возвращаясь же домой, заѣхали погулять еще въ свою рощу. Тутъ, увидѣвъ валяющіеся жолуди, набрали оныхъ множество и получили мысль оныя посѣять. Между тѣмъ, посланные впередъ приготовили намъ чай, котораго возвратясь не успѣли мы напиться, какъ, по нетерпѣливости своей, принялись тотчасъ за прожектированіе и сочиненіе плана будущимъ хоромцамъ. Говоримъ съ прикащикомъ о переселеніи деревни и о томъ, чтобы намъ успѣть въ сей пріѣздъ при себѣ сдѣлать и какъ бы все расположить лучше. Сей, между прочимъ, сказываетъ намъ, что въ приходскомъ селѣ нашемъ есть и готовые продажные хоромцы и довольно изрядные. Что̀ услышавъ и обрадуясь тому, положили мы купить оные. И тѣмъ сей первый день пребыванія нашего кончили.

На другой день, вставши рано и до восхожденія еще солнца, оба мы разлюбовались въ-прахъ восхожденіемъ онаго изъ-за горъ, противъ окошекъ нашихъ за рѣкою вдали находящихся. Зрѣлище сіе было какъ-то отмѣнно въ сей день красиво и великолѣпно. Множество мелкихъ и равно какъ пламенѣющихъ облачковъ, разсѣянныхъ въ восточной сторонѣ по всему небосклону, казались равно встрѣчающими сіе пышное и какъ бы изъ чертоговъ своихъ выходящее дневное свѣтило. Налюбовавшись до-сыта, велимъ скорѣе подавать чай и представлять намъ всѣхъ нашихъ тамошнихъ лошадей, для осмотра, а между тѣмъ—запрягать дрожки и сѣдлать лошадей, поелику мы намѣрены были употребить все сіе утро на осмотръ другаго большаго и отдаленнаго звена проданной и отмежеванной намъ земли. И какъ скоро пересмотрѣли всѣхъ лошадей, то, взявъ съ собою прикащика и еще человѣка два людей, и пустились въ сей путь. Какъ дорога шла почти подлѣ самого того мѣста, гдѣ затѣвали мы строить новую деревню, то, завернувъ на оное и полюбовавшись еще симъ мѣстомъ, водрузили мы въ землю на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ назначали въ умѣ нашемъ быть хоромцамъ, деревцо и назвали будущую и существующую еще только въ мысляхъ нашихъ деревню ся новымъ именемъ. Потомъ заѣхали ко всѣмъ нашимъ крестьянамъ, занимавшимся тогда молотьбою въ полѣ и на самыхъ пашняхъ гречихи, и, пожелавъ имъ въ томъ успѣха, пустились въ отдаленную нашу степь, и отчасти на дрожкахъ, а гдѣ нельзя — тамъ верхами. Ѣдемъ по межѣ вокругъ всей отмежеванной намъ степи, любуемся великимъ ея пространствомъ и изрядствомъ положенія мѣстъ и добротою самаго грунта. Никогда еще не видывали мы такое великое множество земли, въ единственномъ нашемъ владѣніи состоящей и во всемъ отъ воли нашей зависящей совершенно. Обширность оной была дѣйствительно велика, и звено наше простиралось въ длину даже на нѣсколько верстъ и имѣло внутри себя нѣсколько сѣнокосныхъ и большихъ овраговъ. Въ одномъ изъ нихъ находимъ колодезь съ хорошею водою, веселимся онымъ; но удовольствіе наше увеличилось еще больше, когда доѣхали мы до другого и огромного оврага, называемаго Вонючимъ. Тутъ, нашедъ прекрасныя и преузорочныя мѣста и удобное къ поселенію деревни мѣсто, любуемся до чрезвычайности онымъ и жалѣемъ только, что мѣсто сіе нѣсколько поотдалено отъ тогдашняго нашего селенія и не таково способно къ перевозкѣ туда дворовъ и строенія, какъ въ Ложечномъ. Однако, почитая себя на вѣкъ полными владѣльцами всѣхъ сихъ земель и мѣстъ, и благодаря Господа за дарованіе намъ такова ихъ множества, думали и говорили между собою, что если не тогда, такъ впредь, купивъ гдѣ-нибудь на вывозъ людей, а непремѣнно поселимъ мы тутъ деревню. И располагали уже въ мы-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

и пр. имѣютъ своихъ особыхъ исторіографовъ и свои «исторіи»), но изъ исторій отдѣльныхъ княжествъ, научно и подробно разработанныхъ, мы знаемъ за послѣднее время только одну «Исторію великаго княжества Рязанскаго» Д. И. Иловайскаго. Теперь мы можемъ указать на другой (заглавіе выше выписано) и столь же почтенный трудъ молодаго казанскаго ученаго г. Д. Корсакова, весьма удачно обратившаго вниманіе на исторію Ростовско-Суздальской земли. «Путемъ колонизаціи Славянъ среди Мери», говоритъ авторъ, «мало-по-малу стала образовываться та ячейка, которая съ теченіемъ времени выросла въ племя великорусское». Этому положенію отвѣчаетъ первая часть изслѣдованія г. Корсакова, гдѣ авторомъ сгруппированъ матеріалъ для возможнаго впослѣдствіи возстановленія исчезнувшаго народца Мери. Во второй части разсматривается зарожденіе элементовъ гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ до обособленія отдѣльныхъ княжествъ. Въ третьей — изложена исторія старѣйшаго изъ этихъ княжествъ — Ростовскаго. Авторъ въ предисловіи, между прочимъ, скромно замѣчаетъ о недостаточности своихъ собственныхъ силъ для всесторонней разработки исторіи Ростовско-Суздальской земли, почему онъ и долженъ былъ ограничиться на первый разъ очерками изъ исторіи этой земли. Изъ внимательнаго прочтенія первой части изслѣдованія г. Корсакова оговорка эта уясняется. Въ этой части, чисто историко-этнографической, посвященной группировкѣ матеріала для возстановленія Мери, ощущается недостатокъ въ нѣкоторыхъ урочищахъ (овраги, болота, полевые и луговые участки и пр.). Всего этого, вмѣстѣ съ преданіями объ урочищахъ, до сихъ поръ у насъ не только не собрано, но даже и не обращено на это хотя сколько-нибудь вниманія,—вслѣдствіе чего о россійской Ortsnamenlehre и о ея важномъ значеніи для трудовъ историко-этнографическихъ — и рѣчи быть не можетъ. Конечно, это—не вина г. Корсакова. Восполнить этотъ важный пробѣлъ лежитъ на обязанности нашихъ статистическихъ комитетовъ, на совѣсти мѣстныхъ любителей и почитателей старины. Между тѣмъ, трудъ этотъ—совершенно несложный и неголоволомный: собрать по каждому уѣзду безъ исключенія названія всѣхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ, овраговъ и прочихъ урочищъ, вмѣстѣ съ преданіями, объясняющими происхожденіе названій. Если такой трудъ окажется почему-либо невозможнымъ для статистическихъ комитетовъ, то неужели не найдется въ Россіи по одному образованному на уѣздъ старожилу, который бы рѣшился объѣхать его и добросовѣстно собрать вышепомянутыя свѣдѣнія. Впрочемъ, мы можемъ заявить, что по одному изъ уѣздовъ Рязанской губерніи дѣло это приводится къ концу. Желательно, чтобы нашлись подражатели.

Двѣнадцатый годъ. Три чтенія для народа П. И. Шалфеева. Спб., 1873. Ц. 20 к. Съ 6-ю рисунками.

Эта брошюра, занимательно и толково написанная преподавателемъ одной изъ здѣшнихъ гимназій И. И. Шалфеевымъ, входитъ въ серію «Трудовъ коммиссіи педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа». Брошюра эта напечатана на хорошей бумагѣ, шрифтомъ чоткимъ и снабжена шестью удовлетворительно сдѣланными рисунками (императоръ Александръ I, Наполеонъ I, Кутузовъ, Барклай, бѣгство Французовъ, медаль въ память 1812 года). Въ дѣлѣ составленія «народныхъ чтеній» авторъ—не новичекъ: ему принадлежитъ также разсказъ «Царь Петръ Великій» (Ц. 8 коп.). Въ виду громадной пользы, оказываемой для народа гуманною дѣятельностью почтенной коммиссіи, нельзя не пожелать, чтобы ея «народныя чтенія» какъ можно болѣе обращались и распространялись въ народѣ.

Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ. Составилъ Яковъ Березинъ-Ширяевъ. Спб., 1873.

Еще до этого, г. Березинъ-Ширяевъ издалъ восемь книжекъ «Матеріаловъ для библіографіи» или «Описанія книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя историческихъ наукъ, литературы и художествъ N. N.». Польза описанія частныхъ библіотекъ болѣе чѣмъ очевидна: благодаря изданнымъ каталогамъ гр. Толстаго, Царскаго, Ундольскаго, Кастерина, Каратаева, Ширяева и другихъ, сдѣлалось возможнымъ подробное изученіе нашей старо-печатной литературы, провѣрка пробѣловъ, вновь открываемыхъ книгъ и даже ихъ оцѣнка. Еще болѣе нуждаются въ такихъ описаніяхъ частныя рукописныя собранія. Глядя съ этой точки зрѣнія на тщательный и кропотливый трудъ почтеннаго г. Ширяева, библіофилы будутъ, конечно, весьма благодарны и признательны, тѣмъ болѣе, что изданные теперь «Матеріалы для библіографіи» заключаютъ въ себѣ, помимо подробнаго оглавленія, разныя свѣдѣнія о книгахъ, ихъ содержаніи, біографіи авторовъ, указанія на книги особенно замѣчательныя и рѣдкія. Въ концѣ труда г. Березина-Ширяева помѣщено: алфавитное оглавленіе всѣхъ сочиненій; имена авторовъ, переводчиковъ, художниковъ и граверовъ; списокъ авторовъ, переводчиковъ и пр., о которыхъ помѣщены біографическія свѣдѣнія въ первыхъ восьми книгахъ «Матеріаловъ для библіографіи».

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова** (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, **у Спаса-Преображенія, Литейной ч., въ д. Трута, кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (окончаніе), **М. А. Бестужева** (продолж.); **И. С. Жиркевича** (1795—1835 гг.), **Пассекъ**; документы изъ архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Стакельберговъ**, кн. **Щербатова**, свѣтл. кн. **Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго**; свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина**; кн. **Г. А. Потемкина**; **Дм. Вас. Волкова** (новыя данныя къ исторіи революціи 1762 г.) Записки: **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго** (1812—1826 гг.), **С. И. Маевскаго** (продолженіе); записки ген. **Толя**, кн. **А. А. Шаховскаго**; Московскаго театра артистки **Никулиной-Косицкой**; **И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1845 гг.); генерала **Фелькнера**; «Вѣчный Жидъ», поэма въ стихахъ **В. Кюхельбекера**; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго**; письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II**; письма императоровъ: **Павла I, Александра I, Николая I**, цесар. **Константина**; императрицы **Елизаветы Алексѣевны**; гр. **Аракчеева**; гр. **Бенкендорфа** и **Дибича**; **А. П. Ермолова**; мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**; разсказы изъ исторіи тайн. канц. О пребываніи въ ссылкѣ Брауншв. фамиліи. Неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова**; **К. Н. Батюшкова** (болѣе 50 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Бѣлинскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина**, статьи **В. Н. Каразина**, акад. **Венеціанова**. Сообщенія: акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; А. К. Попова, П. К. Щебальскаго**; профес. **И. Д. Бѣляева, Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, П. И. Баранова**. Сообщ.: Гр. **К. И. Палена, К. С. Сербиновича**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова**; акад. **А. А. Куника**, акад. **Веселовскаго**; бар. **М. Н. Сердобина; Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, И. П. Корнилова, Г. И. Студенкина, Н. А. Ермакова**, гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; А. С. Воронова, М. И. Богдановича**, бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Н. Мурзакевича, Н. П. Дурова, И. Ѳ. Горбунова, Т. А. Сосновскаго** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогич., Императорскихъ Русскихъ Географич. и Археологич. Обществъ, Археографич. Коммиссіи, Московскаго Музея имени Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича и Коммиссіи по устр. Архивовъ—**М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

25